50 1/38

59 1/38

50 1/38

Конни Цилліакусъ.

РЕВОЛЮЦІОННАЯ РОССІЯ.

Возникновеніе и развитіе революціоннаго движенія въ Россіи.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

К. ЖИХАРЕВОЙ.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе В. И. Яковенко.
1906.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 19668
21 „ 11 1931 г.

Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе къ нѣмецкому изданію III

Къ читателямъ! (Предисловіе къ первому шведскому изданію). VIII

Первый взрывъ революціи въ Россіи 1

Оппозиція при Николаѣ I 15

Царствованіе Александра II.

Періодъ реформъ 29

Революціонное движеніе при Александрѣ II 45

Терроръ 60

Послѣдній годъ царствованія Александра II 78

Царствованіе Александра III.

Революціонеры при вступленіи на престолъ Александра III 95

Вліяніе славянофиловъ на общественное развитіе 108

Александръ III и его министры 118

Реакція при Александрѣ III 126

Послѣдствія реакціи въ экономической области 158

Революціонное движеніе при Александрѣ III 176

Новѣйшее время.

Первые годы царствованія Николая II 202

Реакція при Николаѣ II 212

Развитіе революціоннаго движенія при Николаѣ II . . . 253

Режимъ Плеве 261

Время послѣ смерти Плеве 278

Революціонныя силы. — Перспективы освободительнаго движенія 286

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе къ нѣмецкому изданію. III
Къ читателямъ (Предисловіе къ первому шведскому изданію). VIII
Первый взрывъ революціи въ Россіи. 1
Оппозиція при Николаѣ I 15

Царствованіе Александра II.

Періодъ реформъ. 32
Революціонное движеніе при Александрѣ II. 45
Терроръ. 60
Послѣдній годъ царствованія Александра II. 78

Царствованіе Александра III.

Революціонеры при вступленіи на престолъ Александра III. 95
Вліяніе славянофиловъ на общественное развитіе. . . . 108
Александръ III и его министры. 118
Реакція при Александрѣ III. 126
Послѣдствія реакціи въ экономической области. 138
Революціонное движеніе при Александрѣ III. 176

Новѣйшее время.

Первые годы царствованія Николая II. 202
Реакція при Николаѣ II. 212
Развитіе революціоннаго движенія при Николаѣ II. . . 238
Режимъ Плеве. 261
Время послѣ смерти Плеве. 275
Революціонныя партіи. — Перспективы освободительнаго движенія. 286

Предисловіе къ нѣмецкому изданію.

Когда, шесть лѣтъ тому назадъ, русское правительство нарушило соглашеніе, существовавшее въ теченіе 90 лѣтъ, между русскими монархами и Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ, то въ Финляндіи сначала не могли хорошенько понять причинъ этого нарушенія и потому не въ состояніи были составить надлежащій планъ для защиты правъ и конституціи Финляндіи. Никто, не исключая и стоявшихъ во главѣ управленія страной государственныхъ дѣятелей Финляндіи, не былъ основательно знакомъ съ русскими условіями, вовсе не бросавшимися въ глаза всѣмъ и каждому. Никто не слѣдилъ съ достаточнымъ вниманіемъ за развитіемъ Россіи, чтобы признать, что это развитіе, рано или поздно, но необходимо должно привести правительство къ попыткѣ уничтожить финскія учрежденія, обусловившія прогрессъ Финляндіи, дабы, такимъ образомъ, устранить для русскаго народа одно изъ нагляднѣйшихъ доказательствъ преимущества такихъ учрежденій передъ учрежденіями самодержавія и бюрократіи. Въ самой Финляндіи тоже не нашлось человѣка, который взялъ бы на себя трудъ изучить давно уже возникшее въ Россіи революціонное движеніе и понять это движеніе, друзья и передовые борцы котораго были бы естественными союзниками въ борьбѣ противъ надвигавшагося на Финляндію самовластія. При лояльности своей по отношенію къ монарху и при давно уже существующемъ соглашеніи съ нимъ, финляндцы не понимали и не

одобряли оппозиціонныхъ стремленій, проявлявшихся въ Россіи и выражавшихся—по финскимъ воззрѣніямъ—въ чрезмѣрно рѣзкой формѣ. Поэтому, когда соглашеніе съ Финляндіей было нарушено русскимъ правительствомъ, никто не зналъ, что въ самой Россіи значительныя силы работаютъ уже противъ самодержавія. Никто не предполагалъ, что тамъ, подъ верхними слоями, совершается процессъ, который рано или поздно долженъ привести къ освобожденію русскаго народа, а съ нимъ и къ освобожденію Финляндіи, отъ ярма, которымъ самодержавіе стремилось насильственно задавить финскую націю.

Однако, вскорѣ выяснилось, что русская самодержавная власть, дѣйствительно, стремится къ окончательному уничтоженію самостоятельности Финляндіи, и что у нея почти нѣтъ надежды собственными силами отразить посягательства русскаго правительства. И точно такъ же выяснилось, что ни отъ какой другой силы нельзя было ожидать матеріальной помощи, но что Финляндія должна возложить всѣ свои надежды на освободительное движеніе, происходящее въ Россіи и все болѣе привлекавшее къ себѣ вниманіе остального міра. Всякій, пренебрегая частными соображеніями и разсуждая совершенно логически, долженъ былъ признать, что финская оппозиція должна протянуть руку русской и въ соединеніи съ нею бороться противъ абсолютизма. Но для того, чтобы финская оппозиція могла это сдѣлать въ широкихъ размѣрахъ, необходимо было распространить въ Финляндіи свѣдѣнія не только о русскомъ революціонномъ движеніи, но и о внутреннемъ политическомъ развитіи Россіи, съ естественной послѣдовательностью вызвавшемъ и распространившемъ это движеніе. Только такимъ образомъ въ финскихъ оппозиціонныхъ кругахъ могло быть создано убѣжденіе, что Финляндія должна дѣйствовать заодно съ русскими борцами за свободу и человѣческія права, чтобы достигнуть одинаково важной для всѣхъ цѣли, именно: замѣны самодержавнаго владычества свободной узаконенной конституціей.

Настоящая книга была написана съ этой цѣлью. Значительной частью матеріала, при томъ наиболѣе интереснаго, авторъ обязанъ извѣстному русскому писателю и борцу за свободу, Феликсу Волховскому, и другимъ друзьямъ изъ прогрессивныхъ круговъ русской оппозиціи. Причина, почему авторъ не воспользовался этимъ матеріаломъ для болѣе обширнаго, детально разработаннаго труда, заключается въ томъ, что онъ желалъ дать своей книгѣ возможно большее распространеніе среди широкихъ круговъ финской публики. Отсутствіе всесторонняго описанія русскаго освободительнаго движенія, въ настоящее время имѣющаго шансы достигнуть своей цѣли, сдѣлало то, что авторъ, несмотря на признаніе несовершенства своей работы, послѣдовалъ желанію, высказанному со многихъ сторонъ, и разрѣшилъ изданіе ея на другихъ языкахъ, чтобы сдѣлать ее доступной другимъ читателямъ помимо тѣхъ, которые такъ благосклонно приняли шведское и финское изданіе. Къ изданію этому прибавлено дополненіе, представляющее обзоръ успѣховъ, сдѣланныхъ революціоннымъ движеніемъ почти за два года, истекшихъ со времени перваго появленія этой книги въ Швеціи. Такимъ образомъ, читатель имѣетъ возможность, пользуясь этимъ описаніемъ, прослѣдить все развитіе русскаго освободительнаго движенія съ его возникновенія и до настоящаго времени.

Конни Цилліакусъ.

Копенгагенъ, февраль, 1905.

Къ читателямъ!

(Предисловіе къ первому шведскому изданію).

Во всемірной прессѣ за послѣдніе годы все чаще и чаще сообщается о демонстраціяхъ противъ правительственной власти въ Россіи. Раньше зачинщиками такихъ оппозиціонныхъ проявленій почти всегда выставлялись только русскіе студенты. Но въ послѣднее время даже русская цензура не могла помѣшать тому, что въ остальныхъ частяхъ свѣта стали ясно сознавать, что оппозицію правительству въ Россіи составляютъ не одни студенты, которыхъ все еще продолжаютъ офиціально называть виновниками «демонстрацій». Стало извѣстно, что за ними и рядомъ съ ними стоятъ десятки, даже сотни тысячъ людей изъ народа, не только горячо симпатизирующихъ учащейся молодежи, но и всюду дѣйствующихъ теперь заодно съ нею въ стремленіяхъ къ ниспроверженію самодержавія.

Ибо такова открыто признаваемая цѣль оппозиціоннаго движенія, цѣль, къ достиженію которой единодушно стремятся всѣ безъ различія, болѣе или менѣе прогрессивныя, либеральныя группы. Во всѣхъ прогрессивныхъ и сочувствующихъ реформамъ кругахъ поняли, что безъ измѣненія правительственной системы немыслимы никакія прочныя реформы, никакой дѣйствительный прогрессъ. Принципъ самодержавія, по существу своему являющійся отрицаніемъ закономѣрно урегулированнаго развитія, при примѣненіи своемъ неизбѣжно приводитъ къ самовольному господству чиновниковъ, которое, въ свою очередь, ведетъ

лишь къ тому, что власть самодержца и его агентовъ ставится выше права подданныхъ. Такъ было вездѣ, во всемъ мірѣ, гдѣ господствовала монархія, и такъ обстоитъ и въ Россіи. И потому въ Россіи, такъ же, какъ и вездѣ, должны были придти къ заключенію, что самодержавіе должно быть свергнуто и введена законная конституція, дабы могъ наступить прогрессъ, и русская нація могла занять мѣсто среди дѣйствительно цивилизованныхъ народовъ. Такимъ образомъ, преобразовательныя стремленія превратились въ Россіи въ революціонное движеніе, о размѣрахъ и значеніи котораго остальной міръ освѣдомленъ весьма мало.

Причины, почему развитіе и дѣйствительное распространеніе революціоннаго движенія такъ мало извѣстны за предѣлами Россіи, нужно искать, главнымъ образомъ, въ своеобразномъ устройствѣ русскаго государства. До послѣдняго времени въ Россіи не было образованнаго средняго класса, равнаго по значенію среднимъ классамъ другихъ націй. Въ Россіи недоставало какъ разъ того класса, въ которомъ обыкновенно проявляется наибольшій интересъ къ общественнымъ явленіямъ, къ образованію и прогрессу, и который, разумѣется, обнаруживаетъ и наиболѣе ясное пониманіе значенія явленій и освѣдомленность о нихъ. Между массой народа и высшими общественными слоями не было, собственно, никакого другого класса, по крайней мѣрѣ, сколько нибудь значительнаго, кромѣ класса чиновниковъ, военныхъ и гражданскихъ, которые, обыкновенно, при перемѣнѣ правительственной системы, ничего не могутъ выиграть, но очень много потерять, и которые поэтому съ ослѣпленіемъ, свойственнымъ обычно и самому маленькому правителю, не имѣютъ интереса сами пріобрѣтать свѣдѣнія относительно характера, развитія и значенія оппозиціоннаго теченія, или распространять эти свѣдѣнія между другими.

Прежде всего это относится къ высшимъ кругамъ общества. Въ нихъ, по крайней мѣрѣ въ части ихъ, освѣдомленность о событіяхъ больше, но еще больше интересъ оставить остальной міръ въ невѣдѣніи о нихъ,

а отсюда и желаніе умалять ихъ значеніе. И, само собой разумѣется, массы народа не могутъ составить себѣ общаго представленія объ общественныхъ явленіяхъ, ихъ причинахъ и ихъ дѣйствительномъ значеніи. Въ качествѣ матеріаловъ для изученія остаются, стало быть, только революціонные источники и правительственныя сообщенія о происшедшихъ уже событіяхъ.

Оппозиціонные элементы, революціонеры, обыкновенно слишкомъ заняты дальнѣйшимъ развитіемъ оппозиціи, подготовкой и ускореніемъ переворота, чтобы имѣть время описывать развитіе и размѣры движенія, такъ какъ это развитіе не можетъ ускоряться такими описаніями. Данныя относительно особенно важныхъ моментовъ, описаніе отдѣльныхъ эпизодовъ и фазъ встрѣчаются, правда, кое-гдѣ, но они разбросаны, мало доступны, неизвѣстны большинству и потому недостаточны для составленія общей картины усиливающагося съ каждымъ годомъ движенія, происходящаго близко отъ насъ и зашедшаго уже такъ далеко, что всякій, желающій составить гороскопъ будущаго, долженъ считаться съ революціонной партіей въ имперіи. Ибо революціонные элементы составляютъ теперь настоящую партію, идущую къ сознательной цѣли, согласную въ главномъ, готовую на всѣ жертвы, необычайно дѣятельную и энергичную партію, достигшую за послѣдніе годы того, что абсолютизмъ колеблется всякій разъ, какъ подземныя силы прорываются въ какой нибудь части государства. А какое значеніе это имѣетъ для тѣхъ, судьба которыхъ зависитъ или будетъ зависѣть отъ русской державы, понятно всѣмъ.

Наконецъ, офиціальныя сообщенія, вездѣ недостовѣрныя, если касаются неблагопріятныхъ для правительства событій, въ Россіи, особенно по отношенію къ оппозиціи противъ правительственной власти, настолько искажены, что, основываясь только на нихъ, нельзя составить себѣ сколько нибудь вѣрнаго сужденія. Ибо всѣ отчеты и сообщенія, въ которыхъ обстоятельства описываются хоть до нѣкоторой степени откровенно, прячутся, какъ особенно важныя и опасныя государственныя тайны,

которыя ни при какихъ условіяхъ не могутъ сдѣлаться достояніемъ гласности, и сообщеніе которыхъ «непосвященному» карается такъ строго, какъ можетъ караться неповиновеніе правительственной власти только въ Россіи. Познакомиться съ такими документами поэтому совсѣмъ не легко, хотя, съ другой стороны, и не невозможно для людей, имѣющихъ надлежащія связи въ офиціальномъ мірѣ, а революціонеры, обыкновенно, имѣютъ такія связи, и поэтому имъ и удалось собрать весьма богатый матеріалъ.

При такихъ условіяхъ составить описаніе развитія революціоннаго движенія въ Россіи крайне трудная задача, и трудность эта въ значительной степени усугубляется еще и другими обстоятельствами. Уже самоотверженный энтузіазмъ, не страшащаяся смерти преданность идеямъ и идеаламъ, встрѣчающіеся на каждой страницѣ исторіи этого движенія, почти не позволяютъ оставаться вполнѣ безпристрастнымъ и не поддаться тому одушевленію, которое привело на эшафотъ и къ бѣгству за границу многочисленныя жертвы борьбы свободомыслія съ деспотизмомъ въ Россіи. Никогда не велась столь, казалось, безнадежная борьба, борьба, въ которой неравенство въ силахъ борющихся было бы большимъ, но никогда также не велась и такая борьба, въ которой недостаточность однихъ матеріальныхъ средствъ по отношенію къ идеямъ и воодушевленному самопожертвованію сказывалась бы такъ ярко. Ибо, несмотря на гигантскую мощь русскаго самодержавія, вся тяжесть которой брошена на вѣсы въ этой борьбѣ, несмотря на безчеловѣчную жестокость, съ которой наказывалось всякое выраженіе оппозиціи противъ самодержавія, и которая сдѣлала то, что десятки и десятки тысячъ самыхъ просвѣщенныхъ и энергичныхъ сыновъ и дочерей Россіи погибли въ тюрьмахъ и ссылкѣ, а частью еще понынѣ подвергаются подобнымъ наказаніямъ, несмотря на невозможность устно или письменно высказывать свободное слово или свободный взглядъ, приходящіеся не по вкусу самодержавію,—несмотря на все это, борцы за свободу и

человѣческія права добились все-таки того, что дни деспотизма сочтены. Каждый, имѣющій глаза и желающій видѣть, замѣтитъ, что новыя времена готовы наступить и для русскаго народа, благодаря непоколебимому мужеству и неутомимой работѣ оппозиціонныхъ элементовъ.

Главная цѣль революціоннаго движенія—введеніе узаконенной конституціи на мѣсто произвола самодержавія—будетъ, во всякомъ случаѣ, достигнута.

Чтобы, несмотря на указанныя трудности, остаться, по возможности, объективнымъ, авторъ считалъ своимъ долгомъ, всюду, гдѣ это оказывалось возможнымъ, провѣрять сообщенныя ему свѣдѣнія, сравнивая ихъ съ доступными источниками противной стороны объ однихъ и тѣхъ же фактахъ.

Конни Цилліакусъ.

Стокгольмъ, іюль, 1903.

Первый взрывъ революціи въ Россіи.

Нужно считать, что почва для общественнаго развитія въ Россіи, приведшаго въ настоящее время монархію къ революціи, была подготовлена не кѣмъ инымъ, какъ царемъ Петромъ, преобразователемъ, котораго называютъ Великимъ. Это онъ насильственно бросилъ совершенно варварское Россійское государство въ водоворотъ западнаго развитія и огнемъ и мечемъ заставилъ его плыть по этому теченію до тѣхъ поръ, пока европейскій образъ мыслей и европейская культура не пустили настолько глубокихъ корней, что ихъ невозможно уже было вырвать. То была революція сверху, посредствомъ которой царь Петръ отнюдь не думалъ ввести и не вводилъ никакого измѣненія въ абсолютической формѣ правленія. Но онъ помимо своего вѣдома и воли сдвинулъ камень, прорвавшій плотины, которыя въ теченіе неизмѣримо долгаго времени могли бы удержать Россію въ положеніи полувосточной деспотіи, въ которую она была превращена долгимъ господствомъ татаръ. Правда, первоначально и въ Россіи народъ имѣлъ право подавать голосъ въ дѣлахъ, касающихся страны, но это было уничтожено татарскими ханами. Они поставили народныя массы въ рабское подчиненіе господамъ, и русскіе цари въ этомъ отношеніи явились впослѣдствіи ихъ наслѣдниками и продолжателями. Что любовь къ свободѣ и стремленіе къ самоуправленію существовали въ Россіи уже тогда, достаточно показываютъ вольныя военныя республики, основанныя русскими въ Украйнѣ и, послѣ безчисленныхъ войнъ за свободу и независимость, покорившіяся русскому самодержавію только при Екатеринѣ II,

ибо лишь въ ея время удалось ввести крѣпостное право среди прежнихъ запорожцевъ.

Царь Петръ былъ несомнѣнно такой же нетерпимый деспотъ, какъ любой изъ его предшественниковъ; но въ то же время онъ хорошо понималъ, что ему никогда не удастся удовлетворить ненасытное властолюбіе, одушевлявшее его по отношенію къ западнымъ сосѣдямъ, если онъ не распространитъ среди своего народа болѣе высокую культуру этихъ сосѣдей во всѣхъ матеріальныхъ областяхъ. Если бы онъ сознавалъ, что онъ одновременно открываетъ двери своего царства и духовнымъ, культурнымъ теченіямъ, вызвавшимъ въ конечномъ результатѣ, во всѣхъ европейскихъ государствахъ, паденіе единовластія, то, быть можетъ, призадумался бы, прежде чѣмъ своей самодержавной волей ломать стѣны, до того времени отдѣлявшія русскій народъ отъ народовъ Европы. Но взглядъ его не былъ да и не могъ быть столь проницателенъ.

Послѣ него, Екатерина II тоже содѣйствовала распространенію европейскаго міровоззрѣнія въ Россіи. Дѣйствительныхъ намѣреній ввести въ своемъ государствѣ болѣе свободныя учрежденія у нея было не болѣе, чѣмъ у Петра I, но это не мѣшало ей лично преклоняться предъ основателями революціоннаго движенія во Франціи, энциклопедистами, и одобрять ихъ ученія; призывать къ своему двору свободомыслящихъ иностранцевъ и открыто, словомъ и дѣломъ, выражать свое презрѣніе къ религіознымъ и соціальнымъ принципамъ, лежащимъ въ основѣ русскаго самодержавія. Примѣръ ея, конечно, не могъ не имѣть вліянія на русское общество. Среди высшихъ классовъ новыя ученія и взгляды распространялись весьма быстро, и тамъ, гдѣ брошенныя сѣмена находили почву въ дѣйствительныхъ знаніяхъ и образованіи, они проростали и пускали корни, изъ которыхъ до сихъ поръ выростаютъ все новые побѣги.

Однако, о сознательномъ враждебномъ правительству образѣ мыслей въ тогдашней Россіи говорить еще нельзя. Часто происходившія, такъ называемыя, революціи были не что иное и не болѣе, какъ революціи дворцовыя, придворные заговоры противъ личности правителя, имѣвшіе цѣлью

лишь замѣщеніе свергнутаго государя другимъ, такимъ же неограниченнымъ. Только послѣ великой французской революціи начали задумываться въ Россіи о возможности другой формы правленія, кромѣ самодержавія, но до попытки практически осуществить идеи, находившія все болѣе широкій доступъ въ просвѣщенные умы, дѣло дошло лишь послѣ нашествія французовъ и побѣды надъ ними.

Гигантская война противъ Наполеона, окончившаяся его пораженіемъ, вызвала въ Россіи небывалое дотолѣ броженіе умовъ. Русскіе войска и офицеры пришли въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ западно-европейцами, сражаясь бокъ о бокъ съ ними и пройдя всю Европу до французской столицы; въ ней, какъ и въ остальной Европѣ, измѣнилось весьма многое, господствовалъ иной духъ и произошелъ полнѣйшій переворотъ во взглядахъ и образѣ мыслей за годы, послѣдовавшіе за взрывомъ революціи, не уничтоживъ ея главнѣйшихъ результатовъ. Даже деспотизмъ Наполеона не могъ стереть во Франціи слѣдовъ огромнаго движенія, охватившаго страну; даже насильникъ Наполеонъ не посмѣлъ ничего сдѣлать и лишь воспользовался плодами и результатами этого движенія. А въ другихъ странахъ Европы посягательства его, вмѣсто того, чтобы уничтожить плоды революціи, наоборотъ заставили ихъ только быстрѣе созрѣть.

Въ Германіи русскіе видѣли, что̀ можетъ выполнить самъ народъ, несмотря на совершенно негодное правленіе, чтобы защитить свою страну и отвергнуть чуждую ей, гнетущую и позорную опеку, подъ которою находились правительства и правители. Русскіе, со вниманіемъ относившіеся къ общественнымъ явленіямъ въ странахъ, черезъ которыя они проходили, скоро поняли, подобно другимъ, что германскій союзъ добродѣтели и вожди этого могучаго народнаго движенія дали германской націи возможность и силу для своего возрожденія.

Во Франціи они непосредственно наблюдали послѣдствія и вліяніе освобожденія націи посредствомъ революціи. Они видѣли народъ, приведенный на край бездны правительственной системой, въ основныхъ чертахъ похожей на русскую,— народъ, неожиданно, безъ организаціи, поднявшійся противъ

своихъ притѣснителей, но готовый, въ буквальномъ смыслѣ, отдать жизнь въ борьбѣ за право на человѣческое существованіе; народъ, именно благодаря своему отчаянію, сдѣлавшійся непобѣдимымъ, на вѣки свергнувшій единовластіе въ своей странѣ и сумѣвшій, несмотря на всю неопытность, несмотря на крупнѣйшія ошибки и увлеченія, создать на обломкахъ стараго новое государственное устройство; народъ, настолько развившій свои національныя силы, въ защитѣ противъ нападеній почти всей соединенной Европы, что эта послѣдняя всего черезъ нѣсколько лѣтъ подчинилась ему; народъ, даже въ опьяненіи побѣдой и въ безграничномъ преклоненіи передъ великимъ полководцемъ, сумѣвшій сохранить важнѣйшій результатъ революціи: народную свободу и право жить своей собственной жизнью.

Такіе примѣры не могли не оказать сильнаго вліянія на мыслящихъ людей, которыхъ было много среди русскихъ офицеровъ. Ихъ родина, ихъ собственный народъ тоже были задавлены владычествомъ абсолютизма и чиновниковъ, дѣлавшихъ невозможнымъ всякій прогрессъ. Огромное большинство народа состояло изъ крѣпостныхъ, безправныхъ рабовъ, не обладавшихъ никакимъ инымъ гражданскимъ правомъ, кромѣ права сражаться и умирать за свою страну, когда она находилась въ опасности. Высшіе привилегированные классы пользовались всѣми правами и, за немногими исключеніями, злоупотребляли своей властью, чтобы всецѣло предаваться жизни, полной роскоши и наслажденій. И во главѣ всего этого находился царь, самодержецъ, неограниченная власть котораго всегда и прежде всего служила собственнымъ его выгодамъ, интересамъ его любимцевъ и ихъ креатуръ и лишь крайне рѣдко благу и пользѣ народа.

Мысль о возможности произвести переворотъ и установить въ Россіи законность и справедливость, свободу для народа и одинаковыя права для всѣхъ зародилась въ умахъ многихъ во время долгаго пребыванія русской арміи въ западной Европѣ. Воодушевленные новыми взглядами и собственными наблюденіями, люди эти начали мечтать не болѣе не менѣе, какъ о сверженіи самодержавія, для того чтобы однимъ ударомъ сдѣлать изъ Россіи республику, по своимъ учрежденіямъ и свободѣ подобную французской.

По возвращеніи войскъ, въ высшихъ общественныхъ кругахъ образовалась своего рода мода составлять заговоры противъ правительства. Либеральныя тенденціи, обнаруженныя Александромъ I въ первый періодъ его царствованія, значительно способствовали дальнѣйшему распространенію теоретическаго либерализма, появившагося еще въ царствованіе Екатерины II. Впрочемъ, либерализмъ Александра впослѣдствіи превратился въ реакцію, все усиливавшуюся съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ поддаваться вліянію недостойнаго Аракчеева; но это лишь усилило нетерпѣливое настроеніе и возрастающее недовольство болѣе или менѣе сознательнаго большинства.

Недовольство вылилось въ опредѣленныя формы по возвращеніи арміи изъ Франціи. Оно было сознательно направлено противъ самой системы, противъ автократической формы правленія. Во всѣхъ кругахъ, гдѣ интересовались общими вопросами, горячо разсуждали о реформахъ, улучшеніяхъ, представительствѣ и конституціи. Каждая петербургская гостиная превратилась въ нѣкотораго рода заговорщицкій очагъ, гдѣ обсуждались всевозможные планы переворота, что, по господствовавшимъ въ Россіи воззрѣніямъ, граничило съ государственной измѣной.

Однако, едва ли большинство серьезно думало о томъ, чтобы осуществить свои мысли и слова на дѣлѣ. Но на ряду съ этими, такъ сказать, теоретическими заговорщиками, были и другіе, твердо рѣшившіеся не останавливаться на половинѣ дороги. Наиболѣе воодушевленные по возвращеніи на родину немедленно приступили къ дѣлу, занялись составленіемъ плановъ переворота, образованіемъ организацій и кружковъ, которые должны были привести эти планы въ исполненіе. Германскій союзъ добродѣтели, въ главныхъ его чертахъ, послужилъ образцомъ для составленныхъ организацій, центръ тяжести которыхъ находился въ арміи, хотя въ нихъ принимали участіе и не только военные элементы. Въ 1820 г. многіе изъ этихъ кружковъ, во главѣ которыхъ стоялъ, такъ называемый, Союзъ Благоденствія, уже дѣйствовали; совершенно опредѣленною цѣлью ихъ было измѣненіе существующей формы правленія отчасти или совсѣмъ, мирными средствами или силой.

Однако среди различныхъ группъ царило большое различіе мнѣній, такъ что вначалѣ было признано невозможнымъ столковаться относительно общей программы. Въ Союзѣ Благоденствія вскорѣ рѣзко обозначились два противоположныхъ мнѣнія. Болѣе умѣренные хотѣли помочь правительству всѣми находившимися въ ихъ распоряженіи законными средствами, поддержать его и побудить къ дальнѣйшимъ мѣропріятіямъ на пользу и благо народа, пока постепенно не будутъ устранены всѣ злоупотребленія, проведены усовершенствованія и реформы, и правительственная система шагъ за шагомъ не будетъ измѣнена. Представители другого направленія, напротивъ, понимали, что правительство, его агенты и функціи не могутъ быть улучшены путемъ имъ же самимъ проведенныхъ частичныхъ реформъ, такъ какъ господствующая система должна и будетъ парализовать ихъ дѣйствіе. Поэтому они настаивали на томъ, что эту систему, удерживающую бо̀льшую часть населенія въ безправномъ закрѣпощеніи, нужно совершенно измѣнить, и ввести на ея мѣсто другой образъ правленія, для того чтобы провести и установить настоящія и прочныя реформы.

Противорѣчіе этихъ двухъ главныхъ направленій стали, наконецъ, настолько очевидными, что Союзъ Благоденствія распался въ февралѣ 1821 года. Вмѣсто него наиболѣе передовыми элементами Союза были вскорѣ основаны два новыхъ тайныхъ общества: Сѣверное и Южное, съ гораздо болѣе радикальной программой. Первое находилось въ Петербургѣ, второе—въ Тульчинѣ, главной квартирѣ южной арміи. Оба, по цѣлямъ своимъ, были чисто революціонными; планы ихъ заключались въ организаціи обширнаго мятежа, для того чтобы вмѣсто безотвѣтственнаго самодержавія ввести въ Россію демократію и народное правленіе. Руководители Сѣвернаго общества ограничивались вначалѣ конституціонной монархіей, какъ желательной цѣлью, тогда какъ члены Южнаго стремились къ республикѣ; но они были въ равной мѣрѣ революціонными, поскольку ближайшей цѣлью своей ставили сверженіе существовавшаго порядка вещей. Въ концѣ концовъ оба они рѣшили, въ случаѣ удачи возстанія, предложить корону Александру I, какъ конституціонному монарху:

если же онъ отвергнетъ это предложеніе,—смѣстить династію и провозгласить федеративную республику. Впослѣдствіи и въ Сѣверномъ обществѣ идея республики сдѣлалась болѣе популярною, благодаря энергіи и дѣятельности членовъ болѣе радикальнаго Южнаго общества, которыми, дѣйствительно, было сдѣлано большинство практическихъ приготовленій къ возстанію.

Душой и руководителемъ этого общества былъ полковникъ Пестель, командиръ Вятскаго полка и адъютантъ фельдмаршала кн. Витгенштейна, начальника южной арміи. Ближайшими и наиболѣе дѣятельными сотрудниками Пестеля по революціонному кружку были: хладнокровный, умный генералъ-интендантъ южной арміи, Юшневскій, энергичный Бестужевъ-Рюминъ, генералы Фонъ-Визинъ и князь Волконскій, полковники: Артамонъ Муравьевъ, командиръ Ахтырскаго гусарскаго полка, Нарышкинъ — Тарутинскаго полка, Повало-Швейковскій — Саратовскаго, Абрамовъ и Тизенгаузенъ, командиры Казанскаго и Полтавскаго полковъ. Къ числу наиболѣе пылкихъ принадлежали и оба брата, подполковники Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолы.

Южное общество находилось въ тѣсной связи съ другой тайной организаціей, „Союзомъ Соединенныхъ Славянъ“, существованіе которой было открыто Бестужевымъ-Рюминымъ, и которая равнымъ образомъ имѣла крѣпкія связи съ офицерами различныхъ ранговъ южной арміи. Кромѣ того, Бестужеву-Рюмину обѣщали содѣйствіе польскіе тайные кружки въ Варшавѣ, гдѣ также строили революціонные планы, съ единственной впрочемъ цѣлью освобожденія Польши отъ русскаго ига и возстановленія прежней польской конституціи. Объ общей федеративной республикѣ поляки не хотѣли и разговаривать и послѣ долгихъ переговоровъ сошлись на слѣдующемъ компромиссѣ: польскіе революціонеры, которымъ впослѣдствіи предоставлялось самостоятельно устраивать собственныя дѣла, обязывались поднять знамя возстанія одновременно съ Пестелемъ и его сообщниками въ южной арміи. Первымъ ихъ шагомъ должно было быть плѣненіе великаго князя Константина Павловича, брата императора и наслѣдника престола, тогдашняго намѣстника Царства Польскаго.

Въ Сѣверномъ обществѣ самую активную, хотя и не самую вліятельную, роль игралъ поэтъ Рылѣевъ. Большимъ вліяніемъ внѣ кружка, хотя нѣсколько меньшимъ въ немъ самомъ, пользовались нѣкоторые изъ прочихъ его руководителей: князь Трубецкой, командиръ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, полковникъ генеральнаго штаба, командиръ Финляндскаго полка, полк. Митьковъ, капитанъ генеральнаго штаба, Никита Муравьевъ, князь Оболенскій, Бестужевъ, Якубовичъ, молодой князь Одоевскій, служившій при дворѣ, и слѣдовательно имѣвшій точныя свѣдѣнія о мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ членовъ императорской фамиліи и т. д. Въ Южное общество входили и принимали участіе въ заговорѣ также высокопоставленные гражданскіе чиновники, какъ напримѣръ, оберъ-прокуроръ сената Краснокутскій.

При выполненіи плана прежде всего рѣшено было взять въ плѣнъ императора, когда онъ прибудетъ на маневры южной арміи; немедленно вслѣдъ за этимъ занять укрѣпленный городъ Бобруйскъ и вступить въ сношенія съ Варшавой и Петербургомъ, гдѣ остальные заговорщики тотчасъ же должны примкнуть къ возстанію, арестовавъ самыхъ вліятельныхъ противниковъ, между прочимъ, въ Варшавѣ брата императора, наслѣдника престола.

Планъ этотъ долженъ показаться всякому, знающему современную Россію, безумно смѣлымъ и заранѣе осужденнымъ на неудачу. И трудно понять, какъ могло бы удасться, при незначительныхъ умственныхъ силахъ, имѣвшихся въ то время въ Россіи, устройство чего либо прочнаго на обломкахъ системы, которую предполагалось свергнуть. Но планъ сверженія абсолютизма отнюдь не былъ невыполнимъ, и вѣроятно удался бы, если бы не наступили совершенно непредвидѣнныя обстоятельства, вслѣдствіе внезапной смерти Александра I.

Въ царствованіе Александра I въ Россіи не существовало никакой серьезной полицейской организаціи; по крайней мѣрѣ, она не могла бы сравниться съ той, которая образовалась при Николаѣ I. Самая мысль о возможности того, чтобы собственныя войска и офицеры царя могли напасть на него и на гражданскихъ чиновниковъ, показалась

бы смѣшной всякому офиціальному лицу. Крѣпости, замки и дворцы, правда, охранялись, но скорѣе потому, что это было въ обычаѣ, а не вслѣдствіе увѣренности въ томъ, что охрана можетъ серьезно понадобиться. На этомъ заговорщики и основали свои планы. При дворцовыхъ революціяхъ, столь частыхъ въ прежнія времена—отецъ и дѣдъ Александра I были свергнуты такими революціями и убиты — солдаты не дѣлали никакихъ затрудненій, а наоборотъ слѣпо исполняли во всемъ всѣ приказанія своихъ начальниковъ. Если можно было довѣрять офицерамъ, то полагались и на весь полкъ. Важно было только имѣть нѣсколько надежныхъ полковъ подъ рукой, готовясь къ рѣшительному шагу, и тогда можно было быть почти увѣреннымъ въ успѣхѣ.

Соотвѣтственно этому были набросаны и главныя черты плана заговора. Рѣшено было соединиться въ началѣ 1826 г. на большомъ собраніи, чтобы распредѣлить роли и назначить каждому постъ въ критическую минуту. Послѣдняя должна была наступить, когда царь, вскорѣ послѣ этого, пріѣдетъ на большіе маневры южной арміи. Какъ только время его прибытія станетъ извѣстно, должны были приступить къ дѣлу, причемъ предполагалось, въ день караула Вятскаго полка, которымъ командовалъ полковникъ Пестель, арестовать князя Витгенштейна и тѣхъ офицеровъ, на которыхъ нельзя было положиться. И какъ только пріѣхалъ бы Александръ, его должна была постигнуть такая же участь, какъ и всю его свиту, высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Вслѣдъ затѣмъ предполагалось занять Бобруйскъ, и возстаніе, какъ указано, распространить дальше.

Но въ концѣ 1825 года Александръ I заболѣлъ и совершенно неожиданно умеръ въ Таганрогѣ, на югѣ Россіи, по дорогѣ въ Крымъ. Весь планъ заговорщиковъ былъ совершенно опрокинутъ этимъ, такъ какъ не было принято никакихъ мѣръ для непосредственнаго начала революціи. Времени для необходимыхъ рѣшеній и измѣненій въ планахъ было мало, готово ничего не было, но тѣмъ не менѣе заговорщики рѣшили приступить къ немедленнымъ дѣйствіямъ, чтобы посредствомъ смѣлаго шага извлечь возможную выгоду изъ неопредѣленности вопроса о престолонаслѣдіи.

Ближайшій наслѣдникъ престола, Константинъ Павловичъ, отказался отъ него, хотя это отреченіе никогда не было офиціально объявлено и даже, наоборотъ, тщательно скрывалось. Разведясь со своей первой женой, принцессой Саксенъ-Кобургской, Константинъ женился на полькѣ, графинѣ Грудзинской; онъ настойчиво отказывался расторгнуть этотъ бракъ и неизбѣжно долженъ былъ отказаться отъ престола. Вслѣдствіе этого Александръ I постановилъ, что наслѣдникомъ его на тронѣ долженъ быть Николай, но въ надеждѣ, вѣроятно, что Константинъ еще смирится,—держалъ это втайнѣ и отдалъ письменное предписаніе объ этомъ на храненіе московскому митрополиту.

Не вполнѣ выяснено, было ли извѣстно Николаю содержаніе этого документа, но едва въ Петербургѣ получилось извѣстіе о смерти Александра, онъ принесъ Константину присягу въ вѣрности; почти въ то же время, послѣдній, объявилъ о своемъ отказѣ отъ трона, присягнулъ младшему брату Николаю и привелъ къ присягѣ все населеніе Варшавы. Такимъ образомъ, 12 декабря 1825 года въ Россіи было два царя, при чемъ тамъ присягали одному, здѣсь—другому. Московскій генералъ-губернаторъ предложилъ высшимъ сановникамъ присягнуть Константину, но митрополитъ отказался привести ихъ къ присягѣ, ссылаясь на то, что знаетъ одну тайну, которая дѣлаетъ нелѣпостью присягу Константину. Въ этотъ день большое смятеніе царило въ умахъ: многіе думали, что Николай пытается устранить брата и захватить власть; относительно престолонаслѣдованія едва ли кто зналъ что либо опредѣленное. Заговорщики рѣшили, этимъ воспользоваться, насколько возможно.

13-го декабря днемъ изъ Варшавы прибылъ курьеръ съ извѣстіемъ объ открытомъ отреченіи Константина. Тотчасъ же было рѣшено, что на слѣдующій день, 14-го, сенатъ и всѣ высшіе сановники принесутъ присягу въ вѣрности Николаю. Церемонія должна была совершиться въ 7 часовъ утра. Рылѣевъ узналъ объ этомъ только вечеромъ отъ оберъ-прокурора Краснокутскаго, и тотчасъ же сообщилъ остальнымъ заговорщикамъ, которые рѣшили немедленно приступить къ дѣлу. Единственное, что имъ казалось возможнымъ и что

они порѣшили выполнить, было слѣдующее: собраться завтра на площади передъ сенатомъ и привести туда свои части войскъ, которыя за ними послѣдуютъ; затѣмъ, съ помощью ихъ и кучки недовольныхъ, на которыхъ, по ихъ мнѣнію, они могли разсчитывать, заставить Николая и сенатъ выпустить манифестъ объ учрежденіи временнаго правительства, въ ожиданіи созыва народныхъ представителей изъ различныхъ частей государства для совмѣстнаго обсуженія проекта конституціи.

14-го декабря, на зарѣ, солдаты Московскаго полка, матросы гвардейскаго экипажа и многія другія войска были подняты своими офицерами и получили приказъ къ выступленію. Прежде чѣмъ они успѣли выйти изъ казармъ, высшее начальство узнало о предстоящемъ и старалось помѣшать имъ, но офицерамъ удалось увлечь за собою бо́льшую часть войскъ и вывести ихъ на Сенатскую площадь. Много вооруженныхъ гражданскихъ лицъ присоединилось къ военнымъ; они составили карре вокругъ конной статуи Петра Великаго, съ намѣреніемъ въ крайнемъ случаѣ сразиться съ войсками Николая. Послышались крики о свободѣ и конституціи, не только со стороны офицеровъ, но и солдатъ; послѣдніе однако настолько мало понимали значеніе слова конституція, что воображали будто оно относилось къ женѣ Константина,— они были убѣждены въ томъ, что мятежъ направленъ только противъ личности Николая.

Послѣдній, съ своей стороны, тоже выставилъ войска, но, не зная дѣйствительныхъ размѣровъ возмущенія и намѣреній заговорщиковъ, приказалъ сначала петербургскому митрополиту Серафиму попробовать убѣдить мятежниковъ отказаться отъ своихъ намѣреній и сложить оружіе. Но митрополита вѣжливо попросили удалиться... Тогда появился верхомъ, прославившійся въ войнѣ противъ Наполеона, генералъ Милорадовичъ, петербургскій генералъ-губернаторъ, и приказалъ мятежникамъ разойтись. Въ отвѣтъ на это раздался выстрѣлъ, и онъ упалъ на землю мертвымъ.

Тогда Николай, находившійся среди своихъ войскъ, приказалъ кавалеріи произвести аттаку. Три раза Орловъ водилъ свой отрядъ на мятежниковъ, но каждый разъ былъ отбро-

шенъ. Настала очередь артиллеріи, направившей на возставшихъ свои заряженныя картечью пушки. Послѣдніе убѣждали разойтись собравшуюся вокругъ нихъ, невооруженную толпу, такъ какъ становилось опаснымъ находиться по близости. Сами они не думали объ отступленіи.

Послышалась команда стрѣлять артиллеристамъ, но выстрѣла не послѣдовало. Внѣ себя отъ ярости заревѣлъ офицеръ командовавшій артиллеристу, стоявшему у перваго орудія:—Слышалъ ли ты приказъ?—„Ваше высокоблагородіе... да... вѣдь, это наши!“

Промедленіе ни къ чему не повело. Нѣсколько минутъ спустя въ толпу возставшихъ врѣзался со свистомъ залпъ картечи, повалившій на землю кучу убитыхъ и раненыхъ. Остальные храбро защищались, но не могли сопротивляться артиллеріи правительственныхъ войскъ. Около 10 часовъ утра всякое сопротивленіе было сломлено, и Николай оказался безусловнымъ побѣдителемъ.

Въ то время, какъ это происходило въ столицѣ,въ южной арміи были уже арестованы Пестель и братья Муравьевы-Апостолы. Два члена Южнаго общества предали остальныхъ заговорщиковъ, вслѣдствіе чего три главныхъ руководителя были также немедленно схвачены. Но какъ только это стало извѣстно, часть субалтернъ-офицеровъ, принадлежавшихъ къ „Обществу Соединенныхъ Славянъ“, поспѣшили съ оружіемъ въ рукахъ освободить обоихъ Муравьевыхъ-Апостоловъ. Пестель былъ уже увезенъ и остался въ рукахъ врага.

Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ сталъ во главѣ части Черниговскаго и нѣкоторыхъ другихъ полковъ, принимавшихъ участіе въ возстаніи, занялъ ими городъ Васильковъ и употреблялъ всѣ усилія, чтобы выиграть время и привлечь на свою сторону другія, одушевленныя тѣми же стремленіями, войска. Но прежде чѣмъ ему удалось собрать значительный отрядъ, на него напала „лояльная“ дивизія генерала Рота и принудила его къ бою. Муравьевъ былъ раненъ при первой же стычкѣ, люди его разсѣялись послѣ короткой борьбы, а самъ онъ и его друзья были арестованы. Декабрьская революція окончилась, и Николай остался самодержцемъ.

Онъ началъ свое правленіе жестокими репрессіями про-

тивъ всѣхъ, осмѣлившихся мечтать о свободной Россіи, желавшихъ освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, замѣнить законами капризы тирана и пріобрѣсти для управляемыхъ право принимать участіе въ составленіи законовъ, по которымъ ими управляли. Месть царя уничтожила какъ главарей, такъ и ихъ пособниковъ, независимо отъ возраста и общественнаго положенія,—до простыхъ солдатъ включительно, лишь исполнявшихъ приказанія своихъ начальниковъ. Пощады не было никому.

Пестель, Рылѣевъ, Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и Каховскій были приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Такихъ казней давно уже не было на Руси; палачъ не зналъ своего ремесла и сдѣлалъ свое дѣло такъ плохо, что трое изъ приговоренныхъ — Рылѣевъ, Каховскій и Муравьевъ-Апостолъ,—сорвавшись съ петли, упали на землю, причемъ послѣдній сломалъ себѣ ноги. Генералъ Чернышевъ, распоряжавшійся казнью, приказалъ повѣсить ихъ вторично.

Сто двадцать другихъ заговорщиковъ, всѣ безъ исключенія принадлежавшіе къ образованнѣйшему классу Россіи, были приговорены къ ссылкѣ и каторжнымъ работамъ, и закованными въ кандалы отвезены въ Сибирь; лишь нѣкоторымъ изъ нихъ было разрѣшено вернуться въ Россію черезъ 35 лѣтъ, въ царствованіе Александра II. Всѣ остальные погибли отъ страданій и лишеній, но почти ни одинъ не унизился до того, чтобы отказаться отъ своихъ убѣжденій и просить о помилованіи.

Съ простыми солдатами, присоединившимися къ возстанію, было поступлено, по приказанію офицеровъ, пожалуй, еще болѣе жестоко. Многія сотни ихъ были запороты до смерти, другіе медленно замучены въ различныхъ исправительныхъ заведеніяхъ, тысячи погибли на долгой каторгѣ. Въ то время, пропусканіе сквозь строй было для солдатъ обыкновенымъ наказаніемъ, причемъ виновному наносилось три, восемь... до двѣнадцати тысячъ ударовъ, т. е. столько, что ни одинъ человѣкъ не могъ пережить этого.

Таковъ былъ ужасный конецъ перваго революціоннаго взрыва въ Россіи. И съ такой же неумолимой жестокостью

подавлялъ Николай I въ теченіе всего своего царствованія всѣ проявленія неудовольствія въ своей странѣ. Несмотря на это, ему не удалось вытравить совершенно революціонный духъ. Напротивъ, онъ распространился и въ его царствованіе, побуждая многихъ передовыхъ и умнѣйшихъ людей Россіи ставить на карту состояніе, будущее, надежды, чтобы всецѣло посвятить себя пробужденію въ русскомъ обществѣ сознанія, что только уничтоженіе абсолютизма дастъ народу возможность вести человѣческое существованіе. Духъ „декабристовъ“ продолжалъ жить. Жертва ихъ была не напрасной, примѣръ ихъ постоянно побуждалъ къ подражанію. Сѣмя революціи, брошенное ими на почву святой Руси, пустило такіе крѣпкіе корни, что все могущество самодержавія не смогло вырвать ихъ, какъ ни безпощадно подавляло оно всякую оппозицію.

Оппозиція при Николаѣ I.

Послѣ расправы съ декабристами русское общество подавленное и распростертое было у ногъ самодержца. Суровость и жестокость не только по отношенію къ прямымъ участникамъ мятежнаго движенія, но и къ ихъ родственникамъ и друзьямъ довели недовольство этихъ людей абсолютизмомъ до глухого ожесточенія; однако выразить чѣмъ нибудь это недовольство никто не осмѣливался. Месть царя постигла почти каждое знатное семейство страны въ лицѣ одного или нѣсколькихъ его членовъ. Остальные объятые страхомъ прекратили всякое занятіе политикой. Могильная тишина и спокойствіе воцарились въ Россіи.

Царь только и желалъ этого. Съ юныхъ лѣтъ у него было большое пристрастіе къ строгой военной дисциплинѣ и столь же рѣшительное отвращеніе ко всѣмъ гуманитарнымъ и quasi-либеральнымъ воззрѣніямъ первой половины царствованія Александра I. Онъ никогда не могъ забыть и еще менѣе простить заговоръ офицеровъ и солдатъ противъ существующаго общественнаго строя, сопротивленіе ихъ приказаніямъ начальства и возмущеніе противъ священной особы царя. Въ слѣпомъ, безпрекословномъ повиновеніи начальству онъ видѣлъ первую и главнѣйшую обязанность человѣка; государство и его обитатели казались ему арміей, дисциплина въ которой никогда не могла быть слишкомъ строгой и регламентація слишкомъ точной. Сомнѣнія въ правильности этого убѣжденія, равно какъ критику вытекающихъ изъ него правительственныхъ дѣйствій, онъ считалъ проявленіями неповиновенія и наказывалъ за это. „Если онъ никогда не говорилъ „L'etat-

c'est moi", пишетъ Мэккензи Уоллесъ (Wallace) въ своей книгѣ о Россіи, „то происходило это только отъ того, что онъ считалъ, что это само собой разумѣется и не нуждается въ утвержденіи".

Государствомъ своимъ онъ правилъ, согласно своему взгляду на монархію, какъ на установленіе божественное. Демократію считалъ равнозначущей анархизму и потому всѣми ему доступными средствами старался оградить свой народъ отъ западныхъ „опасныхъ" идей. Вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, въ 1826 г., Николай запретилъ строжайшимъ приказомъ всѣмъ выходящимъ въ Россіи газетамъ—за исключеніемъ органа министерства иностранныхъ дѣлъ „Journal de St.-Petersburg", — какія бы то ни было обсужденія мѣропріятій правительства. А два года спустя, кромѣ обыкновенной цензуры, особый императорскій указъ установилъ еще три цензурныя инстанціи. Согласно этому указу все, касавшееся церкви и религіи, прежде чѣмъ поступать къ обыкновенному цензору, представлялось на просмотръ епископамъ или консисторіи; драматическія произведенія, пропущенныя цензурой, предъявлялись на утвержденіе Третьяго отдѣленія, а научныя сочиненія разсматривались спеціальными учеными комитетами. Впослѣдствіи, министерства военное и финансовъ, а также и начальникъ государственной обороны ходатайствовали о правѣ предварительнаго просмотра всѣхъ сообщеній, касающихся управляемыхъ ими министерствъ; это было имъ разрѣшено особымъ царскимъ рескриптомъ. Едва ли возможно было расширить болѣе полномочія предварительной цензуры, но, тѣмъ не менѣе, отъ время до времени появлялись новые циркуляры, запрещавшіе сообщать въ печати о тѣхъ или другихъ событіяхъ. Доступъ газетъ и иностранныхъ книгъ въ государство былъ окончательно запрещенъ, кромѣ самыхъ невинныхъ по содержанію, чуждыхъ политикѣ и либеральнымъ политическимъ идеямъ. Русскіе писатели находились подъ непрестаннымъ строгимъ надзоромъ, и имъ немедленно зажимали ротъ, если, несмотря на цензуру и ея уставы, они позволяли себѣ какое-нибудь выраженіе, не угодное правительству и его чиновникамъ. Количество учащихся въ университетахъ значительно сократилось,

каѳедры государственнаго права, политической экономіи и другихъ общественныхъ наукъ были упразднены; чрезвычайно увеличилось зато число разнаго рода военно-учебныхъ заведеній. Русскимъ препятствовали, насколько возможно, посѣщать Европу, а пріѣзжавшихъ въ Россію иностранцевъ обыкновенно подвергали строгому полицейскому надзору.

Поддержаніе введеннаго порядка въ странѣ царь прежде всего ввѣрилъ полиціи. Явная, тайная и жандармская полиціи были совершенно преобразованы, значительно расширены и снабжены полномочіями, которыхъ не имѣли, вѣроятно, ни въ одной цивилизованной странѣ. Полицейскіе шпіоны набирались изъ всѣхъ классовъ общества; они были всюду: въ чиновничьихъ конторахъ, въ гостиницахъ, театрахъ и другихъ общественныхъ мѣстахъ, въ каждомъ домѣ и гостиной. Никто не могъ быть увѣренъ, что сказанное имъ въ тѣсномъ, дружескомъ кругу не сдѣлается извѣстнымъ полиціи и ея страшнымъ начальникамъ, Дубельту и Бенкендорфу. Долголѣтняя ссылка въ отдаленныя мѣста государства легко могла быть и часто бывала наказаніемъ за необдуманное слово или ничтожную шутку. Словомъ, правленіе и политика Николая I отличались такимъ реакціоннымъ деспотизмомъ, отъ котораго приходилось страдать въ новѣйшія времена немногимъ странамъ и народамъ.

Сначала политика эта, казалось, достигла своей цѣли. За немногими исключеніями, осмѣлившіеся дѣйствовать, вольнодумцы были сосланы или заточены въ тюрьмы. Родственники ихъ, раздраженіе которыхъ противъ царя было, разумѣется, сильное, считались людми подозрительными, чуть не преступниками. Ходатайства ихъ о нѣкоторомъ хотя бы смягченіи безчеловѣчно жестокихъ наказаній или грубо отвергались, или совсѣмъ оставлялись безъ вниманія. Женщинъ, просившихъ разрѣшенія отправиться въ Сибирь къ своимъ мужьямъ, чтобы раздѣлить ихъ участь,—если ихъ просьбы исполнялись, въ видѣ исключенія, какъ напримѣръ, по отношенію къ княгинѣ Трубецкой—отправляли этапнымъ порядкомъ съ уголовными арестантами; во время пути и по прибытіи на мѣсто ссылки съ ними обращались, какъ съ доказанными и приговоренными преступницами. Нагнать страхъ на поколѣ-

ніе, къ которому принадлежали декабристы, Николаю удалось въ совершенствѣ. Никто, или почти никто громко не смѣлъ высказаться противъ царя и правительства. Недовольные разъѣхались по своимъ имѣніямъ и удалились отъ свѣта, чтобы насколько возможно избѣжать господствовавшаго всюду гнета.

Разсказы о смѣломъ возстаніи декабристовъ, объ ихъ мужествѣ и самопожертвованіи для блага народа и Россіи тайкомъ передовались изъ устъ въ уста въ семьяхъ, школахъ и даже привилигированныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Невозможность открыто говорить о великой попыткѣ переворота, обсуждать планы и цѣли его дѣятелей, ужасная жестокость, съ которою они были наказаны,—все это окружило ихъ въ глазахъ большинства ореоломъ мученичества; разсказы объ ихъ подвигахъ и судьбѣ еще при жизни ихъ превратились въ легенду, дѣйствующую таинственной силой на чувствительныя души. И, по мѣрѣ усиленія въ Россіи деспотической реакціи, расли почетъ и уваженіе къ мученикамъ, возставшимъ противъ невыносимаго ярма. Подрастало новое поколѣніе, энергія котораго не была сломлена ужасными сценами, сопровождавшими вступленіе на престолъ Николая, но, напротивъ, питалась исторіей декабристовъ, ихъ стойкимъ мужествомъ, благодаря которому они скорѣе соглашались губить свою жизнь въ далекой Сибири, чѣмъ отказаться отъ своихъ убѣжденій; поколѣніе, при каждомъ соприкосновеніи своемъ съ жизнью убѣждавшееся, насколько были правы революціонеры, видѣвшіе въ самодержавной власти царя причину невыносимыхъ условій жизни въ Россіи.

Такое настроеніе по мѣрѣ усиленія реакціоннаго режима обнаруживалось все чаще, все болѣе распространялось. То появлялся пасквиль на царя, за которымъ слѣдовали аресты и ссылки, то собирался въ какомъ нибудь университетѣ кружокъ молодыхъ людей, или нелегальный союзъ, имѣвшій всегда болѣе или менѣе опредѣленную оппозиціонную цѣль, и потому подавлявшійся съ величайшей строгостью; несмотря на цензуру, проскакивала иногда даже журнальная статья, какъ, напримѣръ, знаменитое письмо Чаадаева. Авторъ его, бывшій адъютантъ Александра I, извѣстный всѣмъ своими радикаль-

ными взглядами и острымъ языкомъ, написалъ письмо издателю московскаго „Телескопа“ Надеждину, въ которомъ высказывалъ свое отчаяніе по поводу несомнѣннаго движенія назадъ духовной жизни и образованія въ царствованіе Николая I. Въ этомъ письмѣ, пропущенномъ цензоромъ, Чадаевъ заявлялъ, что 900-лѣтнее существованіе Россіи, какъ государства, „представляетъ пробѣлъ въ исторіи человѣческаго духа, поучительный, предостерегающій примѣръ для остальной Европы, что это—страна, не имѣющая прошедшаго, настоящее которой безцѣльно, и что потому она не можетъ имѣть надеждъ на будущее“. Журналъ былъ закрытъ, издатель его сосланъ въ Вологодскую губернію, цензоръ навсегда уволенъ съ государственной службы, а авторъ письма объявленъ сумасшедшимъ! Но сказанное имъ распространилось по всей странѣ, выяснило многимъ значеніе такого самодержавія, какъ самодержавіе Николая, и въ значительной степени способствовало укрѣпленію оппозиціоннаго духа.

Общество утѣшалось, несмотря на тяжелыя внутреннія условія, главнымъ образомъ, тѣмъ, что, повидимому, внѣшнее могущество имперіи возрастало. Къ словамъ царя прислушивались въ европейскихъ государствахъ. Европейскіе монархи возлагали на него свои надежды, когда дѣло шло о подавленіи демократіи и свободомыслія, и русскій царь всегда помогалъ и поддерживалъ абсолютизмъ дипломатическимъ путемъ и вооруженной силой, какъ, напримѣръ, въ 1849 году въ Венгріи. Подавленіе частной иниціативы и сосредоточеніе органовъ общественнаго развитія въ рукахъ правительства, съ одной стороны, привело къ полнѣйшей остановкѣ всякаго прогресса, а съ другой, къ невиданному до тѣхъ поръ даже въ Россіи развращенію чиновниковъ всѣхъ ранговъ; это было извѣстно каждому. Но всѣ были увѣрены, что армія, это любимое дѣтище царя, была въ лучшихъ условіяхъ, что она прекрасно организована и вооружена и въ любую минуту съ успѣхомъ можетъ вести войну противъ всей Европы. Опьяненіе, вызванное побѣдой надъ Наполеономъ, еще не разсѣялось. Русскіе временъ Николая Павловича, за немногими исключеніями, считали свою армію непобѣдимой, и отдѣльныя лица, осмѣливавшіяся высказывать свои сомнѣнія,

на этотъ счетъ, слыли измѣнниками отечества. Даже представители молодого поколѣнія, сдѣлавшіеся въ сороковыхъ годахъ врагами абсолютизма, благодаря чтенію ввозимыхъ тайкомъ произведеній западной литературы, не сомнѣвались въ военной мощи Россіи.

Ихъ планы реформъ касались государственнаго крѣпостного права, гражданскаго управленія и народнаго просвѣщенія. Дѣятельность ихъ долгое время ограничивалась, главнымъ образомъ, теоретическими разсужденіями о цѣляхъ и обязанностяхъ государства, съ одной стороны, и о правахъ управляемыхъ—съ другой. Программа ихъ вначалѣ была такъ же неясна, какъ и ихъ либерализмъ, если только можно серьезно говорить о программѣ этихъ молодыхъ людей, которые лишь мало по малу и полубезсознательно начали образовывать партію.

Подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ и безграничнаго произвола правительства теоретическіе споры выродились въ опредѣленныя практическія желанія. Ужасное, безправное положеніе крѣпостныхъ, злоупотребленія чиновниковъ, полицейское могущество, всеобщее шпіонство, система подкупа, открыто процвѣтавшая даже среди судей, не менѣе открытое расхищеніе общественнаго достоянія, и вялое равнодушіе общества ко всѣмъ этимъ безотраднымъ явленіямъ, должны были раскрыть глаза платоническимъ приверженцамъ реформъ. Они скоро увидѣли, какимъ несообразностямъ прежде всего долженъ быть положенъ конецъ, какія перемѣны наиболѣе важны и необходимы. Теоретическіе споры пріобрѣли конкретное содержаніе и начали сосредоточиваться вокругъ программы.

Однако правительство не терпѣло даже теоріи, если только она заключала въ себѣ критику существующихъ условій. Одно подозрѣніе, что люди могли неблагопріятно думать о самодержавіи, было достаточной причиной установить за такими лицами строгій полицейскій надзоръ. Если затѣмъ о такомъ поднадзорномъ лицѣ доносилось что либо, напр. изъ перехваченныхъ и вскрытыхъ полиціей писемъ, то власти начинали арестовывать, заключать въ тюрьмы и ссылать не только „виновныхъ“, но и всѣхъ, съ которыми онъ находился въ близкомъ общеніи. Это становилось все болѣе и болѣе обычнымъ

явленіемъ съ дальнѣйшимъ усиленіемъ деспотизма; въ той же мѣрѣ разрасталось недовольство молодежи существующимъ порядкомъ вещей, принимавшее все болѣе революціонный характеръ. Въ виду ежедневнаго проявленія такихъ послѣдствій системы, интеллигентные люди, разъ начавшіе задумываться о причинахъ подобнаго неустройства, не могли не понять, что самый строй, неограниченное самодержавіе, являлся дѣйствительной, глубокой причиной всего зла, и потому долженъ быть устраненъ.

Другими словами, развитіе шло обычнымъ порядкомъ. Произволъ вызвалъ оппозицію; насилія противъ пассивнаго проявленія недовольства показали обществу, что правительство, допускающее такой произволъ, представляетъ несомнѣнный вредъ. И чѣмъ большее число лицъ терпѣло отъ насилія, тѣмъ въ болѣе широкихъ кругахъ распространялось это сознаніе друзьями и родственниками пострадавшихъ. Какого рода было тогда правосудіе, особенно ясно видно, напр., изъ разсказа Герцена объ его первой ссылкѣ — во второй части „Былого и Думъ". Онъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ за участіе на одномъ празднествѣ, на которомъ онъ не присутствовалъ, что и могло быть доказано во время судебнаго разбирательства. Но его приговорили тѣмъ не менѣе къ ссылкѣ за присутствіе на этомъ празднествѣ! Характеристика Герценомъ Николаевскаго правосудія, въ связи съ разсказомъ объ этомъ процессѣ, заслуживаетъ быть дословно приведенной, чтобы читатель могъ судить, до какой степени установились другія условія въ царствованіе Николая II.

Герценъ пишетъ: „Таковъ безпорядокъ, звѣрство, своеволіе и развратъ русскаго суда и русской полиціи, что простой человѣкъ, попавшій подъ судъ, боится не наказанія по суду, а судопроизводства. Онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ, когда его пошлютъ въ Сибирь, его мученичество оканчивается съ началомъ наказанія. Теперь вспомнимъ, что три четверти людей, хватаемыхъ полиціей по подозрѣнію, судомъ освобождаются, и что они прошли черезъ тѣ же истязанія, какъ и виновные.

„Петръ III уничтожилъ застѣнокъ и тайную канцелярію,

„Екатерина II уничтожила пытку.

„Александръ I *еще разъ* ее уничтожилъ.

„Отвѣты, сдѣланные „подъ страхомъ“, не считаются по закону. Чиновникъ, пытающій подсудимаго, подвергается самъ суду и строгому наказанію.

„И во всей Россіи—отъ Берингова пролива до Таурогена—людей пытаютъ; тамъ, гдѣ опасно пытать розгами, пытаютъ нестерпимымъ жаромъ, жаждой, соленой пищей; въ Москвѣ полиція ставила какого-то подсудимаго босого, градусовъ въ десять, на чугунный полъ; онъ занемогъ и умеръ въ больницѣ, бывшей подъ начальствомъ князя Мещерскаго, разсказывавшаго съ негодованіемъ объ этомъ. Начальство знаетъ все это, губернаторы прикрываютъ, правительствующій сенатъ мирволитъ, министры молчатъ; государь и синодъ, помѣщики и квартальные, всѣ согласны съ Селифаномъ, „что отчего же мужика и не посѣчь, мужика иногда надобно посѣчь“.

Свѣдѣнія, проникающія во внѣшній міръ, объ обращеніи съ политическими заключенными показываютъ, насколько улучшились въ наши дни условія правосудія въ Россіи по сравненію съ временемъ, описаннымъ Герценомъ.

Герценъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые не могли примириться съ господствовавшими условіями. Рожденный въ 1812 году отъ свободнаго союза знатнаго русскаго помѣщика съ молодой нѣмкой изъ южной Германіи, онъ выросъ въ Москвѣ, въ домѣ своего отца, поступилъ студентомъ въ Московскій университетъ и рано примкнулъ къ кружку молодыхъ недовольныхъ, описанныхъ выше. Кромѣ Герцена, наиболѣе выдающимися въ этомъ кружкѣ были знаменитый писатель Тургеневъ, критикъ и журналистъ Бѣлинскій, произведенія котораго имѣли особенно большое вліяніе на современниковъ, и Бакунинъ, перешедшій отъ теоретически-философской оппозиціи сначала къ революціонному соціализму, а затѣмъ и къ анархизму, ученіе и сочиненія котораго оказали громадное вліяніе на соціалистическое революціонное движеніе въ Россіи.

Гегеліанская философія объединила этихъ и другихъ молодыхъ людей, хотя и не игравшихъ такой роли, но тоже содѣйствовавшихъ развитію революціоннаго движенія.. Тѣ и другіе излагали письменно свои философскія теоріи, иногда затроги-

вавшія дѣйствительность, существовавшія отношенія въ Россіи; весьма скоро молодые радикалы сдѣлались предметомъ подозрѣнія со стороны высшихъ властей. Многіе изъ этого кружка были арестованы, нѣкоторые послѣ комедіи слѣдствія и суда сосланы на долгіе годы, другіе отдѣлались менѣе значительными наказаніями.

Это было настоящимъ воспитаніемъ для революціонеровъ. Какъ сосланные, такъ и ихъ друзья неминуемо должны были придти къ заключенію, что, для установленія новаго лучшаго общественнаго строя, существующій порядокъ вещей долженъ быть уничтоженъ. Въ теченіе значительнаго числа лѣтъ всѣ эти выдающіеся молодые люди болѣе или менѣе открыто находились на сторонѣ революціи, переворота. Тургеневъ покинулъ Россію и писалъ по ту сторону границы свои превосходные романы и разсказы, которые, какъ напр., „Записки охотника“, проливали яркій свѣтъ на бѣдствія народа; сочиненія Тургенева и многихъ другихъ писателей, въ значительной степени разъясняли просвѣщеннымъ классамъ неизбѣжную необходимость освобожденія крѣпостныхъ. Бѣлинскій уѣхалъ въ Петербургъ и, въ качествѣ журналиста, неустанно проповѣдывалъ эту необходимость въ такихъ замаскированныхъ словахъ и ловкой формѣ, что избѣжалъ третьяго отдѣленія и статьи его обыкновенно пропускались цензурой. Во времена Николая Павловича въ Россіи научились великому искусству читать между строкъ, и Бѣлинскій былъ однимъ изъ учителей этого. Онъ не вынесъ напряженія и перутомленія и сравнительно молодымъ умеръ въ Петербургѣ.

Бакунинъ, подобно Тургеневу, покинулъ Россію, жилъ во многихъ мѣстахъ Европы, всюду возбуждалъ вниманіе своимъ смѣлымъ свободомысліемъ и анархическими ученіями, поэтому вездѣ становился предметомъ особаго вниманія властей; его лишили паспорта, съ которымъ онъ выѣхалъ изъ Россіи, и по настоянію царя, въ 1847 году, выслали изъ Франціи; нѣкоторое время онъ вмѣстѣ съ Герценомъ работалъ въ Лондонѣ и затѣмъ, въ качествѣ главнаго руководителя анархическихъ группъ, поселился въ Швейцаріи. Бакунинъ былъ фанатикъ-энтузіастъ, одаренный рѣдкою остро-

тою мысли и способностью излагать свои взгляды съ ясной убѣдительностью, непоколебимо послѣдовательный въ своей логикѣ и совершенно свободный отъ всякихъ эгоистическихъ побужденій. Этимъ и объясняется то огромное вліяніе, которымъ онъ пользовался при жизни, а его произведенія и долгое время послѣ смерти. Онъ умеръ въ Бернѣ въ 1878 году.

Герценъ получилъ наконецъ—послѣ двукратной ссылки—заграничный паспортъ, поселился въ Лондонѣ и предпринялъ цѣлый рядъ изданій, съ намѣреніемъ будить ими духъ сопротивленія и поддерживать революціонныя идеи и стремленія въ Россіи. Наиболѣе извѣстнымъ изъ нихъ была газета „Колоколъ", выходившая два раза въ мѣсяцъ и въ короткое время ставшая въ имперіи Николая настоящей общественной силой, несмотря на всѣ усилія правительства помѣшать ея распространенію.

Находясь въ сношеніи съ множествомъ выдающихся и хорошо освѣдомленныхъ лицъ въ Россіи, Герценъ имѣлъ кромѣ того неоцѣненный источникъ свѣдѣній въ лицѣ Тургенева, черезъ котораго—благодаря вліятельнымъ петербургскимъ друзьямъ писателя—узнавалъ обо всемъ происходившемъ даже въ интимныхъ придворныхъ кругахъ. „Колоколъ" вскорѣ сталъ разсходиться по Россіи въ тысячахъ экземпляровъ и читатели его насчитывались десятками и сотнями тысячъ. Всегда достовѣрныя сообщенія обо всѣхъ значительныхъ событіяхъ дѣлали журналъ интереснымъ для всѣхъ классовъ общества, а горячія, блестящія статьи Герцена о русской дѣйствительности производили очень сильное впечатлѣніе: онѣ читались не только всѣми, имѣвшими какую нибудь склонность къ свободомыслію, но и высшими сановниками и самимъ императоромъ. Герценъ безпощадно раскрывалъ всякаго рода злоупотребленія, указывалъ виновниковъ величайшихъ хищеній народнаго достоянія и освѣщалъ позорную систему подкуповъ, процвѣтавшую во всѣхъ отрасляхъ управленія; онъ доказывалъ въ то же время различными аргументами и съ различныхъ точекъ зрѣнія необходимость освобожденія крестьянъ, какъ первой и важнѣйшей общественной реформы въ Россіи.

Дошло до того, что высшіе сановники, имѣвшіе серьезныя

причины опасаться разоблаченій Герцена, сдѣлали попытку сфабриковать для царя подложную газету. Когда въ одномъ изъ №№ „Колокола“ появились рѣзкія нападки на одного изъ важныхъ придворныхъ сановниковъ, они рѣшили напечатать для царя особый экземпляръ, разумѣется, за исключеніемъ обличительной статьи. Но вскорѣ послѣ этого Герценъ прислалъ императору оттискъ выпущенной статьи и письмо съ объясненіемъ того, какъ монархъ былъ обманутъ!

Вліяніе газеты Герцена на общественное мнѣніе въ Россіи едва ли можетъ быть достаточно оцѣнено. Правда, еще не замѣчалось прямыхъ послѣдствій его работы, но почва для скораго и пышнаго урожая была прекрасно подготовлена. Пока въ Россіи было тихо и спокойно, особенно благодаря тому, что, послѣ французской революціи 1848 года, реакціонный деспотизмъ Николая сталъ проявляться еще ярче. Менѣе чѣмъ когда либо допускалась критика правительства, выраженіе въ печати политическихъ мнѣній, сильнѣе чѣмъ когда либо преслѣдовалась частная иниціатива на какомъ бы то ни было поприщѣ. Затишье обозначалось все рѣзче, реакція становилась гнетущѣе и суровѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и скрытое недовольство дѣлалось все глубже. Благодаря сочиненіямъ Герцена и другихъ либеральныхъ писателей все шире и шире распространялась увѣренность въ томъ, что должна произойти перемѣна, что должны наступить новыя лучшія времена; правда, большинство чувствовало это безсознательно, скорѣе, какъ инстинктъ, а не убѣжденіе, но настолько сильно, что требовался лишь внѣшній толчекъ для того, чтобы довести недовольство до взрыва.

Такимъ толчкомъ послужила Крымская война. Въ моментъ объявленія войны большинство думало, что русская армія быстро разгромитъ войска соединенныхъ державъ, осмѣлившихся вступить на священную почву Россіи. Послѣ долгихъ лѣтъ приготовленій, реорганизаціи, обученія и маневровъ всѣ привыкли считать русскую армію сильнѣе всѣхъ другихъ. И хотя финансовый вопросъ составлялъ государственную тайну, о которой непосвященные не должны были знать, но въ общемъ, всѣ были увѣрены, что финансы находятся въ блестящемъ состояніи. Пробужденіе отъ этихъ иллюзій наступило однако очень быстро.

Соединенныя арміи одержали побѣду въ Крыму. Презираемые турки съ успѣхомъ сопротивлялись войскамъ царя на Дунаѣ. Русскія военныя суда пришлось сжечь и потопить въ Севастопольской гавани, чтобы они не достались врагу. Армія была заперта въ крѣпости, внѣшнія укрѣпленія которой считались неприступными; теперь они оказались въ самомъ жалкомъ состояніи и часть ихъ едва можно было защищать.

Всѣ неблагопріятныя правительству сообщенія тщательно скрывались отъ общества, но въ очень короткое время всюду стало извѣстно, что даже общая военная организація не оправдала ожиданій и оказалась столь же безпомощной и развращенной, какъ и гражданское управленіе. Невозможность контролировать легіоны чиновниковъ безъ помощи просвѣщенныхъ лицъ, дѣйствительной лишь при свободной печати, имѣла и въ военной области слѣдствіемъ ту же развращенность, какъ и въ гражданской. Всюду воровали и продолжали воровать; разнаго рода запасы, которые должны были быть, совершенно отсутствовали; амуниція была очень плоха, войскамъ не хватало одежды, сапогъ и другихъ предметовъ снаряженія, комиссаріатъ стоилъ чудовищныхъ суммъ и, продолжая поглощать таковыя же, оказался во всѣхъ отношеніяхъ совершенно негоднымъ. Уже вскорѣ послѣ начала войны обнаружилось, что денежные запасы государства истощены. Пришлось прибѣгнуть къ выпуску массы бумажныхъ денегъ, которыя, благодаря этому, въ короткое время настолько упали въ цѣнѣ, что и этотъ способъ увеличенія государственныхъ доходовъ оказался непримѣнимымъ. Словомъ, вся система, проводившаяся Николаемъ съ такой неумолимой послѣдовательностью, обнаружила, по отношенію къ внѣшней мощи Россіи, свою полную несостоятельность.

Произошло внезапное всеобщее пробужденіе отъ вялой покорности, въ которую общество допустило себя погрузить, и въ то же время сразу обнаружилось, что уваженіе къ самодержавію совершенно подорвано со всѣхъ сторонъ. Всѣмъ и каждому изъ образованныхъ людей стало ясно, что капральскій режимъ, введенный Николаемъ, привелъ Россію на край пропасти; что враги правительства, либералы и революціонеры, сочиненія которыхъ читались много лѣтъ, правы въ своихъ

утвержденіяхъ; что безъ всеобщаго переворота и либеральныхъ реформъ во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія, невозможно возродить Россію и сдѣлать ее цивилизованной страной. Все рухнуло. Безконечное терпѣніе, съ какимъ переносился невыносимый военный гнетъ, въ увѣренности, что онъ укрѣпляетъ политическое положеніе страны и націи, какъ великой державы, оказалось безрезультатнымъ: Россія была безусловно побѣждена еще до окончанія войны. Солдаты ея какъ всегда были выносливы и храбры, но высшее командованіе, комиссаріатъ, организація, все это громадное зданіе, которому были принесены въ жертву всѣ духовныя и матеріальныя силы государства, было построено на такомъ призрачномъ основаніи, что перваго толчка было достаточно для его разрушенія.

Недовольство сразу стало столь же всеобщимъ и ожесточеннымъ, какъ прежде глубокой и нелицемѣрной была покорность. Недовольство это еще не могло и не рѣшалось высказаться открыто, но въ каждомъ домѣ, въ каждой семьѣ дѣйствія правительства обсуждались такимъ образомъ и въ такихъ выраженіяхъ, какія нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ послужили бы достаточнымъ поводомъ къ долголѣтнему тюремному заключенію и ссылкѣ.

Съ потерею уваженія къ самодержавію исчезъ и страхъ передъ самодержцемъ. Язвительныя нападки на правительство и чиновниковъ, на армію и офицеровъ, на главнокомандующихъ и самого царя сочинялись во множествѣ въ прозѣ и стихахъ и циркулировали въ массѣ копій. Какъ доказательство того, до чего доходила смѣлость, приведемъ въ прозаическомъ переводѣ Мэккензи Уоллеса слѣдующія заключительныя фразы изъ распространеннаго тогда повсюду стихотворенія, въ которомъ излагался взглядъ Николая I на царскую власть, его пріемы управленія страною и прежняя покорность народа:

„Предстань, о царь, передъ судомъ Бога и исторіи! Ты безжалостно попиралъ ногами правду, ты угнеталъ свободу, былъ рабомъ собственныхъ страстей. Своимъ высокомѣріемъ и упрямствомъ ты высосалъ изъ Россіи всѣ силы и принудилъ свѣтъ взяться за оружіе противъ насъ. Склони голову

передъ своими братьями и смирись во прахѣ! Бросься въ объятія народа! Для тебя нѣтъ иного спасенія!“

Подобнаго содержанія произведенія циркулировали по Россіи всюду, и полиція и цензура не могли помѣшать ихъ распространенію или схватить ихъ авторовъ. Долгое недовольство вырвалось наружу и преслѣдовало теперь совершенно революціонныя цѣли. Стремленія и работа либеральныхъ революціонеровъ принесли неожиданно быстро свои плоды. Вся Россія была убѣждена въ томъ, что время для коренныхъ реформъ настало, и что первая и главнѣйшая изъ нихъ—освобожденіе крестьянъ.

Таково было настроеніе въ имперіи, когда въ 1855 году Николай Павловичъ умеръ. Его реакціонный деспотизмъ довелъ Россію до того, что ни онъ, ни другой царь не смогъ бы поддержать подобный государственный строй противъ вызываемаго имъ всеобщаго раздраженія. Для того чтобы задержать революціонный взрывъ, необходимъ былъ громоотводъ, и такимъ громоотводомъ явился либерализмъ, отличавшій первую половину царствованія Александра II. Неиспользованныя и подавленныя духовныя силы Россіи нашли примѣненіе въ различныхъ отрасляхъ общественной дѣятельности. И если результаты этой дѣятельности были не такъ велики и богаты, какъ могли бы быть, при большей продолжительности либеральнаго режима, то умственныя силы все же на много лѣтъ были отвлечены отъ революціоннаго движенія. Николай I вызвалъ къ жизни и воспиталъ враждебное правительству настроеніе, пока оно не проникло все общество. Реформы Александра II произвели задержку въ революціонномъ движеніи. Навсегда положить ему конецъ или придать еще болѣе сильную жизненность зависѣло отъ самого государя.

Царствованіе Александра II.

Періодъ реформъ.

Правительственная система Николая Павловича была причиной революціоннаго настроенія во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Она показала, что монархическому, безотвѣтственному государю невозможно найти достаточно безкорыстныхъ и честныхъ исполнителей своей воли, чтобы они могли безъ контроля работать для блага всѣхъ, страны и народа, а не только для своего собственнаго. Всѣ признавали, что только общество, самъ народъ, можетъ производить необходимый контроль, что поэтому сосредоточеніе всей власти въ рукахъ одного лица съ легіономъ чиновниковъ пагубно, другими словами, что абсолютная монархія не можетъ содѣйствовать развитію государства и благу народа. Поэтому всѣ требовали измѣненія системы.

Убѣжденіе въ томъ, что перемѣна неизбѣжно необходима и близка, въ послѣдніе дни жизни царя было настолько сильно, что почти всюду опасались возстанія крѣпостныхъ. Уже во время набора солдатъ для Крымской войны противъ мятежниковъ приходилось посылать цѣлые полки съ артиллеріей. Когда стало извѣстно о смерти Николая, то въ народѣ не обнаружилось и слѣда того настроенія, которое обыкновенно вызывается кончиною государя. Массы почувствовали себя точно освобожденными отъ невыносимаго бремени. Остальные классы общества испугались. Всѣ сходились на томъ, что должна наступить перемѣна; ужасались, что она можетъ быть произведена силою, и потому были увѣрены, что теперь должны наступить великія реформы.

Что первой и важнѣйшей реформой должно быть уничтоженіе крѣпостной зависимости, это было всѣми признано и высказано. Всѣ понимали, что нельзя разсчитывать на содѣйствіе широкихъ слоевъ народа, пока болѣе десяти милліоновъ крестьянъ лишены всякихъ правъ и предоставлены произволу своихъ господъ. Равенство всѣхъ передъ закономъ, народное самоуправленіе, право свободно критиковать дѣйствія правительства, устраненіе административнаго произвола—таковы были всеобщія требованія; эти основныя условія должны были быть исполнены для того, чтобы мыслимо было прочное улучшеніе въ состояніи страны.

Съ точки зрѣнія абсолютизма, подобныя требованія были совершенно революціонны, такъ какъ въ дѣйствительности они имѣли цѣлью ограниченіе самодержавной власти. Вотъ какіе быстрые успѣхи сдѣлало общественное развитіе, несмотря на невыносимый деспотизмъ Николая, или, скорѣе, благодаря ему. При его воцареніи была кучка смѣльчаковъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, мечтавшихъ объ ограниченіи самодержавія и даже желавшихъ провести его силой. Когда вступилъ на престолъ его преемникъ, требованія декабристовъ съ такой настойчивостью были возобновлены всѣми образованными людьми, что на нихъ нужно было отвѣтить.

Новый царь, Александръ II, склонялся къ исполненію этихъ требованій. Какъ и другіе, онъ хорошо понималъ, что не возможно удержать систему централизаціи, установившуюся при его отцѣ, что къ участію въ управленіи нужно привлечь силы и содѣйствіе народа, и что народъ, поэтому, прежде всего долженъ быть освобожденъ. Уже въ 1856 году, вскорѣ послѣ заключенія мира, Александръ II намекалъ о своихъ намѣреніяхъ собравшимся въ Москвѣ представителямъ дворянства: „Идя навстрѣчу нѣкоторымъ необоснованнымъ слухамъ, я считаю необходимымъ сказать вамъ, что въ настоящее время не имѣю намѣренія отмѣнять крѣпостного право; но, какъ вы сами знаете, существующая система крѣпостного права не можетъ удержаться долго. Лучше отмѣнить крѣпостную зависимость сверху, вмѣсто того, чтобы ожидать, пока она будетъ отмѣнена снизу. Прошу васъ,

господа, взвѣсить, какъ это можетъ быть сдѣлано и передать мои слова для обсужденія дворянству".

Императоръ желалъ и надѣялся, что помѣщики сами сдѣлаютъ починъ подачей петиціи объ отмѣнѣ крѣпостного права. Но дворяне-помѣщики не обнаружили къ этому склонности. Ни въ Москвѣ, ни въ другихъ городахъ государства, они не поддавались на убѣжденія подать петицію о подобномъ государственномъ мѣропріятіи. Наконецъ, въ 1857 году, правительство обратило вниманіе на нѣкоторыя петиціи помѣщиковъ сѣверо-западныхъ губерній о пересмотрѣ извѣстныхъ постановленій, изданныхъ при Николаѣ I и касавшихся отношеній между крѣпостными и помѣщиками. Правда, эти помѣщики вовсе не просили объ отмѣнѣ крѣпостного права, но правительство сочло удобнымъ истолковать ихъ петицію въ желаемомъ смыслѣ. Въ отвѣтъ на нее, знаменитымъ рескриптомъ генералъ-губернатору Литвы Назимову,—Александръ заявилъ о своемъ намѣреніи уничтожить крѣпостное право и разрѣшалъ просителямъ учредить комитеты для составленія проектовъ реформы. Четыре дня спустя, по тайному приказу государя, министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ циркуляры всѣмъ губернаторамъ и предводителямъ дворянства, сообщая имъ о томъ, что дворяне литовскихъ губерній признали „необходимость отмѣны крѣпостного права", и что „это ихъ благородное намѣреніе доставило Его Величеству чрезвычайное удовлетвореніе". Копія рескрипта и основныя правила, которыми надлежало руководствоваться, препровождались при циркулярѣ „на случай, если дворянство другихъ губерній выразитъ подобное желаніе". Чтобы не оставалось уже никакихъ сомнѣній, императоръ, черезъ нѣсколько недѣль, заявилъ въ публичной рѣчи о своей надеждѣ успѣшно выполнить дѣло „съ помощью Божіей и при содѣйствіи дворянства".

При этомъ первомъ великомъ шагѣ на пути преобразованій, всю Россію охватилъ бурный восторгъ. Безнаказанно пренебрегавшая цензурными постановленіями Николая, печать подчеркивала, что освобожденіе крестьянъ откроетъ новую, блестящую эру въ развитіи имперіи, и обсуждала дальнѣйшія реформы, которыя должны послѣдовать въ освободительномъ

направленіи за этимъ первымъ шагомъ. О надеждѣ, которую питали многіе, еще не рѣшались открыто говорить, но частнымъ образомъ всѣми признавалась необходимость конституціи. Полагали, что дворянство, которое все въ большемъ и большемъ количествѣ стало заявлять о своей готовности отказаться отъ выгоднаго для него крѣпостного права, могло взамѣнъ требовать для себя и для остальныхъ подданныхъ участія въ управленіи страной; всѣ считали поэтому, что дальнѣйшимъ слѣдствіемъ освобожденія крестьянъ будетъ выработка конституціи.

Вскорѣ однако наступилъ поворотъ въ обратную сторону. Комитеты, назначенные для составленія окончательныхъ проектовъ относительно проведенія реформъ, работали очень медленно; правительство начало поддаваться вліяніямъ со стороны тѣхъ круговъ, въ которыхъ мысль объ освобожденіи крестьянъ возбудила неудовольствіе и ропотъ.

Дворяне всего государства послѣдовали призыву царя и образовали комитеты, вырабатывавшіе, независимо другъ отъ друга, упомянутые проекты. Они направлялись затѣмъ въ Петербургъ въ, такъ называемый, редакціонный комитетъ, состоявшій главнымъ образомъ изъ бюрократическихъ элементовъ и потому боязливо заботившійся объ интересахъ самодержавія и чиновнаго міра, т. е. о своихъ собственныхъ.

Помѣщики, послѣ нѣкотораго колебанія, сумѣли понять важность положенія и условія общаго блага; въ большинствѣ они приступили къ дѣлу проведенія реформы съ честными намѣреніями, но постепенно оттѣснялись правительственными чиновниками. Интересы меньшинства, направленные противъ освобожденія крестьянъ, начали заявлять о себѣ все громче въ отношеніи деталей самаго закона о раскрѣпощеніи. Никому даже въ голову не могло придти попытаться побудить царя взять обратно свое обѣщаніе объ освобожденіи крестьянъ: отмѣна крѣпостного права, вѣдь, могла быть произведена выгоднымъ образомъ для крестьянъ, а слѣдовательно и для помѣщиковъ.

Среди самихъ крестьянъ еще жили традиціи того времени, когда въ Россіи не было крѣпостной зависимости, когда существовалъ многочисленный классъ настоящихъ крестьянъ

мелкихъ землевладѣльцевъ и когда неимѣвшіе земли или усадьбы пользовались правомъ свободно искать работы въ любомъ мѣстѣ. Понятія о переходѣ отъ свободы къ крѣпостному состоянію были у простого народа весьма смутны и должны были быть таковыми. Даже среди образованныхъ русскихъ нашего времени сплошь и рядомъ встрѣчается мнѣніе, что крѣпостное состояніе было введено указомъ полукровнаго татарина Бориса Годунова, сдѣлавшагося царемъ въ 1598 и процарствовавшаго до 1605 года и почти единственно отвѣтственнаго за то, что крестьяне въ Россіи сдѣлались glebae adscripti.

Въ дѣйствительности же, по изслѣдованіямъ русскихъ ученыхъ, дѣло было не такъ. По мнѣнію, пожалуй, наиболѣе выдающагося изслѣдователя въ этой области, Бѣляева, законоположеніе Бориса Годунова представляло, по отношенію къ крестьянамъ, лишь подтвержденіе и, отчасти, распространеніе на новыя области постепенно установившихся и развивавшихся отношеній. Интересы отдѣльныхъ мелкихъ князей, крупныхъ помѣщиковъ и, наконецъ, московскаго государства, потребности ихъ въ постоянной наличности рабочихъ силъ и солдатъ для войска обусловили ограниченіе свободы крестьянъ и простого народа сначала произвольными, часто насильственными мѣрами отдѣльныхъ лицъ, а впослѣдствіи распоряженіями и указами правительства, стремившагося ихъ узаконить.

Какъ и въ другихъ странахъ, въ Россіи, съ незапамятныхъ временъ, были крѣпостные: военноплѣнные и лица, которые вслѣдствіе долговъ или большой бѣдности, насильственно или добровольно, превратились въ крѣпостныхъ. Но масса народа состояла изъ свободныхъ людей, среди которыхъ — какъ и вездѣ — постепенно обозначалась разница между воинами и рабочими. Послѣднихъ, съ теченіемъ времени, стали обязывать содержать первыхъ, благодаря чему они попадали во все болѣе зависимое положеніе по отношенію къ тѣмъ, которые фактически дѣлались господами и главными владѣльцами земли. Рабочіе были однако свободны, могли поступать на службу, куда хотѣли, и среди нихъ мало по малу развился обычай наниматься сразу на

цѣлый годъ. Юрьевъ день въ ноябрѣ былъ днемъ, въ который рабочіе имѣли право оставлять свою службу. Обычай этотъ, повидимому, былъ распространенъ въ Россіи повсемѣстно.

По мѣрѣ того, какъ московское царство развивало свою силу и противилось притязаніямъ татарскихъ хановъ, возрастали его потребности въ солдатахъ и деньгахъ и соотвѣтственно съ этимъ требованія, предъявляемыя къ боярамъ, т. е. землевладѣльцамъ и мелкимъ князьямъ, состоявшимъ въ подданствѣ у царя. Эти послѣдніе въ свою очередь соотвѣтственно увеличивали свои требованія къ подчиненнымъ имъ крестьянамъ, которымъ приходилось нести тѣмъ большія тяготы, чѣмъ значительнѣе расширялось государство и распространялось его вліяніе на новыя области. Въ этихъ новыхъ, далеко отстоящихъ отъ Москвы, областяхъ для обремененныхъ московскихъ крестьянъ было много благопріятныхъ условій, чтобы сдѣлаться землевладѣльцами и независимыми, поэтому они маленькими группами, а затѣмъ и большими партіями, вмѣсто того, чтобы наниматься, покидали мѣстность, гдѣ ихъ трудъ и ихъ личная свобода обращались для государственныхъ цѣлей, которыя были имъ безразличны, а зачастую даже ненавистны.

Въ этомъ заключалась очевидная опасность для царизма, который пожелалъ ограничить стремленія къ подобнымъ выселеніямъ. Ближайшимъ средствомъ было, разумѣется, запрещеніе переселеній. Вначалѣ эти запрещенія были временными, назначались только на опредѣленный срокъ, захватывая лишь извѣстную мѣстность; но затѣмъ они возобновлялись все чаще, становились все болѣе продолжительными, пока не сдѣлались, наконецъ, постоянными и не распространились на все государство. Съ расширеніемъ его границъ, распространялась на все большія области и крѣпостная зависимость, пока не воцарилась, наконецъ, во всемъ государствѣ, особенно въ Европейской Россіи, и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ она появилась впервые, именно въ Великороссіи, съ Москвою въ центрѣ.

Борисъ Годуновъ положилъ только начало этому развитію; какъ до него, такъ и послѣ него, этимъ дѣломъ занимались другіе

цари до Екатерины II, въ царствованіе которой крѣпостное состояніе было введено еще въ нѣкоторыхъ частяхъ Малороссіи, и крѣпостные были поставлены въ еще большую зависимость отъ своихъ господъ. И это было совершенно естественно. Будучи вначалѣ лишь *glebae adscripti,* т. е. прикрѣпленными къ землѣ, но пользуясь въ остальномъ всѣми гражданскими правами, крестьяне все болѣе порабощались своими господами, пока тѣ, наконецъ, не стали считать, что имѣютъ право продавать ихъ вмѣстѣ и отдѣльно отъ земли, съ которою они были связаны; такимъ образомъ крѣпостные лишились не только гражданскихъ, но и самыхъ элементарныхъ правъ.

Вотъ именно благодаря такому постепенному введенію крѣпостного состоянія въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій крестьяне могли помнить о тѣхъ временахъ, когда свобода и право на владѣніе землей существовало безъ изъятія для всего русскаго народа. Достаточно было только намека на возможность вернуться къ такому положенію вещей, чтобы вдохнуть новую жизнь въ старый укладъ и возродить надежды и желанія.

Въ годы передъ освобожденіемъ крестьянъ печать позаботилась о томъ, чтобы эти желанія получили фактическое и историческое обоснованіе. Журналисты и ученые углубились въ изслѣдованіе крѣпостного права и прежняго положенія крестьянъ. Результаты этихъ изслѣдованій были опубликованы въ газетахъ, журналахъ и брошюрахъ, принимались даже въ тѣхъ частяхъ, гдѣ критика была бы естественна, и постепенно распространились до низшихъ слоевъ народа. Въ короткое время было выставлено всеобщее требованіе не только личнаго освобожденія крестьянъ, но и надѣленія ихъ землей, чтобы они могли быть землевладѣльцами и независимыми.

Интересы крестьянъ и землевладѣльцевъ въ этомъ пунктѣ были діаметрально противоположны. Обыкновенно крѣпостные обрабатывали нѣкоторую часть имѣнія за свой собственный счетъ и потому обязывались предоставлять въ распоряженіе землевладѣльцевъ извѣстную часть своего времени, т. е. свою рабочую силу. Правительство старалось отъ времени до времени различными указами урегулировать эти отношенія,

чтобы противодѣйствовать слишкомъ сильной эксплуатаціи крѣпостныхъ помѣщиками, но постоянныхъ законовъ не было создано. Всѣ, такъ называемые, государственные крестьяне и множество принадлежавшихъ частнымъ лицамъ платили ежегодную дань деньгами—„оброкъ“, и могли жить гдѣ хотѣли; тогда какъ другіе, слуги или дворовые, зависѣли всецѣло отъ своихъ господъ, содержались ими и занимали во всѣхъ отношеніяхъ самое угнетенное положеніе. Принадлежащихъ казнѣ крѣпостныхъ было около $22^1/_2$ милліоновъ „душъ“, и приблизительно столько же въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ.

Крѣпостные полагали, что земля, которую обрабатывали они и ихъ отцы, принадлежитъ имъ и только ихъ рабочая сила была отчасти собственностью помѣщиковъ, а земля безъ дальнѣйшихъ разсужденій должна возвратиться къ нимъ. Помѣщики же, наоборотъ, находили, что терпятъ достаточно убытковъ отъ утраты одной только рабочей силы, и противились притязаніямъ крѣпостныхъ на землю, не надѣясь получить за это соотвѣтствующаго вознагражденія.

На этой-то почвѣ и разыгралась самая горячая борьба. Крестьяне въ казенныхъ владѣніяхъ почти не принимались въ расчетъ, также какъ и домашніе слуги, которымъ земли не полагалось. Результатомъ столкновенія враждебныхъ интересовъ явился компромиссъ, повидимому примирявшій интересы и крѣпостныхъ и помѣщиковъ, но въ непродолжительномъ времени оказавшійся весьма невыгоднымъ для крестьянъ: въ немъ видятъ первую причину все возрастающей нищеты русскаго народа, побуждающей его уже въ наше время желать новыхъ государственныхъ реформъ.

Указъ объ отмѣнѣ крѣпостного права былъ изданъ 19 февраля 1861 года, но относился лишь къ крѣпостнымъ имѣній частныхъ землевладѣльцевъ и къ дворовымъ, каковые должны были оставаться еще два года въ прежнихъ отношеніяхъ къ своимъ господамъ, послѣ чего могли искать себѣ службу, гдѣ пожелаютъ. Первые вступали немедленно въ полное обладаніе гражданскими правами и получали извѣстную часть земли, приблизительно равную той, которую крѣпостные ранѣе обрабатывали для себя лично.

Но эта земля поступала въ полную собственность общи-

ны—„міра“, а не отдѣльныхъ ея членовъ. Точно также прежніе крѣпостные отнюдь не получали земли даромъ.

Общинный міръ издавна существуетъ въ Россіи, въ которой коммунистическіе принципы еще донынѣ господствуютъ въ народѣ въ нѣкоторыхъ областяхъ. Для помѣщиковъ это учрежденіе было очень удобно. Вмѣсто того, чтобы имѣть дѣло съ множествомъ лицъ, они сносились лишь съ одной коллективной единицей — міромъ, члены котораго, по отношенію къ помѣщикамъ ручались одинъ за всѣхъ и всѣ за одного; за то они имѣли право устраивать свою внутреннюю жизнь, выбирать своихъ собственныхъ руководителей, словомъ, представляли въ нѣкоторомъ отношеніи автономное общество. Это учрежденіе было поставлено теперь подъ защиту правительства освободительнымъ закономъ.

Этому способствовали отчасти практическія удобства, а главнымъ образомъ теоретическіе взгляды его сторонниковъ. Эти усовершенствователи общества, ревностно принимавшіе участіе въ открытомъ обсужденіи различныхъ реформъ, думали, что община будетъ способна противостоять всѣмъ опасностямъ соціальнаго развитія западныхъ странъ, выражающагося въ образованіи и развитіи рабочаго пролетаріата. Дѣлая освобожденныхъ крѣпостныхъ общинниками, коллективно владѣющими землей, ихъ хотѣли привязать къ общинамъ и, такимъ образомъ, воспрепятствовать образованію свободнаго рабочаго класса, легко поддающагося всякимъ вреднымъ вліяніямъ и лжеученіямъ.

Положенія эти были приняты всѣми, какъ нѣчто непреложное. Всѣ были убѣждены въ томъ, что въ общинѣ Россія нашла разрѣшеніе соціальнаго вопроса, и, сообразно съ этимъ убѣжденіемъ преобладающаго большинства, дѣйствовало и правительство. Такимъ образомъ землю за счетъ освобожденныхъ крестьянъ получилъ міръ, а не сами крестьяне. У послѣднихъ привыкшихъ съ языческихъ временъ къ такому общинному владѣнію, это постановленіе освободительнаго закона не вызвало ни малѣйшаго неудовольствія.

Совершенно иное было отношеніе къ вознагражденію за полученную землю. Ни одинъ крестьянинъ не сомнѣвался, что вся земля, обрабатывавшаяся крѣпостными, должна быть пре-

доставлена имъ безплатно. По ихъ понятіямъ, не лишеннымъ нѣкотораго историческаго основанія, помѣщики первоначально получили землю отъ царя, въ вознагражденіе за оказанныя ему услуги, а не въ собственность и наслѣдіе. Затѣмъ многіе цари предоставляли помѣщикамъ право требовать отъ крестьянъ податей работой и деньгами все на такихъ же основаніяхъ. Право это, по мнѣнію крестьянъ, не имѣло ничего общаго съ землевладѣніемъ, котораго теперь царь лишалъ помѣщиковъ. Разсужденія ихъ по этому поводу касались лишь вопроса, отойдетъ ли къ нимъ вся земля помѣщиковъ, и если нѣтъ, то насколько значительную часть ея они могутъ считать своей собственной. И вдругъ освободительный законъ постановилъ, что и за эту ихъ собственную землю они должны платить выкупныя деньги.

Еслибъ этотъ выкупъ былъ, по крайней мѣрѣ, умѣреннымъ, крестьяне съ теченіемъ времени легче примирились бы съ этой, какъ они считали, несправедливостью. Но въ началѣ въ матеріальномъ положеніи крестьянъ не произошло особаго улучшенія. Освободительный манифестъ былъ опубликованъ много раньше, чѣмъ были выработаны и утверждены частности реформы. Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ новаго порядка крестьяне должны были деньгами или своей работой платить проценты за землю, полученную міромъ. Только въ 1863 году былъ изданъ уставъ о выкупѣ этихъ земель и самый выкупъ ставился еще въ зависимость отъ помѣщиковъ. Если помѣщики соглашались уступить землю прежнимъ крѣпостнымъ, то послѣдніе обязывались уплачивать нѣкоторую минимальную годичную ренту; но если помѣщики не желали, то ихъ нельзя было принудить къ уступкѣ земли. Въ 1863 году, послѣ польскаго возстанія, былъ изданъ указъ, обязавшій помѣщиковъ польскихъ губерній соглашаться на такой договоръ, если этого требовали крестьяне, но въ Россіи собственно это обязательство было установлено лишь въ 1883 г., при Александрѣ III.

Размѣръ выкупа за землю вычислялся въ соотвѣтствіи съ оброками бывшихъ крѣпостныхъ на томъ земельномъ надѣлѣ, который они получили, капитализируя оброки изъ 6%. Правительство выплачивало процентными облигаціями

всю сумму, если соглашеніе между крестьянами и помѣщиками состоялось добровольно, и — $^4/_5$, если помѣщики пользовались своимъ правомъ и принуждали крестьянъ выкупать землю. Позднѣе, правительство повысило выкупную плату съ крестьянъ, которые должны были уплачивать $^1/_5$ наличными, а затѣмъ въ теченіе 49 лѣтъ вносить по 6% съ остающихся $^4/_5$, которыя такимъ образомъ амортизировались. Принимая, напримѣръ, что міръ получилъ 900 дес. земли, при доходности десятины въ три руб. по вышеупомянутому расчету, или въ общемъ 27.000 руб., то выкупъ за эти 900 дес. долженъ составлять капиталъ въ 45.000 руб., 6% съ котораго составляютъ 2700. Изъ этого капитала міръ долженъ былъ уплатить $^1/_5$, или 9000 руб. наличными, а на остающіяся 36.000 ежегодно уплачивать 6% въ процентъ и амортизацію въ теченіе 49 лѣтъ. Но 6% съ 36.000 составляютъ 2160 р.; помноживъ эту сумму на 49, получимъ 105.840; значитъ міръ, внеся уже 9000 наличными, долженъ былъ уплатить за свои 900 дес., стоимостью въ 45.000, въ общемъ— 114.840 руб.

Къ этому прибавились еще различнаго рода общественныя и государственныя повинности, о которыхъ крѣпостные едва ли что нибудь подозрѣвали; но наиболѣе тяжелымъ бременемъ безусловно были таможенныя пошлины на предметы самой первой необходимости, въ родѣ соли и желѣза. Излишне вдаваться въ дальнѣйшія подробности, чтобы показать, что благодаря различнымъ побочнымъ вліяніямъ, освобожденіе крестьянъ, какъ оно было проведено на практикѣ, отнюдь не улучшило ихъ матеріальнаго положенія; наоборотъ, оно до такой степени ухудшило его, что нужда стала постоянной въ большей части страны.

Для государственныхъ крестьянъ освобожденіе наступило лишь въ 1866 году, причемъ они были поставлены въ такое же неблагопріятное матеріальное положеніе, какъ и бывшіе крѣпостные. И подобно имъ они тоже весьма скоро оказались недовольны измѣнившимися условіями.

Помимо тяжелыхъ земельныхъ налоговъ, у крестьянъ было еще много поводовъ къ неудовольствію. Правительство, какъ

сказано, сдѣлало міръ отвѣтственнымъ за всѣ наложенныя на крестьянъ тяготы, но кромѣ того рядомъ съ нимъ и надъ нимъ поставило другую вновь созданную единицу—волость. Міръ былъ независимой отъ правительственныхъ чиновниковъ коммунальной общиной, глава которой, староста, выбирался крестьянами. Организованная для административныхъ цѣлей волость, состояла изъ большаго или меньшаго числа членовъ міра, и въ общемъ совпадала съ приходской общиной. Глава ея, старшина, тоже выбирался крестьянами; но такъ какъ онъ находился въ прямой связи съ чиновниками, то послѣдніе и, особенно, полицейскій исправникъ, имѣли на него сильное вліяніе; и старшина, какъ начальникъ волости, становился все болѣе зависимымъ отъ чиновниковъ и полиціи. Такимъ образомъ, къ возрастающему неудовольствію крестьянъ, самостоятельность міра постепенно стала столь ограниченной, что о существованіи ея почти не стоитъ говорить.

Самая нарѣзка земли, которую должны были получить общины, также дала поводъ къ раздорамъ, не прекратившимся еще и понынѣ. Вначалѣ эта щекотливая обязанность была возложена на помѣщиковъ, которые изъ интереса къ великой реформѣ и ея проведенію рѣшали вопросъ наилучшимъ и справедливѣйшимъ образомъ. Пока дѣло находилось въ ихъ рукахъ, нарѣзка происходила къ удовольствію крестьянъ безъ особыхъ шероховатостей. Помѣщики большей частью избирали способъ непосредственной передачи земли крѣпостнымъ. Правда, они, такимъ образомъ, получали всего $^4/_5$ выкупной платы, но эта сумма составляла въ общемъ болѣе чѣмъ приличную цѣну за уступленную землю; кромѣ того помѣщики могли устраивать обыкновенно свои весьма запутанныя дѣла благодаря государственнымъ закладнымъ листамъ, которые они получали за нее. Сложная процедура отчужденія крестьянскихъ земельныхъ участковъ отъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ такимъ образомъ встрѣтила вначалѣ гораздо меньше затрудненій, чѣмъ ожидали.

Но добровольные посредники, работавшіе исключительно изъ интереса къ дѣлу, разрѣшивъ первую и наиболѣе трудную часть задачи, стали, одинъ за другимъ, отказываться отъ своихъ обязанностей и возвращаться къ прежней дѣятель-

ности; ихъ мѣсто заняли другіе люди, взявшіе на себя эту работу изъ-за приносимыхъ ею доходовъ. И они дѣйствовали совершенно такъ же,—какъ и остальные правительственные чиновники, въ смыслѣ подкупности, равно и въ другихъ отношеніяхъ. Всюду, гдѣ урегулированіе земельнаго вопроса еще не было закончено, т. е. во всѣхъ почти губерніяхъ, новымъ чиновникамъ удалось такъ повести работы, какъ это было выгодно для нихъ самихъ; но благодаря этому недовольство крестьянъ осуществленіемъ великой реформы и недовѣріе ихъ къ правительству стало все возрастать. Наконецъ, дошло до того, что указомъ 1874 г. заключеніе работъ по раздѣлу земель было возложено на исправниковъ!

Главная цѣль великой освободительной реформы—превращеніе, составлявшихъ большинство народа, крѣпостныхъ въ свободныхъ самостоятельныхъ хозяевъ, была такимъ образомъ совершенно искажена отдѣльными распоряженіями и указами относительно практическаго проведенія этой реформы въ жизнь. Консервативные взгляды Александра II все болѣе брали верхъ. Онъ понялъ, что избранный имъ путь реформъ неизбѣжно долженъ повести къ введенію демократической формы общественнаго строя, съ постоянно расширяющимися правами самого народа. И понимая это, онъ все болѣе поддавался вліянію тѣхъ, которые говорили ему, что расширеніе правъ народа неминуемо побудитъ его требовать еще больше, пока не возникнетъ вопросъ уже о самомъ самодержавіи. Послѣ польскаго возстанія 1863 г. Александръ сталъ особенно чувствителенъ къ такимъ аргументамъ. Преобразовательный пылъ его постепенно ослабѣвалъ. Либеральные люди, съ такимъ энтузіазмомъ работавшіе съ нимъ въ первые годы, должны были уступить мѣсто совѣтникамъ консервативнаго и даже реакціоннаго образа мыслей; вліяніе этихъ людей и привело къ тому, что онъ мало по малу выступилъ на путь, приведшій къ умаленію и даже къ отмѣнѣ дѣйствія ранѣе введенныхъ реформъ.

Прежде чѣмъ Александръ II окончательно очутился во власти такихъ вліяній, было начато еще нѣсколько важныхъ преобразованій,—чтобы впослѣдствіи, подобно освободительной реформѣ, по частямъ быть сведенными на нѣтъ. Самой важ-

ной и многообѣщавшей изъ этихъ реформъ было введеніе общиннаго самоуправленія и, такъ называемаго, земства.

Единственнымъ намекомъ на мѣстное самоуправленіе, наблюдаемымъ въ Россіи новѣйшихъ временъ, можно считать губернскія дворянскія собранія; но они никогда не достигали того значенія, которое могли бы имѣть, если бы дворянство съ надлежащей настойчивостью отстаивало свои права передъ царемъ. Поэтому земство было совершенно новымъ учрежденіемъ, изъ котораго, дѣйствительно, могло постепенно вырасти самоуправленіе для всего народа, если бы оно могло развиваться естественно и безъ помѣхи.

Земскія общины распадались на двѣ различныя категоріи: небольшія уѣздныя земства, и значительныя, охватывавшія цѣлую губернію, — губернскія. Въ первыхъ были представители отъ помѣщиковъ, отъ волостей, защищавшіе интересы крестьянъ, и отъ городскихъ сословій уѣзда. Каждое уѣздное земство посылало въ губернское отъ семи до восьми представителей. Въ компетенцію этихъ учрежденій входило рѣшеніе вопросовъ по содержанію дорогъ и мостовъ, первоначальному обученію, народному здравію, равно какъ и изысканіе средствъ для этихъ цѣлей; на нихъ же лежалъ и выборъ мировыхъ судей.

Введеніе этихъ учрежденій было встрѣчено съ чрезвычайными надеждами всѣми образованными классами; всѣ надѣялись, что теперь Россія избавится отъ развращенной своры чиновниковъ, ставшихъ столь невыносимыми при Николаѣ I. Такъ бы и случилось, еслибъ земство могло спокойно работать въ отведенныхъ ему предѣлахъ. Но этого не произошло. На расквартированіе войскъ, сельскую полицію и многія другія не-земскія нужды правительство отвлекало столь значительную часть средствъ, собираемыхъ земствами посредствомъ налоговъ, что для собственныхъ потребностей земствъ оставалось очень мало. Цѣлымъ рядомъ циркуляровъ и указовъ дѣятельность земствъ все болѣе ограничивалась, тогда какъ начатая ими въ то же время работа на „дозволенномъ“ поприщѣ, напримѣръ, въ сферѣ народнаго образованія, всѣми средствами задерживалась и затруднялась. Условія, при которыхъ земство могло бы приносить дѣйстви-

тельную пользу, искажены до такой степени, что все это учрежденіе, въ его теперешнемъ состояніи, представляетъ не болѣе, какъ пустую скорлупу. Но содержаніе ея стоитъ почти столько же, какъ еслибъ она заключала въ себѣ здоровое ядро—и такимъ образомъ является дальнѣйшимъ, хотя и косвеннымъ поводомъ къ недовольству господствующей системой, особенно же потому, что и земства отчасти были подчинены вліянію правительственныхъ чиновниковъ.

Та же неудача постигла и крупную судебную реформу, которую Александръ II предпринялъ въ 1862 году. При Николаѣ I правосудіе упало такъ низко, что слова „судья“ и „обманщикъ“ стали почти синонимами. О „правосудіи“ не было и рѣчи; вліяніе высшихъ сановниковъ всегда рѣшало процессы въ пользу тѣхъ, кто пользовался ихъ расположеніемъ, а послѣднее обыкновенно достигалось путемъ щедрыхъ приношеній кому слѣдуетъ. Съ мелкими дѣлами было еще легче: оправданіе просто покупалось у судьи. Кто не удовлетворялся его рѣшеніемъ, могъ всегда, такъ или иначе, добиться измѣненія его „административнымъ путемъ“, ибо для правительства администрація значила гораздо больше, чѣмъ законъ и право.

Всѣ признавали, что установленіе прочныхъ реформъ въ какой бы то ни было области невозможно безъ реорганизаціи судебнаго дѣла. Вышеупомянутый указъ 1862 г. произвелъ такую реорганизацію по европейскому образцу, — преимущественно французскому и частью англійскому. Въ качествѣ низшей инстанціи для маловажныхъ проступковъ была введена должность мировыхъ судей, замѣщавшаяся по выбору и не требовавшая юридическаго образованія; для болѣе важныхъ случаевъ существовали коллегіальные суды, члены которыхъ избирались правительствомъ среди юридически образованныхъ лицъ. На рѣшенія этихъ низшихъ судовъ можно апеллировать въ суды высшихъ инстанцій: на мирового судью въ созывавшееся каждый мѣсяцъ собраніе всѣхъ мировыхъ судей уѣзда, а на рѣшенія, такъ называемаго, окружного суда— въ судебную палату. Послѣдней инстанціей былъ сенатъ, „кассаціонный судъ“—разумѣется, за исключеніемъ царя, который могъ отмѣнять приговоръ всякаго суда. Для уголовныхъ преступленій были введены суды присяжныхъ.

Ясно, что введеніе столь сложныхъ учрежденій, какъ только что указанныя, должно было встрѣтить массу затрудненій, потому что большинство народа было лишено всякой подготовки для правильнаго уразумѣнія ихъ сущности. Но, несмотря на это, несмотря на несправедливые приговоры, постановляемые вначалѣ судами присяжныхъ, а также и мировыми судьями, реорганизація судебнаго производства представляла все же большой прогрессъ и сдѣлала много хорошаго; она, конечно, воспитала бы постепенно въ русскомъ народѣ другія понятія о правосудіи и справедливости, чѣмъ тѣ, которыя были распространены до тѣхъ поръ. Но суды не могли функціонировать независимо отъ правительства, также какъ и другія учрежденія. „Административное судопроизводство", никогда не прекращавшее своей дѣятельности, уже во вторую половину царствованія Александра II господствовало во всѣхъ случаяхъ, исходъ которыхъ представлялъ для правительства особый интересъ. И если кто нибудь, имѣвшій хорошія связи, былъ недоволенъ законнымъ результатомъ процесса, то всегда могъ добиться особаго приказанія императора, по которому его дѣло ставилось внѣ всякой зависимости отъ установленнаго правосудія, выше законовъ и судей.

Съ теченіемъ времени система эта стала господствующей: „административное судопроизводство" совершенно отмѣнило законное, благодаря чему ни одинъ русскій гражданинъ не можетъ быть увѣренъ въ своей свободѣ, жизни и имуществѣ, какъ бы точно и добросовѣстно онъ ни слѣдовалъ предписаніямъ *закона*.

Мы вышли бы слишкомъ далеко за предѣлы нашей работы, еслибъ захотѣли указать, какъ всѣ реформы, введенныя или начатыя въ первые годы правленія Александра II, съ его собственнаго согласія, мало по малу были урѣзаны; управленіе страной еще при жизни его стало столь же реакціоннымъ, какъ и во времена его отца и другихъ предшественниковъ. Только по отношенію къ Финляндіи Александръ II до конца дней своихъ оставался вѣренъ либерализму, проявленному имъ при созывѣ финляндскаго сейма. Въ Россіи либерализмъ его не былъ продолжительнымъ.

Но все же онъ сдѣлалъ очень много, разбудивъ и приведя въ движеніе всѣ духовныя силы Россіи. Мечты о болѣе

достойномъ человѣка существованіи, о свободѣ и справедливости для всѣхъ, о правѣ народа опредѣлять свое собственное развитіе, о конституціонномъ самоуправленіи, словомъ — идея переворота, революціи, какъ единственное средство спасенія, распространилась въ первые годы царствованія Александра и пустила корни въ такихъ слояхъ населенія, которые прежде не задумывались надъ государственнымъ устройствомъ или формою правленія. Это вскорѣ стало ясно каждому, кто только ближе всматривался въ общественныя явленія въ Россіи. Недовольство медлительностью начатыхъ реформъ, которую царь началъ обнаруживать уже вскорѣ послѣ польскаго возстанія, дало непосредственный толчекъ революціоному движенію, съ тѣхъ поръ уже никогда не прекращавшемуся. Отвращеніе къ невѣроятнымъ жестокостямъ въ Польшѣ и основательныя опасенія, что періодъ реформъ идетъ къ концу, вызвали броженіе, которое въ 1866 г. выразилось въ попыткѣ Каракозова убить царя въ Лѣтнемъ саду. Это было серьезнымъ предостереженіемъ. Но Александръ далекій отъ того, чтобы внять ему, сталъ съ тѣхъ поръ все болѣе уклоняться отъ продолженія реформъ и еще нерѣшительнѣе относиться къ избранной имъ было политикѣ; поэтому онъ не могъ уже противиться вліянію тѣхъ, которые влекли его все дальше на путь реакціи, къ его собственной гибели и гибели Россіи.

Революціонное движеніе при Александрѣ II.

Надежды на продолженіе коренныхъ реформъ до совершеннаго преобразованія государственнаго устройства были слишкомъ сильны вначалѣ царствованія Александра II; естественно, возникла мысль о возможности ихъ проведенія, помимо правительства, когда послѣднее обнаружило склонность остановиться. При деспотическомъ режимѣ Николая понадобилось такое исключительное доказательство, какъ Крымская война, чтобы заставить недовольныхъ заговорить рѣшительнѣе о необкодимости какой нибудь перемѣны. Теперь же, спустя всего десять лѣтъ, достаточно было лишь признака

отступленія отъ либеральнаго режима, чтобы снова вызвать къ жизни оппозиціонный духъ и заставить его проявиться. За эти годы общее развитіе сдѣлало быстрые успѣхи, настроеніе было совсѣмъ иное.

Покушеніе Каракозова было доказательствомъ броженія, охватившаго всю Россію, какъ только обнаружились первые признаки затишья. Во всѣхъ почти большихъ городахъ государства образовались тайныя общества; съ разныхъ сторонъ обсуждалась возможность революціи; тутъ и тамъ говорили объ убійствѣ правителя; всюду указывалось на необходимость энергичной работы въ оппозиціонномъ направленіи, чтобы, несмотря на начинающуюся реакцію, завершить дѣло преобразованія. Въ годы, послѣдовавшіе за казнью Каракозова, это броженіе все росло по мѣрѣ того, какъ правительство становилось на путь все болѣе реакціонной политики; однако, ничего рѣшительнаго не предпринималось ни съ той, ни съ другой стороны. Революціонное настроеніе выражалось главнымъ образомъ въ разсужденіяхъ, поворотъ правительства обнаруживался болѣе въ пріостановкѣ либеральныхъ реформъ, нежели въ прямо реакціонныхъ мѣропріятіяхъ.

Въ это время—во вторую половину 60-хъ гг.—возникло и значительно развилось движеніе, названное Тургеневымъ „нигилизмомъ“; названіемъ этимъ пользовались впослѣдствіи говоря о революціонномъ движеніи, хотя здѣсь дѣло шло о двухъ совершенно различныхъ вещахъ. Настоящій нигилизмъ 60-хъ гг. былъ философскимъ и литературнымъ теченіемъ, начавшимся въ ту пору, когда проснулись къ жизни всѣ духовныя силы Россіи; онъ былъ не политической, а моральной оппозиціей противъ всѣхъ излишнихъ оковъ, налагаемыхъ обыкновенно обществомъ на своихъ членовъ, и потому во всемъ отстаивалъ права отдѣльной личности. Короче говоря, нигилизмъ былъ отрицаніемъ во имя индивидуальной свободы всѣхъ обязательствъ, налагаемыхъ на человѣка обществомъ, семейной жизнью и религіей.

Движеніе это было, естественно, слѣдствіемъ всеобщей реакціи на крайне узкія и ограниченныя понятія, порожденныя и вскормленныя николаевскимъ деспотическимъ режимомъ. Но эти первые нигилисты не говорили и не ду-

мали о революціонныхъ дѣйствіяхъ. Они ограничивались тѣмъ, что вели пропаганду своихъ взглядовъ, каждый на своемъ мѣстѣ—примѣромъ, поведеніемъ и словами, не особенно заботясь о мнѣніяхъ общества или о его судьбѣ.

Слѣдовательно, люди эти не были революціонерами въ политическомъ смыслѣ этого слова, но тѣмъ не менѣе своими теоріями они значительно подготовили почву для своихъ послѣдователей, т. е. для настоящихъ революціонеровъ, не замедлившихъ выступить на сцену.

Предвѣстниками послѣднихъ были также толпы молодыхъ людей, особенно дѣвушекъ, которыя уже во вторую половину 60-хъ годовъ, но главнымъ образомъ въ слѣдующее десятилѣтіе, устремились въ университеты и другія высшія учебныя заведенія, чтобы готовиться къ свободной самостоятельной дѣятельности. Нигилисты проповѣдывали равенство женщины съ мужчиной во всѣхъ отношеніяхъ: равныя права на воспитаніе и обученіе, на работу и дѣятельность въ обществѣ,—и это ихъ требованіе находило откликъ всюду. Помѣщики и другіе представители образованныхъ классовъ не могли уже вести прежнюю жизнь послѣ освобожденія крестьянъ. Они и ихъ семьи внезапно увидѣли себя поставленными передъ совершенно новыми требованіями со стороны общества,—и молодое поколѣніе не только признало эти требованія, но съ восторгомъ было готово ихъ исполнить.

Семья и правительство соединились сначала, чтобы всѣми силами помѣшать женщинамъ принять участіе въ общественной жизни. Молодыхъ дѣвушекъ не принимали ни въ одно русское высшее учебное заведеніе, родители по возможности препятствовали своимъ дочерямъ брать частные уроки, въ то время какъ правительство не выдавало имъ паспортовъ на поѣздку въ иностранные университеты. Въ то время многіе прибѣгали къ своеобразному выходу — фиктивному браку. Молодые люди женились на дѣвушкахъ, которыхъ едва знали, къ которымъ не питали никакихъ чувствъ, только для того чтобы доставить имъ паспортъ, а съ нимъ вмѣстѣ и возможность получить въ Европѣ то научное образованіе, въ которомъ имъ отказывали на родинѣ.

Этимъ и многими другими способами женщины доказали,

насколько серьезно было ихъ стремленіе къ полученію научныхъ знаній.

Послѣ долгихъ и упорныхъ усилій, онѣ добились въ Петербургѣ разрѣшенія посѣщать частные курсы университетскихъ преподавателей, а спустя нѣкоторое время получили и право свободнаго выѣзда за границу, для поступленія въ университеты.

Это послужило сигналомъ для настоящаго переселенія молодыхъ людей въ Германію, Францію и особенно въ Швейцарію, въ которой цюрихскій университетъ сдѣлался главной квартирой русской учащейся молодежи. Вскорѣ онъ сталъ центромъ русскаго соціализма. Воодушевленные стремленіемъ къ благу народа, студенты и студентки спорили другъ съ другомъ о всевозможныхъ общественныхъ проблемахъ, изучали соціально-политическія сочиненія, знакомились съ взглядами Маркса, Прудона, Бакунина и другихъ поборниковъ соціализма того времени, все глубже проникаясь ихъ ученіемъ.

Въ самой Россіи эти теоріи начали тоже распространяться. Поколѣніе, проснувшееся къ мысли въ годы реформъ и зараженное всеобщимъ рвеніемъ къ народному дѣлу, стремившееся къ демократическому устройству и формѣ правленія, которыя могли бы оберегать интересы всѣхъ, увидѣло себя вдругъ лишеннымъ всякой возможности работать и дѣйствовать въ желаемомъ направленіи. Правительство не желало ничего слышать о частной иниціативѣ и самодѣятельности гражданъ на общественномъ поприщѣ; оно полагало, что въ поощреніи демократическихъ и либеральныхъ стремленій зашло слишкомъ далеко и потому начало подтягивать поводья во всѣхъ направленіяхъ. Демократическіе либеральные элементы, гораздо болѣе многочисленные, были снова стѣснены въ своихъ теоретическихъ спорахъ. Но ихъ споры имѣли теперь совершенно иную подкладку, чѣмъ раньше. Соціалистическая литература, вызвавшая столь сильное движеніе въ Европѣ, была въ полномъ расцвѣтѣ. Она оказывала сильное вліяніе главнымъ образомъ на молодыхъ людей, мечтавшихъ и говорившихъ о томъ, какъ лучше всего работать для блага народа, ужасныя бѣдствія котораго они могли всегда и вездѣ видѣть, и

которому правительство отказывало въ помощи для улучшенія его положенія. Соціализмъ принимался повсюду молодымъ поколѣніемъ съ такимъ энтузіазмомъ, какой возможенъ, повидимому, только у русскихъ по отношенію къ новымъ идеямъ.

Однако, быть соціалистомъ значило быть революціонеромъ. Распространеніе такихъ ученій было равносильно открытой борьбѣ противъ правительства, противъ царской власти, которая не допускала даже отвлеченнаго желанія другого государственнаго устройства, а тѣмъ болѣе призыва къ работѣ въ этомъ направленіи. Какъ только молодые соціалисты начали пропаганду своихъ взглядовъ, они увидѣли, что правительство отнюдь не намѣрено терпѣть распространеніе подобныхъ ученій среди православнаго народа и рѣшило прекратить ихъ дѣятельность самыми строгими мѣрами.

Какъ для правительства, такъ и для революціонеровъ 1871 годъ былъ памятнымъ годомъ. Попытка коммунаровъ произвести общественный переворотъ и эксцессы, совершенные въ этой борьбѣ, произвели сильное впечатлѣніе на Александра II, который сдѣлалъ еще болѣе рѣшительный поворотъ вправо и окончательно предался реакціи. Недовольные его реформами видѣли его теперь готовымъ одобрить всякія мѣры, клонящіяся къ уничтоженію ихъ дѣйствія, и весьма склоннымъ дѣйствовать съ величайшей строгостью противъ всѣхъ, осмѣливавшихся конспирировать словомъ или дѣломъ противъ существующаго правительства. Третье отдѣленіе сдѣлалось скоро столь же могущественнымъ, какъ и при Николаѣ I; насилія, злоупотребленія властью и притѣсненія стали такъ же невыносимы, какъ раньше.

Но и революціонеры,—„нигилисты“, какъ ихъ тогда называли,—воодушевились примѣромъ французскихъ коммунаровъ. Отъ теоретическихъ споровъ они начали переходить къ дѣлу, образовали революціонно-соціалистическіе кружки не только въ Петербургѣ и Москвѣ, но и въ множествѣ другихъ крупныхъ городовъ государства, и въ значительныхъ размѣрахъ начали вести пропаганду среди крестьянъ и городскихъ рабочихъ.

Еще болѣе сильное впечатлѣніе событія во Франціи произ-

вели на русскихъ студентовъ и студентокъ въ Цюрихѣ. Союзъ, называвшійся Интернаціоналомъ, никогда не имѣлъ бо́льшаго значенія и болѣе многочисленныхъ приверженцевъ, чѣмъ въ годы послѣ франко-прусской войны. Союзъ имѣлъ отдѣленіе въ Цюрихѣ, засѣданія котораго вскорѣ стали правильно посѣщаться жившими тамъ русскими; они съ жаромъ предавались изученію политико-экономическихъ и соціальныхъ наукъ, въ значительной степени смѣшивая соціализмъ съ анархическими воззрѣніями. „Вскорѣ Цюрихъ", говоритъ Степнякъ, „изъ мѣста научныхъ занятій превратился въ одинъ громадный клубъ. Молва о немъ распространилась по всей Россіи и привлекала туда цѣлыя сотни молодежи" [1]).

Царское правительство, разумѣется, скоро узнало, что сотни его подданныхъ ежегодно переселяются въ одинъ изъ центральныхъ очаговъ соціально-революціонной пропаганды, которую Интернаціоналъ велъ повсюду въ Европѣ; тѣмъ болѣе, что пропаганда заставила уже европейскія правительства обсуждать способы и пути, какими можно было бы противодѣйствовать явно грозящей опасности. Поэтому черезъ нѣкоторое время пришли къ выводу, что необходимо предохранить, по крайней мѣрѣ, русскихъ отъ зараженія революціонными идеями; и вотъ въ Петербургѣ рѣшились на одну изъ безумнѣйшихъ мѣръ, когда либо примѣнявшихся въ борьбѣ съ нигилистами. Въ 1873 г. былъ изданъ императорскій указъ, повелѣвавшій всѣмъ находившимся въ Цюрихѣ русскимъ безотлагательно вернуться въ Россію, подъ угрозой объявленія паспортовъ недѣйствительными и, слѣдовательно, ихъ владѣльцевъ бѣжавшими съ родины.

Было бы менѣе грубо и во всякомъ случаѣ гораздо умнѣе сразу запретить всѣмъ этимъ молодымъ людямъ возвращеніе на родину. Теперь же сотни революціонно настроенныхъ лицъ принуждены были безотлагательно вернуться на родину, гдѣ они не могли окончить своего ученія. Всѣ они рвались къ дѣятельности, ненавидѣли правительство, сдѣлавшее для нихъ почти невозможнымъ дальнѣйшее образованіе и подготовку къ избранной ими профессіи; поэтому почти всѣ они безъ

---

[1]) «Подпольная Россія», Спб., 1905 г., стр. 16.

исключенія отдали силы свои на дѣло соціальной революціи. Съ возвращеніемъ ихъ въ Россію начинается второй фазисъ революціоннаго движенія въ царствованіе Александра II, фазисъ великой, мирной работы.

Уже ранѣе многіе изъ жившихъ въ Цюрихѣ начали по возвращеніи въ Россію вести вмѣстѣ со своими единомышленниками систематическую пропаганду соціалистическихъ ученій. Уже въ то время, когда Каракозовъ и его друзья основали кружокъ для работы на благо народа и для этой цѣли устраивали кооперативныя общества, мастерскія и тому подобное, молодое поколѣніе болѣе или менѣе явно раздѣляло соціалистическія стремленія. Для правительства не менѣе чѣмъ для широкой публики было неожиданностью, когда выяснилось во время Каракозовскаго процесса, что хотя онъ и его друзья обладали значительнымъ состояніемъ, но жили среди рабочихъ какъ простые рабочіе, чтобы заниматься ихъ образованіемъ, и отдавали на это всѣ свои средства, а сами довольно жалкимъ образомъ перебивались въ полной бѣдности.

Каракозовъ и его кружокъ, дѣйствовавшіе такимъ образомъ, отнюдь не были исключеніемъ. Наоборотъ, уже нѣсколько лѣтъ существовало это замѣчательно широкое движеніе среди русской молодежи, стремившейся, въ виду нежеланія правительства помочь народу, лично вступить въ соприкосновеніе съ различными его слоями, жить среди него, сродниться съ его идеями и интересами, словомъ и дѣломъ содѣйствовать улучшенію его духовныхъ силъ и матеріальныхъ условій. Движеніе это, пожалуй, всего лучше и нагляднѣе описано Кропоткинымъ въ его „Запискахъ революціонера“.

„Въ началѣ 60-хъ г. почти въ каждой богатой семьѣ происходила упорная борьба между отцами, желавшими поддержать старыя преданія, и сыновьями и дочерьми, отстаивавшими свое право располагать собою согласно собственнымъ идеаламъ. Молодые люди бросали военную службу, конторы, прилавки и стремились въ университетскіе города. Дѣвушки, получившія аристократическое воспитаніе, пріѣзжали безъ копейки въ Петербургъ, Москву и Кіевъ, чтобы научиться дѣлу, которое могло бы ихъ освободить отъ не-

воли въ родительскомъ домѣ, а впослѣдствіи, можетъ быть, и отъ мужниняго ярма. Многія изъ нихъ добились этой личной свободы послѣ упорной и суровой борьбы. Теперь онѣ жаждали приложить съ пользою пріобрѣтенное знаніе; онѣ думали не о личномъ удовольствіи, а о томъ, чтобы дать народу то знаніе, которое освободило ихъ самихъ.

„Во всѣхъ городахъ, во всѣхъ концахъ Петербурга возникали кружки саморазвитія. Здѣсь тщательно изучались труды философовъ, экономистовъ и молодой школы русскихъ историковъ. Чтеніе сопровождалось безконечными спорами. Цѣлью всѣхъ этихъ чтеній и споровъ было—разрѣшить великій вопросъ, стоявшій передъ молодежью: какимъ путемъ она можетъ быть наиболѣе полезна народу? И постепенно она приходила къ выводу, что существуетъ лишь одинъ путь: нужно пойти въ народъ и жить его жизнью. Молодые люди отправлялись, поэтому, въ деревню какъ врачи, учителя, волостные писаря. Чтобы еще ближе соприкоснуться съ народомъ, многіе пошли въ чернорабочіе, кузнецы, дровосѣки. Дѣвушки сдавали экзаменъ на народныхъ учительницъ, фельдшерицъ, акушерокъ и сотнями шли въ деревню, гдѣ беззавѣтно посвящали себя служенію бѣднѣйшей части народа.

„У всѣхъ ихъ не было никакой еще мысли о насильственномъ переустройствѣ общества по опредѣленному плану. Они просто желали обучить народъ грамотѣ, просвѣтить его, помочь ему какимъ нибудь образомъ выбраться изъ тьмы и нищеты, и въ то же время узнать у самаго народа, каковъ *его* идеалъ лучшей соціальной жизни“ [1]).

Такое движеніе, разумѣется, сильно безпокоило правительство, давно пришедшее къ заключенію, что всякій либерализмъ, всякое стремленіе къ прогрессу вредны, и сообразовавшее свою политику съ этимъ взглядомъ. Покушеніе Каракозова показало, какъ легко любовь молодой Россіи къ народу можетъ превратиться во вражду къ правительству. Изъ этого единичнаго случая царь и его приближенные вывели общее заключеніе и стали съ этого времени смотрѣть на всѣ стрем-

---

[1]) П. А. Кропоткинъ: «Записки революціонера», Лондонъ, 1902 г. стр. 285—286.

ленія къ поднятію народной массы, какъ на болѣе или менѣе революціонные акты, враждебные существующему государственному строю.

Согласно этому взгляду правительство и поступало съ молодыми энтузіастами. Чуть не все молодое поколѣніе считалось „подозрительнымъ“, „неблагонадежнымъ“ и отдано было всецѣло на произволъ полиціи и третьяго отдѣленія. Достаточно было только доноса объ участіи въ работѣ по просвѣщенію и обученію народа, которая велась повсюду, чтобы обвиняемаго заключали въ тюрьму и высылали „на неопредѣленное время“. Словомъ, правительство дѣлало все, чтобы превратить вначалѣ огранизованное, даже не сознательно, мирное соціалистическое движеніе, въ революціонное. И это ему удалось вполнѣ.

Вначалѣ правительственная политика совершенно естественно заставила молодежь, воодушевленную идеей народнаго блага, сплотиться въ болѣе или менѣе свободно организованные кружки для взаимной поддержки. Первоначальной цѣлью этихъ кружковъ было самообразованіе, но члены ихъ въ то же время обсуждали разные вопросы, между прочимъ о томъ, какимъ образомъ оградить свою дѣятельность отъ посягательствъ правительства. Отсюда былъ лишь одинъ шагъ до вопроса о необходимости перемѣны системы, измѣненія методовъ управленія. А это ставило разсужденія уже на совершенно революціонную почву.

Однако въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ отъ словъ не переходили къ дѣлу, если не считать распространенія соціально-революціонныхъ ученій среди крестьянъ и городскихъ рабочихъ, частью путемъ раздачи брошюръ, частью путемъ рефератовъ и разговоровъ. Различные кружки ставили такую пропаганду своей главной задачей и дѣйствовали съ удивительнымъ рвеніемъ и огромнымъ самопожертвованіемъ.

По единогласному свидѣтельству всѣхъ, имѣвшихъ свѣдѣнія о революціонномъ движеніи того времени, самымъ главнымъ, дѣятельнымъ и распространеннымъ изъ этихъ кружковъ былъ кружокъ Чайковскаго, названный такъ по имени его основателя и руководителя. Къ этому кружку принадлежали многіе изъ извѣстныхъ впослѣдствіи революціонеровъ:

Кропоткинъ, Кравчинскій (Степнякъ), Перовская, Дмитрій Рогачевъ, Стефановичъ и другіе. Но вначалѣ каждый изъ нихъ имѣлъ не болѣе правъ называться революціонеромъ, чѣмъ любое лицо, недовольное формой правленія своей родины и ратующее путемъ убѣжденія за реформу государственнаго строя.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ кружокъ чайковцевъ, наравнѣ съ другими кружками русской молодежи, распространялъ исключительно просвѣщеніе, которое онъ считалъ необходимой подготовкой къ реформамъ. Члены его вступали въ сношенія со своими единомышленниками въ другихъ частяхъ Россіи и образовывали другіе кружки, находившіеся въ живомъ общеніи съ главнымъ; вскорѣ, по словамъ Кропоткина, не было ни одного сколько нибудь значительнаго города въ русскомъ государствѣ, гдѣ кружокъ Чайковскаго не имѣлъ бы своей или сочувствовавшей ему группы.

Дѣятельность, которой посвятили себя члены кружка, завлекала ихъ все дальше. Способы, которыми правительство расправлялось со всѣми, занимавшимися пропагандою, привели горячую молодежь къ тому убѣжденію, что ничего хорошаго не можетъ быть безъ перехода власти къ самому народу. Насколько обстоятельства созрѣли для такого коренного измѣненія, съ этимъ считались такъ же мало, какъ и съ возможностью выработать наличными духовными силами прочное государственное устройство. Энтузіасты были воодушевлены самыми благородными намѣреніями и увѣрены въ себѣ; видя, что положеніе народа ухудшается съ каждымъ днемъ, они думали, что, какъ только будетъ достигнута первая и ближайшая цѣль—взрывъ революціи, все остальное послѣдуетъ само собой. Теперь уже пропаганда направлялась противъ существующаго государственнаго строя, становилась, стало быть, все революціоннѣе. Кружокъ Чайковскаго, какъ и большинство другихъ кружковъ, становился все болѣе соціалистическимъ и вступалъ въ непосредственную связь съ рабочими большихъ городовъ, которые считались наиболѣе доступными для соціалистической пропаганды.

Наиболѣе даровитые и энергичные члены кружка всего ревностнѣе отдавались этой дѣятельности. Кропоткинъ, агити-

ровавшій преимущественно среди петербургскихъ рабочихъ, читалъ имъ лекціи и рефераты, пока не былъ схваченъ и заключенъ въ одинъ изъ казематовъ Петропавловской крѣпости. Сергѣй Кравчинскій и Рогачевъ отправились въ качествѣ пильщиковъ въ деревню для пропаганды соціалистическихъ и революціонныхъ ученій среди крестьянъ. Богатый казакъ Обуховъ, почти умиравшій отъ чахотки, дѣлалъ то же самое на берегахъ своего родного Дона. Поручикъ Леонидъ Шишко бросилъ военную службу и поступилъ ткачемъ на одну изъ Петербургскихъ фабрикъ, чтобы лучше вести пропаганду среди рабочихъ. Софія Перовская, происходившая изъ аристократической семьи и впослѣдствіи одна изъ дѣятельнѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ террористокъ, дѣйствовала среди петербургскихъ рабочихъ, точно также и сестры Корниловы, дочери богатаго купца. Другія молодыя дѣвушки, принужденныя бросить ученіе въ Цюрихѣ и вернуться въ Россію, поступали на хлопчатобумажныя фабрики въ Москвѣ, чтобы войти въ болѣе близкое соприкосновеніе съ работницами, жалкое существованіе которыхъ онѣ раздѣляли во всѣхъ отношеніяхъ. Можно бы наполнить цѣлыя страницы такими примѣрами. Кропоткинъ исчисляетъ количество принимавшихъ активное участіе въ пропагандѣ отъ двухъ до трехъ тысячъ человѣкъ, тогда какъ число „сочувствовавшихъ и всячески помогавшихъ боевому авангарду должно считаться вдвое или втрое болѣе“.

Среди такого множества активныхъ, часто юношески неосторожныхъ противниковъ, клевреты правительства, разумѣется, легко находили жертвы для своего служебнаго рвенія. Аресты и домашніе обыски производились ежедневно, или, вѣрнѣе, еженощно у всѣхъ, состоявшихъ хотя бы въ отдаленной связи съ пропагандистами; шпіоны кишѣли всюду, тюрьмы постепенно переполнялись. Третье отдѣленіе лихорадочно работало черезъ своихъ агентовъ во всѣхъ частяхъ имперіи; группы политическихъ то и дѣло отправлялись въ ссылку въ разные углы европейской Россіи или Сибирь. По офиціальнымъ даннымъ того времени, не менѣе 37 губерній были заражены революціоннымъ духомъ.

Но несмотря на всѣ усилія правительства помѣшать про-

пагандистамъ, они продолжали свою дѣятельность. Подъ вліяніемъ преслѣдованій энтузіазмъ ихъ поднялся до фанатизма, надежды—до увѣренности, что они вступили на правильный путь и успѣшно доведутъ до конца свое дѣло. Въ 1873 и 1874 гг. они стали исчезать одинъ за другимъ. Перовская была арестована, оправдана судомъ и административно выслана; Кравчинскій и Рогачевъ тоже были схвачены, но бѣжали при помощи крестьянъ и съ тѣхъ поръ должны были уже скрываться; Кропоткинъ былъ посяженъ въ крѣпость, равно какъ Шишко, Волховской, Бохановскій и безчисленное множество другихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ революціонеровъ. Десятками, сотнями исчезали пропагандисты въ эти годы, и друзья ихъ, спустя долгое время, съ трудомъ узнавали, куда они были отправлены, разумѣется, не сомнѣваясь въ томъ, что они попали въ руки правительства. Но на смѣну имъ постоянно выступали все новые работники и продолжали работу тамъ, гдѣ она была прервана ихъ предшественниками. Лѣтомъ 1874 года, когда большинство изъ руководителей всего движенія было схвачено, явились вдругъ свѣжія вспомогательныя войска. Нѣсколько сотъ молодыхъ людей обоего пола, вышедшихъ изъ народа и глубоко проникшихся новымъ ученіемъ, стали продолжать великую работу: ходили по городамъ и деревнямъ, раздавали книги, брошюры, листки и безъ малѣйшей осторожности, открыто проповѣдывали необходимость возстанія массъ, начало революціи.

Слѣдствіемъ этого могли быть, разумѣется, только массовые аресты; по словамъ Кропоткина, во время агитаціи „безумнаго лѣта“ задержано было не менѣе 1500 лицъ. Начальникъ третьяго отдѣленія сдѣлался могущественнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи, агенты его различныхъ степеней имѣли огромныя полномочія относительно обысковъ и арестовъ. Существовавшихъ тюремъ далеко не хватало, строили новыя, и Сибирскіе этапы все чаще посѣщались многочисленными транспортами политическихъ преступниковъ. Никто не былъ увѣренъ и не могъ разсчитывать, что ему удастся вести пропаганду болѣе нѣсколькихъ недѣль.

Наконецъ, и вожди соціально-революціоннаго движенія поняли, что дѣйствовать такимъ образомъ далѣе нельзя. До-

стигнутые результаты отнюдь не соотвѣтствовали ужаснымъ жертвамъ; нужно было во что бы то ни стало выработать новые методы. Въ 1875 г. рѣшили измѣнить тактику. Вмѣсто того, чтобы стремиться къ распространенію новаго ученія посредствомъ случайной, лихорадочной работы на мѣстахъ, теперь были образованы настоящія колоніи пропагандистовъ въ разныхъ губерніяхъ, гдѣ поселялись агитаторы, занимаясь какимъ-нибудь ремесломъ и по возможности стараясь не возбуждать подозрѣній полиціи. Агитація велась только среди лицъ, признаваемыхъ за совершенно надежныхъ; благодаря этому, подобнымъ колоніямъ во многихъ случаяхъ удавалось долгое время продолжать свою дѣятельность. Но результаты, разумѣется, были незначительны, и, несмотря на всѣ возможныя предосторожности, колонисты въ концѣ концовъ попадали въ руки третьяго отдѣленія.

Грубость полиціи, насилія правительства становились въ этой борьбѣ все болѣе возмутительными. Обращеніе съ политическими заключенными было таково, что послѣдніе часто покушались на своихъ сторожей, чтобы быть переведенными въ разрядъ обыкновенныхъ преступниковъ. Другіе рѣшались на самоубійство, чтобы избавиться отъ духовной и тѣлесной пытки, долголѣтняго одиночества или содержанія въ зачумленныхъ камерахъ. Третьи сходили съ ума или умирали отъ различныхъ тюремныхъ болѣзней,—все это еще во время производства „слѣдствія". Третье отдѣленіе, которое вело слѣдствія, не торопилось. Оно открыло, что важнѣйшіе заключенные принадлежали къ широко раскинувшемуся тайному сообществу: въ этомъ заключалось главное ихъ преступленіе. За обращенія къ мужикамъ и рабочимъ, за дѣятельность по распространенію разныхъ сочиненій и т. п., они могли конечно, быть наказаны административнымъ порядкомъ, но правительство не могло удовольствоваться этимъ. Чтобы однимъ ударомъ раздавить всю революціонную гидру, ихъ хотѣли судить за организацію обширнаго заговора противъ царя и правительства,—чего они совсѣмъ не затѣвали. Поэтому сотни арестованныхъ по простому подозрѣнію и впослѣдствіи оправданныхъ, для ссылки которыхъ даже третье отдѣленіе не могло найти достаточнаго предлога, содержались въ заклю-

ченіи нѣсколько лѣтъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ до 4 и даже болѣе.

Только въ 1877 г. начался первый процессъ пропагандистовъ, такъ называемый „процессъ пятидесяти". Судебное разбирательство велось публично. Раскрытіемъ революціонныхъ стремленій и обвинительными приговорами за это, правительство надѣялось произвести устрашающее впечатлѣніе на общество и разъ навсегда положить конецъ его симпатіямъ къ соціализму. Но власти совершенно ошиблись въ расчетахъ. По мѣрѣ того, какъ изъ обвинительныхъ актовъ и собственныхъ показаній „преступниковъ" выяснялось, къ чему они стремились, какъ работали, жили, и жертвовали собой, симпатіи къ нимъ возростали и публика проникалась восторгомъ и уваженіемъ къ такому полному самопожертвованію. „Это святые"—былъ приговоръ слушателей.

Въ концѣ того же года начался еще болѣе крупный политическій процессъ. Число обвиняемыхъ достигало 193 человѣкъ, при чемъ было арестовано по этому дѣлу и содержалось подъ стражей во время предварительнаго слѣдствія до 1000 заподозрѣнныхъ; ихъ продержали въ заключеніи нѣсколько лѣтъ, и такъ обращались съ ними, что за это время число сошедшихъ съ ума, покончившихъ самоубійствомъ и умершихъ отъ болѣзней достигало 75, или $7^1/_2$%.

И этотъ процессъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на общество, опять совершенно обратное ожиданіямъ клевретовъ правительства. Публика была возмущена обращеніемъ, которому подвергались молодые самоотверженные энтузіасты во время предварительнаго слѣдствія, но еще болѣе—неслыханно жестокими наказаніями, къ которымъ они были приговорены. Десять, двѣнадцать лѣтъ каторжныхъ работъ было опредѣлено многимъ обвиняемымъ особымъ судившимъ ихъ судомъ; и это—за нѣсколько рѣчей къ небольшому кружку рабочихъ, или за храненіе и чтеніе запрещенной книги [1]).

---

[1]) «Судъ постановилъ очень суровые приговоры для немногихъ,—пишетъ П. Кропоткинъ,—и, сравнительно, мягкіе—для всѣхъ остальныхъ, на томъ основаніи, что предварительное заключеніе продолжалось такъ долго и само ужъ по себѣ было такимъ суровымъ наказаніемъ,

Правительство или третье отдѣленіе становилось все болѣе раздраженнымъ и свирѣпымъ, вслѣдствіе демонстрацій, устраивавшихся недовольными во многихъ городахъ и поведшихъ къ дальнѣйшимъ массовымъ арестамъ. Рѣшили воспользоваться случаемъ и нагнать на оппозиціонные элементы такого страху, чтобы положить конецъ антиправительственному движенію. Поэтому спеціальный судъ или комиссія получила приказаніе дѣйствовать безъ всякаго милосердія, третье отдѣленіе захватывало множество такихъ людей, противъ которыхъ нельзя было возбудить даже формальнаго обвиненія, и налагало на нихъ жестокія наказанія, какъ на серьезныхъ преступниковъ.

Запугать оппозицію, однако, совершенно не удалось. Попраніе правительствомъ всѣхъ законовъ человѣчности и справедливости превратило только глубокое раздраженіе революціонно настроенныхъ лицъ въ глухую злобу, которая рано или поздно неминуемо должна была разрѣшиться насильственнымъ образомъ.

Это можно было бы предвидѣть, при хладнокровномъ наблюденіи и обсужденіи всего хода дѣла за послѣднія пятнадцать лѣтъ. Движеніе, вначалѣ безъ политической окраски, вытекавшее изъ самой чистой, самоотверженной любви къ отечеству и ближнимъ, изъ стремленія улучшить благосостояніе и развитіе массъ, благодаря все болѣе притѣснительнымъ мѣропріятіямъ правительства, шагъ за шагомъ принимало все болѣе оппозиціонный, а затѣмъ и открыто революціонный характеръ. Въ послѣдній годъ, когда третье отдѣленіе всего сильнѣе свирѣпствовало и его многочисленные шпіоны съ особеннымъ рвеніемъ исполняли свое презрѣнное ремесло, наступили, однако, событія, которыя могли бы послужить предостереженіемъ правительству, ясно показывая, къ какимъ результатамъ приводитъ политика устрашенія. Преслѣдуемые пропаган-

---

что прибавлять еще новое несправедливо. Всѣ ждали, что царь еще болѣе смягчитъ приговоръ. Вышло, однако, ко всеобщему изумленіи, что Александръ II, пересмотрѣвъ рѣшеніе суда, увеличилъ наказаніе. Оправданныхъ сослали въ отдаленныя русскія и сибирскія губерніи; а тѣхъ, кому судъ назначилъ непродолжительное тюремное заключеніе, послали на 5 и на 10 лѣтъ каторги. Все это было дѣломъ начальника третьяго отдѣленія, шефа жандармовъ, генерала Мезенцева». «Записки Революціонера», Лондонъ, 1902 г., стр. 392. *Прим. издателя.*

дисты неоднократно прибѣгали къ вооруженной самозащитѣ. До полудюжины слишкомъ рьяныхъ и наглыхъ шпіоновъ были убиты въ разныхъ мѣстахъ. Можно было предвидѣть, что доведенные до отчаянія революціонеры не ограничатся устраненіемъ лишь второстепенныхъ и подчиненныхъ агентовъ. Но правительство не могло или не хотѣло ничего знать. Со всѣми, попадавшими въ руки властей по подозрѣнію въ прямомъ или косвенномъ участіи въ пропагандѣ, продолжали поступать съ безчеловѣчной жестокостью. За выраженія и дѣйствія, совершенно ненаказуемыя во всякой цивилизованной странѣ, русскихъ преслѣдовали, какъ за убійство.

Революціонеры увидѣли, что всякія надежды на успѣхъ, при помощи мирныхъ средствъ, рушились, что правительство не задумается уничтожить ихъ всѣхъ до одного. Тогда родился терроръ.

Терроръ.

Событія на Балканскомъ полуостровѣ въ годы, предшествовавшіе наступленію организованнаго террора,—сербская и русско-турецкая войны,—отвлекли вниманіе цивилизованнаго міра отъ внутренняго развитія Россіи. По сравненію съ міровой политической тучей, появившейся въ „грозовомъ углу“ Европы и вызвавшей серьезныя осложненія между великими державами, борьба между правительствомъ и соціалистами представляла мало интереса для остального міра. Благодаря этому, великая борьба, обозначающая столь важный періодъ въ развитіи русской государственности, не вездѣ была правильно понята и сравнительно мало извѣстна.

Движеніе это, какъ уже многократно указывалось, было прежде всего соціальнымъ и только косвенно политическимъ. Въ первый періодъ царствованія Александра II, дѣйствительно, существовало политически-либеральное движеніе, но когда на сцену выступила проникнутая соціалистическими идеалами молодежь и своей энергіей завоевала себѣ первенствующую роль, то чистые либералы отступили. Они съ одушевленіемъ содѣйствовали проведенію намѣченныхъ вначалѣ

реформъ, и дѣлали все, чтобы и дальше помогать царю въ томъ же направленіи. Вести съ нимъ дѣло реформъ они были вполнѣ готовы, но не хотѣли работать противъ него; когда же выяснилось, что питаемыя либералами надежды на дальнѣйшія реформы тщетны, они уступили свое мѣсто другимъ: реакціонерамъ, отчасти сроднымъ партіи славянофиловъ, и соціалистически настроенной молодежи. Съ первыми либералы не могли работать, со вторыми—не хотѣли.

Соціалисты не имѣли ясной политической программы; долгое время они почти не придавали значенія образу правленія и были готовы даже поддерживать самодержавное правительство противъ либераловъ и консерваторовъ, если бы оно оказалось склоннымъ къ проведенію соціальныхъ реформъ, которыя они считали самыми важными. Гражданская свобода, конституція и все, съ ними связанное, имъ казалось далеко недостаточнымъ. Братство всего народа, работа всѣхъ для всѣхъ,—словомъ, самые крайніе принципы соціализма были предметомъ ихъ желаній, а проведеніе ихъ въ жизнь—цѣлью, къ которой они стремились.

Этимъ и объясняется малый успѣхъ ихъ пропаганды среди народныхъ массъ. Какъ рабочіе, такъ и крестьяне признавали, что ихъ существованіе и условія жизни крайне тяжелы и что поэтому необходимы коренныя преобразованія. Практическая программа этихъ преобразованій, которую они безъ особаго труда могли бы понять, безъ сомнѣнія, завоевала бы ихъ поддержку въ гораздо большихъ размѣрахъ, но принципами и теоріями огромное большинство не могло воодушевляться. Если бы правительство понимало, какъ мало шансовъ имѣла эта пропаганда, начатая съ такимъ энтузіазмомъ, но такъ непрактично, вызвать дѣйствительно серьезное народное движеніе, то, вѣроятно, оно не помѣшало бы самимъ пропагандистамъ постепенно понять, какъ мало ихъ метода была пригодна для достиженія результата. Это было бы несомнѣнно гораздо благоразумнѣе какъ съ политической, такъ и съ общечеловѣческой точекъ зрѣнія.

Однако, власти не были такъ разумны. Наоборотъ, по заключеніи мира съ Турціей, онѣ рѣшили болѣе энергично заняться внутренними дѣлами и подавить соціалистическую

пропаганду, считавшуюся особенно вредной для безопасности государства. Успѣху же пропаганды въ значительной степени благопріятствовало всеобщее недовольство результатами войны и злоупотребленія и неурядицы въ гражданскомъ и военномъ управленіи, обнаруженныя въ это время. Снова, какъ передъ Крымской кампаніей, хотя и не въ такой степени, общество дало усыпить себя увѣреніями, что полная реорганизація, которой подверглась армія, привела ее въ наилучшее состояніе. Теперь же оказалось, что уже война съ Турціей заставила Россію напрячь всѣ свои военныя силы для того, чтобы достичь Константинополя. Но этими усиліями военныя силы и матеріальныя средства были настолько истощены, что, при противодѣйствіи Англіи, Россія почти совершенно не смогла воспользоваться плодами своей побѣды. Кредитъ имперіи отъ этой непродолжительной войны упалъ такъ низко, что бумажныя деньги долгое время стоили не болѣе половины своей цѣны. Разгромъ былъ почти такъ же великъ, какъ и послѣ Крымской войны; и если бы на этотъ разъ къ Турціи присоединились одна или двѣ великихъ державы, то пораженіе, конечно, было бы еще рѣшительнѣе. Это понимали всѣ, и потому всеобщее недовольство было очень сильно.

Къ тому же Болгарія, получила конституцію съ одобренія Александра II. Въ качествѣ первой и самой важной причины при отклоненіи русской конституціи, всегда приводилась полная незрѣлость народа для такой формы правленія. Но, несмотря на это, конституція была дарована болгарамъ, тѣмъ самымъ болгарамъ, которые, находясь подъ турецкимъ владычествомъ, имѣли конечно еще меньше возможности достигнуть развитія, необходимаго для такой формы правленія.

Благодаря всему этому, правительство стало еще строже преслѣдовать соціалистическую пропаганду и рѣшило покончить съ нею всѣми возможными средствами. Полиція получила приказаніе арестовывать безусловно каждаго, имѣвшаго, повидимому, какія-нибудь сношенія съ пропагандистами. Оправданныхъ судомъ систематически отправляли въ Сибирь по распоряженію третьяго отдѣленія. Власти преслѣдовали шагъ за шагомъ преобразователей общества, не задававшихся серьезными политическими задачами до тѣхъ поръ, пока они

не вынуждены были обороняться отъ посягательствъ правительства, и, съ другой стороны, соціальное вначалѣ движеніе не сдѣлалось и въ политическомъ отношеніи революціоннымъ, организовавъ настоящіе заговоры противъ главы государства и правительственной системы.

Въ январѣ 1878 г. полиція узнала, что группа молодыхъ людей занимается въ Одессѣ соціалистической пропагандой, подъ руководствомъ одного изъ нихъ, Ковальскаго, почему отданы были приказы арестовать ихъ. Арестъ былъ произведенъ въ то время, когда они сошлись на собраніе. Но Ковальскій и его друзья, отлично зная ожидавшую ихъ участь, если они попадутся въ руки полиціи, стали энергично защищаться. Произошелъ настоящій бой револьверами и другимъ оружіемъ, и, прежде чѣмъ арестъ могъ состояться, съ той и другой стороны многіе были болѣе или менѣе тяжело ранены.

Дѣло это вызвало всеобщее волненіе, причемъ, за исключеніемъ офиціальныхъ круговъ, всѣ склонялись на сторону арестованныхъ. Прежде чѣмъ утихли споры объ этомъ, произошло однако другое событіе, совершенно заслонившее случай въ Одессѣ. Петербургскій полиціймейстеръ Треповъ, въ числѣ другихъ средствъ устрашенія политическихъ „преступниковъ", прибѣгъ къ тѣлесному наказанію: онъ велѣлъ высѣчь одного заключеннаго пропагандиста, Боголюбова [1]). Звѣрскій поступокъ Трепова вызвалъ цѣлую бурю негодованія не только противъ него лично, но и противъ всей системы, при которой возможны такія позорныя дѣйствія. Этотъ случай обсуждался во всѣхъ частяхъ имперіи и всѣ съ одинаковой строгостью, независимо отъ политическихъ убѣжденій каждаго, осуждали могущественнаго царскаго фаворита. Одна молодая дѣвушка, не знавшая ни Трепова, ни его

---

[1]) Вотъ что разсказываетъ объ этомъ случаѣ П. Кропоткинъ: «Петербургскій оберъ-полиціймейстеръ генералъ Треповъ, замѣтивъ во время посѣщенія Дома предварительнаго заключенія, что политическій заключенный Боголюбовъ не снялъ шапку предъ нимъ, всесильнымъ сатрапомъ, кинулся на него съ поднятыми кулаками; а когда Боголюбовъ оказалъ сопротивленіе, Треповъ приказалъ наказать его розгами. Остальные заключенные, немедленно узнавъ объ этомъ, громко протестовали въ своихъ камерахъ и, поэтому, были жестоко избиты надзирателями и полиціей». Ibidem, стр. 392—393. *Примѣч. издателя.*

жертвы и никогда не занимавшаяся ни политикой, ни политической пропагандой, возмутилась такъ сильно, что рѣшила активно протестовать.

Съ далекой родины, изъ одной приволжской губерніи, отправилась Вѣра Засуличъ въ Петербургъ, не сказавъ никому ни слова о своемъ намѣреніи, явилась въ пріемную Трепова и изъ револьвера тяжело ранила грознаго полиціймейстера. Бѣжать она не пыталась и дала себя арестовать; въ отвѣтъ на вопросъ о мотивахъ ея поступка она заявила, что желала заставить правительство увидѣть и обдумать тѣ безчеловѣчныя и позорныя жестокости, которыя ежедневно и ежечасно творятся во имя русской государственности, и поэтому рѣшилась застрѣлить одного изъ гнуснѣйшихъ агентовъ правительства.

Поступокъ ея вызвалъ страшное волненіе. Александръ самъ посѣтилъ раненаго и, какъ полагали, умирающаго полиціймейстера, котораго страхъ смерти заставилъ раскрыть карты. Съ величайшей поспѣшностью онъ составилъ завѣщаніе, показавшее, что онъ былъ чрезвычайно богатъ, несмотря на то, что вступилъ въ должность съ пустыми руками. Какимъ путемъ собралъ онъ свои милліоны, было всѣмъ настолько очевидно, что послѣ выздоровленія Треповъ долженъ былъ исчезнуть съ общественной арены.

Вѣру Засуличъ судили обыкновеннымъ уголовнымъ судомъ (присяжныхъ). Правительство еще старалось смотрѣть на политическихъ преступниковъ, какъ на обыкновенныхъ, хотя не уважало по отношенію къ нимъ приговоровъ обычныхъ судовъ. Процессъ шелъ при открытыхъ дверяхъ, и зала суда была переполнена публикой. Защитникъ подсудимой, Александровъ, произнесъ пламенную рѣчь, представлявшую собственно рѣзкій обвинительный актъ противъ господствующей системы и ея представителей, подобныхъ Трепову.

Присяжные оправдали Засуличъ при бурныхъ восторгахъ публики. Въ то время, какъ она выходила изъ залы суда, друзья подхватили ее, увезли и такъ хорошо спрятали, что третье отдѣленіе, перерывъ весь Петербургъ, не могло исполнить полученнаго имъ приказа немедленно аре-

стовать ее вновь. Нѣсколько времени спустя, ей удалось бѣжать черезъ Финляндію за границу.

Подобный случай и обстоятельства, его сопровождавшія, разумѣется, какъ нельзя болѣе способствовали укрѣпленію духа революціонеровъ, что вскорѣ и не замедлило обнаружиться. Черезъ недѣлю послѣ выстрѣла Вѣры Засуличъ, въ Ростовѣ-на-Дону былъ убитъ шпіонъ третьяго отдѣленія, Никоновъ, отличавшійся особымъ рвеніемъ въ доносахъ и выслѣживаніи пропагандистовъ, а въ іюнѣ того же (1878) года жандармскій полковникъ, бар. Гейкингъ, раздѣлилъ его участь въ Кіевѣ. Онъ равнымъ образомъ отличался самымъ звѣрскимъ преслѣдованіемъ соціалистовъ.

Лѣтомъ въ Одессѣ закончился процессъ вышеупомянутаго Ковальскаго; по настоянію начальника третьяго отдѣленія Мезенцева, Ковальскій съ товарищами былъ преданъ военному суду, который вынесъ ему смертный приговоръ (24-го іюля) и тѣмъ вполнѣ оправдалъ ожиданія шефа государственной полиціи. Приговоръ этотъ вызвалъ глубокое ожесточеніе среди единомышленниковъ соціалистовъ, основательно утверждавшихъ, что смертный приговоръ за вооруженное сопротивленіе полиціи (при этомъ никто не былъ убитъ) является актомъ мести, но никакъ—не правосудія. Поэтому они, непосредственно за этимъ, послали Мезенцеву ультиматумъ, въ которомъ заявляли, что онъ заплатитъ жизнью за смерть Ковальскаго, въ случаѣ приведенія приговора въ исполненіе.

2-го августа Ковальскаго разстрѣляли въ Одессѣ. А двое сутокъ спустя, на другомъ концѣ имперіи, въ Петербургѣ, на Невскомъ, среди бѣла дня, Сергѣй Кравчинскій (Степнякъ) закололъ кинжаломъ Мезенцева, и, скрывшись затѣмъ съ оживленной улицы, главной артеріи столицы, ускользнулъ отъ преслѣдованій полиціи.

Правительство отвѣтило на чудовищную смѣлость революціонеровъ военными судами за всѣ политическія преступленія и значительно увеличило кадры полицейскихъ и шпіоновъ. Начальникомъ третьяго отдѣленія былъ назначенъ генералъ Дрентельнъ, начавшій свою дѣятельность арестованіемъ до 2.000 лицъ въ одномъ Петербургѣ; однако ему не удалось схватить Кравчинскаго.

Безразсудныя дѣйствія властей побудили революціонеровъ къ новымъ насиліямъ. 9 марта 1879 года былъ убитъ (Гольденбергомъ) харьковскій генералъ-губернаторъ, князь Кропоткинъ, двоюродный братъ извѣстнаго революціонера, безчеловѣчно истязавшій въ мѣстной тюрьмѣ политическихъ заключенныхъ. Два дня спустя, въ Кіевѣ нѣсколько революціонеровъ вступили въ настоящее сраженіе съ пришедшей ихъ арестовать полиціей. Въ началѣ марта жертвою мести— или правосудія — революціонеровъ палъ въ Москвѣ шпіонъ Рейнштейнъ, погубившій многихъ.

13-го числа того же мѣсяца, молодой человѣкъ, по имени Левъ Мирскій, средь бѣла дня подъѣхалъ верхомъ, на одной изъ главныхъ улицъ Петербурга, къ каретѣ начальника третьяго отдѣленія и выстрѣлилъ въ него два раза изъ револьвера. Но лошадь Мирскаго испугалась и отскочила въ сторону, такъ что Дрентельнъ былъ лишь легко раненъ. На этотъ разъ Мирскому удалось скрыться, но впослѣдствіи онъ былъ схваченъ и приговоренъ къ смертной казни; временный петербургскій генералъ-губернаторъ замѣнилъ однако казнь пожизненной каторгой [1]).

Послѣ этого не прошло и мѣсяца, какъ 2-го апрѣля бывшій студентъ Соловьевъ встрѣтилъ прогуливающагося Александра на полукруглой площадкѣ передъ Зимнимъ дворцомъ, и сдѣлалъ въ него пять выстрѣловъ изъ револьвера. Но ни одинъ изъ нихъ не попалъ въ цѣль и „царь удалился быстрыми шагами зигзагомъ“, какъ гласило офиціальное сообщеніе [1]). Соловьевъ, прилежно упражнявшійся

---

[1]) Судьба этого человѣка поистинѣ удивительна. Въ газетахъ отъ 5 марта 1906 г. мы находимъ слѣдующее телеграфное извѣстіе: «Читинскій судъ приговорилъ къ смертной казни директора реальнаго училища Окунцова, врача Шинкмана и литератора Мирскаго за газетную статью въ «Верхнеудинскомъ Листкѣ», якобы призывающую къ вооруженному возстанію». Мирскому теперь 47 лѣтъ. 14-го марта смертная казнь всѣмъ троимъ, по высочайшему повелѣнію, замѣнена каторгой безъ срока.

Прим. изд.

[2]) «Александръ II сохранилъ присутствіе духа настолько», пишетъ Кропоткинъ, что побѣжалъ къ ближайшему подъѣзду не по прямой линіи, а зигзагами, покуда Соловьевъ продолжалъ стрѣлять. Такимъ образомъ онъ остался невредимъ. Одна пуля только слегка разорвала шинель». «Записки революціонера», Лондонъ, 1902 г., стр. 407.

Прим. изд.

въ стрѣльбѣ и достигшій большой мѣткости изъ своего револьвера, принужденъ былъ въ послѣднюю минуту, вслѣдствіе какой-то порчи въ немъ, взять другой, который онъ не испробовалъ, и пули котораго значительно перелетали. Соловьевъ былъ схваченъ.

За день до этого покушенія, въ Кіевѣ былъ убитъ шпіонъ Барановскій.

Царь и всѣ его приближенные поняли теперь серьезность положенія, слѣдствіемъ чего явился рядъ новыхъ насилій, совершенно прекратившихъ во всемъ государствѣ дѣйствіе законовъ. Страна была раздѣлена на шесть округовъ съ генералъ-губернаторами во главѣ, облеченными такими широкими полномочіями, что имъ даже было предоставлено право самого монарха назначать и отмѣнять смертные приговоры: самодержецъ уступалъ нѣсколькимъ подданнымъ почти всю свою неограниченную власть. Если бы онъ отдалъ хоть часть ея своему народу, то достигъ бы совершенно другихъ результатовъ и, вѣроятно, окончилъ бы жизнь въ мирѣ и спокойствіи.

Наиболѣе жестокими изъ этихъ сатраповъ были генералы Гурко въ Петербургѣ и Тотлебенъ въ Одессѣ. Оба они тотчасъ же показали, какъ понимаютъ свою задачу и свое положеніе.

14-го мая (1879 г.) въ Кіевѣ были повѣшены три революціонера: Валеріанъ Осинскій, Брантнеръ и Антоновъ. Они были приговорены къ смерти военнымъ судомъ, который не могъ, однако, уличить ихъ ни въ чемъ, кромѣ участія въ революціонной пропагандѣ. Но третье отдѣленіе знало, черезъ своихъ агентовъ, что они состоятъ въ близкой связи съ группой, носившей общее названіе „террористовъ“, и что Осинскій считался у нихъ однимъ изъ самыхъ выдающихся и смѣлыхъ дѣятелей. Этого было достаточно. Военный судъ существовалъ, вѣдь, для того, чтобы приговорить ихъ къ казни, а не для того, чтобы обращать вниманіе на нѣкоторыя требованія правосудія.

28-го мая въ Петербургѣ повѣсили Соловьева, 18-го іюня — Горскаго, Бильчанскаго и Федорова въ Кіевѣ, 10-го августа — Чубарова, Дмитрія Лизогуба, Давиденко — въ

Одессѣ, а на слѣдующій день Виттенберга и Логовенко— въ Николаевѣ. На терроръ правительство отвѣчало терроромъ.

Казнь Лизогуба особенно ярко показала, что преслѣдователи нигилистовъ не стѣснялись уже никакими средствами въ своемъ желаніи нагнать на противниковъ правительства такой страхъ, чтобы они окончательно смирились. Лизогубъ никогда не принималъ активнаго участія въ дѣятельности революціонеровъ, а тѣмъ менѣе — террористовъ, хотя всѣмъ сердцемъ сочувствовалъ и тѣмъ и другимъ. Онъ былъ сыномъ богатаго помѣщика; слабый здоровьемъ, эксцентричнаго характера, одушевленный глубокимъ состраданіемъ къ бѣднымъ и простымъ людямъ, онъ страстно стремился улучшить ихъ положеніе [1]). Онъ думалъ, что нашелъ въ соціализмѣ средство къ достиженію этого и въ постоянной борьбѣ съ преслѣдованіями правительства началъ поддерживать пропаганду. Убѣдившись вскорѣ, что культурная дѣятельность невозможна, онъ вступилъ на революціонный путь, какъ и другіе соціалисты; наравнѣ съ самыми крайними изъ нихъ, онъ сдѣлался въ заключеніе убѣжденнымъ террористомъ. Окруженный многочисленными наслѣдниками, которые зорко слѣдили чуть ли не за каждымъ его шагомъ, онъ не могъ лично принимать участіе въ революціонной работѣ. Онъ имѣлъ возможность—единственно поддерживать работающихъ матеріальными средствами [2]), и дѣлалъ это такъ щедро, что, по словамъ Степняка, почти одинъ несъ въ теченіе полутора

---

[1]) «Въ его глазахъ нѣтъ того огня, который обличаетъ пылкую горячую натуру; въ нихъ горитъ, какъ свѣтъ зимняго солнца, огонь головной общественной страсти, онъ не грѣетъ окружающихъ и не влечетъ къ себѣ женскихъ сердецъ. Человѣкъ, сгорающій этимъ огнемъ, не имѣетъ личнаго чувства и самъ ему не отдается; у него одно только безгранично любимое божество—народъ, и вся его жизнь безраздѣльно посвящена служенію этому богу». «Литература Партіи «Народной Воли», 1905 г., стр. 363. *Пр. изд.*

[2]) «Находясь подъ строжайшимъ надзоромъ», говоритъ Степнякъ, «такъ какъ на него былъ сдѣланъ доносъ въ принадлежности къ революціонной партіи родственниками, которые надѣялись, въ случаѣ его осужденія, получить его состояніе, онъ не могъ ничего дѣлать: при первомъ же шагѣ съ его стороны, имѣніе было бы конфисковано, и партія лишилась бы столь важной поддержки. Такимъ образомъ, богатство было для него чѣмъ-то въ родѣ ядра, прикованнаго къ ногѣ каторжника, чтобы мѣшать ему ходить свободно». «Подпольная Россія», Спб., 1905 г., стр. 81—82. *Прим. изд.*

лѣтъ огромные расходы на борьбу съ царской властью [1]). Самъ онъ жилъ крайне скромно, чтобы справляться съ этими расходами, но, несмотря на это, растратилъ бо́льшую часть своего состоянія; по доносу управляющаго [2]) своего остававшагося еще имѣнія, Лизогубъ былъ схваченъ и обвиненъ въ сношеніяхъ съ революціонерами. Противъ него не было выставлено никакого обвиненія, кромѣ расходованія имъ на неизвѣстныя цѣли крупныхъ суммъ денегъ, не было совершенно никакихъ уликъ, но военный судъ призналъ доносъ справедливымъ, Тотлебенъ подписалъ вынесенный имъ смертный приговоръ, и Лизогуба повѣсили.

Заблужденія властей, полагавшихъ, что они могутъ устрашить террористовъ, вѣшая каждаго, заподозрѣннаго въ сношеніяхъ съ ними, обнаружились очень скоро. Террористы отвѣтили правительству образованіемъ Исполнительнаго Комитета [3]); онъ приговорилъ Александра II къ смерти, извѣстивъ его, что онъ будетъ убитъ, если не согласится на введеніе конституціонной формы правленія.

Вотъ, слѣдовательно, къ чему пришла крайняя группа русскихъ соціалистовъ. Основанія и цѣли революціонныхъ стремленій измѣнились во время борьбы: революціонеры теперь снова боролись съ правительствомъ дѣйствительно за все великое россійское государство, а не за одну только свою партію. Въ своемъ большомъ трудѣ „L'Empire des Tzars et des Russes", Леруа-Больё говоритъ объ этой важной перемѣнѣ:

„За время кровавой борьбы съ властями, начатой революціонерами, они измѣнили не только свою тактику и боевыя средства, но и свою точку зрѣнія. Ранѣе они мало цѣнили буржуазную свободу Европы и презрительно смотрѣли на нее сверху внизъ; теперь они узнали, что презираемая ими политическая свобода представляетъ всетаки большую

---

[1]) Ibidem.

[2]) «Дриго, бывшаго его другомъ и повѣреннымъ, и потомъ продавшаго себя правительству за обѣщанные ему остатки отъ состоянія Лизогуба,—составлявшіе около 40.000 руб.». Ibid., стр. 83.

Прим. изд.

[3]) Весною 1879 г. «На Липецкомъ съѣздѣ 17—21 іюня того же года въ Комитетъ были избраны: Тихомировъ, Фроленко и Александръ Михайловъ». Тунъ: «Истор. рев. движ. въ Россіи», стр. 240.

Прим. изд.

цѣнность, какъ гарантія противъ административнаго произвола, и путь къ праву свободно вести пропаганду. Взглядъ этотъ былъ новъ для нигилизма и кореннымъ образомъ измѣнилъ его характеръ. Борьба противъ правительственной власти вышла изъ смутной, туманной области утопій и вступила на твердую почву практической политики. Цѣлью революціонеровъ отнынѣ стало сверженіе самодержавія. Ихъ отчаянный походъ противъ монарха и его правительства имѣлъ теперь ясную и опредѣленную цѣль: уничтоженіе абсолютизма. Такимъ образомъ, возбуждая все общество своими ужасными, кровавыми дѣйствіями, они въ то же время приблизились къ общей точкѣ зрѣнія и къ либерализму. Въ манифестѣ своемъ они заявляли, что готовы сложить оружіе при условіи согласія монарха на созывъ національнаго собранія. Этимъ удивительнымъ поворотомъ вправо нигилизмъ переродился въ конституціонализмъ, къ которому онъ раньше относился съ величайшимъ пренебреженіемъ".

Но ни царь, ни его совѣтники не замѣтили важности этой перемѣны. Они не понимали, что либералы, инертно уступившіе ранѣе свое мѣсто соціализму, теперь получали основаніе для новыхъ надеждъ, и что цѣль террористовъ стала почти одинаковой съ цѣлью умѣренныхъ свободомыслящихъ. Поэтому-то власти и не понимали, какимъ образомъ могъ держаться и развиваться терроръ, несмотря на всѣ усилія правительства, подавить его; онѣ не понимали, что не только умѣренные соціалисты поддерживали террористовъ дѣломъ и совѣтомъ, но и болѣе искренніе либералы помогали имъ различнымъ образомъ: вѣдь, они — хотя способъ ихъ дѣйствій большинство и не одобряло — боролись непосредственно за освобожденіе всего русскаго общества отъ произвола. Если когда-нибудь появится подробная исторія этого времени, весьма многіе, вѣроятно, чрезвычайно удивятся, насколько значительную поддержку получали террористы даже отъ тѣхъ людей, отъ которыхъ менѣе всего можно было бы ожидать какихъ-либо симпатій къ ихъ стремленіямъ.

Благодаря этому, главнымъ образомъ, они и могли такъ энергично и продолжительно вести начатый ими поединокъ съ правительствомъ. Революціонеры не только знали, что те-

перь они могутъ опереться и на либераловъ, но въ значительной степени переоцѣнивали способности послѣднихъ и желаніе вмѣшаться въ ходъ событій. Они не понимали, что либералы, какъ и раньше, врядъ ли рѣшатся выступить противъ правительства; они думали, что всѣ, желающіе новой формы правленія, готовы будутъ выйти съ поднятымъ забраломъ, какъ только самодержецъ, представляющій реакцію, будетъ устраненъ. Это устраненіе сдѣлалось ихъ завѣтной и главной цѣлью; благодаря этому они даже не замѣтили настроенія либеральныхъ круговъ, и совершенно не оцѣнили ихъ вліянія на царя и его политику. Отсюда вытекаютъ огромныя ошибки, совершенныя ими при приведеніи въ исполненіе смертнаго приговора надъ Александромъ II.

Онъ и его совѣтники, разумѣется, были увѣрены, что силъ у нихъ совершенно достаточно для его личной защиты. Поэтому они ограничивались тѣмъ, что принимали все болѣе широкія мѣры охраны государя, продолжая въ то же время многочисленными казнями политику устрашенія. Царь выѣзжалъ изъ дворца, окруженный многочисленнымъ конвоемъ лейбъ-казаковъ, скакавшихъ впереди, сзади и по сторонамъ его быстро двигавшагося экипажа. Во время его путешествій желѣзно-дорожное полотно охранялось солдатами, разставленными на такомъ разстояніи, чтобы одинъ могъ видѣть другого. Такъ охранялось огромное пространство, когда, въ 1879 г., онъ ѣздилъ въ Крымъ, въ Ливадію и обратно, при чемъ, пока онъ тамъ жилъ, линіи, по которымъ онъ могъ вернуться обратно, находились подъ строгимъ и постояннымъ надзоромъ. Но все было напрасно. Фанатизмъ террористовъ не отступалъ передъ опасностями и затрудненіями. Они рѣшили привести въ исполненіе постановленный приговоръ, если царь не согласится на ихъ требованія.

Уже ранѣе, въ томъ же году, въ Петербургѣ, была заложена мина подъ Каменнымъ мостомъ, въ одномъ изъ оживленныхъ пунктовъ, по которому царь часто проѣзжалъ на пути изъ одного дворца въ другой. Планъ былъ задуманъ и мина заложена двумя террористами, Желябовымъ и Тетёркой; но въ критическую минуту послѣдняго не оказалось на мѣстѣ. Благопріятный моментъ былъ упущенъ и бо-

лѣе не повторился. Въ Николаевѣ товарищъ Виттенберга, Логовенко, организовалъ попытку взорвать стоявшій въ гавани пароходъ, на которомъ находился царь. Но планъ не удался, вслѣдствіе совершенно случайнаго посѣщенія полиціей дома, гдѣ находилась электрическая баттарея, отъ которой проволоки шли къ минѣ. Соединеніе проволокъ было открыто, оба террориста схвачены и вскорѣ послѣ этого (11 августа) повѣшены.

Нисколько не обезкураженный подобными затрудненіями, Исполнительный Комитетъ, напротивъ, удвоилъ свою энергію. Отъѣздъ царя въ Петербургъ былъ отложенъ на конецъ ноября или начало декабря. Онъ могъ выбрать лишь нѣсколько извѣстныхъ дорогъ, чѣмъ Исполнительный Комитетъ и рѣшилъ воспользоваться. Тотчасъ же послѣ рѣшенія приступили къ приготовленіямъ, которыя велись съ величайшей энергіей. Были заложены мины въ трехъ мѣстахъ: близъ Одессы, у Александровска и около самой Москвы.

Измѣненіе царскаго маршрута заставило бросить одесскую мину, подготовительныя работы по закладкѣ которой были открыты лишь долгое время спустя. Около Александровска работу велъ тотъ же Желябовъ, съ помощью другого террориста, Окладскаго; мина была помѣщена на желѣзнодорожной насыпи и даже небольшого толчка было достаточно, чтобы сбросить поѣздъ въ глубокій оврагъ. Все было въ порядкѣ, электрическій токъ замкнутъ въ надлежащій моментъ, но вѣроятно онъ былъ слишкомъ слабъ, или въ зажигательной капсюлѣ былъ какой нибудь недостатокъ. Взрыва не послѣдовало, царь невредимымъ проѣхалъ опасное мѣсто и узналъ лишь долгое время спустя, какой подвергался опасности.

Равнымъ образомъ случай благопріятствовалъ ему и въ Москвѣ. Заговорщики, съ Софьей Перовской и Львомъ Гартманомъ во главѣ, купили у какихъ-то старовѣровъ маленькій домикъ въ московскомъ предмѣстьи, который стоялъ у самой линіи Московско-Курской желѣзной дороги. Заговорщики работали здѣсь уже два мѣсяца, но сосѣди знали только, что въ домѣ живутъ двое лицъ. Конечно, нельзя было скрыть пріѣзжавшихъ къ нимъ часто гостей, но такъ

какъ сосѣди считали ихъ за сектантовъ, тайно сносившихся со своими единовѣрцами, то и не подумали обратить вниманіе постороннихъ, особенно полиціи, заклятаго врага всѣхъ сектантовъ, на нѣкоторыя, быть можетъ, странности ихъ поведенія и образа жизни.

Изъ этого дома былъ прорытъ туннель къ желѣзнодорожной насыпи, гдѣ была заложена мина. Заговорщики, разумѣется, знали, что всѣмъ имъ грозитъ смерть въ томъ случаѣ, если ихъ откроютъ. Поэтому была приготовлена заранѣе и спрятана бутылка съ нитро-глицериномъ, достаточная для того, чтобы взорвать на воздухъ домикъ и его обитателей. Перовская должна была, въ случаѣ надобности, произвести взрывъ револьвернымъ выстрѣломъ. Непосредственная опасность открытія грозила, по крайней мѣрѣ, два раза. Однажды заговорщикамъ пришлось заложить свой домъ, изъ котораго начинался подкопъ, чтобъ достать средства для продолженія работы. Вмѣстѣ съ оцѣнщикомъ явилась и полиція; однако, ничего подозрительнаго найдено не было; ссуду выдали, и работа продолжалась.

Другой разъ, за нѣсколько дней до проѣзда царя, когда все уже было готово, вѣчно ищущая чего-нибудь подозрительнаго полиція явилась вторично по какому-то ничтожному поводу. Но по прежнему все оказалось въ порядкѣ, и заговорщики могли безпрепятственно окончить свои приготовленія. И вотъ, въ послѣднюю минуту, вслѣдствіе одной изъ тѣхъ случайностей, которыхъ невозможно предусмотрѣть, вся кропотливая и крайне опасная работа опять пошла на смарку.

Одна изъ мѣръ предосторожности, принимаемыхъ для охраны царя, заключалась въ томъ, что онъ ѣздилъ поочередно въ трехъ поѣздахъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ черезъ короткіе промежутки. До послѣдней станціи передъ Москвой онъ находился въ среднемъ поѣздѣ, но на ней пересѣлъ въ первый. Извѣстить объ этомъ заговорщиковъ уже было нельзя. Они пропустили первый поѣздъ и взорвали мину, когда надъ нею находился второй. Поѣздъ разнесло вдребезги, множество людей было ранено и убито, но царь уже прибылъ въ Москву и на этотъ разъ спасся. Террористамъ удалось ускользнуть отъ преслѣдованій полиціи, глав-

нымъ образомъ благодаря пассивнымъ пособникамъ террора, среди которыхъ были представители всѣхъ классовъ общества, всегда выказывавшіе готовность скрывать именно тѣхъ, кого розыскивали наиболѣе энергично.

Эти многочисленныя покушенія показывали царю и обществу, что террористы не поддавались на запугиванія, и рѣшились во что бы то ни стало выполнить свое намѣреніе— уничтожить царя; что у нихъ есть и неустрашимая настойчивость и средства для достиженія этой цѣли. Правда, царь до сихъ поръ счастливо избавлялся отъ всѣхъ опасностей, но, очевидно, онъ былъ обязанъ этимъ случаю, а не принятымъ мѣрамъ предосторожности. Ближайшіе совѣтники его постоянно настаивали на полной безпощадности по отношенію къ революціонерамъ, и Александръ II слѣдовалъ ихъ совѣтамъ. Но въ то же время онъ отчасти соглашался и съ тѣми, которые считали единственнымъ средствомъ для прекращенія революціоннаго террора дарованіе гражданской свободы, самоуправленія и хотя бы ограниченной конституціи.

Однако, онъ еще совершенно не обнаруживалъ своихъ сомнѣній въ мудрости политики послѣднихъ лѣтъ, и „временные“ генералъ-губернаторы по прежнему примѣняли старую систему устрашенія. 7-го декабря (1879 г.) въ Одессѣ снова были повѣшены террористы: Малинка, Майданскій и Дробязгинъ. Во всемъ государствѣ производились массовые аресты. Ревностно искали виновниковъ московскаго покушенія, и сотни лицъ, мужчинъ и женщинъ, подозрѣваемыхъ только въ политическихъ преступленіяхъ, совершенно безъ всякихъ уликъ, втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ высылались третьимъ отдѣленіемъ въ Сибирь.

„Третье отдѣленіе собственной его величества канцеляріи“ находилось теперь въ полномъ расцвѣтѣ и начальникъ его царилъ въ дѣйствительности надъ всей Россіей гораздо болѣе, чѣмъ самъ государь; шпіоны и агенты его различныхъ степеней и общественныхъ классовъ кишѣли всюду и держали обывателей въ состояніи постоянной тревоги и раздраженія своими произвольными и наглыми вторженіями въ частную жизнь.

Третье отдѣленіе можетъ вести свою родословную со вре-

менъ Петра Вел. Оно называлось тогда „тайнымъ приказомъ“ и ему было поручено „поступленіе по закону“ съ противниками quasi-европейской военной державы, въ которую Петръ хотѣлъ превратить Россію. „Поступленіе по закону“ обыкновенно заключалось въ нечеловѣческихъ пыткахъ, подвергавшіеся которымъ большею частью испускали духъ. При преемникахъ Петра, до Павла включительно, учрежденіе это, подъ названіемъ „тайной канцеляріи“, продолжало жить и развиваться, при неизмѣнномъ примѣненіи пытокъ; иногда къ нимъ прибѣгали въ такихъ размѣрахъ и съ такой жестокостью, что разсказы о дѣятельности „тайной канцеляріи“,—напр. во времена Анны и Миниха,—наполняли всю Россію страхомъ и ужасомъ. Николай I придалъ этому учрежденію окончательную форму, связалъ его съ жандармеріей и снабдилъ такими полномочіями, что начальникъ третьяго отдѣленія въ его царствованіе являлся дѣйствительнымъ властелиномъ Россіи.

Въ первые годы правленія Александра II третье отдѣленіе играло менѣе выдающуюся роль, но съ тѣхъ поръ какъ государь началъ поддаваться реакціи, вліяніе его стало усиливаться, пока, наконецъ, оно не стало даже болѣе значительнымъ, чѣмъ при Николаѣ Павловичѣ. Уже въ первой половинѣ 70-хъ годовъ вліяніе это было столь сильно, что Кропоткинъ, извѣдавшій на себѣ лично его могущество, говоритъ слѣдующее:

„Въ каждой губерніи, въ каждомъ городѣ, даже на каждой желѣзно-дорожной станціи находятся жандармы, доносящіе непосредственно своимъ полковникамъ или генераламъ, которые сносятся съ шефомъ жандармовъ. Послѣдній же видитъ царя каждый день и докладываетъ ему, что сочтетъ нужнымъ доложить. Всѣ чиновники въ имперіи находятся подъ надзоромъ жандармовъ. Генералы и полковники этого корпуса слѣдятъ по обязанности за общественной и частной жизнью всѣхъ царскихъ подданныхъ, въ томъ числѣ губернаторовъ, министровъ и даже великихъ князей. Самъ императоръ находится подъ ихъ бдительнымъ надзоромъ. И такъ какъ они хорошо освѣдомлены о секретныхъ дѣлишкахъ дворца и знаютъ каждый шагъ императора, то шефъ жан-

дармовъ становится, такъ сказать, наперсникомъ правителей Россіи въ ихъ наиболѣе интимныхъ дѣлахъ.

„Въ этотъ періодъ царствованія Александра II, третье отдѣленіе было всесильно. Жандармскіе полковники производили обыски тысячами, ничуть не заботясь о томъ, есть или нѣтъ въ Россіи суды и законы. Они арестовывали, кого хотѣли, держали въ тюрьмѣ, сколько имъ было угодно, и сотни людей отправлялись въ ссылку въ сѣверную Россію или въ Сибирь, по усмотрѣнію какого-нибудь полковника или генерала. Подпись министра внутреннихъ дѣлъ была только пустой формальностью, потому что у него не было контроля надъ жандармами и онъ даже не зналъ, что они дѣлаютъ“ [1]).

Позже, когда на сцену выступилъ терроръ и все смѣлѣе и энергичнѣе сталъ вести борьбу противъ абсолютизма, власть третьяго отдѣленія была еще болѣе увеличена, пока не превысила, наконецъ, полномочія всѣхъ прочихъ государственныхъ учрежденій и не отодвинула на задній планъ самого царя.

Однако, несмотря на эту огромную, совершенно недопустимую въ цивилизованномъ государствѣ власть, третьему отдѣленію не удалось не только прекратить терроръ, но даже воспрепятствовать его дальнѣйшему развитію. Угрозами, подкупами и другими имъ подобными средствами иногда удавалось заставить того или иного члена террористической организаціи выдать извѣстныя ему данныя объ Исполнительномъ Комитетѣ, его планахъ и собраніяхъ. Но обыкновенно каждый членъ фракціи зналъ не больше своихъ немногихъ товарищей, а въ планы казней и покушеній были посвящены только самыя довѣренныя лица. Измѣнники и доносчики не могли, слѣдовательно, имѣть никакихъ нитей, по которымъ можно было бы добраться до террористической организаціи, но всегда рисковали жизнью, поступая на службу въ третье отдѣленіе.

Труднѣе всего было террористамъ устраивать и скрывать свои типографіи, которыя нуждались, разумѣется, въ нѣсколькихъ работникахъ для печатанія и доставленія большого

---

[1]) «Записки Революціонера», стр. 317.

количества брошюръ и прокламацій; въ то же время необходимо было, чтобы о существованіи ихъ знали не одни только работавшіе въ типографіяхъ. Провалы тайныхъ революціонныхъ типографій случались очень часто, но вмѣсто погибшихъ постоянно возникали новыя, такъ что, несмотря на это, террористы даже въ годы наиболѣе ожесточенной борьбы печатали свои манифесты и прокламаціи въ самой Россіи. Все это возможно было лишь благодаря удивительной преданности своему дѣлу революціонеровъ всѣхъ категорій. Они знали, что никто не сможетъ спасти тѣхъ, сношенія которыхъ съ тайной типографіей станутъ извѣстны полиціи. Всѣ, занимавшіеся этой работой, мирились съ тѣмъ, чтобы жить, какъ въ тюрьмѣ, не видаясь даже со своими товарищами по партіи и не выходя изъ комнаты, чтобы не возбудить подозрѣнія безчисленныхъ шпіоновъ, кишѣвшихъ всюду; они, конечно, были вполнѣ увѣрены, что рано или поздно ихъ арестуютъ и повѣсятъ, или въ лучшемъ случаѣ сошлютъ въ Сибирь, на Карійскіе рудники. Тѣмъ не менѣе, всегда находились члены партіи, готовые занять мѣсто погибшихъ и продолжать ихъ дѣло. Съ револьверомъ въ карманѣ работали они по ночамъ, въ постоянномъ страхѣ передъ полиціей, всегда готовые отдать свою жизнь, какъ можно дороже.

Послѣ московскаго покушенія 19-го ноября 1879 года бдительность полиціи и шпіоновъ удвоилась, но, несмотря на это, террористы въ огромномъ количествѣ распространяли среди публики свои воззванія и прокламаціи, въ которыхъ повторяли, что лишь измѣненіе правительственной политики можетъ заставить ихъ прекратить свою дѣятельность, что только данная народу конституція можетъ побудить ихъ отмѣнить произнесенный надъ царемъ приговоръ [1]). Третье отдѣленіе долгое время опредѣленно заявляло, что въ Петербургѣ не можетъ существовать тайной типографіи, такъ какъ она тотчасъ же была бы накрыта, и что печатныя произведенія ввозятся тайно изъ какого-нибудь другого мѣста. Теперь же каждому было ясно, что въ дѣйствительности

---

[1]) См. Программу Исполнит. Комитета и прокламацію его отъ 22 ноября 1879 г.: «Литература партіи «Народной Воли», стр. 162—168. *Прим. изд.*

террористы обладаютъ въ столицѣ по меньшей мѣрѣ одной типографіей. Революціонные листки часто обсуждали событія дня, и распространялись такъ скоро послѣ ихъ совершенія, что не могли быть напечатаны нигдѣ, кромѣ Петербурга. Ухищренія и розыски полиціи усиливались съ каждымъ новымъ выходившимъ листкомъ и, наконецъ, увѣнчались успѣхомъ: 17-го января 1880 г. полиція узнала, гдѣ помѣщалась типографія „Народной Воли", перваго органа террористовъ, и въ ночь на 18-е тамъ былъ произведенъ обыскъ. Работавшіе въ типографіи защищались съ отчаяннымъ мужествомъ, и благодаря револьверамъ нѣкоторое время сопротивлялись жандармамъ и полиціи. Спастись, конечно, не было возможности, и послѣ того, какъ нѣсколько человѣкъ съ ихъ стороны и со стороны нападающихъ было ранено, всѣхъ арестовали.

Нѣсколько дней спустя (29-го янв.) одинъ изъ членовъ террористической организаціи, Жарковъ, выдалъ другую типографію, въ которой печаталась газета „Черный Передѣлъ". И здѣсь террористы ожесточенно сражались съ врагомъ, прежде чѣмъ были побѣждены и арестованы. Но измѣнникъ недолго пользовался полученной отъ третьяго отдѣленія наградой, такъ какъ вскорѣ террористы расчитались со своимъ бывшимъ товарищемъ. Исполнительный Комитетъ приговорилъ его къ смерти, и 5-го февраля онъ былъ убитъ.

Вечеромъ того же дня произошелъ случай, заставившій, наконецъ, Александра II усумниться въ цѣлесообразности политики, принесшей столь горькіе плоды, стоившей тысячъ жизней, лишившей свободы его наиболѣе интеллигентныхъ подданныхъ, не говоря о томъ, что наказанія отнюдь не измѣнили революціоннаго настроенія. Это былъ взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ.

Послѣдній годъ царствованія Александра II.

Исторія едва ли можетъ указать на что-либо болѣе смѣлое, чѣмъ попытка взорвать самодержца въ его собственномъ дворцѣ, въ сердцѣ его столицы. Но именно въ не-

слыханной смѣлости этой мысли и лежала возможность ея успѣшнаго выполненія. Дворецъ, разумѣется, строго охранялся, но, уже по самой природѣ вещей, строгость охраны была скорѣе теоретической, чѣмъ дѣйствительной. Ни одинъ человѣкъ не могъ себѣ представить другой опасности для царя въ его собственномъ дворцѣ, кромѣ вѣроятія, что туда можетъ пробраться постороннее лицо, чтобы, рискуя собственной жизнью, произвести покушеніе на государя. Противъ этой возможности были приняты мѣры, предположить же другіе случаи никому не приходило въ голову.

Этимъ воспользовались террористы. Одинъ изъ нихъ, рабочій Халтуринъ, столяръ по ремеслу, работая во дворцѣ, напалъ на мысль заложить мину въ найденномъ имъ подходящемъ мѣстѣ. Онъ точно изучилъ планъ огромнаго зданія и пришелъ къ заключенію, что подобное предпріятіе не встрѣтитъ особенныхъ трудностей, а, наоборотъ, можетъ быть выполнено относительно легко, по сравненію со многими другими террористическими попытками. Мысль эта особенно пришлась по душѣ Желябову, уже закладывавшему мины подъ Каменнымъ мостомъ въ самомъ Петербургѣ, а позднѣе— подъ желѣзно-дорожной насыпью у Александровска.

Халтуринъ открылъ, что помѣщеніе, отведенное для дворцовыхъ столяровъ, находится какъ разъ подъ столовой, гдѣ обыкновенно обѣдалъ царь, но не непосредственно подъ ней. Надъ помѣщеніемъ столяровъ находилась большая зала, предназначенная для дворцовой стражи, почему мину нельзя было заложить прямо подъ поломъ столовой. Но это неблагопріятное обстоятельство Желябовъ съ Халтуринымъ думали устранить увеличеніемъ динамитнаго заряда. Въ теченіе довольно долгаго времени носилъ Халтуринъ тайкомъ во дворецъ небольшія количества динамита и пряталъ его подъ своими вещами, гдѣ никому не могло придти въ голову искать чего-либо. Вещи свои онъ держалъ какъ разъ въ томъ углу подвала, который всего ближе приходился къ той части столовой, гдѣ взрывъ долженъ былъ произвести самое ужасное разрушеніе. Настоящей мины онъ не могъ заложить, потому что высверлить стѣну или потолокъ было совершенно немыслимо.

Вѣроятно, зарядъ былъ бы сдѣланъ больше и сильнѣе, еслибъ и здѣсь случай не помѣшалъ заговорщикамъ въ ихъ приготовленіяхъ. При обыскѣ у одного лица, заподозрѣннаго въ сношеніяхъ съ террористами, въ руки полиціи попался планъ Зимняго дворца, на которомъ упомянутая столовая была отмѣчена крестикомъ. Это заставило полицію не только призадуматься надъ возможнымъ значеніемъ этого крестика, но и произвести цѣлый рядъ изслѣдованій въ самомъ дворцѣ, причемъ вниманіе было обращено и на помѣщеніе столяровъ. Собственныя вещи жившихъ тамъ рабочихъ не были, однако, осмотрѣны и динамитный складъ Халтурина остался не обнаруженнымъ. Но съ тѣхъ поръ всѣ жившіе во дворцѣ каждый разъ подвергались при входѣ и выходѣ болѣе или менѣе тщательному обыску. Благодаря этому переноска динамита была, разумѣется, въ высшей степени затруднена; теперь рѣчь могла идти лишь о самомъ незначительномъ его количествѣ.

Наконецъ, поскольку возможно, все было готово. Въ назначенный для взрыва день, Халтуринъ долженъ былъ встрѣтиться съ Желябовымъ на опредѣленномъ мѣстѣ большой дворцовой площади. Трудно было только съ точностью знать, въ какое время царь будетъ находиться въ столовой, такъ какъ обѣдъ иногда минутъ на 30 запаздывалъ. Наконецъ, Халтуринъ рѣшился произвести попытку и зажегъ фитиль въ то время, когда царь, по его предположенію, навѣрняка долженъ былъ находиться въ столовой; затѣмъ онъ вышелъ изъ дворца, чтобы встрѣтиться съ Желябовымъ на условленномъ мѣстѣ.

„Готово!“ — сказалъ Халтуринъ, когда они сошлись. Послѣ этого, оба они ждали, затаивъ дыханіе, пока не услышали глухого треска изъ дворца; вскорѣ они замѣтили возлѣ него необычайное движеніе. Выносили въ большомъ количествѣ носилки съ ранеными. Со всѣхъ сторонъ съѣзжались пожарные. Взрывъ, очевидно, произвелъ разрушительное дѣйствіе, но палъ ли царь его жертвой, — террористы узнать не могли.

Только на слѣдующій день стало извѣстно, что Александръ еще разъ избѣжалъ опасности, не получивъ ни

малѣйшей царапины. Онъ вошелъ въ столовую значительно позже обыкновеннаго и находился какъ разъ передъ ея дверью, когда послѣдовалъ взрывъ и заколебался полъ. Есть основанія думать, что царь не былъ бы убитъ, еслибъ даже сидѣлъ въ то время за столомъ, потому что дѣйствіе динамита почти ограничилось нижнимъ помѣщеніемъ. Зато здѣсь оно было ужасно. Вся комната была разрушена, полъ и обстановка разнесены, значительное количество караула, около 30 солдатъ, были убиты или ранены, и много другихъ лицъ потерпѣли различныя поврежденія.

Физически царь не пострадалъ при взрывѣ, но тѣмъ сильнѣе было моральное дѣйствіе покушенія на него и его приближенныхъ. Террористы доказали этимъ, что нигдѣ, даже въ своихъ собственныхъ комнатахъ, не можетъ онъ быть спокоенъ за свою жизнь, несмотря на всѣ чрезвычайныя мѣры предосторожности, принимавшіяся для его охраны, несмотря на то, что онъ сдѣлалъ отвѣтственнымъ за весь свой народъ безотвѣтственное третье отдѣленіе, что свою державную власть въ большей части государства передалъ другимъ, временнымъ генералъ-губернаторамъ, въ готовности которыхъ подавить терроръ не могло быть никакихъ сомнѣній.

Если все это оказалось недостаточнымъ для предотвращенія такой сложной и трудно выполнимой попытки цареубійства, то, значитъ, система устрашенія, въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала, была совершенно непригодна и необходима другая организація, взамѣнъ временныхъ генералъ-губернаторовъ, доказавшихъ, что они не въ состояніи оправдать возлагавшихся на нихъ надеждъ.

Въ Петербургѣ была образована тогда „верховная исполнительная коммиссія“, которая должна была принять на себя руководство внутренней политикой; во главѣ этой коммиссіи былъ поставленъ Лорисъ-Меликовъ, исправлявшій должность временнаго харьковскаго генералъ-губернатора. Здѣсь, какъ и во время своей прежней службы, Лорисъ-Меликовъ обнаружилъ довольно гуманный образъ мыслей, такъ что по сравненію со своими коллегами, вродѣ Гурко и Тотлебена, могъ быть названъ даже мягкимъ и либераль-

нымъ. Во всякомъ другомъ государствѣ проводимые имъ взгляды считались бы ультра-консервативными и даже реакціонными, но въ Россіи реформы, которыя онъ, какъ извѣстно, хотѣлъ провести, обозначали крупный прогрессъ въ либеральномъ направленіи.

Облеченный диктаторскими полномочіями, онъ немедленно приступилъ къ дѣлу устраненія зла въ самомъ его корнѣ. Но въ теченіе своей долгой и разнообразной карьеры въ качествѣ замѣстителя высшихъ военныхъ постовъ и гражданскаго администратора, онъ видѣлъ и понялъ, что для установленія дѣйствительныхъ и прочныхъ реформъ нужно сначала устранить глубоко коренящіеся остатки стараго строя. Онъ зналъ, что слишкомъ торопливыя и рѣшительныя преобразованія встрѣтятъ такое сильное противодѣйствіе, что царь, вѣроятно, принужденъ будетъ отказать ему въ своемъ согласіи; поэтому онъ рѣшилъ, не торопясь, осторожно подготовить то, что хотѣлъ привести въ исполненіе, чтобы пріобрѣсти довѣріе царя, для проведенія всей своей программы.

Достовѣрно никто не зналъ, какія намѣренія были у новоиспеченнаго диктатора, и потому первыя мѣропріятія его были встрѣчены съ большимъ и незаслуженнымъ недовѣріемъ. Менѣе всего отъ Лорисъ-Меликова ожидали террористы и потому, вскорѣ послѣ его назначенія, 20-го февраля, произвели на него неудачное покушеніе. Виновникъ его, Млодецкій, былъ схваченъ, преданъ военному суду и повѣшенъ [1]).

Лорисъ-Меликовъ не могъ и не хотѣлъ быть мягче по отношенію къ террористамъ, думая, подобно многимъ другимъ, что это поведетъ лишь къ усиленію ихъ дѣятельности. Поэтому всѣ были увѣрены, что кромѣ измѣненія пріемовъ реакціонной политики, ничего иного ждать нельзя. Однако, нѣкоторыя изъ принятыхъ имъ мѣръ должны бы показать каждому вдумчивому человѣку, что онъ имѣетъ въ виду широкія реформы, которыя, быть можетъ, повели бы къ политическому возрожденію Россіи.

---

[1]) «Покушеніе Млодецкаго было задумано и выполнено имъ совершенно самостоятельно». «Лит. парт. «Народной Воли», 1905 г., стр. 234.

«Покушеніе это исходило не отъ Исполн. Ком. и даже вызвало его неудовольствіе». Тунъ: «Исторія револ. движ. въ Россіи», стр. 250.

Прим. изд.

Одной изъ главнѣйшихъ, указывающихъ на это, мѣръ было назначеніе сенаторскихъ ревизій. Члены сената, которыхъ Лорисъ-Меликовъ считалъ достойными своего довѣрія, были посланы въ разныя части имперіи, чтобы путемъ широкихъ обслѣдованій познакомиться на мѣстѣ съ условіями управленія и сдѣлать объ этомъ подробный докладъ правительству. Для болѣе тщательнаго и планомѣрнаго производства ревизій, по предложенію Лорисъ-Меликова и при его содѣйствіи, была выработана общая программа, по которой онѣ должны были вестись.

Программа эта раздѣляла вопросы, о которыхъ правительство желало получить свѣдѣнія, на четыре группы: 1) по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, 2) судебному вѣдомству, 3) вѣдомству государственныхъ имуществъ и 4) вѣдомству народнаго просвѣщенія. Въ каждой изъ этихъ четырехъ группъ было нѣсколько вопросовъ такого широкаго содержанія, что ревизоры могли отвѣтить на нихъ лишь подробными и обширными докладами. Такъ, напримѣръ, среди вопросовъ, относившихся къ правосудію, находились слѣдующіе: „Какое вліяніе на настроеніе умовъ имѣла и имѣетъ система административныхъ высылокъ вообще и въ особенности высылки неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи? Требуетъ ли эта систома какихъ-либо измѣненій, и какихъ именно?“ [1]).

Лорисъ-Меликовъ зналъ не хуже другихъ, какъ ненавистна была народу эта система и насколько значительно благодаря ей возрастали симпатіи общества къ революціонерамъ. Намѣренія свои привлечь народъ черезъ его представителей къ работѣ по законодательству и управленію Лорисъ-Меликовъ обнаруживалъ постановкой многихъ вопросовъ, относившихся къ дѣятельности земства. Онъ понималъ, что въ институтѣ земства заложенъ зародышъ самоуправленія, и что мнѣніе это раздѣляется всѣми теченіями русской общественной жизни; поэтому-то бюрократія старалась препятствовать развитію земскихъ учрежденій, тогда какъ либералы видѣли

---

[1]) См. «Конституція гр. Лорисъ-Меликова», Лондонъ, 1893 г. (Изд. Фонда вольной русск. прессы), стр. 15. *Прим. изд.*

въ этомъ несомнѣнное доказательство реакціоннаго направленія правительства.

Пока дѣятельность каждаго отдѣльнаго земства не простиралась за предѣлы его губерніи, безъ связи съ остальными, они не могли достигнуть большого значенія; но при постепенномъ расширеніи ихъ компетенціи и при совмѣстной работѣ всѣхъ объединенныхъ земствъ они развились бы въ учрежденіе, изъ котораго впослѣдствіи дѣйствительно могло бы образоваться настоящее народное представительство. Надежды либераловъ, т. е. всѣхъ тѣхъ, которые видѣли въ послѣдовательномъ и планомѣрномъ развитіи существующихъ учрежденій единственно правильный путь къ свободѣ и лучшему общественному устройству, далѣе не заходили. И планы Лорисъ-Меликова, какъ это видно изъ проектовъ реформъ, которые онъ вскорѣ представилъ, отчасти на основаніи отчетовъ сенаторовъ, тоже шли немногимъ дальше. Но даже намѣченныя имъ реформы значительно измѣнили бы развитіе россійскаго государства, и возвратъ къ старому режиму едва ли былъ бы возможенъ. Къ несчастію, онъ не смогъ провести этихъ реформъ.

Его намѣренія и проекты скрывались самымъ тщательнымъ образомъ. Онъ самъ и немногіе посвященные въ его планы отнюдь не были увѣрены, что царь ихъ окончательно одобритъ и санкціонируетъ. Подъ вліяніемъ лицъ, старавшихся навязать ему свои взгляды, Александръ II склонялся то на одну, то на другую сторону. Терроръ сдѣлался двуликимъ чудовищемъ, въ равной мѣрѣ вселявшимъ страхъ, съ какой бы стороны на него ни смотрѣли.

Лорисъ-Меликовъ и другія лица, либерально настроенныя, имѣвшія возможность выставлять свою точку зрѣнія, были того мнѣнія, что существовавшій до сихъ поръ правительственный режимъ, безъ содѣйствія общества и его контроля, окажется невозможнымъ; что всеобщее тягостное неустройство, о которомъ царь хорошо зналъ, не можетъ быть устранено иначе, какъ путемъ измѣненія дѣйствій правительства въ либеральномъ духѣ; что такое измѣненіе немедленно положитъ предѣлъ революціонному движенію, которое не могло бы возникнуть, если бы злоупотребленія не были такъ всеобщи и

невыносимы. Только перемѣна политики правительства можетъ побудить террористовъ сложить оружіе; въ противномъ случаѣ, они будутъ повторять свои покушенія до тѣхъ поръ, пока не достигнутъ успѣха. Это заявили они сами, и доказали, что не отступятъ ни передъ чѣмъ.

Противники либерализма, съ Катковымъ во главѣ, напротивъ, заявляли, что всякое колебаніе правительства будетъ имѣть видъ страха, способствуя лишь поощренію революціонеровъ къ новымъ требованіямъ. Всякая же попытка позволить народу высказаться о правительствѣ и его политикѣ, несомнѣнно, будетъ сигналомъ къ всеобщему броженію столь опаснаго свойства, что можно будетъ ожидать настоящей революціи. Пока,—утверждали защитники реакціи,—революціонная партія состоитъ только изъ маленькой кучки полусумасшедшихъ молодыхъ людей, которымъ вскружили головы соціалистическія и анархическія бредни. Ихъ рѣчи о конституціи—пустыя фразы, ихъ требованіямъ не можетъ придавать значенія ни одинъ серьезный человѣкъ. Автократическая форма правленія единственно возможная, она одна только въ состояніи дать истинное счастье русскому народу; противники ея должны быть уничтожены всѣми средствами, что, слава Богу, и дѣлаетъ правительство.

О подробностяхъ этой борьбы и о вліяніи на царя Лорисъ-Меликова крайніе революціонные элементы имѣли столь же недостаточныя свѣдѣнія, какъ и о дѣйствительныхъ намѣреніяхъ послѣдняго. Онъ добился того, чтобы третье отдѣленіе было подчинено м-ву внутреннихъ дѣлъ, и самъ онъ получилъ постъ министра, такъ что теперь всѣ нити этой сложной машины сосредоточивались въ его рукахъ. Это являлось какъ бы дальнѣйшимъ доказательствомъ намѣреній правительства вести и впредь ту же политику, но только съ большей энергіей. Мнѣніе реакціонеровъ о положеніи дѣлъ и о мѣрахъ, которыя они предлагали, знали всѣ изъ ихъ газетъ; но никому не было извѣстно о работѣ либераловъ, равно какъ и о планахъ Лорисъ-Меликова. Террористы не могли уже, какъ прежде, сноситься съ лицами изъ различныхъ круговъ общества. Они должны были скрываться и лишь въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ сообщались съ на-

ходившимися вдалекѣ черезъ общихъ друзей. Опасность имѣть съ ними дѣло стала слишкомъ велика, число ихъ постепенно уменьшалось, оставшихся мало по малу совершенно захватила лихорадочная дѣятельность, которой они себя посвятили; такъ что они не могли уже достаточно спокойно и внимательно слѣдить за измѣненіемъ политики правительства. Иначе нельзя объяснить себѣ, почему они не заключили въ это время перемирія и не выждали событій. Они совершенно потеряли всякую надежду на измѣненіе правительственнаго курса, не вѣрили даже въ возможность этого, и безостановочно работали надъ приготовленіями къ новымъ попыткамъ привести въ исполненіе надъ царемъ смертный приговоръ.

Въ Петербургѣ, гдѣ шпіоны третьяго отдѣленія и обыкновенной полиціи сновали всюду, затрудненія при предпріятіяхъ такого рода были, разумѣется, чрезвычайно велики; они еще болѣе усложнялись вслѣдствіе незначительности денежныхъ средствъ, которыми располагали террористы. По отношенію къ полиціи они проявляли смѣлость, на первый взглядъ почти граничившую съ безразсудствомъ; въ дѣйствительности же она была высшей степенью остроумія. Задумывать предпріятія и примѣнять способы, о которыхъ противникъ не можетъ даже подозрѣвать, вслѣдствіе ихъ простоты и смѣлости, не только умно, но и болѣе осторожно, чѣмъ ограничиваться обычными и вѣроятными путями и средствами. Это значитъ держаться ограниченной области, въ которой фантазія противника слѣдитъ за проявившимися уже планами и дѣйствіями, и такимъ образомъ легче можетъ имъ воспрепятствовать, тогда какъ подобная смѣлость, выходящая за предѣлы обычныхъ предположеній лишаетъ противника возможности угадать ея намѣренія.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ и дѣйствовали террористы въ послѣднюю половину 1880 г. и въ началѣ слѣдующаго. Случай, уничтожавшій такъ часто ихъ прежнія предпріятія, научилъ ихъ не полагаться на возможность успѣха, на одинъ планъ, но одновременно задумывать нѣсколько, чтобы покушенія слѣдовали одно за другимъ и шансы на успѣхъ такимъ образомъ увеличивались; благодаря этому поддерживалось чувство страха, которое имъ удалось вызвать въ обще-

ствѣ и на дѣйствіе котораго они сильно разсчитывали. Поэтому они подготовили два новыхъ покушенія сразу: одно было рѣшено произвести при помощи мины, заложенной подъ улицей, по которой часто проѣзжалъ царь; другое — посредствомъ маленькихъ бомбъ, начиненныхъ чрезвычайно сильнымъ взрывчатымъ веществомъ, которыя предполагалось бросить въ экипажъ царя [1]).

Мина была заложена на Малой Садовой, близъ Невскаго проспекта, въ одномъ изъ его наиболѣе оживленныхъ пунктовъ. Здѣсь нѣсколько террористовъ наняли погребъ, устроили въ немъ складъ молочныхъ продуктовъ и вели оживленную торговлю въ то время, какъ другіе непрерывно рыли подкопъ, начинавшійся въ одной изъ комнатъ помѣщенія. Пустыя бочки и ящики изъ подъ масла и сыра наполнялись вырытой землей и затѣмъ постепенно увозились. Торговавшіе въ лавкѣ такъ хорошо разыгрывали свою роль, что у полиціи, которая однажды явилась для осмотра, не возникло ни малѣйшаго подозрѣнія въ томъ, что торговцы масломъ и сыромъ могутъ оказаться переодѣтыми террористами. Рывшіе подкопъ такъ энергично и умѣло вели свою крайне опасную работу, что, несмотря на недостатокъ въ необходимыхъ инструментахъ, въ короткое время закончили ее; мину заложили съ такимъ количествомъ динамита, что его было достаточно для того, чтобы взорвать на воздухъ дома по обѣимъ сторонамъ улицы.

Чтобы осуществить покушеніе съ бомбами, была устроена цѣлая лабораторія, въ которой выдающійся химикъ Кибальчичъ работалъ надъ изготовленіемъ столь сильнаго взрывчатаго вещества, чтобы начиненныя имъ бомбы могли въ то же время помѣщаться въ рукѣ. Что ему вполнѣ удалось разрѣшить эту задачу, доказало 1-е марта; но какое взрывчатое вещество примѣнили тогда террористы съ такими смертоносными послѣдствіями осталось, повидимому, не выясненнымъ.

Между тѣмъ, во время этихъ приготовленій террористовъ,

---

[1]) Здѣсь авторъ расходится съ Туномъ. «Кромѣ того», — говоритъ онъ, — «Желябовымъ и его товарищами была заложена мина подъ Каменный мостъ. Такимъ образомъ, какъ и въ ноябрѣ 1879 г., должна была произойти тройная попытка». «Истор. рев. движ. въ Россіи», стр. 256. *Прим. изд.*

планы Лорисъ-Меликова созрѣли и приняли опредѣленную форму. Онъ выработалъ программу всеобъемлющихъ реформъ, и мало по малу ему удалось убѣдить Александра II въ необходимости проведенія ихъ полностью. Центральнымъ пунктомъ, которому придавалъ большое значеніе и самъ Лорисъ-Меликовъ, былъ созывъ совѣщательнаго собранія, которое могло высказываться по вопросамъ законодательства и управленія, но не имѣло рѣшающаго голоса. Высшія правительственныя учрежденія — Государственный Совѣтъ и Совѣтъ министровъ — сохраняютъ свои функціи; право окончательнаго рѣшенія принадлежитъ только самодержцу. Но вмѣсто предоставленія министрамъ вести ту политику, какая имъ заблагоразсудится, Лорисъ-Меликовъ требовалъ объединеннаго кабинета, всѣ члены котораго должны были придерживаться системы, одобренной государемъ, по выслушаніи мнѣній различныхъ совѣтниковъ. Составъ совѣщательнаго собранія и его задачи опредѣлялись слѣдующими пунктами преобразовательной программы:

Временныя подготовительныя коммиссіи, созванныя въ Петербургѣ, должны выработать законопроекты въ опредѣленныхъ высочайшею волею границахъ.

Въ члены этихъ подготовительныхъ коммиссій назначаются представители различныхъ правительственныхъ учрежденій и, съ высочайшаго разрѣшенія, свѣдущіе чиновники или частныя лица, извѣстныя спеціальными научными трудами, своимъ опытомъ въ государственномъ управленіи, или знаніемъ народной жизни.

Матеріаломъ для работъ въ подготовительныхъ коммиссіяхъ должны служить собранныя въ министерствѣ и другихъ центральныхъ органахъ свѣдѣнія, относящіяся къ поставленнымъ для разработки министерствомъ внутреннихъ дѣлъ вопросамъ, дополненныя всѣми данными сенаторскихъ ревизій, которыя до тѣхъ поръ должны быть закончены.

Предложенные подготовительными коммиссіями законопроекты должны, прежде разсмотрѣнія ихъ въ государственномъ совѣтѣ, быть представлены общей коммиссіи (собственно совѣщательному собранію); эта послѣдняя должна быть составлена изъ слѣдующихъ лицъ:

а) принимавшихъ участіе въ трудахъ подготовительныхъ коммиссій и призванныхъ монархомъ къ постоянному присутствованію въ общей коммиссіи;

б) изъ выборныхъ отъ губерній, гдѣ введено земское положеніе, и отъ нѣкоторыхъ большихъ городовъ, и, наконецъ.

в) изъ лицъ, въ особомъ порядкѣ призываемыхъ (правительствомъ) изъ тѣхъ частей государства, гдѣ земское положеніе еще не введено.

Губернскія земскія собранія должны были посылать одного или двухъ представителей, смотря по величинѣ губерніи, въ общую коммиссію, тогда какъ городскія думы Петербурга и Москвы имѣли право выбирать по два, а въ другихъ городахъ — по одному представителю съ правомъ голоса въ коммиссіи.

Члены подготовительныхъ коммиссій, не допущенные правительствомъ къ постоянному участію въ трудахъ общей коммиссіи, должны были, однако, присутствовать въ ней и получали право голоса, когда разсматривались законопроекты, въ выработкѣ которыхъ они сами участвовали.

Для работъ общей коммиссіи назначался опредѣленный срокъ; работы эти должны были выразиться въ заключеніяхъ совѣщательнаго характера; разсмотрѣнные законопроекты, въ обычномъ порядкѣ, съ заключеніемъ подлежащаго министра, передавались въ государственный совѣтъ. Учрежденіемъ общей коммиссіи не устанавливалось никакого измѣненія въ характерѣ и распорядкѣ при постановкѣ законодательныхъ вопросовъ.

Предсѣдателемъ коммиссіи являлось лицо, назначенное непосредственно самимъ государемъ [1]).

Таковъ былъ выработанный, по западно-европейскому масштабу, болѣе чѣмъ умѣренный проектъ законодательной реформы, какъ его называютъ, — лорисъ-меликовскій проектъ конституціи. Большаго въ немъ не предполагалось. И все же когда этотъ проектъ былъ представленъ Александру II,

---

[1]) «Конституція гр. Лорисъ-Меликова», стр. 38—40.
Прим. изд.

онъ воскликнулъ: „Да, вѣдь, это états généraux!“ Онъ чувствовалъ, что со временемъ изъ этой „общей коммиссіи“ вырастетъ гораздо болѣе властное и вліятельное учрежденіе, чѣмъ скромное совѣщательное собраніе, большинство членовъ котораго, по предложенію Лориса, назначалось самимъ правительствомъ. Изъ оставшихся послѣ него бумагъ видно было, что онъ, во всякомъ случаѣ, надѣялся, что „общая коммиссія“ мало по малу разовьется въ настоящій имперскій сеймъ, въ которомъ правительство найдетъ сильную поддержку во всѣхъ своихъ стремленіяхъ къ благу народа и страны.

Проектъ вызвалъ много долгихъ обсужденій, при чемъ царь склонялся то на ту, то на другую сторону, но въ концѣ концовъ рѣшился принять предложеніе Лорисъ-Меликова; въ окончательномъ видѣ проектъ былъ представленъ въ февралѣ 1881 года. При этомъ царь поручилъ ему разработать проектъ въ высочайшій манифестъ, который долженъ былъ появиться въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, и возвѣстить народу о принятомъ государемъ рѣшеніи снова избрать путь преобразовательной политики, принесшей въ началѣ его царствованія столь отрадные результаты.

Проектъ манифеста былъ представленъ Лорисъ-Меликовымъ черезъ нѣсколько дней, но царь продержалъ его до 1-го марта, когда возвратилъ, наконецъ, его автору и заявилъ, что манифестъ, согласно его волѣ, долженъ быть опубликованъ въ неизмѣненномъ видѣ. Однако его нужно было сначала довести до свѣдѣнія министровъ и прочитать въ ближайшемъ засѣданіи государственнаго совѣта черезъ три дня, 4-го марта [1]).

---

[1]) Вотъ какъ описываетъ это Кропоткинъ: «Въ февралѣ 1881 г., Лорисъ-Меликовъ доложилъ, что Исполнит. Комитетъ задумалъ новый заговоръ, котораго не удается раскрыть, несмотря на самые тщательные разслѣдованія. Тогда Александръ II рѣшилъ созвать родъ совѣщательнаго собранія отъ представителей земствъ и городовъ... Проектъ долженъ былъ поступить въ государственный совѣтъ, но тутъ Александръ II сталъ снова колебаться. Только утромъ 1 марта (въ воскресенье), послѣ новаго серьезнаго предупрежденія со стороны Лорисъ-Меликова объ опасности, Александръ II назначилъ слѣдующій четвергъ для выслушанія проекта въ засѣданіи совѣта министровъ». «Зап. рев.», Лондонъ, 1902 г., стр. 409—410. *Прим. изд.*

Это произошло въ 12½ часовъ дня. Лорисъ-Меликовъ достигъ своей цѣли. Царь рѣшилъ считаться впредь съ мнѣніемъ народа относительно управленія государствомъ. Онъ сдѣлалъ первый шагъ по тому пути, который, разъ онъ вступилъ на него, долженъ былъ привести къ коренному измѣненію рускаго государственнаго устройства. Царь самъ былъ такъ доволенъ, принявши, наконецъ, опредѣленное рѣшеніе, что тотчасъ же вслѣдъ за этимъ, по дорогѣ на парадъ, заѣхалъ къ вел. княжнѣ Еленѣ Павловнѣ, всегда вліявшей на него въ либеральномъ направленіи, чтобы сообщить ей, что жребій брошенъ [1]).

Но онъ слишкомъ долго медлилъ. Террористы, совершенно не подозрѣвая объ этомъ важномъ рѣшеніи, равнымъ образомъ закончили свои приготовленія. Когда экипажъ государя, окруженный обычной охраной изъ лейбъ-казаковъ, около часу спустя, завернулъ за уголъ Екатерининской улицы, на обратномъ пути въ Зимній дворецъ, мимо прошла стройная, молодая женщина и незамѣтно сдѣлала знакъ носовымъ платкомъ, который держала въ рукѣ. Это была Софья Перовская. Нѣсколько секундъ спустя, съ тротуара, мимо котораго проѣзжалъ государь, какой-то человѣкъ бросилъ въ экипажъ небольшой предметъ, похожій на комокъ снѣга. Эта маленькая бомба, завернутая въ вату, ударилась о дно экипажа и разорвалась съ такою силою, что разлетѣлось не только дно кареты, но и были выброшены изъ сѣделъ убитыми и ранеными 14 казаковъ.

Государь, оставшійся невредимымъ, вышелъ изъ экипажа и поспѣшилъ къ раненымъ. Многіе изъ его свиты убѣдительно просили его продолжать путь, кучеръ увѣрялъ, что карета не настолько повреждена, чтобы въ ней нельзя было доѣхать до дворца. Но Александръ II не желалъ ихъ слушать, вѣроятно, полагая, что на этотъ разъ опасность миновала. Тогда къ государю подошелъ вплотную совсѣмъ еще молодой человѣкъ, незамѣченный въ суматохѣ, и бросилъ на

---

[1]) «Говорятъ,—замѣчаетъ Кропоткинъ,—царь сказалъ великой княжнѣ: «Je me suis décidé à convoquer une assemblée des Notables» (я рѣшился созвать собраніе именитыхъ людей)». Ibidem, стр. 410.

Прим. изд.

улицу вторую бомбу, совершенно похожую на первую. Она разорвалась въ ту же минуту, нанеся жестокія раны государю, а съ нимъ вмѣстѣ и самому метальщику, Гриневецкому.

Террористы достигли, наконецъ, своей цѣли. Царь, правда, не сразу умеръ; онъ былъ еще живъ, пока его везли въ Зимній дворецъ въ саняхъ, принадлежавшихъ кому-то изъ его свиты, но скончался тотчасъ же по прибытіи туда. А съ нимъ надолго похоронены были и надежды на измѣненіе реакціонной политики самодержавія.

Конечно, нельзя отрицать, что государь могъ бы еще разъ измѣнить свое рѣшеніе, и никто не станетъ категорически утверждать, что совѣщательное собраніе Лорисъ-Меликова развилось бы въ народное представительство; но если вспомнить, что первые годы царствованія Александра, годы реформъ, привели всѣ духовныя силы Россіи въ такое движеніе, котораго нельзя было остановить, то едва ли можно сомнѣваться, что возвратъ къ реакціи былъ бы немыслимъ, еслибъ прошла реформа съ такимъ широкимъ будущимъ, какъ реформа, заключавшаяся въ уже признанномъ проектѣ Лорисъ-Меликова. Правительство и государь могли бы лишь выбирать между дальнѣйшимъ движеніемъ въ томъ же направленіи, или столь сильнымъ возбужденіемъ всеобщаго недовольства, что едва ли можно было бы избѣжать революціи.

Между тѣмъ террористы, поставившіе на карту все, чтобы устранить монарха, были увѣрены, что революція неизбѣжна, если новый царь не захочетъ даровать то, чего, по ихъ мнѣнію, нельзя было ожидать отъ убитаго. Поэтому виновники покушенія продолжали оставаться въ Петербургѣ. Мало того, они вели дѣятельную пропаганду среди рабочихъ и другихъ классовъ общества, чтобы вызвать возстаніе; печатали и распространяли въ то же время воззванія и прокламаціи, несмотря на невѣроятныя старанія полиціи напасть на ихъ слѣды.

Первую недѣлю послѣ убійства весь Петербургъ походилъ на военный лагерь. Вокзалы, пристани и другія мѣста охранялись полицейскими, жандармами и казаками. На всѣхъ углахъ оживленныхъ частей города стояли патрули изъ одного коннаго казака и двухъ пѣшихъ полицейскихъ, готовыхъ

схватить немедленно всякаго подозрительнаго по ихъ мнѣнію человѣка. Достаточно было, чтобы шпіонъ или полицейскій, которые буквально кишѣли по всему городу, указалъ на кого нибудь патрулю, подозрѣвая въ немъ нигилиста, его немедленно арестовывали, не спрашивая даже имени. Въ первые два дня послѣ 1-го марта въ одномъ Петербургѣ было схвачено не менѣе 800 человѣкъ, не считая арестованныхъ въ провинціи. И всетаки среди этой массы арестованныхъ не было ни одного изъ непосредственныхъ участниковъ покушенія.

Только 3-го марта попалъ въ руки полиціи первый изъ нихъ, Тимофей Михайловъ, послѣ отчаянной самозащиты, во время которой онъ разстрѣлялъ всѣ патроны и уложилъ на мѣстѣ нѣсколькихъ изъ нападавшихъ. Затѣмъ одинъ за другимъ были выслѣжены и арестованы остальные участники; первою схвачена 8-го марта Софья Перовская. Ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ бѣжать или скрываться въ какомъ-нибудь вѣрномъ пристанищѣ, бывшемъ въ распоряженіи террористовъ. Они были идеалистами, мечтателями, которыхъ обстоятельства постепенно и неуклонно привели къ фанатизму и къ фанатически-смѣлому дѣлу, обычному, неизбѣжному пренебреженію всѣмъ, за исключеніемъ единственно важной и необходимой, по ихъ мнѣнію, цѣли.

Процессъ ихъ былъ продолжителенъ. Правительство стремилось къ тому, чтобы сразу раздавить всю революціонную организацію. Прибѣгали даже къ пыткѣ, что часто случалось и ранѣе въ подобныхъ же случаяхъ, но *послѣ*, а не *до* судебнаго разбирательства, чтобы это не сдѣлалось извѣстнымъ. Наконецъ, всѣ участники покушенія: Желябовъ, Перовская, Кибальчичъ, Тим. Михайловъ, Рысаковъ и Геся Гельфманъ были приговорены къ смертной казни.

3-го апрѣля приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе надъ всѣми, кромѣ Гельфманъ, казнь которой отложили въ виду ея беременности. Только послѣ ея родовъ, когда она промучилась нѣсколько мѣсяцевъ въ ожиданіи смерти, какъ только ребенокъ ея увидитъ свѣтъ, ей замѣнили казнь пожизненной каторгой въ Сибири.

Вотъ что писалъ о казни остальныхъ не радикалъ и не

поклонникъ русскаго нигилизма, корреспондентъ „Кельнской газеты“: „Я присутствовалъ при дюжинѣ казней на Востокѣ, но никогда не видѣлъ такой омерзительной бойни“.

Самымъ сильнымъ доказательствомъ того, что приговоренныхъ подвергали пыткѣ, служитъ полное запрещеніе имъ послѣ судебнаго приговора видѣться и говорить съ посторонними, даже съ ближайшими родственниками, хотя обыкновенно это разрѣшается приговореннымъ къ смерти. Мать Софьи Перовской видѣла свою дочь въ послѣдній разъ въ день объявленія приговора. Въ теченіе послѣдующихъ пяти дней ее постоянно устраняли подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, но, наконецъ, она получила разрѣшеніе явиться 3-го апрѣля въ тюрьму, чтобы увидѣться съ дочерью. Когда она пришла, ворота тюрьмы растворились, и она дѣйствительно увидѣла свою дочь — на повозкѣ, повезшей ее къ мѣсту казни.

Царствованіе Александра III.

Революціонеры при вступленіи на престолъ Александра III.

Первымъ побужденіемъ новаго царя было проведеніе и завершеніе извѣстныхъ ему плановъ его отца. Самъ онъ, поскольку, вообще, можно говорить о его личныхъ взглядахъ, не былъ склоненъ къ либерализму; но зная, что покойный отецъ желалъ измѣнить способы управленія страною, принесшіе столь печальные результаты, онъ заявилъ о своей готовности осуществить одобренныя уже реформы. 6-го марта Лорисъ-Меликовъ представилъ царю выработанный имъ проектъ реформъ и Александръ III, прочитавъ и разсмотрѣвъ его, собственноручно положилъ резолюцію: „Онъ составленъ весьма хорошо“ [1]).

Но прежде чѣмъ обнародовать свое рѣшеніе относительно проведенія одобренныхъ реформъ, Александръ III хотѣлъ узнать мнѣніе о нихъ своего правительства и 8-го марта приказалъ представить проектъ совѣту министровъ. При голосованіи *за* проектъ Лорисъ-Меликова высказались: вел. кн. Владиміръ, гр. Валуевъ, Набоковъ, Сольскій, Милютинъ, Сабуровъ и Абаза. *Противъ* были: гр. Строгановъ, оберъ-прокуроръ синода, Побѣдоносцевъ, Маковъ, кн. Ливенъ и Посьетъ. Остальные присутствовавшіе отказались отъ голосованія. Относительно меньшинства, голосовавшаго противъ

---

[1]) См. «Конституція гр. Лорисъ-Меликова», Лондонъ, 1893 г., стр. 41. *Прим. изд.*

проекта, слѣдуетъ замѣтить, что Маковъ впослѣдствіи такъ запутался, благодаря своему взяточничеству, что лишилъ себя жизни, а кн. Ливенъ былъ уличенъ въ расхищеніи государственныхъ удѣловъ и принужденъ былъ оставить службу [1]). Однако, въ то время они были министрами, и голоса ихъ значили столько же, какъ и голоса другихъ. Александръ III не принялъ никакого рѣшенія, пожелавъ еще разъ обдумать программу реформъ. Произошла новая отсрочка; въ это время на царя старались повліять реакціонеры, такъ что онъ не имѣлъ уже достаточной самостоятельности для возраженій противникамъ реформъ.

Александръ самъ слишкомъ склонялся къ абсолютизму, поддаваясь скорѣе реакціонному вліянію Побѣдоносцева, чѣмъ умѣренному либерализму Лорисъ-Меликова. Этому, вѣроятно, не въ малой степени способствовало и то, что защитниковъ реформъ сильно поддерживали и сочувствовали имъ революціонеры, тѣ самые террористы, которые приговорили и казнили Александра II. 11-го марта они доставили новому царю письмо, передававшееся затѣмъ газетами въ искаженномъ видѣ; оно показываетъ стремленія революціонеровъ того времени и заслуживаетъ быть приведеннымъ дословно.

Письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III.

„Ваше Величество! Вполнѣ понимая то тягостное настроеніе, которое Вы испытываете въ настоящія минуты, Исполнительный Комитетъ не считаетъ однако себя въ правѣ поддаваться чувству естественной деликатности, требующей, можетъ быть, для нижеслѣдующаго объясненія выждать нѣкоторое время. Есть нѣчто высшее, чѣмъ самыя законныя чувства человѣка: это долгъ передъ родной страной, долгъ, которому гражданинъ принужденъ жертвовать и собой, и сво-

---

[1]) «Отмѣтимъ фактъ, что въ оппозиціи проекту оказались: г. Маковъ, подкупъ котораго раскольниками обнаруженъ былъ настолько воочію, что министру оставалось только покончить съ собой, и кн. Ливенъ, роль котораго въ расхищеніи государственныхъ земель въ Уфимской губ. вполнѣ выяснена ревизіей сенатора Ковалевскаго». Ibidem, стр. 41.

ими чувствами, и даже чувствами другихъ людей. Повинуясь этой всесильной обязанности, мы рѣшаемся обратиться къ Вамъ немедленно, ничего не выжидая, такъ какъ не ждетъ тотъ историческій процессъ, который грозитъ намъ въ будущемъ рѣками крови и самыми тяжелыми потрясеніями.

„Кровавая трагедія, разыгравшаяся на Екатерининскомъ каналѣ, не была случайностью и ни для кого не была неожиданной. Послѣ всего, происшедшаго втеченіе послѣдняго десятилѣтія, она являлась совершенно неизбѣжной, и въ этомъ ея глубокій смыслъ, который обязанъ понять человѣкъ, поставленный судьбою во главѣ правительственной власти. Объяснять подобные факты злоумышленіемъ отдѣльныхъ личностей, или хотя бы „шайки"—можетъ только человѣкъ, совершенно неспособный анализировать жизнь народовъ. Въ теченіе цѣлыхъ 10 лѣтъ мы видимъ, какъ у насъ, несмотря на самыя строгія преслѣдованія, несмотря на то, что правительство покойнаго императора жертвовало всѣмъ — свободой, интересами всѣхъ классовъ, интересами промышленности, и даже собственнымъ достоинствомъ — безусловно всѣмъ жертвовало для подавленія революціоннаго движенія, оно всетаки упорно разросталось, привлекая къ себѣ лучшіе элементы страны, самыхъ энергичныхъ и самоотверженныхъ людей Россіи, и вотъ уже три года вступило въ отчаянную, партизанскую войну съ правительствомъ. Вы знаете, Ваше Величество, что правительство покойнаго императора нельзя обвинять въ недостаткѣ энергіи. У насъ вѣшали и праваго и виноватаго, тюрьмы и отдаленныя губерніи переполнялись ссыльными. Цѣлые десятки, такъ называемыхъ, „вожаковъ" переловлены, перевѣшаны: они гибли съ мужествомъ и спокойствіемъ мучениковъ, но движеніе не прекращалось, оно безостановочно росло и крѣпло. Да, Ваше Величество, революціонное движеніе не такое дѣло, которое зависитъ отъ отдѣльныхъ личностей. Это процессъ народнаго организма, и висѣлицы, воздвигаемыя для наиболѣе энергичныхъ выразителей этого процасса, такъ же безсильны спасти отживающій порядокъ, какъ крестная смерть Спасителя не спасла развратившійся античный міръ отъ торжества реформирующаго христіанства.

„Правительство, конечно, можетъ еще переловить и перевѣшать многое множество отдѣльныхъ личностей. Оно можетъ разрушить множество отдѣльныхъ революціонныхъ группъ. Допустимъ, что оно разрушитъ даже самыя серьезныя изъ существующихъ революціонныхъ организацій. Но, вѣдь, все это нисколько не измѣнитъ положенія вещей. Революціонеровъ создаютъ обстоятельства, всеобщее неудовольствіе народа, стремленіе Россіи къ новымъ общественнымъ формамъ. Весь народъ истребить нельзя, нельзя и уничтожить его недовольство посредствомъ репрессалій: неудовольствіе, напротивъ, растетъ отъ этого. Поэтому на смѣну истребляемыхъ постоянно выдвигаются изъ народа все въ большемъ количествѣ новыя личности, еще болѣе озлобленныя, еще болѣе энергичныя. Эти личности, въ интересахъ борьбы, разумѣется, организуются, имѣя уже готовый опытъ своихъ предшественниковъ; поэтому революціонная организація съ теченіемъ времени должна усиливаться и количественно, и качественно. Это мы видимъ въ дѣйствительности за послѣдніе 10 лѣтъ. Какую пользу принесла гибель Долгушинцевъ, Чайковцевъ, дѣятелей 74-го года? На смѣну имъ выступили гораздо болѣе рѣшительные *народники*. Страшныя правительственныя репрессаліи вызвали затѣмъ на сцену террористовъ 78 — 79 гг. Напрасно правительство истребляло Ковальскихъ, Дубровиныхъ, Осинскихъ, Лизогубовъ. Напрасно оно разрушало десятки революціонныхъ кружковъ. Изъ этихъ несовершенныхъ организацій, путемъ естественнаго подбора, вырабатываются только болѣе крѣпкія формы. Появляется, наконецъ, Исполнительный Комитетъ, съ которымъ правительство до сихъ поръ, не въ состояніи справиться.

„Окидывая безпристрастнымъ взглядомъ пережитое нами тяжелое десятилѣтіе, можно безошибочно предсказать дальнѣйшій ходъ движенія, если только политика правительства не измѣнится. Движеніе должно расти, увеличиваться, факты террористическаго характера повторяться все болѣе обостренно; революціонная организація будетъ выдвигать на мѣсто истребляемыхъ группъ все болѣе и болѣе совершенныя, крѣпкія формы. Общее количество недовольныхъ въ странѣ между

тѣмъ увеличивается; довѣріе къ правительству въ народѣ должно все болѣе падать, мысль о революціи, о ея возможности и неизбѣжности—все прочнѣе будетъ развиваться въ Россіи. Страшный взрывъ, кровавая перетасовка, судорожное революціонное потрясеніе всей Россіи завершитъ этотъ процессъ разрушенія стараго порядка.

„Чѣмъ вызывается, обусловливается эта страшная перспектива? Да, Ваше Величество, страшная и печальная. Не примите это за фразу. Мы лучше, чѣмъ кто либо другой, понимаемъ, какъ печальна гибель столькихъ талантовъ, такой энергіи—на дѣлѣ разрушенія, въ кровавыхъ схваткахъ, въ то время, когда эти силы при другихъ условіяхъ, могли бы быть потрачены непосредственно на созидательную работу, на развитіе народа, его ума, благосостоянія, его гражданскаго общежитія. Отчего же происходитъ эта печальная необходимость кровавой борьбы?

„Оттого, Ваше Величество, что теперь у насъ настоящаго правительства, въ истинномъ его смыслѣ, не существуетъ. Правительство, по самому своему принципу, должно только *выражать народныя стремленія,* только *осуществлять Народную Волю.* Между тѣмъ, у насъ—извините за выраженіе—правительство выродилось въ чистую камарилью и заслуживаетъ названія узурпаторской шайки гораздо болѣе, чѣмъ Исполнительный Комитетъ.

„Каковы бы ни были намѣренія государя, но *дѣйствія* правительства не имѣютъ ничего общаго съ народной пользой и стремленіями. Императорское правительство подчинило народъ крѣпостному праву, отдало массы во власть дворянству; въ настоящее время оно открыто создаетъ самый вредный классъ спекулянтовъ и барышниковъ. Всѣ реформы его приводятъ лишь къ тому, что народъ впадаетъ все въ большее рабство, все болѣе эксплуатируется. Оно довело Россію до того, что въ настоящее время народныя массы находятся въ состояніи полной нищеты и разоренія, не свободны отъ самаго обиднаго надзора даже у своего домашняго очага, не властны даже въ своихъ мірскихъ общественныхъ дѣлахъ. Покровительствомъ закона и правительства пользуется только хищникъ, эксплуататоръ; самые возмутительные грабежи оста-

ются безъ наказанія. Но за то, какая страшная судьба ждетъ человѣка, искренно помышляющаго объ общей пользѣ. Вы знаете хорошо, Ваше Величество, что не однихъ соціалистовъ ссылаютъ и преслѣдуютъ. Что же такое — правительство, охраняющее подобный „порядокъ"? Неужели это не шайка, неужели это не проявленіе полной узурпаціи?

„Вотъ, почему русское правительство не имѣетъ ни какого нравственнаго вліянія, никакой опоры въ народѣ; вотъ почему Россія порождаетъ столько революціонеровъ; вотъ почему даже такой фактъ, какъ цареубійство, вызываетъ въ огромной части населенія — радость и сочувствіе! Да, Ваше Величество, не обманывайте себя отзывами льстецовъ и прислужниковъ. Цареубійство въ Россіи очень популярно.

„Изъ такого положенія можетъ быть два выхода: или революція, совершенно неизбѣжная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или — добровольное обращеніе верховной власти къ народу. Въ интересахъ родной страны, во избѣжаніе напрасной гибели силъ, во избѣжаніе тѣхъ страшныхъ бѣдствій, которыя всегда сопровождаютъ революцію, Исполнительный Комитетъ обращается къ Вашему Величеству съ совѣтомъ избрать второй путь. Вѣрьте, что какъ только верховная власть перестанетъ быть произвольной, какъ только она твердо рѣшится осуществлять лишь требованія народнаго сознанія и совѣсти, — Вы можете смѣло прогнать позорящихъ правительство шпіоновъ, отослать конвойныхъ въ казармы, и сжечь развращающія народъ висѣлицы. Исполнительный Комитетъ самъ прекратитъ свою дѣятельность, и организованныя около него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работѣ на благо родного народа. Мирная идейная борьба смѣнитъ насиліе, которое противно намъ болѣе, чѣмъ Вашимъ слугамъ, и которое практикуется нами только изъ печальной необходимости.

„Мы обращаемся къ Вамъ, отбросивши всякія предубѣжденія, подавивши то недовѣріе, которое создала вѣковая дѣятельность правительства. Мы забываемъ, что Вы представитель той власти, которая столько обманывала народъ, сдѣлала ему столько зла. Обращаемся къ Вамъ, какъ къ гражданину и честному человѣку. Надѣемся, что чувство

личнаго озлобленія не заглушитъ въ Васъ сознанія своихъ обязанностей и желанія знать истину. Озлобленіе можетъ быть и у насъ. Вы потеряли отца. Мы теряли не только отцовъ, но еще братьевъ, женъ, дѣтей, лучшихъ друзей. Но мы готовы заглушить личное чувство, если того требуетъ благо Россіи. Ждемъ того же и отъ Васъ.

„Мы не ставимъ Вамъ условій. Пусть не шокируетъ Васъ наше предложеніе. Условія, которыя необходимы для того, чтобы революціонное движеніе замѣнилось мирной работой, созданы не нами, а исторіей. Мы не ставимъ, а только напоминаемъ ихъ.

„Этихъ условій, по нашему мнѣнію, два:

1) Общая амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ прошлаго времени, такъ какъ это были не преступленія, но исполненіе гражданскаго долга.

2) Созывъ представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни и передѣлки ихъ, сообразно съ народными желаніями.

„Считаемъ необходимымъ напомнить однако, что легализація верховной власти народнымъ представительствомъ можетъ быть достигнута лишь тогда, если выборы будутъ произведены совершенно свободно. Поэтому выборы должны быть произведены при слѣдующей обстановкѣ:

1) Депутаты посылаются отъ всѣхъ классовъ и сословій безразлично, и пропорціонально числу жителей;

2) никакихъ ограниченій ни для избирателей, ни для депутатовъ не должно быть;

3) избирательная агитація и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно, въ видѣ временной мѣры, впредь до рѣшенія народнаго собранія, допустить:

а) полную свободу печати,

б) полную свободу слова,

г) полную свободу сходокъ,

д) полную свободу избирательныхъ программъ.

„Вотъ единственное средство къ возвращенію Россіи на путь правильнаго и мирнаго развитія. Заявляемъ торже-

ственно, предъ лицомъ родной страны и всего міра, что наша партія безусловно подчинится рѣшенію народнаго собранія, избраннаго при соблюденіи вышеизложенныхъ условій, и не позволитъ себѣ впредь никакого насильственнаго противодѣйствія правительству, санкціонированному народнымъ собраніемъ.

Итакъ, Ваше Величество — рѣшайте. Передъ Вами два пути. Отъ Васъ зависитъ выборъ. Мы же затѣмъ можемъ только просить судьбу, чтобы Вашъ разумъ и совѣсть подсказали Вамъ рѣшеніе, единственно сообразное съ благомъ Россіи, съ Вашимъ собственнымъ достоинствомъ и обязанностями передъ родною страной [1]).

Исполнительный Комитетъ.

10 марта, 1881 года.

Легко критиковать этотъ документъ относительно его формы и содержанія. Въ другой редакціи онъ, можетъ быть, произвелъ бы на царя болѣе сильное впечатлѣніе; но ни въ какомъ случаѣ Александръ не могъ исполнить сразу всѣ требованія Исполнительнаго Комитета. Ему пришлось бы слишкомъ рѣзко порвать со всѣми традиціями самодержавія, лишивъ себя и своихъ преемниковъ той власти, для которой онъ, разумѣется, считалъ себя рожденнымъ и призваннымъ. Для подобнаго шага необходима была непоколебимая увѣренность въ пагубности самодержавія для Россіи, и твердое сознаніе въ томъ, что конституціонный строй способенъ устранить всѣ неурядицы; кромѣ того, подобный поступокъ требовалъ отъ новаго императора высокаго личнаго самоотреченія, чего трудно ожидать отъ человѣка вообще, и трудно было ожидать отъ Александра III въ частности.

Воззваніе Исполнительнаго Комитета было поэтому не только практически и политически неразумно; но оно и выпущено было въ неподходящій моментъ.

Послѣ вышеупомянутаго засѣданія министровъ 8-го марта императоръ, повидимому, склоненъ былъ присоединиться къ мнѣ-

---

[1]) См. Бурцевъ: «За сто лѣтъ», Лондонъ, 1897 г., стр. 173—179. «Литература партіи Народной Воли», стр. 903—908.

Прим. изд.

нію большинства. По достовѣрнымъ даннымъ, въ тотъ же день послѣ обѣда онъ говорилъ вел. кн. Владиміру, что „съ его плечъ точно гора свалилась“ [1]). 11-го марта онъ получилъ ультиматумъ Исполнительнаго Комитета, который предлагалъ ему передать всю свою власть народу. Это, конечно, породило въ немъ новыя сомнѣнія относительно разумности какихъ бы то ни было уступокъ по отношенію къ оппозиціи. Достовѣрно извѣстно, что противники такой уступчивости воспользовались упомянутымъ воззваніемъ, чтобы убѣдить царя въ томъ, что за всякаго рода свободомысліемъ таится революція, которая не удовлетворится ничѣмъ, кромѣ полнаго переворота, и потому уступки послужатъ лишь къ ея поощренію и усиленію.

Невозможно однако установить, въ какой степени вмѣшательство Исполнительнаго Комитета содѣйствовало тому, что царь продолжалъ откладывать окончательное утвержденіе проекта Лорисъ-Меликова; но весьма понятно, что оно послужило къ этому поводомъ. Александръ обращался за совѣтомъ къ разнымъ лицамъ,—напр., къ имп. Вильгельму I, который находилъ, что реформы въ конституціонномъ направленіи слѣдуетъ принимать только съ осторожностью [2]); въ то же время онъ подвергался вліянію и консерваторовъ и либераловъ, пока, наконецъ, его собственныя мысли окончательно не перепутались; онъ сталъ повторять мнѣнія тѣхъ, кого слышалъ послѣднимъ.

Такая же путаница происходила и во всемъ правительствѣ. Воззваніе Исполнительнаго Комитета, распространенное среди общества, было напечатано въ типографіи „Народной Воли“, органа террористовъ въ Петербургѣ, на что указы-

---

[1]) Слова эти были сообщены Лорисъ-Меликову самимъ вел. кн. Владиміромъ; министръ передалъ ихъ одному изъ своихъ друзей, поручивъ ему опубликовать часть бумагъ, которыя останутся послѣ его смерти. См. «Конституція гр. Лорисъ-Меликова», стр. 42.

Прим. авт.

[2]) «Не отрицая пользы созыва народныхъ представителей, престарѣлый императоръ старался предостеречь своего племянника отъ подводныхъ камней, которыхъ,—пишетъ онъ,—необходимо избѣгать при дарованіи конституціи». «Какъ ни лавируй» (trotz dieser Umschiffung),—заключаетъ онъ свое письмо,—«все же не легко прусскому правительству бороться съ трудностями парламентскаго устройства». Ibidem стр. 31—32.

Прим. изд.

вала надпись на листкѣ. Значитъ, террористы, несмотря на энергичную дѣятельность полиціи, продолжали вести свою пропаганду. Страхъ передъ новыми покушеніями охватилъ всѣхъ; въ то же время недовѣріе къ способности полиціи воспрепятствовать имъ усилилось до такой степени, что для охраны царя образована была особая тайная лига. Эта „Священная лига"—была устроена по образцу Исполнительнаго Комитета, насколько, разумѣется, была извѣстна его организація, и пріобрѣла въ короткое время множество членовъ. Вошло въ моду принадлежать къ лигѣ, которая своими пріемами и конспиративностью старалась подражать террористамъ, но въ противоположность послѣднимъ могла совершенно не бояться преслѣдованій полиціи. Она постановляла въ тайныхъ засѣданіяхъ даже смертные приговоры надъ выдающимися нигилистами [1]) и выбирала для нихъ исполнителей по тому же способу, какъ Исполнительный Комитетъ. Но изъ этого ничего не выходило. Избранные исполнители подыскивали различныя причины, чтобы уклониться отъ даннаго имъ порученія. Смертные приговоры не приводились въ исполненіе.

Зато вскорѣ удалось внушить правительству и государю нѣкоторыя опасенія относительно того развитія, которое могло бы получить это движеніе во главѣ съ священной лигой. Въ противовѣсъ ей, основался поэтому другой тайный союзъ, „Добровольная Охрана", цѣль котораго состояла въ защитѣ царя уже отъ его охранителей. Офиціально значилось, что союзъ имѣетъ задачей лишь обезопасить коронованіе Александра III; для достиженія этой цѣли союзъ не задумался вступить въ переговоры съ революціонерами, находившимися внѣ предѣловъ Россіи, и съ террористами, заключенными въ правительственныхъ тюрьмахъ, причемъ имъ обѣщались всякія льготы, если они не станутъ препятствовать коронованію государя. Затѣмъ, когда эти переговоры ничѣмъ не кончились, союзъ обратился къ главарямъ раскольничьей секты; путемъ обѣщаній, впослѣдствіи не исполненныхъ, онъ побу-

---

[1]) Доказательства этому имѣются въ письмахъ и замѣткахъ, находящихся въ рукахъ революціонеровъ. *Прим. авт.*

дилъ ихъ послать въ Москву, нѣсколько тысячъ надежныхъ раскольниковъ, служившихъ императору своего рода эскортомъ и окружавшихъ его въ качествѣ „представителей отъ народа“.

Оба охранительныхъ союза интриговали другъ противъ друга, государственная полиція противъ нихъ обоихъ, и оба они противъ государственной полиціи, въ то время какъ революціонеры и либералы усиленно агитировали въ пользу своихъ плановъ. Тогдашнему директору департамента полиціи, впослѣдствіи м-ру внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Плеве, вскорѣ удалось положить конецъ дѣятельности священной лиги; когда ея члены или платные агенты арестовывали кого нибудь онъ назначалъ подробное слѣдствіе, такъ что арестованнымъ зачастую приходилось ждать окончанія дѣла по нѣскольку лѣтъ. Почти всегда оказывалось, что лига выступала не во время и благодаря этому сдѣлалась вскорѣ предметомъ насмѣшекъ, что окончательно ее дискредитировало. Смятеніе въ правительственныхъ сферахъ достигло невѣроятныхъ размѣровъ; вся энергія, казалось, была поглощена уничтоженіемъ нигилистовъ, типографіи которыхъ продолжали работать даже въ столицѣ и выпускали во множествѣ прокламаціи, газеты и разные революціонные листки. Государь сидѣлъ въ своемъ дворцѣ, какъ въ плѣну, постоянно терзаемый смертельнымъ страхомъ и подозрительностью, совершенно нарушавшими его душевное равновѣсіе и подтачивавшими нервную систему.

Отчаяніе въ возможности найти выходъ изъ этого жалкаго положенія было такъ велико, что неоднократно возникали заговоры иногда въ столь близкихъ къ Александру III кругахъ, что ихъ нельзя было даже заподозрить въ подобныхъ намѣреніяхъ. Положимъ, планы эти ограничивались лишь обмѣномъ мыслей въ интимныхъ кружкахъ, но одинъ изъ недовольныхъ, знаменитый генералъ Скобелевъ, пошелъ дальше [1]). Своимъ отказомъ принять постъ времен-

[1]) Эпизодъ этотъ, характеризующій господствовавшее тогда настроеніе, описывается Степнякомъ въ его книгѣ: «King Stork and King Log». Свѣдѣнія эти онъ почерпнулъ отъ ближайшаго друга Лорисъ-Меликова, которому послѣдній сообщилъ ихъ въ Ниццѣ, во время своей болѣзни. *Прим. автора.*

наго генералъ-губернатора онъ уже ранѣе явно обнаружилъ свое неодобреніе правительственной политикѣ; затѣмъ онъ пытался сблизиться въ Смоленскѣ съ революціонной партіей и, въ заключеніе, отказался вступить въ добровольную охрану, хотя Воронцовъ-Дашковъ усиленно склонялъ его къ этому. Тогда онъ придумалъ слѣдующій планъ: ставъ во главѣ одного полка, на который онъ могъ безусловно положиться, окружить дворецъ, назначить временное правительство и провозгласить въ Россіи конституцію. Но онъ не могъ выполнить весь этотъ планъ самостоятельно и предложилъ И—ву содѣйствовать ему и вступить въ члены временнаго правительства. И—въ принялъ предложеніе Скобелева съ своей обычной малообдуманной и довольно ненадежной пылкостью и оба они обратились къ Лорисъ-Меликову, чтобы привлечь его, въ качествѣ третьяго, въ свой союзъ. Но Лорисъ-Меликовъ, не довѣрявшій И—ву, отказался—вѣроятно, еще и по другимъ причинамъ—принять какое бы то ни было участіе въ заговорѣ. Однако, онъ промолчалъ о немъ, чѣмъ и воспользовался И—въ, предавъ не только Скобелева, но и Лорисъ-Меликова.

Лицо, знавшее объ этой интригѣ отъ Лорисъ-Меликова, не позволило опубликовать своей фамиліи, такъ что за достовѣрность сообщенія ручаться нельзя. Но нѣтъ и вѣскихъ причинъ сомнѣваться въ его правдивости; наоборотъ, то обстоятельство, что Лорисъ-Меликовъ вскорѣ покинулъ Россію и впослѣдствіи жилъ почти изгнанникомъ, а также и немилость, въ которую впалъ Скобелевъ, подтверждаютъ его.

Какъ бы то ни было, пока разыгрывались эти интриги, государь, ни слова не говоря Лорисъ-Меликову, все чаще совѣщался съ Побѣдоносцевымъ, первымъ и невидимымъ представителемъ реакціонной партіи. Съ большимъ искусствомъ сумѣлъ онъ воспользоваться и страхомъ, внушеннымъ царю и его окружающимъ нигилистами, и предостерегающими совѣтами, получаемыми имъ отовсюду относительно проведенія реформъ Лорисъ-Меликова.

Наконецъ, Александръ, попрежнему, безъ вѣдома Лориса, приказалъ Побѣдоносцеву составить проектъ манифеста, посредствомъ котораго царь желалъ ознакомить народъ съ вну-

тренней политикой, которой онъ впредь намѣревался слѣдовать. Своей резолюціей на проектѣ Лорисъ-Меликова онъ показалъ его автору и большинству въ совѣтѣ министровъ, что присоединяется къ ихъ мнѣнію, подтвердивъ это, кромѣ того, въ опредѣленныхъ выраженіяхъ вел. кн. Владиміру. И несмотря на это, онъ поручилъ теперь редакцію манифеста о будущей политикѣ правительства — главѣ реакціонной партіи.

Актъ былъ сочиненъ Побѣдоносцевымъ и представленъ на одобреніе. Государь, повидимому, и не подозрѣвалъ, что актъ этотъ самая рѣзкая противоположность Лорисъ-Меликовскому, „превосходно составленному“ проекту; и когда, по опубликованіи ультра-реакціоннаго манифеста, Лорисъ, Милютинъ и Абаза, ничего не знавшіе о немъ, подали прошеніе объ отставкѣ, то царь былъ очень удивленъ и возмущенъ ихъ образомъ дѣйствій. Онъ совершенно не представлялъ себѣ, что его манифестъ произведетъ такое впечатлѣніе на свободомыслящихъ людей, что этимъ манифестомъ онъ заявилъ о своемъ полномъ присоединеніи къ реакціонной партіи, хотя и заимствовалъ у Побѣдоносцева много фразъ о необходимости и значеніи самодержавія.

Что онъ самъ думалъ объ этомъ, видно изъ его письма къ вел. кн. Владиміру Александровичу, отъ 27 апрѣля 1881 года. Вотъ это письмо, подлинность котораго не подлежитъ сомнѣнію:

„Посылаю тебѣ, любезный Владиміръ, мною одобренный проектъ манифеста; я желаю, чтобы онъ вышелъ въ 29 день пріѣзда моего въ столицу. Я долго объ этомъ думалъ. Министры все обѣщаютъ мнѣ своими мѣрами замѣнить манифестъ, но такъ какъ я не могу добиться никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій отъ нихъ, а между тѣмъ шатаніе умовъ продолжается и многіе ждутъ чего-то необыкновеннаго, то я рѣшился обратиться къ Константину Петровичу Побѣдоносцеву и поручилъ ему составить мнѣ проектъ манифеста, въ которомъ бы высказано было ясно, какое направленіе желаю я дать дѣламъ, и что никогда не допущу ограниченія самодержавной власти, которую нахожу нужной и полезной Россіи. Кажется, манифестъ составленъ очень хо-

рошо; онъ былъ вполнѣ одобренъ Строгановымъ, который также нашелъ своевременность подобнаго акта. Сегодня я лично прочелъ манифестъ А. В. Адлербергу, который вполнѣ одобрилъ его. Итакъ, дай Богъ, въ добрый часъ" [1]).

Никто, кромѣ царя, не считалъ этого манифеста шагомъ впередъ. „Это предательство, реакціонный coup d'état!" воскликнулъ Лорисъ-Меликовъ, узнавъ 29-го о манифестѣ. Онъ понялъ, что всецѣло обойденъ реакціонерами, которые совершили свое дѣло въ такой тайнѣ, что ни одинъ изъ министровъ, поддерживавшихъ его, не подозрѣвалъ о сочиненіи и печатаніи манифеста. Они проиграли игру. Побѣдоносцеву и его соратникамъ удалось пріобрѣсти такое вліяніе на государя, которымъ они пользовались до конца царствованія его на пагубу русскаго народа и его сосѣдей.

Вліяніе славянофиловъ на общественное развитіе.

Съ опубликованія выработаннаго Побѣдоносцевымъ манифеста начался новый періодъ для общественнаго и революціоннаго движенія въ Россіи. Общественное развитіе, поскольку оно зависѣло отъ правительства и властей, постоянно тормазилось. Для революціонеровъ новое царствованіе было періодомъ сосредоточенія, наблюденія и оцѣнки пріобрѣтеннаго опыта и постепенной реорганизаціи всей революціонной работы. Въ началѣ, правда, Исполнительный Комитетъ продолжалъ еще свою террористическую дѣятельность. Было произнесено и выполнено еще нѣсколько смертныхъ приговоровъ надъ высшими и низшими чиновниками, съ особенной жестокостью дѣйствовавшими противъ революціонеровъ, и въ то же время составлялись планы новыхъ покушеній на самого царя. Но революціонеры, не сдѣлавшіеся за время своей террористической дѣятельности такими фанатиками, чтобы не отдавать себѣ отчета въ различныхъ обществен-

---

[1]) «Конституція гр. Лорисъ-Меликова», стр. 34.
Прим. изд.

ныхъ явленіяхъ, должны были понять, что надежда на успѣхъ террористическихъ актовъ исчезаетъ.

Царь жилъ уединенно въ Гатчинскомъ дворцѣ, гдѣ были приняты такія тщательныя мѣры охраны, что всякія попытки покушеній были немыслимы [1]). Въ Петербургъ онъ пріѣзжалъ рѣдко и притомъ совершенно неожиданно, такъ что нельзя было принять никакихъ мѣръ для покушенія на него во время этихъ мимолетныхъ наѣздовъ. Управленіе страной было возложено на министровъ, которые получили свои портфели скорѣе благодаря интригамъ и протекціи, чѣмъ своимъ знаніямъ и способностямъ. Устраненіе кого-нибудь изъ нихъ, или ихъ подчиненныхъ, конечно, не могло, имѣть серьезнаго значенія. Реакцію представляли и поддерживали не только они, хотя они и состояли у ней въ услуженіи. И съ ними и безъ нихъ, система твердо покоилась на томъ фундаментѣ, который далъ ей Александръ III Побѣдоносцевскимъ манифестомъ. Поддерживалась она людьми изъ партіи славянофиловъ, въ интересахъ которой дѣйствовалъ и вліяніемъ которой воспользовался оберъ-прокуроръ синода, хотя его самого къ этой партіи причислить нельзя.

Развитіе пошло своей прежней дорогой. Либералы однимъ ударомъ были лишены всякаго вліянія на ходъ событій. Борьбу съ реакціоннымъ правительствомъ революціонеры еще могли бы, пожалуй, продолжать, но въ борьбѣ съ умственнымъ реакціоннымъ теченіемъ, вызваннымъ славянофильствомъ, шансы на успѣхъ у нихъ уменьшались по мѣрѣ возрастанія силъ славянофиловъ. Революція была вынуждена занять выжидательную позицію, найти и усовершенствовать новые пути, заново организоваться сообразно съ начавшимся обще-

---

[1]) «Я знаю»,—пишетъ Кропоткинъ,—«это старинное зданіе, планированное, какъ вобановская крѣпость, окруженное рвами и защищенное сторожевыми башнями, откуда потаенныя лѣстницы ведутъ въ царскій кабинетъ. Я видѣлъ люкъ въ кабинетѣ, черезъ который можно бросить неожиданно врага въ воду,—на острые камни внизу, а затѣмъ тайныя лѣстницы, спускающіяся въ подземныя тюрьмы и въ подземный проходъ, ведущій къ озеру. Всѣ дворцы Павла устроены по такому же плану».

«Тѣмъ временемъ, подземная галлерея, снабженная автоматическими электрическими приборами, чтобы революціонеры не могли подкопаться, рылась вокругъ Аничкова дворца, гдѣ Александръ III жилъ до восшествія на престолъ». «Зап. рев.», стр. 412. *Прим. изд.*

ственнымъ развитіемъ. Въ немъ заложены были и революціонныя начала на случай, еслибъ славянофильству не удалось устранить глубокихъ причинъ къ недовольству и ропоту. Необходимо, поэтому, подробно изслѣдовать главнѣйшія фазы соціальнаго развитія, такъ какъ лишь при этомъ условіи будетъ понятно, какимъ образомъ революціонное движеніе могло усиливаться, постепенно распространяясь вглубь и вширь, пока не достигло въ наши дни своего полнаго развитія и не обратилось въ силу, обѣщающую преобразовать государство.

Славянофильство, какъ видно изъ прежнихъ описаній этого направленія, не было новымъ явленіемъ въ Россіи, точно такъ же, какъ и его отпрыскъ, панславизмъ. Подобно всѣмъ другимъ политическимъ теченіямъ въ Россіи, славянофильство вначалѣ отнюдь не имѣло политическаго характера, но скорѣе философско-соціальный. Его основатели, бр. Константинъ и Иванъ Аксаковы, въ молодыхъ годахъ были друзьями Бѣлинскаго, Герцена, Бакунина и другихъ крайнихъ либераловъ, впослѣдствіи ставшихъ приверженцами радикальныхъ, революціонныхъ и анархическихъ ученій.

Развитіе славянофиловъ пошло какъ разъ въ противоположную сторону и привело ихъ къ консерватизму самаго реакціоннаго свойства. Въ противовѣсъ склонности русскаго общества предпочитать заграничное, европейское чисто русскому — славянофилы стремились вначалѣ превозносить и отличать все русское передъ западно-европейскимъ. Но мало по малу это выродилось въ полное презрѣніе ко всей западно-европейской культурѣ, сопровождаясь въ то же время слѣпымъ преклоненіемъ передъ всѣмъ чисто русскимъ. Центръ этого движенія находился въ Москвѣ, а вдохновителями его были Константинъ Аксаковъ, впослѣдствіи и братъ его Иванъ; къ нему примыкалъ отчасти и знаменитый Катковъ, сумѣвшій возвести славянофильство въ первостепенный политическій факторъ и до того извратившій его принципы, что они сдѣлались лучшей поддержкой абсолютизма.

Первоначальная, неискаженная программа славянофиловъ помѣщена въ замѣчательной „запискѣ“ „о внутреннемъ состояніи Россіи“, представленной Конст. Серг. Аксаковымъ,

черезъ гр. Блудова, Александру II въ 1855 году, вскорѣ послѣ его восшествія на престолъ. „Вотъ этотъ выводъ, оправданіе котораго находится въ самой „Запискѣ“—пишетъ К. С. Аксаковъ въ своемъ дополненіи къ ней [1]).

„I. Русскій народъ, не имѣющій въ себѣ политическаго элемента, отдѣлилъ государство отъ себя и государствовать не хочетъ.

„II. Не желая государствовать народъ предоставляетъ правительству неограниченную власть государственную.

„III. Въ замѣнъ того, русскій народъ предоставляетъ себѣ нравственную свободу, свободу жизни и духа.

„IV. Государственная неограниченная власть, безъ вмѣшательства въ нее народа,—можетъ быть только неограниченная монархія.

„V. На основаніи такихъ началъ зиждется русское гражданское устройство: правительству (необходимо монархическому)—неограниченная власть государственная, политическая; народу — полная свобода нравственная, свобода жизни и духа (мысли, слова). Единственно, что̀ самостоятельно можетъ и долженъ предлагать безвластный народъ полновластному правительству,—это *мнѣніе* (слѣдовательно, сила чисто нравственная), мнѣніе, которое правительство вольно принять и не принять.

„VI. Эти истинныя начала могутъ быть нарушены и съ той, и съ другой стороны.

„VII. При нарушеніи ихъ со стороны народа, при ограниченіи власти правительства, слѣдовательно при вмѣшательствѣ народа въ правительство,—не можетъ быть нравственной свободы народной. Вмѣшиваясь въ правительство, народъ прибѣгаетъ къ внѣшней принудительной силѣ, измѣняетъ своему пути внутренней духовной свободы и силы—и непремѣнно портится нравственно.

„VIII. При нарушеніи этихъ началъ со стороны правительства, при стѣсненіи правительствомъ въ народѣ свободы нравственной, свободы жизни и духа,—неограниченная монархія обращается въ деспотизмъ, въ правительство безправ-

---

[1]) См. журналъ «Русь», 1881 г. №№ 26—28. *Прим. изд.*

ственное, гнетущее всѣ нравственныя силы и развращающее душу народа.

„IX. Начала русскаго гражданскаго устройства не были нарушены въ Россіи со стороны народа (ибо это его коренныя народныя начала);—но были нарушены со стороны правительства. То есть: правительство вмѣшалось въ нравственную свободу народа, стѣснило свободу жизни и духа (мысли, слова) и перешло такимъ образомъ въ душевредный деспотизмъ, гнетущій духовный міръ и человѣческое достоинство народа и, наконецъ, обозначившійся упадкомъ нравственныхъ силъ въ Россіи и общественнымъ развращеніемъ. Впереди же этотъ деспотизмъ угрожаетъ или совершеннымъ разслабленіемъ и паденіемъ Россіи, на радость враговъ ея, или же искаженіемъ русскихъ началъ въ самомъ народѣ, который, не находя свободы нравственной, захочетъ, наконецъ, свободы политической, прибѣгнетъ къ революціи и оставитъ свой истинный путь.—И тотъ и другой исходъ ужасны, ибо и тотъ и другой гибельны: одинъ въ матеріальномъ и нравственномъ, другой въ одномъ нравственномъ отношеніи.

„X. Итакъ, нарушеніе со стороны правительства русскаго гражданскаго устройства, похищеніе у народа нравственной его свободы, однимъ словомъ: отступленіе правительства отъ истинныхъ русскихъ началъ,—вотъ источникъ всякаго зла въ Россіи.

„XI. Поправленіе дѣла, очевидно, зависитъ отъ правительства.

„XII. Правительство наложило нравственный и жизненный гнетъ на Россію; оно должно снять этотъ гнетъ. Правительство отступило отъ истинныхъ началъ русскаго гражданскаго устройства; оно должно воротиться къ этимъ началамъ, а именно:

Правительству—неограниченная власть государственная; народу — полная свобода нравственная, свобода жизни и духа. Правительству—право дѣйствія и, слѣдовательно, закона; народу—право мнѣнія и, слѣдовательно, слова [1]).

Вотъ единственный, существенно жизненный совѣтъ для Россіи въ настоящее время.

---

[1]) Курсивъ подлинника.

XV. Но и не удовлетворяясь тѣмъ, что свобода слова, а поэтому и общественное мнѣніе, существуетъ, правительство чувствуетъ иногда нужду само вызывать общественное мнѣніе. Какимъ образомъ можетъ правительство вызвать это мнѣніе?

„Древняя Русь указываетъ намъ и на дѣло самое, и на способъ. Цари наши вызывали, въ важныхъ случаяхъ, общественное мнѣніе всей Россіи и созывали для того *Земскіе Соборы*, на которыхъ были выборные отъ всѣхъ сословій и со всѣхъ концовъ Россіи. Такой Земскій Соборъ имѣетъ значеніе *только мнѣнія*, которое государь можетъ принять и не принять".

Противорѣчія и неясности этой „программы" бросаются въ глаза. „Просвѣщенный и либеральный абсолютизмъ" — такова была мечта прежнихъ славянофиловъ; неограниченная власть монарху, но вмѣстѣ съ тѣмъ и права для народа. Такая правительственная система могла бы быть проведена только идеальнымъ человѣкомъ, но отнюдь не обыкновеннымъ смертнымъ, надѣленнымъ всѣми несовершенствами человѣческой природы.

Но именно благодаря этой неясности, этому нагроможденію въ одно цѣлое несоединимыхъ частей, являвшемуся, по мнѣнію славянофиловъ, однако, прекраснымъ и возможнымъ, представителямъ новаго ученія удалось спутать понятія большей части русскаго общества. Славянофильство не задѣвало царя, неограниченная власть котораго была однимъ изъ краеугольныхъ камней системы; оно защищало свободу убѣжденій и слова и нравилось поэтому либераламъ; подчеркивая присущее народу право жить свободно, оно пріобрѣтало симпатіи всѣхъ, видѣвшихъ въ освобожденіи крѣпостныхъ основное условіе будущаго развитія Россіи. Только наиболѣе прозорливые сразу признали невозможность возвести изъ разнороднаго нагроможденнаго славянофилами матеріала прочное государственное зданіе. Всѣмъ остальнымъ идеи славянофиловъ казались весьма привлекательными, особенно благодаря ихъ льстивому преклоненію передъ русскимъ народомъ, пріятно щекотавшему національное чувство, вѣрнѣе — національное тщеславіе.

„Въ глазахъ славянофиловъ“,— говоритъ Леруа-Болье въ цитированной уже нами книгѣ „L'empire des Tzars et des Russes“,—„Россія существенно отличается отъ Европы. Благодаря своеобразнымъ учрежденіямъ, унаслѣдованнымъ ею съ давно прошедшихъ временъ, благодаря своему происхожденію, развитію и элементамъ своей культуры, она пойдетъ новой дорогой. Благодаря особенностямъ заселенія ея территоріи, представленію о семьѣ, собственности и правительственной власти, Россія обладаетъ залогомъ для новой цивилизаціи,— по убѣжденію мѣстнаго патріотизма,—болѣе уравновѣшенной, устойчивой и гармоничной, болѣе способной породить дѣйствительный прогрессъ безъ опредѣленной цѣли, чѣмъ ея устарѣлая, изнѣженная западно-европейская сестра, грозящая уже распаденіемъ вслѣдствіе своихъ внутреннихъ противорѣчій.

Таково было славянофильство бр. Аксаковыхъ, пока имъ не воспользовался Катковъ и не обратилъ его въ орудіе политическихъ цѣлей, бывшихъ въ то же время всегда и его личными цѣлями. Во время пребыванія въ московскомъ университетѣ Катковъ исповѣдывалъ либеральныя и даже радикальныя идеи. Нѣкоторое время онъ принадлежалъ къ кружку Станкевича, вмѣстѣ съ Герценомъ, Бакунинымъ, Аксаковыми и Бѣлинскимъ, и тогда отнюдь не былъ согласенъ со взглядами, проводившимися основателями славянофильства. Впослѣдствіи онъ сдѣлался издателемъ одного либеральнаго журнала [1]), издавалъ его не менѣе шести лѣтъ и практически изучилъ при этомъ всѣ трудности дѣла; будучи такимъ образомъ во всеоружіи, онъ занялъ мѣсто главнаго редактора „Московскихъ Вѣдомостей“, единственной газеты, которая въ то время дѣйствительно могла имѣть вліяніе на развитіе страны.

Въ короткое время Катковъ превратилъ славянофильство въ панславизмъ. Онъ неустанно проповѣдывалъ съ большой убѣдительностью и ловкостью, что Россіи предстоитъ выполнить въ Европѣ великую миссію. Историческая задача ея состоитъ, по его словамъ, въ томъ, чтобы объединить подъ

---

[1]) „Русскаго Вѣстника“. *Прим. изд.*

своимъ стягомъ всю славянскую расу въ единый непобѣдимый культурный народъ и подчинить его вліянію всѣ другія національности. Все не великороссійское въ его отечествѣ было ему ненавистно — остзейскія провинціи, Польша, Малороссія, Финляндія, особенно Финляндія, потому что она, находясь внѣ вліянія русской культуры, была гораздо самостоятельнѣе и прогрессивнѣе ея. Противъ всѣхъ этихъ народностей, отличающихся отъ великороссовъ языкомъ, расой, характеромъ и идеями, онъ гремѣлъ съ одинаковой рѣзкостью. Не менѣе горячо выступалъ онъ въ то же время защитникомъ всѣхъ славянскихъ племенъ въ Австріи и на Балканскомъ полуостровѣ, противъ державъ, въ предѣлахъ которыхъ они жили.

Вліяніе панславистовъ и особенно „Московскихъ Вѣдомостей“ и побудило, главнымъ образомъ, Александра II объявить войну Турціи. Сербы взялись за оружіе, чтобы окончательно освободиться отъ турецкаго владычества. Въ Болгаріи началось броженіе, и она сдѣлалась ареной дикихъ насилій, тогда какъ сербы изнемогали въ неравной борьбѣ, которую вели столько времени. Для Каткова и другихъ панславистовъ было не особенно трудно подготовить настроеніе въ пользу „страждущихъ братьевъ“ на Балканскомъ полуостровѣ, и вскорѣ оно сдѣлалось настолько сильнымъ, что захватило всѣхъ.

Вліяніе Каткова и его газеты возрасло благодаря этому до громадныхъ размѣровъ. Все, что онъ говорилъ, производило въ Россіи сильное впечатлѣніе и имѣло большое вліяніе на всѣхъ, исключая либераловъ и соціалистовъ, которые хорошо понимали, что панславистско-славянофильская политика, въ томъ видѣ, какъ ее проводилъ Катковъ, безусловно ведетъ къ злѣйшей реакціи.

„Московскія Вѣдомости“ во главѣ со своимъ редакторомъ, уже во время польскаго мятежа 1863 г. съ кровожаднымъ цинизмомъ требовавшіе безчеловѣчныхъ наказаній повстанцамъ, обрушились теперь со всею яростью на соціалистическую пропаганду и революціонное движеніе. Варварскіе пріемы правительства при подавленіи мятежа находили въ Катковѣ самаго горячаго защитника, который постоянно требовалъ большей строгости, болѣе широкихъ

репрессій — арестовъ, ссылокъ и казней. Въ то же время усиливалась его ненависть ко всѣмъ не русскимъ національностямъ, имѣвшимъ несчастіе входить въ составъ русскаго государства.

Удачное покушеніе террористовъ дало ему непредвидѣнный случай еще разъ выступить въ походъ со всей своей тяжелой артиллеріей. Оппозиція всѣхъ оттѣнковъ отъ умѣренно-либеральныхъ до террористическихъ должна быть искоренена всѣми возможными средствами, хотя бы это и стоило рѣкъ крови. Правительство и царь не могли и не должны были показывать и тѣни уступчивости по отношенію къ либераламъ, никакого снисхожденія къ врагамъ царской власти. Теперь или никогда должно было направить судьбу Россіи по единственному пути, который могъ спасти русскій народъ; теперь надлежало цѣликомъ искоренить пагубную западно-европейскую культуру, уже цѣлыя десятилѣтія поддерживавшую возбужденіе въ Россіи и приведшую къ цареубійству.

Въ такомъ тонѣ гремѣли „Московскія Вѣдомости“ и ихъ многочисленные приспѣшники большого и малаго калибра. Своего рода совпаденіе выработанныхъ Лорисъ-Меликовымъ реформъ съ программой славянофиловъ, какъ она была составлена руководителями этой партіи, ничего не значило для Каткова и его приверженцевъ. Въ началѣ 1881 г. Иванъ Аксаковъ получилъ отъ Лорисъ-Меликова разрѣшеніе напечатать въ своемъ журналѣ „Русь“ меморандумъ, который братъ его Константинъ представилъ царю, 26 лѣтъ тому назадъ; вѣроятно, съ цѣлью показать послѣднему, что предполагаемыя реформы могутъ расчитывать на поддержку славянофиловъ. Меморандумъ началъ печататься въ то время, когда Александръ II палъ отъ бомбы террористовъ, и продолжалъ выходить въ послѣдующіе дни, при воцареніи новаго императора, бывшаго ученикомъ Ивана Аксакова [1]).

---

[1]) Авторъ ошибается. Всѣ связи Ив. Аксакова съ дворомъ ограничиваются женитьбой его на дочери поэта Тютчева, фрейлинѣ императрицы.

См. Венгеровъ: «Критико-біограф. словарь русск. пис. и учен.».

Прим. изд.

Катковъ не обратилъ на это вниманія, равно какъ и Побѣдоносцевъ, заключившій въ то время съ нимъ союзъ. Имъ удалось отстоять свою точку зрѣнія, и благодаря этому въ царствованіе Александра III получило значеніе выработанное Катковымъ панславистское видоизмѣненіе славянофильства; Гербертъ Томпсонъ такъ характеризуетъ его въ своемъ интересномъ трудѣ „Russian politics".

„Славянофильство представляетъ единственное теченіе русской общественной жизни, которое много заставляетъ говорить о себѣ, потому что можетъ открыто поднимать голову, печатать и проводить свои взгляды въ газетахъ, которое, въ періодъ своего наибольшаго распространенія, имѣло органомъ газету чрезвычайно активную и вліятельную. Его принципы относительно внутренней политики, въ главныхъ чертахъ, сходны съ тѣми, отъ которыхъ недавно отказалась Японія, и съ которыми будетъ принужденъ, вѣроятно, разстаться и Китай. Въ Россіи теченіе это является современнымъ воплощеніемъ консерватизма, ставшаго въ оппозицію Петру Великому, консерватизма, на который Петръ обрушивался нѣкогда со всей силой своей личности".

Эта-то партія черезъ Побѣдоносцева правила при Александрѣ III всей Россіей, какъ въ главныхъ чертахъ правитъ и по сіе время. Неопредѣленные, но болѣющіе за народъ идеалистическіе наивные взгляды славянофиловъ мало по малу до того были искажены, что сдѣлались основаніемъ самого реакціоннаго деспотизма, неизвѣстнаго нынѣшней Европѣ, если не считать Турціи. Даже Иванъ Аксаковъ не могъ удержаться на точкѣ зрѣнія меморандума своего брата; онъ все сильнѣе впадалъ въ руководимую Катковымъ и Побѣдоносцевымъ реакцію, которая, наконецъ, отказалась отъ названія „славянофильской", такъ что немногіе оставшіеся вѣрными старинѣ славянофилы стали все болѣе, подобно либераламъ, уклоняться отъ политики, на которую уже не могли вліять.

Александръ III и его министры.

Въ сравнительно короткое время послѣ смерти Александра III возникла цѣлая литература его біографій. Положеніе дѣйствительно трагическое, вызывавшее глубокій интересъ современниковъ. Счастливая семейная жизнь Алевсандра III, безъискусственныя манеры, когда онъ чувствовалъ себя свободнымъ отъ заботъ правленія и придворнаго этикета, его неутомимость и настойчивость въ работѣ — всѣ эти и другія свойства его характера дѣлали для большинства непонятнымъ, почему благосостояніе Россіи въ его царствованіе постоянно ухудшалось рѣшительно во всѣхъ отношеніяхъ. Спрашивается, какимъ образомъ могло случиться, что человѣкъ, безусловно желавшій работать на благо своего народа и обладавшій такой властью, какая предоставлена россійскимъ самодержцамъ, не смогъ осуществить своихъ намѣреній? Почему несправедливость, угнетенія, безчеловѣчность, взяточничество и произволъ, при царѣ, выбивавшемся изъ силъ, чтобы положить конецъ этому неустройству, становились все болѣе невыносимыми и всеобщими, пока, наконецъ, недовольство правительствомъ не привело всю страну въ состояніе броженія, когда наступленіе взрыва можно предотвратить только силой?

Многіе біографы покойнаго государя пытались болѣе или менѣе прямо отвѣтить на эти вопросы. Весьма немногимъ удалось сдѣлать это удовлетворительно, такъ какъ они далеко не всегда хорошо знали условія русской жизни, опредѣлявшія возникновеніе и наростаніе недовольства; поэтому они не могли понять, что кажущаяся неограниченною власть монарха, въ дѣйствительности — поскольку онъ проявляетъ ее лично — едва-ли можетъ быть названа таковою, особенно, если обладатель ея не имѣетъ правильнаго представленія о томъ, какимъ образомъ власть эта должна проявляться, чтобы послужить на благо народа, а не во вредъ ему.

Въ этомъ можетъ быть виновато столько же воспитаніе, какъ и природныя способности. Воспитаніе Александра III было исключительно военнымъ. Александръ II былъ того мнѣнія,

что изъ его сыновей лишь старшій, наслѣдникъ престола, нуждается въ пріобрѣтеніи нѣсколько большаго запаса свѣдѣній [1]). Только послѣ смерти цесаревича Николая царь заставилъ своего второго сына расширить и пополнить образованіе, чтобы стать достойнымъ ожидавшаго его отвѣтственнаго поста. Но было уже поздно. Его интересы и способности были таковы, что онъ, будучи уже взрослымъ человѣкомъ, не могъ наверстать потеряннаго. Ему удалось пріобрѣсти лишь первоначальныя основы тѣхъ знаній, которыми онъ долженъ былъ располагать, чтобы быть хоть сколько нибудь сноснымъ правителемъ. Онъ недостаточно учился, чтобы вполнѣ освоиться съ дѣлами правленія.

Этимъ объясняется то упорство, съ которымъ онъ держался разъ принятаго взгляда, кто бы ему ни внушилъ его; отсюда же вытекаетъ и его непріязненное отношеніе ко всѣмъ сколько нибудь одареннымъ и выдающимся людямъ. Авторъ одной изъ лучшихъ его біографій: „Россія при Александрѣ III“, Самсонъ Химмельстьерна, широкая освѣдомленность котораго о всѣхъ русскихъ дѣлахъ сказывается на каждой страницѣ,— говоритъ, что царь могъ терпѣть около себя только людей, стоящихъ въ умственномъ отношеніи гораздо ниже его; поэтому министрами назначались лишь весьма посредственныя личности. Онъ всегда боялся подпасть подъ вліяніе какого нибудь министра и такимъ образомъ охранялъ свою самостоятельность,— не подозрѣвая, что Катково-Побѣдоносцевская камарилья пользуется рѣшительнымъ вліяніемъ, и что оберъ-прокуроръ синода ловко умѣетъ внушать ему рѣшенія, которыя онъ считалъ своими собственными, тогда какъ, въ дѣйствительности, они принадлежали другимъ.

Упомянутый авторъ, однако, не совсѣмъ правъ, такъ какъ бывшій въ теченіе многихъ лѣтъ министромъ внутр. дѣлъ гр. Дм. Толстой и Побѣдоносцевъ въ умственномъ отношеніи стояли высоко. Но они умѣли скрывать это и, наоборотъ, всегда выставляли все такъ, будто иниціатива

---

[1]) См. Кропоткинъ: «Записки революціонера», стр. 142—144.
Прим. изд.

и взгляды царя были единственно рѣшающими. Благодаря этому, имъ удалось пріобрѣсти его довѣріе и вліяніе ихъ было обезпечено. Для нихъ, какъ и для другихъ министровъ, самое главное заключалось въ томъ, чтобы никогда не приступать къ дѣлу слишкомъ поспѣшно, ни въ коемъ случаѣ не предупреждать царя, а незамѣтно заинтересовывать его и давать освоиться съ тѣми взглядами, которые они желали провести въ правительственныхъ актахъ. Затѣмъ, въ надлежащій моментъ, они вліяли на него и онъ принималъ желательное рѣшеніе.

Это было особенно легко, благодаря тому, что въ Россіи никогда—и донынѣ [1])—не было министерства, въ западно-европейскомъ смыслѣ. Каждый министръ непосредственно дѣлаетъ доклады государю обо всемъ, входящемъ въ его компетенцію, не заботясь о своихъ товарищахъ и не сообщая имъ о томъ направленіи, въ какомъ онъ намѣренъ вести политику своего министерства. Понятно, что при такой системѣ, монархъ, не обладающій выдающимися способностями, которые помогли бы ему разобраться въ предлагаемыхъ рѣшеніяхъ и придать общее руководство совокупной дѣятельности министерствъ, при всемъ желаніи не можетъ защитить себя отъ вліянія своихъ министровъ. Безпомощность въ этомъ отношеніи Александра III была слѣдствіемъ обстоятельствъ, при которыхъ складывался его характеръ и развивался умъ.

Корреспондентъ „Times'a", Lowe, долгое время жившій въ Россіи, говоритъ въ своей книгѣ „Александръ III, императоръ всероссійскій" слѣдующее:

„Извѣстно, что онъ былъ самымъ ревностнымъ поборникомъ трехъ славянофильскихъ принциповъ — самодержавія, православія и народности,—одинъ царь, одна религія, одинъ законъ; вскорѣ выяснилось, что онъ твердо рѣшился примѣнять эти принципы на практикѣ, въ ихъ самомъ сильномъ и прямомъ значеніи.

„Передъ нимъ были три альтернативы: поддерживать

---

[1]) Вскорѣ послѣ манифеста 17 октября 1905 г. гр. Витте, исполняя приказаніе государя «объединить дѣйствія высшаго правительства», пытался образовать первый кабинетъ министровъ изъ «правой» земскаго съѣзда, но это, какъ извѣстно, ему не удалось. *Прим. изд.*

status quo, идти впередъ въ такомъ же направленіи, какъ Австрія,—т. е. стать на путь децентрализаціи, или же, наконецъ, попытаться національзировать государство за счетъ угнетаемыхъ народностей въ пользу наиболѣе значительной — великороссовъ. Всякій народъ, стоявшій какимъ либо образомъ на пути этой политики, будь то евреи, нѣмцы или шведскіе финны, заранѣе былъ обреченъ на притѣсненіе. Для проведенія подобнаго принципа важно было выбрать время, потому что, если бы вспыхнула война и въ предѣлы Россіи вторгся врагъ, то слѣдствіемъ этого могла бы произойти революція, что не только затруднило бы процессъ объединенія, но и потрясло бы устойчивость государственнаго зданія. Поэтому сохраненіе мира имѣло весьма важное значеніе, такъ какъ царю нужно было время для проведенія реформъ, которыя онъ имѣлъ въ виду. Александръ III заслужилъ прозвище „миротворца“ за отсутствіе войнъ въ его царствованіе; онъ опасался начинать ихъ, вслѣдствіе вѣроятія серьезныхъ внутреннихъ волненій, которыя могли бы вспыхнуть въ значительной части государства“.

Необщительность Александра III съ годами увеличивалась, пока, наконецъ, даже министрамъ не было приказано представлять письменные доклады. Очевидно, онъ такимъ образомъ надѣялся вѣрнѣе обезопасить себя отъ ихъ вліянія; возможно, что по отношенію къ большинству министровъ это ему и удалось. Но отъ вліянія, которому онъ былъ подчиненъ съ начала своего царствованія — вліянія оберъ-прокурора св. синода — ему такъ и не удалось избавиться, и потому до конца дней своихъ онъ продолжалъ ту же панславистско-славянофильскую политику, которой обѣщалъ слѣдовать въ Побѣдоносцевскомъ манифестѣ.

Вліяніе Побѣдоносцева на Александра III, а черезъ него и на управленіе государствомъ, началось съ того времени, когда онъ, послѣ смерти цесаревича, былъ призванъ преподавать ему законовѣдѣніе. Побѣдоносцевъ, не занимавшій въ то время никакого значительнаго поста, былъ уже извѣстенъ какъ дѣльный, способный чиновникъ и свѣдущій юристъ. Поэтому на него была возложена отвѣтственная обязанность преподаванія будущему монарху тѣхъ предметовъ, знаніе

которыхъ было ему необходимо для управленія своимъ обширнымъ государствомъ.

Учитель выполнилъ свою задачу въ величайшимъ рвеніемъ и, какъ онъ самъ полагалъ,—съ успѣхомъ. Хладнокровный, расчетливый, фанатичный по самой природѣ своей, онъ передалъ наслѣднику престола свою слѣпую вѣру въ то, что православная церковь въ союзѣ съ абсолютизмомъ единственно могутъ направить судьбу Россіи на путь, который явится благословеніемъ для страны и народа. Солидная образованность Побѣдоносцева, его непоколебимая вѣра въ свои взгляды, убѣжденіе въ томъ, что русское православіе въ союзѣ съ царизмомъ призваны осчастливить не только Россію, но и всю Европу, все человѣчество, — короче, цѣльность его натуры и личная честность производили сильное впечатлѣніе на Александра III. Въ сравненіи съ неувѣренной политикой колебаній въ царствованіе Александра II, система Побѣдоносцева представлялась послѣдовательной, сильной и многообѣщающей; среди колеблющихся людей того времени, онъ одинъ рѣшительно придерживался опредѣленной теоріи. И Александръ III естественно вывелъ заключеніе, что эта теорія — единственно правильная.

Въ 1880 г. Побѣдоносцевъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ св. синода, вмѣсто гр. Дм. Толстого, впослѣдствіи министра внутреннихъ дѣлъ. Побѣдоносцевъ всегда довольствовался этимъ постомъ, хотя, конечно, отъ него самого зависѣло перемѣнить его на положеніе гораздо болѣе блестящее. Этимъ отчасти и объясняется его столь продолжительное вліяніе. Онъ всегда проявлялъ безкорыстіе, не стремился къ видимой власти, обыкновенно находясь въ тѣни и довольствуясь фактическимъ проявленіемъ своего могущества.

Должность оберъ-прокурора св. синода отнюдь не соединяется сама по себѣ съ какимъ бы то ни было серьезнымъ вліяніемъ на управленіе Россіей, помимо личныхъ достоинствъ чиновника, ее занимающаго. Болѣе всего она соотвѣтствуетъ должности министра вѣроисповѣданія (ministre du culte) въ европейскихъ государствахъ. Оберъ-прокуроръ является представителемъ государя и единственнымъ свѣтскимъ членомъ

высшаго духовнаго учрежденія Россіи, святѣйшаго [1]) синода, состоящаго изъ четырехъ митрополитовъ и девяти другихъ членовъ, епископовъ и высшихъ духовныхъ лицъ, которыя созываются отъ времени до времени [2]). Ни одно рѣшеніе синода не дѣйствительно безъ санкціи оберъ-прокурора, который въ важныхъ случаяхъ обращается къ императору и представляетъ ему лично свои докладныя записки. Православныя церковныя учебныя заведенія — духовныя школы, семинаріи и академіи — находятся подъ его надзоромъ и руководствомъ; кромѣ того, оберъ-прокуроръ засѣдаетъ въ Совѣтѣ министровъ и въ Государственномъ совѣтѣ. Во всѣхъ дѣлахъ, прямо или косвенно касающихся государственной церкви, нужно запрашивать его мнѣніе, и онъ во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ наравнѣ съ другими министрами.

До смерти Александра II Побѣдоносцевъ пользовался такимъ же вліяніемъ, какъ всякій другой, занимавшій его мѣсто, — быть можетъ, даже меньшимъ, потому что Александръ II боялся всякаго рода фанатизма; кромѣ того, въ послѣдній годъ своей жизни онъ находился подъ вліяніемъ Лорисъ-Меликова, политическіе взгляды котораго были противны убѣжденіямъ Побѣдоносцева. Если бы послѣдній, въ бытность свою преподавателемъ новаго государя, не завоевалъ его довѣрія, то, вѣроятно, оберъ-прокурору св. синода такъ и не пришлось бы играть болѣе выдающейся роли, чѣмъ ранѣе. Но, благодаря его личному вліянію на Александра III, ему удалось заставить государя измѣнить свое первоначальное намѣреніе провести изъ уваженія къ отцу намѣченныя Лорисъ-Меликовымъ реформы; затѣмъ онъ продиктовалъ ему свою политическую программу.

Какъ тщательно проводилась эта программа, подъ непосредственнымъ руководствомъ Побѣдоносцева, — мы ска-

---

[1]) Всероссійскаго, Правительствующаго.

[2]) Въ первый годъ существованія синода (1721) въ составѣ его присутствія было 11 лицъ. Въ 1726 г. было 6 членовъ. Иногда число ихъ доходило до 3. Въ настоящее время обыкновенно бываетъ 7 іерарховъ — исключительно архіереи; одни изъ нихъ называются синодальными членами и въ числѣ ихъ первоприсутствующій, а другіе — присутствующими. (См. энцик. словарь Брокг. и Ефрона: Синодъ).

Прим. изд.

жемъ впослѣдстіи. Прибавимъ только для характеристики этого могущественнаго человѣка, что всегда выставляемая на показъ его набожность (каждый годъ, напр., онъ удаляется на время въ излюбленный имъ монастырь для благочестивыхъ размышленій), его несомнѣнная честность, научныя познанія, солидная эрудиція и серьезныя юридическія изслѣдованія, въ соединеніи съ цинической, хладнокровной софистикой — всѣ эти свойства сдѣлали его однимъ изъ опаснѣйшихъ орудій реакціи, какимъ онъ остается и по настоящее время. „Честность, рвеніе, безстрашіе и горячая преданность дѣлу, которое само по себѣ лживо и лишено всякихъ нравственныхъ основаній“,— говоритъ Самсонъ Химмельстьерна въ упомянутой уже книгѣ,— „способность обращать средства современной культуры на служеніе недостойной, реакціонной цѣли,— можно ли представить себѣ худшее и болѣе опасное соединеніе?!“

Побѣдоносцевъ занялъ постъ оберъ-прокурора св. синода послѣ гр. Дм. Толстого, который былъ въ то же время министромъ народнаго просвѣщенія и завелъ народное образованіе въ такой тупикъ, изъ котораго оно и до сихъ поръ не можетъ выбраться. Едва ли какого нибудь министра всѣ такъ ненавидѣли и такъ единодушно проклинали, какъ гр. Толстого. Когда, въ 1880 г., его убрали по настоянію Лорисъ-Меликова, то не нашлось ни одной газеты въ Россіи, за исключеніемъ правительственныхъ органовъ, которая бы не говорила открыто, что его управленіе было проклятіемъ для русскаго школьнаго дѣла.

Два года спустя, Александръ III назначилъ его министромъ внутреннихъ дѣлъ, на мѣсто Игнатьева. За время своего недолгаго управленія министерствомъ Игнатьевъ примѣнялъ различные политическіе пріемы [1]), но безуспѣшно, пока, наконецъ, не напалъ на мысль опереться на поддержку либераловъ, для чего будто бы предложилъ государю созвать совѣщательное собраніе, по мысли Лорисъ-Меликова. Несмотря на вліяніе свое на Александра III, Побѣдоносцевъ счелъ болѣе осторожнымъ обратиться за посторонней помощью, чтобы подкопаться подъ Игнатьева и разсказалъ объ его предложеніи Толстому.

---

[1]) См. Кропоткинъ: «Зап. рев.» стр. 421—422. *Прим. изд.*

— „Къ чему вносить потрясеніе въ обычный порядокъ и ходъ правительственныхъ дѣлъ созывомъ народнаго собранія“,—возразилъ тотъ,—„когда можно узнать общественное мнѣніе страны гораздо болѣе простымъ способомъ? Пусть разошлютъ циркуляры всѣмъ губернаторамъ съ предписаніемъ представить доклады объ общественномъ мнѣніи въ ихъ губерніяхъ. Прочтите отвѣты, и узнаете о господствующихъ въ странѣ взглядахъ“.

Совѣтъ этотъ показался Побѣдоносцеву такимъ геніальнымъ, что онъ тотчасъ сообщилъ о немъ царю; послѣдній, въ свою очередь, былъ такъ подавленъ государственной мудростью Толстого, что отступилъ отъ принятаго обычая не назначать бывшихъ министровъ вторично на министерскій постъ, и сдѣлалъ его министромъ вн. дѣлъ.

Толстой во всѣхъ отношеніяхъ остался вѣренъ своимъ взглядамъ, и, наряду съ Побѣдоносцевымъ, главнымъ образомъ, содѣйствовалъ тому, что царствованіе Александра III оказалось столь реакціоннымъ и принесло столько зла русскому народу. Преемникомъ его былъ И. Н. Дурново, ограничившійся разработкой и усовершенствованіемъ плановъ Толстого, особенно касавшихся ограниченія того незначительнаго самоуправленія, призракомъ котораго были для крестьянъ земскія учрежденія.

Изъ остальныхъ министровъ Александра III нѣсколько болѣе видную роль игралъ только министръ иностранныхъ дѣлъ, фонъ-Гирсъ. Ему, какъ и военному министру Ванновскому, удалось долго продержаться на своемъ посту, главнымъ образомъ благодаря умѣнью постоянно внушать императору увѣренность въ томъ, что онъ самъ направляетъ всю внѣшнюю политику съ ея колебаніями. Остальные не заслуживаютъ вниманія. Они были посредственностями и плыли по теченію.

Вѣроятно, ни одинъ государь не былъ лично такъ мало склоненъ преслѣдовать политику, направленную къ вреду народныхъ массъ, какъ Александръ III, ни одинъ не щадилъ себя меньше его и не стремился такъ горячо къ благу своей страны, но, вѣроятно, никто не достигъ въ такой мѣрѣ, какъ онъ, прямо противоположныхъ результатовъ тому, чего желалъ. Онъ дѣлалъ

все, чтобы сохранить свою самостоятельность, но находился подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ другихъ, что постоянно исполнялъ ихъ волю, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда больше всего былъ убѣжденъ, что проводитъ свои собственные планы.

Реакція при Александрѣ III.

Мы вышли бы, вѣроятно, далеко за предѣлы намѣченной работы, еслибъ подробно захотѣли показать, какъ при „мужицкомъ царѣ“, власти пустили въ ходъ рѣшительно все, чтобы помѣшать развитію Россіи по примѣру западной Европы и повернуть ее обратно на тотъ путь, съ котораго она сошла послѣ освобожденія крестьянъ. Прослѣдить эти стремленія правящихъ лицъ можно только на важнѣйшихъ отрасляхъ культуры. Но такъ какъ каждый случай представляетъ нѣкоторое сходство съ прочими, то результаты Катково-Побѣдоносцевской политики не трудно распространить и на другія области. О собственной политикѣ государя едва ли можетъ быть рѣчь. Еще Николай I говорилъ съ ироніей, относящейся прежде всего къ нему самому, что „Россіей правятъ 10.000 столоначальниковъ“. И этотъ человѣкъ, съ значительной энергіей и силой воли, не могъ однако справиться съ бюрократіей, теоретически исполнявшей только его приказанія.

При Александрѣ II духовныя силы народа отчасти освободились; когда правительство вступило въ прямое соприкосновеніе съ крестьянами, благодаря развитію путей сообщенія, понадобились новые чиновники для многочисленныхъ канцелярскихъ работъ. Если бы съ самаго начала часть этой работы передали различнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія, что собственно и имѣлось въ виду при учрежденіи земствъ и городскихъ думъ,—то центральное правительство могло бы контролировать эти органы и ихъ агентовъ, и во всякомъ случаѣ быстрый ходъ развитія не уменьшилъ бы этой возможности. Но вмѣсто того, всякую самодѣятельность гражданъ, всякую иниціативу, помимо правительственной, душили съ поистинѣ болѣзненнымъ

усердіемъ, благодаря чему въ нѣкоторыхъ отрасляхъ управленія накоплялась такая масса работы, которую не могло контролировать центральное правительство. При Александрѣ III съ несомнѣнностью было доказано, что самодержавіе, въ наше время,—фикція и не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, что автократія — не болѣе какъ косный бюрократизмъ, отличающійся, благодаря своей структурѣ, гораздо бо̀льшимъ деспотизмомъ, чѣмъ настоящій монархизмъ, при которомъ у проявляющаго власть субъекта не исключается возможности человѣческихъ чувствъ и взглядовъ.

Относительно небольшой народъ, въ предѣлахъ ограниченной территоріи, можетъ служить примѣромъ подобнаго патріархально-монархическаго господства. Въ такой странѣ монархъ проявляетъ свою власть только относительно небольшого числа лицъ, въ свою очередь господствующихъ, съ нѣсколько меньшими полномочіями, надъ болѣе широкими слоями общества; другими словами, здѣсь бываетъ проведено строгое раздѣленіе классовъ, причемъ высшіе господствуютъ надъ низшими и несутъ за это отвѣтственность передъ общимъ властелиномъ. Приблизительно такъ управлялась Россія въ старину и отчасти даже до осуществленія крестьянской реформы. Петръ Великій началъ преобразованіе этой патріархальной монархіи, давъ ей европейски-бюрократическое управленіе; преемники его вели дѣло въ томъ же направленіи, такъ какъ ростъ государства сдѣлалъ невозможнымъ дальнѣйшее существованіе стараго режима. Но пока крѣпостные, т. е. огромное большинство народа, находились лишь въ косвенной зависимости отъ правительства, имѣвшаго съ ними дѣло лишь черезъ ихъ господъ и владѣльцевъ,—до тѣхъ поръ самодержавіе имѣло нѣкоторый смыслъ существованія и было отчасти возможно осуществленіе его, какъ личнаго правленія самодержца. Но и это оказалось во всѣхъ отношеніяхъ чистой теоріею, на практикѣ же превращеніе авто-кратическаго образа правленія въ бюрократическій деспотизмъ пошло настолько успѣшно, что уже ко времени Николая I, за единственнымъ исключеніемъ крѣпостныхъ, принадлежавшихъ помѣщикамъ, оно было совершившимся фактомъ.

Внесеніе послѣднихъ въ разрядъ прямыхъ объектовъ обложенія завершило, наконецъ, систему, однако долго еще остававшуюся весьма неустойчивой. Была необходима свободная гражданская дѣятельность для проведенія крестьянской реформы. А сопровождавшія ее преобразованія въ области управленія и законодательства — городскія и земскія учрежденія, наряду съ новымъ судопроизводствомъ — равнымъ образомъ потребовали содѣйствія гражданъ, наряду съ бюрократіей и помимо нея. Возникъ конфликтъ, продолжавшійся до кончины Александра II, при которомъ бюрократія постоянными мелкими побѣдами вновь пріобрѣтала утраченную почву, но при столь значительномъ и все усиливающемся сопротивленіи народа, что самодержецъ, наконецъ, рѣшился не только вернуть уже пріобрѣтенное ранѣе, но предоставить гражданамъ и новыя права.

На этомъ пути должна была произойти настоящая эволюція, развитіе въ конституціонномъ направленіи, съ постепеннымъ, фактическимъ ограниченіемъ власти безотвѣтственной бюрократіи, но лишь съ видимымъ и формальнымъ ограниченіемъ перенесенной на бюрократію самодержавной власти. Николай I, равно какъ и Александръ II, если не понимали, то по крайней мѣрѣ чувствовали, что самодержавная власть становится все въ большей степени фиктивной, но Побѣдоносцеву удалось заставить Александра III повѣрить въ эту фикцію. Такимъ образомъ, во всѣхъ учрежденіяхъ воцарился единовластный бюрократическій деспотизмъ, главнѣйшей заботой котораго стало, разумѣется, подавленіе всякихъ слѣдовъ гражданской самодѣятельности.

Прежде всего вниманіе обратили на земство, которое, въ силу лежащихъ въ его основѣ принциповъ самоуправленія, всегда было бѣльмомъ на глазу у реакціи. Уничтожить это учрежденіе прямо не рѣшались. Это вызвало бы слишкомъ сильное раздраженіе всего народа, а можетъ быть, встрѣтило бы сопротивленіе и со стороны Александра III, который,— по крайней мѣрѣ въ теоріи,—прежде всего стремился ко благу народа и крестьянъ. За то подорвать различными путями мѣстное самоуправленіе было не особенно трудно. Оно не имѣло такихъ опредѣленныхъ формъ и не

пустило настолько глубокихъ корней въ народномъ сознаніи, чтобы вызвать достаточно энергичное противодѣйствіе мѣропріятіямъ, затрогивавшимъ его лишь косвеннымъ образомъ.

Уже во вторую половину царствованія Александра II такія мѣропріятія были намѣчены къ исполненію. Крестьянскіе „міры“ съ внѣшней стороны остались не тронутыми, но мѣстное самоуправленіе было значительно урѣзано введеніемъ вышеупомянутаго раздѣленія на округа, соединявшіе нѣсколько мелкихъ мірскихъ общинъ въ „волость“, глава которой назывался старшиной. Леруа-Болье разсказываетъ въ своей книгѣ, уже неоднократно нами цитированной, какимъ образомъ волостной старшина сдѣлался зависимымъ отъ правительственныхъ чиновниковъ.

„Одна изъ причинъ склонности старшинъ злоупотреблять ввѣренной имъ властью заключается въ томъ, что уѣздные исправники настолько подчинили своему вліянію (противъ смысла освободительнаго акта) этихъ избираемыхъ крестьянами начальниковъ волостей, что они сплошь и рядомъ становятся простыми полицейскими агентами. Нѣкоторые законы, изданные въ послѣдніе годы царствованія Александра II, содѣйствовали этому прискорбному превращенію. Такъ, напр., законъ 1874 г., противорѣча освободительному акту (при исполненіи котораго права администраціи постепенно ограничивались), далъ исправнику право наказывать волостного старшину, арестовывать его и даже просить губернатора объ его увольненіи. Такое отношеніе не могло содѣйствовать тому, что бы непритязательныя функціи этой должности считались почтенными и привлекали къ себѣ наиболѣе дѣльныхъ и способныхъ лицъ. Волостные старшины, на которыхъ налагается ярмо низшихъ представителей офиціальной власти, заразились слабостями, высокомѣріемъ и корыстолюбіемъ чиновниковъ, отъ которыхъ находятся въ зависимости. Другая причина ошибокъ, наблюдаемыхъ у крестьянъ въ распоряженіи ихъ собственными дѣлами, лежитъ въ томъ, что волости, составляющія административныя единицы въ деревнѣ, весьма неудобно распредѣлены въ смыслѣ пространства. Въ большой волости старшину едва знаютъ лично его избиратели, такъ что ему легко ускользнуть отъ ихъ контроля;

иногда основаніемъ для его избранія служитъ давленіе или полицейское предписаніе. Обязанности его стали сложнѣе и отвѣтственнѣе; вмѣсто того, чтобы посвящать имъ только свободное время, старшина становится мало по малу обыкновеннымъ чиновникомъ, деспотичнымъ и зачастую взяточникомъ, подобно чиновникамъ, назначаемымъ правительствомъ.

Однако, для правительства этого было все же недостаточно. Благодаря обращенію сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ въ своего рода чиновниковъ, имъ стала необходима помощь другихъ лицъ, болѣе освѣдомленныхъ по письменной части. Такихъ помощниковъ, которымъ платили, разумѣется, крестьяне, правительство указало въ лицѣ сельскихъ и волостныхъ писарей; находясь въ тѣсномъ соприкосновеніи съ крестьянами, послѣдніе пользовались значительнымъ вліяніемъ на своихъ номинальныхъ начальниковъ старшинъ. Принадлежа отнюдь не къ лучшимъ элементамъ крестьянской среды и дружа съ сельской полиціей, они могли распоряжаться крестьянами по своему усмотрѣнію. Правительство рѣшительно противилось замѣщенію писарскихъ мѣстъ образованными людьми. Никто изъ прослушавшихъ гимназическій курсъ и тѣмъ болѣе университетскій не можетъ занять должности писаря. Образованные люди считаются вредными, потому что могутъ нежелательнымъ образомъ вліять на крестьянъ; и мѣста волостныхъ писарей исключительно предоставлены лицамъ, умѣющимъ лишь бѣгло читать и писать,— хотя на нихъ лежитъ вся письменная отчетность по волости. Вотъ что Степнякъ говоритъ объ этихъ чиновникахъ и о вліяніи ихъ на народъ въ своей книгѣ „Russian Peasantry“:

„Сельскія общины сдѣлались для полиціи источникомъ постоянныхъ доходовъ, которые часто собираются способами, какъ нельзя болѣе напоминающими добрыя старыя времена крѣпостного права. Такъ, напр., въ изданномъ министерствомъ вн. дѣлъ циркулярѣ, отъ 29 марта 1890 г., мы находимъ опредѣленное признаніе, что, согласно накопившимся въ канцеляріяхъ министерства отчетамъ, исправники и становые имѣютъ право держать деньщика, для исполненія своихъ порученій, и набирать, изъ находящихся въ ихъ вѣдѣніи общинъ, отъ сорока до пятидесяти деньщиковъ, ко-

торыхъ могутъ употреблять на работы у себя дома или въ полѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ село откупалось отъ этого налога даровой работой или правильными денежными взносами (вродѣ оброка крѣпостныхъ), достигавшими въ иныхъ губерніяхъ, по свѣдѣніямъ того же авторитетнаго источника (м—ва вн. дѣлъ), отъ 40.000 до 60.000 рублей на губернію".

Мірское и волостное начальство очутилось такимъ образомъ всецѣло во власти самой низкой и продажной бюрократіи. Но крестьяне все же могли еще довольно свободно выбирать своихъ депутатовъ-гласныхъ въ земскія собранія, а тѣ, въ свою очередь, время отъ времени громко протестовали противъ произвола и насилія. Съ бюрократической точки зрѣнія это было явленіемъ нежелательнымъ, которое надлежало устранить, и министръ вн. дѣлъ Александра III, гр. Толстой, основательно позаботился объ этомъ.

По его докладу, 12 іюля 1889 г., государь подписалъ законъ, создавшій новый классъ чиновниковъ, такъ называемое положеніе о земскихъ начальникахъ. Леруа-Больё такъ описываетъ этихъ чиновниковъ и ихъ полномочія:

„Все, связанное съ администраціей, полиціей, даже съ домашнимъ хозяйствомъ общины, передается въ вѣдѣніе новыхъ земскихъ начальниковъ. Такимъ образомъ, сельское населеніе подчинено представителямъ дворянскаго сословія [1]). Крестьяне сохраняютъ свою внутреннюю организацію (сельскія общества и волости), продолжаютъ выбирать своихъ старостъ и старшинъ; но прежде чѣмъ вступить въ отправленіе своихъ обязанностей, выборные утверждаются зем. нач-ми [2]), которые могутъ и уволить ихъ съ занимаемой должности. Затѣмъ, зем. нач-къ имѣетъ право наказывать старостъ и старшинъ „безъ формальнаго производства". По ст. 62 положенія

[1]) По закону 1889 г. земскіе начальники должны непремѣнно принадлежать къ дворянскому сословію. Другихъ требованій къ кандидатамъ на эти должности собственно не предъявляется. *Прим. авт.*

[2]) Удалять отъ должностей собств. властью зем. нач-ки имѣютъ право лишь неблагонадежныхъ сельскихъ и волостныхъ писарей (ст. 29). Другихъ же должностныхъ лицъ, ему подвѣдомственныхъ, онъ имѣетъ право лишь временно устранять отъ должностей, входя въ у. съѣздъ съ представленіемъ объ увольненіи ихъ или преданіи суду (ст. 62). *Прим. изд.*

12 іюля 1889 г., онъ можетъ собственной властью подвергать ихъ одному изъ слѣдующихъ взысканій: замѣчанію, выговору, штрафу не свыше пяти рублей, аресту не долѣе семи дней... Полномочія земскаго нач-ка простираются какъ на мірскіе сходы, такъ и земскія собранія и приходскія общины. Такъ, напримѣръ, ст. 44 предписываетъ зем. нач-ку предсѣдательствовать на сельскихъ избирательныхъ съѣздахъ при избраніи гласныхъ отъ крестьянъ въ уѣздныя земскія собранія; избранныя лица должны быть утверждены имъ въ своихъ полномочіяхъ; если при выборахъ возникаютъ затрудненія, то разрѣшеніе ихъ предоставляется зем. нач-ку. Законъ не даетъ ему, однако, права быть самому избраннымъ крестьянами своего участка. Ни сельскія, ни волостныя власти не могутъ принять никакого рѣшенія безъ его согласія. Онъ имѣетъ возможность наложить свое veto на все, что онѣ обсуждаютъ".

Слѣдуетъ еще прибавить, что зем. нач-къ хотя и не имѣетъ права диктовать крестьянамъ своихъ рѣшеній, но можетъ косвенно принудить ихъ почти ко всему, что захочетъ, налагая veto на всякое другое, принятое ими, рѣшеніе. Кромѣ того, зем. нач-камъ присвоены и судебныя функціи по вопросамъ, не подлежащимъ юрисдикціи обыкновенныхъ судовъ. Наконецъ, они наблюдаютъ за своеобразными крестьянскими волостными судами, существующими въ Россіи съ незапамятныхъ временъ и разбирающими различныя мелкія крестьянскія распри. Суды эти судятъ по старымъ традиціямъ [1]) и налагаютъ поэтому наказанія, въ видѣ принудительныхъ работъ и порки, неизвѣстныя уже русскому уголовному кодексу. Благодаря этимъ судамъ у зем. нач-ковъ есть прекрасное средство терроризировать крестьянъ, такъ какъ имъ принадлежитъ право назначать судей изъ выбранныхъ крестьянами кандидатовъ, которыхъ они могутъ и смѣщать, по представленіи, однако, каждаго отдѣльнаго случая на разсмотрѣніе уѣзднаго съѣзда. Такъ какъ крестьянскіе судьи получаютъ сравнительно крупное вознагражденіе, то нетрудно понять, что они всецѣло находятся подъ вліяніемъ зем. нач-ковъ.

---

[1]) Обычное право.

Но правительство не удовольствовалось и этимъ. Чтобы уничтожить послѣдній слѣдъ крестьянской самостоятельности, въ 1890 году былъ изданъ новый указъ, лишившій крестьянъ права непосредственно избирать своихъ представителей на земскія собранія. Взамѣнъ этого, они могли избирать только кандидатовъ въ гласные, изъ числа которыхъ губернаторы, по представленію земскихъ съѣздовъ, назначали уже гласныхъ. Такимъ путемъ, полномочія зем. нач-ковъ сдѣлались еще шире, и зависимость отъ нихъ крестьянъ увеличивалась. Благодаря этому, дворянство вернуло бо̀льшую часть своего господства надъ крестьянами, утраченнаго съ отмѣной крѣпостного права. Законъ, правда, запрещалъ зем. нач-камъ являться выборными представителями отъ крестьянъ, но не запрещалъ имъ оказывать на послѣднихъ давленіе въ смыслѣ выбора своихъ сосѣдей, поэтому и въ земскихъ собраніяхъ они могли пользоваться рѣшающимъ вліяніемъ во всѣхъ крестьянскихъ дѣлахъ.

Къ чести дворянства нужно, однако, сказать, что лучшіе его элементы не воспользовались этимъ случаемъ для усиленія своей власти. Правительство даже нашло нужнымъ измѣнить, черезъ посредство губернаторовъ, статью закона, по которой земскіе нач-ки назначались непремѣнно изъ дворянъ даннаго уѣзда или губерніи, въ томъ смыслѣ, чтобы назначать ихъ изъ дворянъ вообще, не стѣсняясь мѣстностью. Но, несмотря на это, составъ ихъ въ культурномъ отношеніи не повысился, и 40% ихъ числа составляютъ люди съ образовательнымъ цензомъ не выше средняго.

Какъ проявляютъ свою власть эти чиновники, почти неограниченно владычествующіе надъ крестьянами, можно было бы (еслибъ позволило мѣсто) освѣтить сотнями примѣровъ ихъ офиціальныхъ актовъ, протоколовъ и пропущенныхъ цензурой газетныхъ статей. Достаточно привести нѣкоторые изъ нихъ, чтобы вполнѣ выяснить размѣры этого бѣдствія, обрушившагося на народъ съ введеніемъ института зем. нач-ковъ.

Въ число наказаній, опредѣлявшихся волостными судами, входила и порка, но чѣмъ болѣе прояснялось у крестьянъ сознаніе ихъ человѣческаго достоинства, тѣмъ чаще испол-

неніе такихъ приговоровъ отлагалось на неопредѣленное время. Тѣмъ не менѣе приговоры эти оставались занесенными въ протоколы, составляемые волостными писарями. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій вновь назначенныхъ зем. нач-ковъ было то, что они извлекли изъ архивовъ эти приговоры и заставили привести ихъ въ исполненіе. Началась невѣроятная порка во множествѣ губерній и въ такихъ размѣрахъ, что многимъ губернаторамъ пришлось вмѣшаться, чтобы предотвратить опасныя вспышки раздраженія крестьянъ, вслѣдствіе этой безсмысленной жестокости. Въ Тульской и Нижегородской губерніяхъ губернаторы издали даже особые циркуляры, въ которыхъ призывали зем. нач-ковъ нѣсколько умѣрить свое рвеніе. Въ другихъ мѣстахъ крестьяне взялись за дѣло сами—съ неменьшимъ, во всякомъ случаѣ, успѣхомъ. Такъ, напр., въ Рязанской губ., они схватили одного земскаго нач-ка, изъ особенныхъ любителей порки, и всыпали ему такую порцію розогъ, что жизнь его находилась въ опасности. Въ Медынскомъ уѣздѣ Калужской губ. они подожгли домъ зем. нач-ка, во Владимірской — высѣкли, и пр.

Еще характернѣе, пожалуй, слѣдующій фактъ, сообщаемый „Вѣстникомъ Европы“ [1]). Онъ приводится и Степнякомъ и относится къ Юхновскому уѣзду Смоленской губ. „Юхновское земство учредило въ 1891 г. уѣздный сельско-хозяйственный совѣтъ для улучшенія экономическаго положенія уѣзда. Совѣтъ устроилъ два склада улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій, сталъ распространять улучшенныя сѣмена, выписывать и продавать искусственныя удобренія и т. д. Первые шаги дѣятельности совѣта имѣли большой успѣхъ: не только весь пріобрѣтенный имъ запасъ сельско-хозяйственныхъ орудій, сѣмянъ и фосфоритной муки былъ раскупленъ населеніемъ, но послѣднее сдѣлало заказы, превышавшіе въ нѣсколько разъ запасъ совѣта. И вдругъ совершенно неожиданно явилось препятствіе. При обсужденіи въ совѣтѣ ходатайства крестьянъ дер. Сидоровской о выпискѣ для нихъ 100 пудовъ улучшенныхъ сѣмянъ ржи и 100 пудовъ фос-

---

[1]) 1892 г. № 12, стр. 816—817. Перепечатано изъ «Недѣли» (№ 46) со словъ «Смоленскаго Вѣстника» (№ 113). *Прим. изд.*

форитовъ, мѣстный земскій начальникъ, г. Титовъ, заявилъ совѣту слѣдующее:

„Не признавая цѣлесообразности предложенія крестьянамъ примѣненія фосфоритовъ, разныхъ улучшенныхъ сортовъ ржи и тому подобныхъ *затѣй*, я, какъ земскій начальникъ, обязанный охранять интересы населенія, *воспрещу* крестьянамъ ввѣреннаго мнѣ участка производство подобнаго рода *непроизводительныхъ* затратъ".

Заявленіе это напечатано въ указанномъ № одного изъ лучшихъ русскихъ журналовъ. Оно даетъ гораздо болѣе ясное представленіе, чѣмъ длинныя описанія, о той власти, которая предоставлена зем. начальникамъ надъ подчиненными имъ крестьянами [1]). Оно показываетъ, что Степнякъ отнюдь не преувеличиваетъ, когда, въ упомянутой выше книгѣ „King Stork and King Log", говоритъ слѣдующее о полномочіяхъ зем. нач-ковъ:

„Съ такими правами зем. начальникъ можетъ дѣлать въ

---

[1]) Какъ они проявляютъ свою власть въ наши дни, видимъ мы изъ слѣдующей телеграммы, напечатанной въ газетѣ «Русь» отъ 27 янв. 1906 г.: «Русскимъ Вѣдомостямъ» сообщаютъ изъ Саратова: Замиреніе Саратовской губерніи послѣ происшедшихъ въ ней безпорядковъ сопровождалось составленіемъ сельскими обществами приговоровъ объ исключеніи изъ обществъ наиболѣе безпокойныхъ членовъ. Такіе приговоры считались не только мѣрою пресѣченія и предупрежденія, но и симптомомъ раскола среди крестьянства. Въ какой, однако, обстановкѣ составлялись и подписывались подобные приговоры, можно судить по слѣдующимъ выдержкамъ изъ «покорнѣйшаго приговора» крестьянъ Затологинскаго сельскаго общества, Сердобскаго уѣзда, поданнаго имъ въ губернскую земскую управу (крестьянъ этого общества подозрѣвали въ ограбленіи дома сосѣдняго помѣщика): «Пріѣхалъ въ наше село земскій начальникъ, сопровождаемый конвоемъ казаковъ. Былъ собранъ сходъ. Выходитъ земскій начальникъ съ запиской и начинаетъ вызывать будто бы виновныхъ въ этомъ дѣлѣ. Первыми были вызваны крестьяне Романовъ и Сивочкинъ. Послѣ самаго грубаго допроса и запугиванія со стороны начальника, къ нимъ примѣнили позорное и звѣрское тѣлесное наказаніе. Послѣ избіенія и различныхъ пытокъ земскій начальникъ обратился къ сходу и спрашиваетъ: «Хороши ли эти люди?» Нѣкоторые изъ боязни молчали, а нѣкоторые высказали, что они «за этими людьми никакой причины не имѣютъ». Несмотря на это, земскій начальникъ приказалъ волостному писарю писать приговоръ. Черезъ нѣсколько минутъ приговоръ былъ готовъ. Смыслъ его былъ таковъ, что крестьяне не желаютъ имѣть Романова и Сивочкина своими односельчанами. Земскій начальникъ кричитъ: «Подписывайтесь! если не подпишитесь, то и вамъ плохо будетъ!» Какъ крестьяне ни любили своихъ односельчанъ, но для спасенія собственной шкуры имъ въ силу необходимости все таки пришлось подписаться подъ приговоромъ!» *Прим. изд.*

деревнѣ, что хочетъ. Онъ можетъ ограбить общественную кассу, контроль надъ которой принадлежитъ ему; можетъ налагать штрафы, заставлять мужиковъ даромъ обрабатывать его землю, и пороть ихъ такъ же безнаказанно, какъ пороли до 1861 г. ихъ прежніе владѣльцы. Простые крестьяне совершенно не имѣютъ отъ нихъ защиты. Имъ, впрочемъ, предоставляется право жаловаться на нихъ въ уѣздный съѣздъ. Но кто рѣшится навлечь на себя месть всесильнаго владыки, въ виду сомнительной перспективы получить удовлетвореніе отъ такой коллегіи?

„Нельзя разсматривать эту мѣру (введеніе института зем. нач-ковъ) иначе, какъ возстановленіе крѣпостного права. Это именно и имѣлось въ виду. Зем. нач-ки являлись почти самодержцами въ своихъ участкахъ и пользовались своей властью такъ, что напоминали доброе старое время, мечты гр. Д. Толстого, когда многіе милліоны крестьянъ были рабами горсти дворянчиковъ“.

По отношенію къ земскимъ собраніямъ, составъ которыхъ былъ измѣненъ указомъ 1890 г., онъ говоритъ въ концѣ главы, изъ которой взята только что приведенная выдержка:

„Прежнія установленія (1864 г.) давали дворянству вліяніе на самоуправленіе въ губерніяхъ, не соотвѣтствовавшее ихъ численности. Дворянство составляло приблизительно половину членовъ въ 38 земскихъ собраніяхъ.

„Реформа“ гр. Д. Толстого идетъ еще дальше. Уѣздные предводители дворянства, отъ 10 до 15 въ каждой губерніи, были присоединены къ другимъ представителямъ дворянства, получающаго, такимъ образомъ, абсолютное большинство. Правительство, сверхъ того, назначаетъ пятую часть всѣхъ членовъ, кромѣ тѣхъ, которые избираются изъ различныхъ гражданскихъ сословій. А чтобы еще болѣе усилить вліяніе правительства, въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ засѣдаютъ два особыхъ чиновника.

„Такимъ образомъ, правительство сдѣлало все, бывшее въ его власти, чтобы превратить земскія управы въ бюрократическія коммиссіи, повинующіяся всякому министерскому кивку. Дворянство явилось единственной силой, имѣющей

какое либо значеніе въ новыхъ земскихъ собраніяхъ, и разсчитывали, что исключительныя и ничѣмъ не оправдываемыя привиллегіи, даруемыя новымъ закономъ этому сословію, послужатъ гирями, которыя перетянутъ его на сторону правительства. Что касается крестьянъ, составляющихъ $^{9}/_{10}$ населенія, оплачивающихъ $^{4}/_{5}$ бюджета и поставляющихъ $^{9}/_{10}$ численнаго состава арміи, то въ новыхъ земскихъ собраніяхъ они не имѣютъ рѣшительно никакого значенія. Положеніе въ нихъ гласныхъ отъ крестьянъ болѣе, чѣмъ подчиненное,— оно унизительно, потому что ихъ непосредственные повелители, зем. нач-ки, имѣющіе надъ ними почти неограниченную власть, засѣдаютъ рядомъ съ ними.

„Либеральныя земства и либеральная печать часто протестовали противъ допущенія зем. нач-ковъ на эти собранія.

„Какого мнѣнія можно быть о собраніи, въ которомъ одинъ членъ можетъ приказать высѣчь другого?! Вредъ отъ подобнаго взаимоотношенія самъ по себѣ долженъ былъ бы запрещать посылать въ эти собранія гласныхъ для издѣвательства.

„Въ дѣйствительности, при „мужицкомъ царѣ“, крестьяне были лишены участія въ мѣстномъ самоуправленіи, точно такъ же, какъ у нихъ отняли и многія другія гражданскія права“.

Едва ли реакція могла идти дальше въ урѣзываніи гражданскихъ правъ народной массы. Гдѣ ничего нѣтъ, тамъ и царь теряетъ свои права—а съ ними и власть что либо взять. Но въ другихъ областяхъ реакціонный произволъ могъ еще найти почву для своего примѣненія.

Одной изъ такихъ областей явилась религія. Реакція, руководимая Побѣдоносцевымъ, этимъ единодержавнымъ властелиномъ въ религіозныхъ вопросахъ, устраивала, при Александрѣ III, настоящія оргіи. Евреямъ въ Россіи, католикамъ въ Польшѣ, лютеранамъ въ остзейскихъ губерніяхъ, русскимъ сектантамъ: старовѣрамъ, духоборамъ, штундистамъ, молоканамъ и др., пришлось въ равной мѣрѣ вынести гнетъ реакціонно-фанатическаго націонализма, воодушевлявшаго русскихъ властей.

Вслѣдствіе своей религіозной нетерпимости, правительство

возбуждало преслѣдованія, большей частью изъ за политическихъ соображеній. Проникнутые націоналистическимъ духомъ чиновники видѣли въ широкомъ распространеніи православной религіи вѣрное средство для обрусѣнія національностей не русскаго корня. Въ то же время, преслѣдуя иновѣрцевъ, всегда можно было разсчитывать на симпатіи невѣжественной массы, которая, благодаря этимъ преслѣдованіямъ, чувствовала себя солидарной и связанной съ правительствомъ.

Наибольшіе размѣры приняли преслѣдованія евреевъ; вмѣстѣ съ этимъ возрасло и величайшее ожесточеніе, потому что, по отношенію къ евреямъ, дѣйствовали такіе мотивы, какъ расовая ненависть и связанное съ ней чувство завистливаго страха передъ болѣе высокой дѣловитостью евреевъ, примѣшивающееся къ отвращенію противъ еврейской расы во всѣхъ странахъ.

Евреямъ давно уже не разрѣшалось селиться въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, кромѣ Польши и пограничныхъ областей съ Германіей, Австріей, Румыніей и Венгріей, на пространствѣ, занимающемъ едва $^1/_8$ часть Европейской Россіи. Однако многимъ тысячамъ ихъ удалось основаться и въ другихъ частяхъ государства, и послѣ 1865 г. ихъ молчаливо терпѣли. Но уже къ концу царствованія Александра II многіе признаки указывали на то, что правительство очень недовольно ихъ присутствіемъ въ мѣстностяхъ, не опредѣленныхъ для ихъ пребыванія закономъ.

Еврейскіе погромы вспыхнули внезапно въ бытность гр. Игнатьева министромъ вн. дѣлъ. Въ значительной части южной Россіи низшіе слои городскихъ жителей, а также и часть сельскаго населенія начали избивать евреевъ, грабить ихъ жилища и лавки, даже убивая при этомъ нѣкоторыхъ. Начавшись въ Одессѣ, погромы въ короткое время распространились отъ города къ городу, отъ губерніи къ губерніи, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, и въ такихъ размѣрахъ, какихъ положительно не наблюдалось въ Россіи новѣйшаго періода.

Наиболѣе правдоподобное объясненіе этому явленію даетъ Степнякъ, говоря, что первый взрывъ былъ неожиданнымъ и являлся слѣдствіемъ племенной ненависти, всегда существо-

вавшей въ нѣкоторыхъ областяхъ Россіи, неоднократно обнаруживавшейся и ранѣе. Администрація не приняла надлежащихъ мѣръ, чтобы воспрепятствовать этому первому взрыву, но смотрѣла на него сквозь пальцы, благодаря чему и возникъ слухъ о приказѣ царя преслѣдовать евреевъ. Движеніе распространилось тогда, какъ степной пожаръ, пока, наконецъ, правительство не поняло, что его необходимо подавить и не разослало категорическихъ приказовъ губернаторамъ и полиціи.

Движеніе было подавлено, но противъ беззащитныхъ евреевъ было уже совершено множество возмутительныхъ насилій. Немного спустя, 3-го мая 1882 года, были обнародованы временныя правила о евреяхъ, въ которыхъ имъ приписывалась вина въ безпорядкахъ [1]); затѣмъ ихъ подвергли такому строгому наказанію, какъ будто они сами были зачинщиками мятежа. Мало того, что евреи получили приказаніе вернуться въ мѣстности, издавна отведенныя имъ закономъ для жительства — въ такъ называемую черту осѣдлости, имъ запрещалось селиться въ этихъ мѣстностяхъ по деревнямъ и арендовать тамъ землю. Однако въ началѣ законъ этотъ примѣнялся не особенно строго. Прежде чѣмъ дѣйствіе его успѣло развиться въ полной мѣрѣ, Игнатьевъ впалъ въ немилость; преемникомъ его явился Толстой, который, не ходатайствуя передъ государемъ объ отмѣнѣ вр. правилъ, пріостановилъ ихъ исполненіе, такъ что за все время пребыванія его на посту м—ра вн. дѣлъ законъ этотъ оставался мертвой буквой.

Но въ 1889 г., послѣ его смерти, главная роль въ еврейскомъ вопросѣ перешла къ Побѣдоносцеву. Уже на слѣдующій годъ майскія врем. правила 1882 г. были извлечены изъ архива, и даже болѣе того,—дѣйствіе ихъ распространено на прошедшіе 8 лѣтъ со дня ихъ изданія. Вслѣдствіе

---

[1]) Авторъ ошибается. Ни во «врем. правилахъ» 3-го мая, ни въ офиц. мотивахъ, положенныхъ въ основу приведенныхъ правилъ, ничего подобнаго правительство не высказывало. Одновременно съ обнарод. «правилъ» были изданы 2 высочайше утвержд. положенія комитета министровъ, а также и циркуляръ м—ра вн. д. отъ 9-го іюня 1882 г. за № 1511, коими отвѣтств. за насилія и безпорядки возлагалась на губернаторовъ и нач. полиціи. Ibidem стр. 114—115. *Прим. изд.*

терпимости правительства, обнаруженной въ непримѣненіи знаменитыхъ правилъ, болѣе 10.000 евреевъ довѣрчиво разселились по деревнямъ въ чертѣ осѣдлости, арендовали тамъ землю, или перебрались въ другія мѣста. Теперь они принуждены были внезапно переселяться въ мѣстности, совершенно для нихъ незнакомыя, лишившись всякихъ средствъ къ существованію.

Указъ былъ приведенъ въ исполненіе съ неумолимой строгостью, подкрѣпляемый поясненіями и дополненіями еще болѣе безчеловѣчнаго характера. Изъ Москвы евреевъ выселяли съ такой поспѣшностью, что они не имѣли даже времени продать свой домашній скарбъ и другое имущество. Полиція выгоняла ихъ изъ квартиръ и выбрасывала вещи на улицу. То, чего они не могли взять съ собой, во многихъ случаяхъ оставалось на разграбленіе толпѣ. Евреямъ не позволяли остаться на нѣсколько дней для устройства своихъ дѣлъ, а отправляли подъ стражей, какъ преступниковъ, въ опредѣленныя для нихъ мѣстности, границы которыхъ они впредь не должны были переходить.

Въ Кіевѣ, въ февралѣ 1891 г., было арестовано болѣе тысячи евреевъ—крупныхъ и мелкихъ купцовъ съ семействами, съ приказаніемъ выѣхать изъ города въ 24 часа. На другой день въ 8 час. утра, полиція ворвалась въ ихъ квартиры и потащила прямо въ участки, гдѣ владѣльцы лавокъ были присуждены къ 1300 руб. штрафу каждый, а ихъ прикащики къ 600 руб.—за то, что они не сразу повиновались вновь изданному указу, запрещавшему евреямъ имѣть магазины въ Кіевѣ, гдѣ до того времени имъ всегда разрѣшалось жить. Указанное запрещеніе было издано теперь вслѣдствіе особой святости этого города. На другой день въ 12 часовъ, арестованныхъ запихали въ вагоны и отправили въ „законное“ мѣстожительство, не давъ имъ возможности сколько нибудь устроить свои часто весьма сложныя дѣла. Однако, всего нѣсколько недѣль назадъ, въ декабрѣ 1890 г., власти заставили ихъ обычнымъ порядкомъ заплатить за торговыя свидѣтельства, которыя и были имъ выданы. Когда появилось упомянутое запрещеніе, евреи, не получившіе особаго полицейскаго предписанія, не закрыли и не оставили

своихъ лавокъ. Это было сочтено за нарушеніе новаго указа: имъ не дали даже времени распорядиться своими товарами, конфисковавъ ихъ для большаго наказанія.

Въ Митавѣ, Ригѣ, Якобштадтѣ, Либавѣ и другихъ городахъ, гдѣ евреямъ въ теченіи 50 лѣтъ было предоставлено селиться и заниматься своими дѣлами, повторилась та же исторія, особенно по отношенію къ наиболѣе состоятельнымъ изъ нихъ. Въ Ригѣ, напр., богатый купецъ Блюменталь, владѣлецъ двухъ фабрикъ и склада, получилъ приказъ покинуть въ 24 часа городъ, гдѣ онъ не имѣлъ законнаго права жительства; весь его огромный складъ различныхъ товаровъ былъ конфискованъ. Въ Либавѣ стоимость одного конфискованнаго имущества оцѣнивалась въ 200.000 руб. Въ Двинскѣ полиція не удовольствовалась конфискаціей частной собственности, но наложила руку и на школьную кассу еврейской общины, состоявшую изъ 70.000 руб., употребивъ эти деньги на постройку православной церкви.

Но хуже всего пришлось евреямъ пограничной полосы. Имъ запрещалось жить дальше, чѣмъ въ 50 верстахъ отъ границы; начиная съ остзейскихъ провинцій и до Галиціи, ихъ безъ сожалѣнія выселяли изъ ихъ жилищъ и гнали въ города черты осѣдлости. Причина этихъ мѣръ была выставлена та, будто евреи въ значительныхъ размѣрахъ занимаются контрабандой, и правительство такимъ путемъ желаетъ положить этому конецъ. Дѣйствіе указа распространилось не менѣе, какъ на 280.000 лицъ, хотя сомнительно, чтобы четверть милліона людей могли заниматься контрабандой, если даже и допустить, что большая часть этого ремесла, какъ и другихъ предпріятій находилась въ рукахъ евреевъ. Но со всѣми было поступлено одинаково, и всѣхъ, безъ различія, погнали въ города, прилегающіе къ 50-верстной полосѣ. Въ общемъ, численность населенія этихъ городовъ, за короткое время, увеличилась на милліонъ людей, согнанныхъ туда изъ разныхъ мѣстностей Россіи, причемъ никому не пришло въ голову позаботиться даже о кровѣ для нихъ, не говоря уже о средствахъ къ существованію.

Поэтому среди прибывавшихъ отовсюду массъ этихъ изгнанниковъ образовалась ужасающая нищета. Въ Берди-

чевѣ, напр., число жителей быстро возрасло въ пять разъ; благодаря этому развились эпидемическія болѣзни, и смертность, особенно среди дѣтей, достигла чудовищныхъ размѣровъ. Тысячи людей погибли отъ плохого питанія, болѣзней и всякаго рода бѣдствій.

„Иностранныхъ" евреевъ, т. е. такихъ, которые не получили разрѣшенія натурализоваться въ Россіи, высылали совсѣмъ, не обращая вниманія на то, что они родились въ Россіи; ихъ безъ пощады отправляли за границу, хотя правительства, подданными которыхъ они номинально считались, во многихъ случаяхъ (напр., въ Румыніи) рѣшительно отказывались принимать ихъ. Среди несчастныхъ царила вопіющая нужда, и печать всего цивилизованнаго міра единогласно протестовала противъ такого варварства. Даже общественнымъ больницамъ было запрещено принимать паціентовъ-евреевъ, а у благотворительныхъ обществъ отняли право помогать имъ, хотя во многихъ случаяхъ послѣднія получали отъ евреевъ періодическія пособія, а иногда были даже обязаны имъ своимъ возникновеніемъ

Насъ завело бы слишкомъ далеко, еслибъ мы дальнѣйшими примѣрами захотѣли выяснить характеръ побѣдоносцевской травли евреевъ. Множество фактовъ, приведенныхъ выше, и другихъ, столь же невѣроятныхъ, находится въ офиціальномъ отчетѣ, представленномъ гг. Веберомъ и Кемпстеромъ правительству Соединенныхъ Штатовъ, поручившему имъ разслѣдовать въ Европѣ причины внезапнаго и сильнаго наплыва въ Америку совершенно неимущихъ эмигрантовъ [1]). Многіе изъ сообщенныхъ фактовъ заимствованы изъ русскихъ подцензурныхъ газетъ, другіе обнародованы Степнякомъ по письмамъ русскихъ евреевъ къ друзьямъ и родственникамъ, живущимъ въ другихъ государствахъ, и не предназначавшимся для печати. Все извѣстное объ этихъ преслѣдованіяхъ показываетъ, что правительство и мѣстныя власти, по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ у кормила правленія сталъ Побѣдоносцевъ, принимали всѣ мѣры, чтобы насколько воз-

---

[1]) Отчетъ этотъ, по свидѣтельству газеты «Free Russia», занесенъ русской цензурой въ списокъ запрещенныхъ книгъ. *Прим. автора.*

можно ухудшить и безъ того невыносимое положеніе евреевъ, созданное примѣненіемъ полузабытаго уже майскаго указа.

Что правительство послѣдовательно проводило это, является вполнѣ доказаннымъ, но спрашивается, каковы были руководящіе мотивы этого средневѣковаго, варварскаго гоненія? Правда, правительственныя сообщенія указывали, что проживаніе евреевъ въ деревняхъ представляетъ опасность для крестьянъ, которые, благодаря еврейскимъ ростовщикамъ и торговцамъ, изъ года въ годъ впадаютъ во все болѣе тяжкую задолженность. Нечистоплотность, безчестность, безнравственность и прочіе пороки и недостатки евреевъ, говорилось далѣе, способны своимъ примѣромъ еще болѣе развратить народъ. Поэтому разумнѣе и безопаснѣе выслать всѣхъ лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія въ уѣзды, съ давнихъ поръ отведенные имъ на жительство, гдѣ ихъ вліяніе не можетъ ухудшить общаго положенія.

Весьма вѣроятно, что Александру III внушали подобныя убѣжденія и тѣмъ побуждали его дать свое согласіе на преслѣдованія евреевъ. Но нельзя себѣ представить, чтобы Побѣдоносцевъ и другіе, знавшіе условія жизни русскаго крестьянства, дѣйствительно вѣрили въ эти мотивы. Они отлично знали, что русскіе ростовщики и кулаки, встрѣчавшіеся во множествѣ наряду съ еврейскими, ни на волосъ не лучше послѣднихъ. Знали они также, что русскій народъ, въ отношеніи чистоплотности и добросовѣстности, ни евреи, ни кто другой уже не могли испортить. Наконецъ, что касается контрабанды, то ни для кого не было тайной, не исключая и русскихъ властей, что пограничное населеніе, совершенно независимо отъ національности и религіи, споконъ вѣковъ занималось этимъ; что собственные чиновники царя и солдаты пограничной стражи вездѣ принимали косвенное участіе въ провозѣ контрабанды, причемъ даже „небрежность“ по службѣ приносила имъ большіе доходы. Такъ что изгнаніе евреевъ изъ 50-ти-верстной полосы могло только измѣнить національность контрабандистовъ, но отнюдь не положить конецъ этому злу, или даже временно прекратить его.

Не скрывалось за этими гоненіями и намѣренія побудить евреевъ къ переходу въ христіанство. Наоборотъ, многое

указывало на то, что ни царь, ни Побѣдоносцевъ не желали ихъ обращенія. Ранѣе евреи, тотчасъ по принятіи крещенія, получали такія же гражданскія и политическія права, какія имѣли остальные русскіе подданные. Но въ 1890 г. появился указъ, опредѣлявшій что полныя гражданскія права будутъ даны не самимъ крестившимся, а лишь ихъ внукамъ и потомкамъ во второмъ колѣнѣ. Крещеніе нѣсколько расширяло права только самихъ крестившихся,—но ихъ семействъ оно не касалось: напр., не давало права выбирать мѣстожительство въ имперіи. Побѣдоносцевская система ясно показывала этимъ, что отнюдь не имѣетъ въ виду поощрять евреевъ къ переходу въ православіе. Приведенный выше мотивъ религіозныхъ гоненій при Александрѣ III—достиженіе сплоченности государства посредствомъ привлеченія иновѣрцевъ въ лоно православной церкви, по отношенію къ евреямъ, не игралъ никакой роли.

Такъ же мало имѣли въ виду и сліяніе еврейской національности съ русской; наоборотъ, дѣлали все, чтобы разобщить ихъ. Ничто не могло такъ содѣйствовать ослабленію расоваго антагонизма, какъ образованіе и воспитаніе. Евреи пользовались всѣми представлявшимися средствами, чтобы пріобрѣсти самимъ и дать своимъ дѣтямъ образованіе и знанія. И въ среднихъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ они обнаружили крупныя дарованія и ненасытную жажду знаній, такъ что многіе евреи, благодаря полученнымъ ими университетскимъ дипломамъ, пріобрѣли связанныя съ ними привиллегіи, а въ томъ числѣ право поступать на государственную службу и заниматься любой дѣятельностью въ странѣ.

Правительство постаралось положить конецъ и этому. Сближеніе между евреями и русскими, начавшееся вслѣдствіе соприкосновенія при совмѣстномъ ученіи и въ гражданской жизни, столь же мало вызывало сочувствія со стороны реакціоннаго націонализма, какъ и вступленіе евреевъ въ привилегированное сословіе. Уже въ декабрѣ 1886 г. по докладу министра внутр. дѣлъ государь подписалъ указъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось слѣдующее:

„Такъ какъ многіе молодые люди іудейскаго происхожденія усиленно желая извлечь выгоды, предоставляемыя

высшимъ классическимъ, техническимъ и профессіональнымъ образованіемъ, ежегодно добиваются пріема въ университеты, держатъ экзамены и продолжаютъ свое обученіе въ различныхъ государственныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, то я нахожу своевременнымъ положить конецъ этому неудовлетворительному состоянію дѣлъ".

Обыкновенному человѣческому разуму заключеніе этого акта должно показаться въ высшей степени неожиданнымъ, потому что изъ приведенныхъ посылокъ можно бы ожидать какъ разъ обратнаго вывода. Но это происходитъ отъ того, что обыкновенный человѣческій разумъ лишь съ величайшимъ трудомъ можетъ понять русскую правительственную логику вообще, и особенно въ области, касающейся законодательства о евреяхъ. Приведенный указъ и другіе подобные ему акты совершенно преградили доступъ юношамъ евреямъ во многія учебныя заведенія, а въ остальныхъ ограничили число ихъ ничтожнымъ процентомъ, часто $^1/_{10}$ всего количества учащихся[1]).

И мѣра эта проводилась со всею строгостью, на которую только способенъ самодержавный бюрократизмъ. Напр., въ Бѣлой Церкви одинъ аптекарь еврей хотѣлъ помѣстить своего сына въ гимназію, но директоръ указалъ ему на то, что у него имѣется лишь $^4/_5$ еврейской вакансіи: прежде чѣмъ принять еврея, недостающая десятая часть должна была пополниться христіанскими учениками. Аптекарь ходатайствовалъ передъ министромъ народнаго просвѣщенія о томъ, чтобы въ покрытыя уже христіанскими дѣтьми $^4/_5$, въ видѣ особой милости, былъ принятъ и его мальчикъ, вмѣсто того чтобы исключать еврейскаго ученика изъ за недостающей части. Бывшій тогда министромъ гр. Деляновъ отклонилъ прошеніе, и аптекарь принужденъ былъ платить въ гимназію за двухъ христіанскихъ мальчиковъ, чтобы имѣть возможность учить своего сына.

Разумѣется, весьма немногіе евреи могли нести такіе расходы. Между тѣмъ въ большинствѣ городовъ черты осѣд-

---

[1]) Въ чертѣ осѣдлости 10%, внѣ черты—5% и въ столицахъ—3%. *Прим. изд.*

лости они составляютъ отъ 60 до 80% населенія, такъ что получить доступъ въ учебныя заведенія можетъ лишь весьма ограниченное число еврейской молодежи. Другими словами, евреи были принуждены оставлять своихъ дѣтей безъ образованія. А чтобы еще болѣе затруднить продолженіе ученія тѣмъ, которымъ удалось, несмотря на все это, поступить въ учебныя заведенія, другой циркуляръ запрещалъ ученикамъ евреямъ давать уроки дѣтямъ христіанъ. Циркуляръ примѣнялся такъ слѣпо, что въ Минскѣ, напр., 14-лѣтній гимназистъ, еврейскаго происхожденія, былъ исключенъ за то, что онъ училъ по дружбѣ сына одного крестьянина.

Такія распоряженія и мѣры со стороны правительства, разумѣется, не могли не внушить народу и низшимъ чинамъ администраціи увѣренности въ томъ, что власти одобрительно отнесутся ко всему, что такъ или иначе будетъ способствовать ухудшенію положенія евреевъ. Поэтому, губернаторы и полицейскіе въ разныхъ губерніяхъ усердствовали за собственный страхъ, издавая для отдѣльныхъ городовъ и мѣстностей новыя постановленія и правила, которыми евреи совершенно лишались всякихъ правъ. Одесскій губернаторъ, напр., грозилъ выгнать ихъ изъ города, если они будутъ имѣть нахальство не уступать христіанамъ лучшихъ мѣстъ въ вагонахъ и конкахъ. Кіевскій губернаторъ велѣлъ закрыть еврейскую больницу потому, что случайно она находилась всего въ 300 шагахъ отъ русской церкви. Въ Рославлѣ было издано распоряженіе, грозившее евреямъ публичной поркой на городскомъ базарѣ, если они не запретятъ своимъ дѣтямъ шумѣть на улицѣ. Въ Кіевѣ же имъ запретили ходить по улицамъ, на которыхъ было нѣсколько православныхъ церквей.

Въ то же время правительство выступило противъ всѣхъ, осмѣливавшихся прямо или косвенно протестовать противъ этой политики гоненій. Епископъ херсонскій и одесскій, Никаноръ, получилъ отъ синода выговоръ за то, что сказалъ въ проповѣди, что преслѣдованіе евреевъ противорѣчитъ христіанской заповѣди о милосердіи. Московскій священникъ Немировъ былъ лишенъ сана за такое же „преступленіе“. Петиція Льва Толстого о терпимости къ евреямъ, благодаря

полицейскому запрету, не могла свободно собирать подписей. Новый циркуляръ министра вн. дѣлъ запрещалъ газетамъ печатаніе статей противъ антисемитизма [1]).

Все указывало на ожесточенную враждебность правительства къ евреямъ, но ни одинъ изъ мотивовъ, болѣе или менѣе офиціально приводимыхъ въ защиту этой враждебности, не можетъ объяснить ее. Отчасти здѣсь имѣло вліяніе извѣстное отвращеніе царя къ еврейской національности, которое, разумѣется, считали нужнымъ воспитывать въ себѣ и всѣ его вѣрные слуги. Но значительно большую роль сыграли, вѣроятно, политическія причины, которыя побуждали властей отвлекать вниманіе народа отъ неурядицъ, породившихъ революціонное движеніе, и занимать его другимъ. О внѣшней войнѣ нечего было думать,—Александръ III не желалъ и слышать о ней. Устроить же походъ на евреевъ было много легче, потому что ихъ считали паріями среди человѣчества, которыхъ никогда нельзя было достаточно строго изолировать отъ православныхъ подданныхъ.

Не менѣе безчеловѣчно было вытекавшее изъ другихъ, скорѣе религіозно-фанатическихъ мотивовъ, отношеніе побѣдоносцевской политики къ различнымъ русскимъ сектамъ, возникавшимъ время отъ времени и становившимся въ болѣе или менѣе рѣзкую оппозицію къ православной церкви. Автократія, какъ ее понималъ Побѣдоносцевъ, должна была получать значительную долю своего могущества и своего авторитета отъ истиннаго православія. Государь, какъ глава свѣтскаго владычества, соединялъ въ своемъ лицѣ власть папы и императора, являясь идеаломъ самодержца, въ глазахъ оберъ-прокурора св. синода. Но изъ этого, во-первыхъ, слѣдовало, что всѣ его подданные иновѣрцы — за исключеніемъ гораздо ниже стоящихъ въ рассовомъ отношеніи евреевъ—должны быть обращены въ православіе, а, во-вторыхъ, что всякую ересь нужно искоренять всѣми возмож-

---

[1]) Весьма интересное и полное описаніе преслѣдованія евреевъ при Александрѣ III помѣщено въ книгѣ Степняка «King Stork and King Log», которая, вмѣстѣ съ сочиненіемъ Томпсона «Russian Politics» и статьями въ «Free Russia», можетъ послужить источникомъ по данному вопросу. *Прим. автора.*

ными средствами, дабы не поколебалась религіозная основа самодержавія.

За недостаткомъ мѣста, мы можемъ коснуться только нѣсколькихъ важнѣйшихъ религіозныхъ сектъ и борьбы съ ними правительственной реакціи, но этого совершенно достаточно, чтобы вполнѣ выяснить политику самодержавія въ этой области. Больше всего толковъ возбудили духоборы, быть можетъ потому, что своимъ отчаянно рѣшительнымъ, хотя и безусловно пассивнымъ, сопротивленіемъ правительству добились, наконецъ, права массоваго выселенія.

Духоборы (ищущіе духа религіи) главнымъ догматомъ своего ученія считаютъ отмѣну всякой религіозной обрядности и поклоненіе Богу „въ духѣ и истинѣ", „духовному Богу", котораго каждый носитъ въ сердцѣ своемъ. По мнѣнію духоборовъ, Богъ нераздѣленъ съ человѣкомъ и постоянно живетъ въ немъ. Войну и все, что къ ней относится, они считаютъ грѣховной и отвратительной, и потому упорно отказываются поступать въ армію и приносить военную присягу. Подобныя ученія, защищавшія, въ области религіи, крайнюю индивидуальную свободу, должны были, разумѣется, казаться абсолютизму опасными и вызывать съ его стороны серьезныя преслѣдованія. И, дѣйствительно, уже съ самаго возникновенія секты духоборовъ, она подвергалась гоненіямъ правительства, особенно при Николаѣ I, когда ихъ массами ссылали въ Сибирь и заставляли поступать въ армію.

Но ни одно наказаніе не привело къ желаннымъ результатамъ. Съ необычайнымъ успѣхомъ продолжали духоборы въ Сибири пропаганду своихъ убѣжденій, и имъ удалось обратить въ свою вѣру не только другихъ ссыльныхъ, но и большое количество солдатъ. Тогда главарей секты сослали на отдаленнѣйшіе рудники, а послѣдователей ихъ разсѣяли въ разныя стороны. Большое число ихъ было отправлено на Кавказъ [1]), гдѣ правительственные чиновники самымъ безсовѣстнымъ образомъ обирали и притѣсняли ихъ, пока мингрельскій князь, владѣнія котораго обезлюдѣли вслѣдствіе войны, не предложилъ духоборамъ поселиться у

---

[1]) Въ 1841 г. *Пр. изд.*

него въ качествѣ колонистовъ, нарѣзавъ имъ земли. Въ теченіе трехъ лѣтъ множество духоборовъ и родственныхъ имъ сектантовъ переселилось въ эту мѣстность, которую они вновь быстро привели въ цвѣтущее состояніе. Число ихъ постоянно увеличивалось, и они достигли благосостоянія, почти неизвѣстнаго среди русскихъ крестьянъ. Но духоборамъ не долго пришлось пожить спокойно въ странѣ, дикія пустыни которой они превратили въ цвѣтущія поля. Противъ нихъ снова начались гоненія, побудившія, наконецъ, многія тысячи ихъ искать себѣ убѣжища по ту сторону океана.

Родственной духоборамъ является раціоналистическая секта молоканъ, послѣдователи которой, въ противорѣчіе съ прямымъ запрещеніемъ православной церкви, ѣдятъ молочное и въ посты. Возникнувъ изъ секты духоборовъ, молоканская секта пошла, однако, дальше своей родоначальницы, и съ величайшей энергіей противилась государственной власти. Въ книгѣ своей, „La Russie sectaire“ Цакни (Tsakni) такъ описываетъ ученіе молоканъ.

„И въ частной, и въ общественной жизни молокане избѣгаютъ всякихъ формальностей и обрядовъ. У нихъ нѣтъ церквей; домъ, открытый дворъ, даже поле могутъ служить вѣрующимъ мѣстомъ для молитвы... Когда приходитъ ихъ глава, они встрѣчаютъ его небольшимъ поклономъ. Онъ занимаетъ мѣсто и начинаетъ громко читать. За чтеніемъ слѣдуетъ пѣніе псалмовъ на мотивъ народныхъ пѣсенъ, а затѣмъ обсужденіе прочитаннаго. Каждый молоканинъ пользуется полной свободой въ отношеніи религіозныхъ обрядовъ. Нѣтъ никакой общей для всѣхъ догмы или церемоніала. Такъ, напр., заключеніе брака ограничивается у нихъ простой гражданской формальностью; онъ можетъ быть объявленъ недѣйствительнымъ съ согласія обоихъ договаривающихся сторонъ, при чемъ для этого достаточно желанія даже одного изъ супруговъ. Молодые люди женятся совершенно самостоятельно. Если родители принуждаютъ дѣтей къ браку противъ ихъ воли, то совершаютъ поступокъ, противный волѣ Божіей, говорятъ молокане. Бракъ заключается передъ всей общиной, которая рѣшаетъ, могутъ ли брачущіеся составить семью, какъ въ моральномъ, такъ и въ матеріаль-

номъ отношеніи, и разслѣдуетъ, совершается ли данный бракъ по доброй волѣ или по принужденію съ какой нибудь стороны".

Грамотность — въ противоположность условіямъ, господствующимъ вообще среди русскаго народа — такъ распространена среди молоканъ, что едва ли найдется у нихъ хоть одинъ безграмотный. Войну они считаютъ, подобно духоборамъ, разновидностью убійства, „и никакими угрозами, никакими наказаніями нельзя заставить ихъ принять участіе въ сраженіи; при первомъ столкновеніи съ врагомъ, — говоритъ Цакни, — они бросаютъ оружіе".

Молоканъ такъ же жестоко преслѣдуютъ, какъ и духоборовъ. Цѣлыя общины ихъ ссылались въ Сибирь и на Кавказъ, но вмѣсто того, чтобы заставить ихъ отказаться отъ своего ученія, мѣры эти привели къ тому, что они стали еще тверже держаться его. Куда бы ихъ ни отправляли, они умѣли всюду, благодаря своему трудолюбію, солидарности и разумнымъ, умѣреннымъ привычкамъ, достигнуть относительнаго благосостоянія и, вѣроятно, въ силу этого матеріальнаго доказательства счастливаго свойства своего ученія, пріобрѣтали сторонниковъ, несмотря на всѣ преслѣдованія. Мучительства такъ же мало склоняли ихъ къ отреченію, какъ и попытки правительства помѣшать имъ въ отправленіи религіозныхъ обрядовъ. Они находятся всегда подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ; имъ запрещено собираться для богослуженія, да и вообще сходиться болѣе, чѣмъ двоимъ сразу. Одна только встрѣча трехъ молоканъ объявляется незаконной и наказывается, какъ преступленіе. Но всѣми этими мѣрами правительство достигло только одного результата: молокане получили твердую увѣренность въ томъ, что самодержавіе никогда не можетъ содѣйствовать благу народа.

Родственны духоборамъ по духу и штундисты; это самая живая, а потому и наиболѣе сурово гонимая секта за послѣднія два десятилѣтія среди многихъ религіозныхъ теченій современной Россіи. Штунда возникла первоначально въ одной деревнѣ, недалеко отъ Херсона [1]), и оттуда широко рас-

[1]) Дер. Основа, Одесскаго у. Офиціально секта обнаружена въ концѣ 1870 г. *Прим. изд.*

пространилась среди населенія окрестностей Кіева. Авторъ интересной книги: „The Stundists: the story of a great religious revolt“, такъ характеризуетъ ихъ ученіе:

„Религію штундистовъ составляетъ евангеліе, и только оно. Теоретически они равнымъ образомъ почитаютъ и Ветхій Завѣтъ, но на практикѣ единственной ихъ настольной книгой въ жизни и въ дѣлахъ вѣры является евангеліе. Штундисты предоставляютъ каждому право самому толковать святое писаніе. И церковь, и священникъ, и истолкователь, и каждый простой человѣкъ имѣютъ право и даже обязаны изучать и разбирать сами для себя священное писаніе...

„Тотъ, кто никогда не жилъ въ Россіи, не можетъ представить себѣ, какую огромную роль играетъ въ религіозной жизни народа суевѣрное поклоненіе иконамъ. Въ самой бѣдной избѣ висятъ одинъ или два образа Спасителя, Божьей Матери или какихъ нибудь наиболѣе чтимыхъ святыхъ. Образа имѣются во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ, отъ консисторіи до будки городового; они висятъ въ банкахъ, конторахъ, лавкахъ, на вокзалахъ, пароходахъ и въ кабакахъ. Крестьяне и дворяне одинаково склоняются передъ этой святыней и крестятся передъ ними [1]). Народъ называетъ ихъ „богомъ“ и жжетъ передъ ними деревянное масло. Если русскому повезетъ въ жизни, то онъ приписываетъ это образу; если его преслѣдуетъ несчастье, то, значитъ, онъ не исполнилъ какой нибудь обязанности по отношенію къ образу — не заправилъ лампадку, не вычистилъ ризу, или бранился и пилъ передъ нимъ. Излюбленныя иконы въ церквахъ дѣлаются предметомъ особаго поклоненія молящихся въ важныхъ случаяхъ ихъ жизни. Иконы сопровождаютъ армію въ походъ, и побѣда обезпечена, если онѣ благопріятствуютъ. Это самое чистое неприкрашенное идолопоклонство является важнымъ элементомъ въ религіозномъ чувствѣ народа. Поэтому мужество, съ которымъ штун-

---

[1]) Автора этой книги обозвали въ Москвѣ, въ почтовой конторѣ, «язычникомъ» за то, что, войдя, онъ не снялъ шляпы, хотя образъ висѣлъ на видномъ мѣстѣ, на что и обратилъ его вниманіе возмущенный чиновникъ. *Прим. автора.*

дисты, простые, беззащитные мужики, возвысили свой голосъ, протестуя противъ этого національнаго униженія, заслуживаетъ величайшей похвалы. Другая могущественная сила на Руси, которой также рѣшительно противились штундисты, это— духовенство. Въ общемъ, можно сказать, что штундисты не раздѣляютъ господствующаго мнѣнія относительно необходимости имѣть особый штатъ священниковъ. Такъ, они отказываются платить требуемое священниками вознагражденіе за требы и протестуютъ противъ позорнаго корыстолюбія духовныхъ лицъ, жизнь которыхъ представляетъ въ то же время рѣзкій контрастъ съ жизнью штундистовъ. Неудивительно поэтому, что эти сектанты и попы—заклятые враги, и что духовенство всѣми силами содѣйствовало отвратительнымъ мѣрамъ, запятнавшимъ въ послѣдніе годы русскую церковь".

До 1870 г. штундисты, насколько возможно, избѣгали открытаго разрыва съ православной церковью, но около этого времени нѣкоторые изъ нихъ совершили крещеніе взрослыхъ, по примѣру нѣмецкихъ баптистовъ, образующихъ мѣстами колоніи въ южной Россіи. Эта часть сектантовъ не желала никакихъ компромиссовъ въ дѣлахъ совѣсти и потому заняла гораздо болѣе рѣзкое положеніе по отношенію къ государственной церкви, чѣмъ ранѣе. Вскорѣ дѣло дошло до столкновенія, побудившаго, по обыкновенію, правительство къ насильственнымъ мѣрамъ. У штундистовъ отобрали ихъ евангелія и книги псалмовъ, не позволяли имъ собираться въ домахъ для богослуженія, запрещали главарямъ выѣзжать изъ мѣстъ ихъ постояннаго жительства и переселяться въ болѣе отдаленныя и слабыя общины, для ободренія ихъ и укрѣпленія въ вѣрѣ. Но штундисты вынесли эти и другія подобныя имъ мѣры въ этотъ, еще сравнительно скромный, періодъ гоненій. Число ихъ за это время даже возросло.

Иначе пошло дѣло съ воцареніемъ Александра III и переходомъ власти въ руки Побѣдоносцева. Въ 1882 г. мѣстная полиція получила право собственной властью штрафовать на любую сумму крестьянъ, продолжавшихъ, несмотря на предупрежденіе, посѣщать собранія штундистовъ. Если же наказанные не покорялись, то за штрафами слѣдовала при-

нудительная продажа имущества, высылки и аресты тѣхъ, кто не желалъ платить.

Два года спустя, когда прежнія мѣры оказались недѣйствительными, правительство сдѣлало еще шагъ впередъ. Главарей начали приговаривать къ продолжительному тюремному заключенію вмѣстѣ съ уголовными преступниками, или высылали ихъ съ семьями въ отдаленныя мѣстности, куда ихъ во всякое время года отправляли этапнымъ порядкомъ. Но и эти жестокости не имѣли успѣха. На смѣну заключеннымъ и сосланнымъ главарямъ появлялись новые, и вмѣсто того, чтобы заглохнуть, штунда распространялась все болѣе.

Душѣ русскаго правительства, Побѣдоносцеву, повидимому, совершенно неизвѣстенъ доказанный исторіей фактъ, что мученичество никогда не удерживаетъ людей отъ присоединенія къ умственному и духовному движенію. Иначе совершенно необъяснимо то, что, потерпѣвъ неудачу въ политикѣ насилія противъ сектантовъ, онъ придумывалъ все новыя и болѣе рѣшительныя мѣры. Послѣ 1888 г. правительство обратилось уже не только противъ однихъ главарей, но и противъ всѣхъ сторонниковъ секты; оно обрушилось на нихъ со всей дикой жестокостью, столь часто проявляемой русской полиціей и бюрократіей. Штундисты тысячами высылались административнымъ порядкомъ въ Сибирь и въ самыя отдаленныя области Кавказа. Любой урядникъ, сельскій учитель, священникъ или чиновникъ могли безнаказанно притѣснять ихъ, сажать въ острогъ и чинить надъ ними всевозможныя насилія. Обычные способы сдѣлать имъ жизнь невыносимой заключались въ томъ, что на нихъ налагали принудительныя работы, въ родѣ постройки и починки дорогъ, мостовъ и общественныхъ зданій, или заставляли ихъ держать ночной караулъ въ деревняхъ, подуськивали крестьянъ къ насиліямъ надъ ними, къ разрушенію ихъ жилищъ и имущества; насильно крестили ихъ, пороли до тѣхъ поръ, пока они сами не перекрестятся, выпьютъ водки, закурятъ папиросу, или сдѣлаютъ еще что нибудь, запрещаемое ихъ ученіемъ, какъ грѣхъ. Надъ ними производили безчисленныя позорнѣйшія насилія, часто даже не-

вѣроятныя по своей положительно скотской грубости и полной безнаказанности; многія—настолько омерзительнаго свойства, что невозможно передать ихъ даже намеками...

Множество писемъ, посланныхъ штундистами къ пенсильванскимъ квакерамъ, содержатъ подробныя описанія этихъ ужасныхъ насилій; и показанія эти, во всѣхъ своихъ жуткихъ подробностяхъ, подтверждаются единодушнымъ заявленіемъ множества главарей и представителей секты штундистовъ. Одно изъ подобныхъ писемъ можетъ послужить для насъ иллюстраціей. Оно во всѣхъ отношеніяхъ достойно довѣрія. Авторъ его, Илья Лизовой, пишетъ о томъ, что произошло съ нимъ и его семьей, и случай этотъ во всѣхъ подробностяхъ подтверждается въ упомянутомъ заявленіи главарей штундистовъ.

„Опишу вамъ, любезные братья, что тутъ съ нами случилось. Урядникъ и другіе пьяницы мучаютъ насъ безъ всякой жалости. Всякій день принуждаютъ насъ къ общественнымъ работамъ въ Бабенцѣ или въ нашей деревнѣ. Насъ, мужчинъ, всякую ночь посылаютъ въ караулъ. А эти жестокосердые пьяницы, сельское начальство, приходятъ къ намъ, когда насъ нѣтъ дома, пугаютъ нашихъ дѣтей и постыдно ведутъ себя съ нашими женщинами. Поздно ночью съ 11-го на 12 сентября они пришли къ моей женѣ Ксеніи и мучили ее, какъ хотѣли,—какъ въ Библіи сказано про Сусанну. Но они сдѣлали еще хуже. Да защититъ насъ Господь. Ужасно говорить объ этомъ. Они повалили ее на полъ и изнасиловали, сначала пьяный провожатый урядника, а потомъ онъ самъ. Затѣмъ они заставили ее перекреститься и, если она этого не сдѣлаетъ, грозили еще разъ поступить съ ней такъ же. Бѣдная жена при этомъ беременна. Они вывернули ей руки, изранили ее и оставили лежать полумертвой. Они разбили всѣ тарелки и кухонную посуду и всѣ стекла. Нашъ домъ еще сейчасъ безъ оконъ.

„Слезно просимъ васъ, братья, помогите намъ. Сдѣлайте это какъ можно скорѣе. Не откладывайте. Они насъ такъ мучаютъ. Мы просимъ со слезами, примите наше дѣло къ сердцу. Можетъ быть, Небесный Отецъ поможетъ намъ и милостиво защититъ насъ“.

Письмо это написано не сотни лѣтъ тому назадъ, какъ можно было бы подумать, судя по его содержанію, а въ концѣ 1892 г. Вслѣдствіе этихъ и множества другихъ позорныхъ фактовъ, князь Хилковъ, одинъ изъ послѣдователей Толстого, сосланный въ то время на Кавказъ [1]), написалъ письмо кіевскому архіепископу Амвросію, подтверждающее приведенный выше фактъ. Вотъ отрывокъ изъ этого письма:

„Ваше Преподобіе. Всякій общественный дѣятель съ удовольствіемъ привѣтствуетъ результаты Вашей работы... Ваше Преподобіе можете теперь ясно видѣть, какіе плоды принесла Ваша дѣятельность. Многократныя увѣщанія Вашего Преподобія и другихъ подобныхъ же „пастырей", какими они описываются въ 10 главѣ евангелія отъ Іоанна, нашли откликъ въ сердцахъ сельской полиціи Кіевской губ. Вы можете радоваться! Воззванія, которыя по Вашему приказанію были прибиты на стѣнахъ церквей, чтобы возбудить въ одной части населенія ненависть къ другой, посланія, какъ „Проклятый штундистъ", столь ревностно распространяемыя Вашимъ Преподобіемъ, проповѣди Ваши и Вашихъ клевретовъ, возбуждающія къ ненависти и нетерпимости, все это, наконецъ, достигло намѣченнаго Вами результата. Новые поборники православія изобрѣли новые способы заставлять женщинъ совершать крестное знаменіе. Стыдъ и позоръ! Въ случаѣ разслѣдованія, виновными оказались бы, вѣроятно, подчиненные агенты... Но кто натравливалъ этихъ подчиненныхъ агентовъ?"

Князь Хилковъ съ такимъ же правомъ могъ обратиться съ этимъ вопросомъ и въ высшія сферы. Сельская полиція, духовенство и епископы никогда не рѣшились бы на такія отвратительныя насилія, еслибъ не были увѣрены, что ближайшій совѣтникъ царя, всесильный Побѣдоносцевъ, одобритъ ихъ отношеніе къ „проклятымъ штундистамъ". Тамъ, гдѣ правительство единовластно, отвѣтственность за такія систе-

---

[1]) Хотя правительство никогда не рѣшалось выступить открыто противъ самого Льва Толстого, но неоднократно арестовывало и ссылало приверженцевъ и послѣдователей его, толстовцевъ, принадлежащихъ ко всѣмъ слоямъ общества. *Прим. автора.*

матическія злодѣянія падаетъ не на подчиненныхъ, а на само правительство и, въ конечномъ счетѣ, на самодержца.

О преслѣдованіи старовѣровъ и другихъ болѣе или менѣе близкихъ имъ сектантовъ мы не будемъ разсказывать, потому что они имѣютъ гораздо меньше политическаго значенія. Ученія старовѣровъ, уніатовъ и многихъ другихъ отличаются отъ православной церкви, такъ сказать, лишь въ обрядовомъ отношеніи, или въ томъ или иномъ догматѣ, тогда какъ ранѣе описанныя секты, главнымъ образомъ, и отстаиваютъ передъ церковью право личности. А отсюда только шагъ къ защитѣ индивидуальнаго права отъ власти. Насколько легко такой переходъ можетъ быть сдѣланъ штундистами и ихъ единомышленниками, показываетъ примѣръ католиковъ въ Польшѣ и лютеранъ въ остзейскихъ губерніяхъ.

Въ этой сферѣ религіозныя преслѣдованія идутъ рука объ руку съ стремленіями возможно скораго обрусѣнія инородческаго населенія, стѣсняя его въ употребленіи родного языка. Поэтому посягательства властей вскорѣ стали направляться на школы, церковь и чиновниковъ, которыхъ принуждали разговаривать съ публикой на русскомъ языкѣ, не заботясь о томъ, понимаетъ его населеніе или нѣтъ. Нападки на церковь совершаются обыкновенно въ замаскированной формѣ, косвенными путями, чтобы эта нетерпимость не произвела слишкомъ большого впечатлѣнія и не вызвала слишкомъ громкихъ протестовъ въ цивилизованномъ мірѣ. Пріучая молодое поколѣніе къ русскому языку и заставляя священниковъ совершать богослуженіе по русски, стараются заложить фундаментъ для „православной церкви“.

Бываетъ достаточно одного прошенія (безразлично какими путями добытаго) со стороны села или прихода о принятіи его въ лоно православной церкви, чтобы все населеніе тотчасъ объявлялось причисленнымъ къ ней, независимо отъ того, подписано ходатайство большинствомъ или нѣтъ. Этотъ способъ обращенія примѣнялся уже при Александрѣ III, и примѣняется и теперь по отношенію къ католикамъ и протестантамъ. Тамъ, гдѣ власти находятъ необходимый предлогъ для примѣненія силы противъ иновѣрцевъ и евреевъ,

онѣ прибѣгаютъ къ мѣрамъ, сходнымъ въ существенныхъ чертахъ съ только что описанными.

Одинъ изъ грубѣйшихъ случаевъ такого обращенія произошелъ въ 1893 г., при Александрѣ III, въ маленькомъ городкѣ Крожѣ на польской границѣ, гдѣ приходъ, объявленный перешедшимъ въ греко-россійское вѣроученіе, отказывался покинуть свой католическій костелъ. Всѣ увѣщанія русскихъ властей оставались тщетными. Прихожане не отходили отъ костела, гдѣ непрерывно совершалось богослуженіе. Тогда послали сотню казаковъ, чтобы разогнать непокорныхъ; приказаніе было выполнено съ такимъ усердіемъ, что 20 католиковъ осталось на мѣстѣ, свыше сотни было тяжело ранено, и большое количество потоплено въ рѣкѣ, куда казаки загнали бѣжавшихъ.

Въ общемъ, реакція при Александрѣ III направлялась въ Польшѣ и остзейскихъ провинціяхъ частью противъ различныхъ мѣстныхъ учрежденій, которыя просто уничтожались, частью противъ туземнаго языка, который былъ запрещенъ въ школахъ, общественной жизни, даже въ лавкахъ, на улицахъ и въ собраніяхъ. Не говорившіе по русски подвергались взысканіямъ, а, въ случаѣ непокорности, подлежали и болѣе тяжелымъ административнымъ наказаніямъ. Въ 1893 г. попечитель Варшавскаго учебнаго округа, Апухтинъ, дошелъ даже до того, что запретилъ преподаваніе на польскомъ языкѣ въ мѣстной школѣ глухонѣмыхъ! Ему было безразлично то, что онъ лишалъ глухонѣмыхъ возможности объясняться съ окружающими, ему казалось гораздо болѣе важнымъ, чтобы они научились составлять пальцами русскія буквы и слова.

И въ школѣ, и въ церкви, въ лицѣ Побѣдоносцева, безраздѣльно и неограниченно царили слѣпой фанатизмъ и нетерпимость. Вышеупомянутая статья въ „Christian World“, о преслѣдованіи иновѣрцевъ въ Россіи, не безъ основанія заканчивается слѣдующими словами:

„Народы западной Европы, повидимому, не знаютъ, что рядомъ съ ними находится держава, болѣе нетерпимая въ отношеніи религіозной свободы, чѣмъ Испанія въ худшія свои времена, съ болѣе безсовѣстными и тупыми гонителями всѣхъ иновѣрцевъ, чѣмъ Альба и самъ Торквемада. Да и

какъ имъ знать это? Россія работаетъ въ тиши, подпольными способами, и жертвы ея безгласны. Въ Россіи нѣтъ прессы, въ нашемъ смыслѣ слова, которая могла бы огласить и заклеймить всякій случай преслѣдованія. Еретиковъ судятъ при закрытыхъ дверяхъ; гласность тщательно преслѣдуютъ. Русскіе сами не знаютъ и десятой доли того, что происходитъ въ ихъ странѣ".

Послѣдствія реакціи въ экономической области.

Вслѣдствіе освобожденія крестьянъ экономическая жизнь Россіи сильно измѣнилась. Предоставленіе большинству населенія свободы самостоятельно добывать средства для существованія, или, другими словами, освобожденныя рабочія руки, создали совершенно новыя условія экономической жизни. Невозможно было предсказать, какимъ образомъ сложится и будетъ развиваться эта жизнь, а потому и направить ея развитіе по тому или иному руслу правительственнымъ вмѣшательствомъ. Однако, правительство попыталось все таки это сдѣлать, какъ всегда убѣжденное, что оно лучше самого народа сумѣетъ позаботиться объ его благосостояніи.

Россія была и до сихъ поръ остается преимущественно страной земледѣльческой. $^{9}/_{10}$ ея населенія состоитъ изъ крестьянъ. Благосостояніе всей страны, благодаря этому, тѣсно связано съ зажиточностью послѣднихъ. Достаточно самаго элементарнаго знакомства съ политической экономіей, чтобы понять это. Но императорское правительство, повидимому, не знало даже и этой азбуки. Земельныя подати, наложенныя на сельскія общества послѣ эмансипаціи, были зачастую такъ велики, что крестьяне могли бы уплачивать ихъ только при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Для этого необходимо было, чтобы они научились примѣнять новѣйшіе способы обработки земли, могли составлять союзы для улучшенія своего положенія и условій сельскаго хозяйства, чтобы правительство, всѣми доступными средствами, развивало и поддерживало земледѣліе и вводило новыя отрасли индустріи по мѣрѣ того, какъ въ нихъ являлась потребность.

Правительство вело какъ разъ противоположную политику. Зачатки мѣстнаго самоуправленія, дарованные крестьянамъ въ эпоху великихъ реформъ, постепенно ограничивались, крестьяне были поставлены подъ опеку правительственныхъ чиновниковъ, не имѣвшихъ даже корыстныхъ интересовъ прежнихъ рабовладѣльцевъ-помѣщиковъ, которымъ было выгодно содержать свой людской рабочій скотъ въ хорошемъ состояніи. Наконецъ, 13 іюля 1889 г., появился указъ, снова прикрѣплявшій крестьянъ къ общинѣ, хотя и въ нѣсколько меньшей степени. Въ виду увеличившагося переселенія въ Сибирь и другія области, гдѣ земля была еще дешева, часть помѣщиковъ, опасаясь вздорожанія рабочихъ рукъ, обратилась къ правительству съ ходатайствомъ воспретить дальнѣйшее переселеніе крестьянъ. И самодержавное правительство, всегда доказывавшее, что сословные интересы для него выше народныхъ, не обмануло и на этотъ разъ ожиданій помѣщиковъ. Оно отвѣтило на ихъ просьбу упомянутымъ указомъ, объявившимъ, что

„всѣ лица, переселяющіяся, не испросивъ предварительно разрѣшенія министровъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, должны быть отправляемы подъ надзоромъ администраціи въ мѣстности, къ которымъ они приписаны“.

Разрѣшеніе на переселеніе давалось названными министерствами только въ исключительныхъ случаяхъ, да и то просители дожидали отвѣта по цѣлымъ мѣсяцамъ. Между тѣмъ, дѣло шло не объ окончательномъ выселеніи изъ государства, а лишь о переѣздѣ изъ одной его части въ другую. Крестьяне, разумѣется, не могли понять, почему они, несмотря на отмѣну крѣпостной зависимости, лишены права передвиженія въ собственномъ отечествѣ, съ согласія и при содѣйствіи своихъ односельчанъ. Если же они безъ разрѣшенія оставляли общину, въ которой терпѣли нужду, то ихъ, какъ преступниковъ, возвращали по этапу въ родную деревню, гдѣ у нихъ обыкновенно все уже было распродано, и гдѣ они оставались совершенно безпомощными. На обратномъ пути, съ женами и ребятами, они ночевали въ обыкновенныхъ тюрьмахъ, а когда, наконецъ, прибывали „домой“,

то правительство требовало съ нихъ, т. е. съ общества, возмѣщенія путевыхъ расходовъ,—да, пожалуй, и за пребываніе на казенныхъ квартирахъ!

Приходится думать, что правительство руководствовалось наилучшими намѣреніями, препятствуя массѣ неимущихъ людей переселяться въ мѣстности, гдѣ они врядъ ли могли бы устроиться. Но, во всякомъ случаѣ, непонятно, какъ оно, даровавъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ населенію свободу и гражданскія права, не видѣло, что такими мѣрами отнимаетъ ихъ и обращаетъ свободу въ призракъ. Это настолько непонятно, что невольно возникаетъ подозрѣніе, что реакціонная камарилья—этотъ дѣйствительный руководитель правительственной политики,—въ самомъ дѣлѣ намѣревалась урѣзать свободу народа и постепенно вернуть его къ прежнему состоянію.

Похоже было на то, что министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Толстой имѣлъ совершенно сознательное намѣреніе облагодѣтельствовать этой мѣрой дворянство, большей частью разоренное крестьянской реформой. Старанія его о томъ, чтобы въ земскіе начальники назначались только лица дворянскаго сословія, чѣмъ обезпечивалось господство послѣдняго надъ крестьянами, описаны въ предыдущей главѣ. Другая, столь же отчаянная и неудачная попытка поднять упавшій престижъ и вліяніе дворянства, была предпринята министромъ вн. дѣлъ въ сферѣ экономической.

Побѣдоносцевъ и Толстой признавали, что самодержавіе не сможетъ долго продержаться на такой искусственной и зыбкой почвѣ, какъ бюрократія. Для того, чтобы прочно установиться, оно должно было найти опору въ какомъ нибудь слоѣ общества. Оберъ-прокуроръ св. синода искалъ этой опоры въ православіи, министръ вн. дѣлъ—въ дворянствѣ, которое онъ желалъ, съ этой цѣлью, превратить въ классъ, поддерживающій царизмъ, съ особыми привилегіями и съ бо́льшими политическими правами, чѣмъ у остального народа. Оба они, въ равной степени, хотя и различнымъ образомъ, доказывали этимъ свое непониманіе того, какую форму неизбѣжно приметъ развитіе русскаго народа на почвѣ его національнаго характера. Оба поэтому дѣлали все возможное,

чтобы ввести царя въ заблужденіе, относительно необходимыхъ мѣропріятій, заставляли его соглашаться съ ихъ стремленіями задержать логически и исторически неизбѣжный ходъ эволюціи, и вырыли этимъ непроходимую пропасть между правительствомъ и націей, существующую и по настоящее время.

Побѣдоносцевъ не понималъ, что крестьяне, среди которыхъ было болѣе 10 милліоновъ крѣпостныхъ, освободившись отъ оковъ, препятствовавшихъ имъ чувствовать себя самостоятельными въ какой бы то ни было области, теперь естественно должны были имѣть право самостоятельно думать и тѣмъ болѣе рѣшать религіозные вопросы. Поэтому онъ не понималъ, что сухой и безсодержательный формализмъ, отличающій греко-православную церковь, не можетъ уже удовлетворять просыпающійся народъ; не понималъ, что православіе, не согласное съ чувствами и убѣжденіями народа, не могло быть опорой для самодержавія, и что, насильственно удерживая націю во власти православія, онъ здѣсь, хотя и косвеннымъ путемъ, переноситъ центръ тяжести на гражданскую и военную бюрократію.

Министръ вн. дѣлъ гр. Толстой тоже оказался неспособнымъ понять историческое развитіе отношеній народа и дворянства, и между ими обоими и правительствомъ, т. е. царской властью. Для основанія и упроченія послѣдней требовалась совокупная поддержка націи. Ея достигали тѣмъ, что отдѣльныхъ личностей, число которыхъ постоянно возрастало, надѣляли всякаго рода льготами и преимуществами, создавшими изъ нихъ привилегированный классъ, котораго собственныя выгоды связывали съ царизмомъ. Все болѣе распространяемое обязательство служить царской власти вызвало и расширеніе правъ привилегированнаго класса, дворянства, пока послѣднее не получило права распоряжаться народной массой. Въ видѣ компенсаціи за службу дворянъ престолу на гражданскомъ и военномъ поприщѣ, они получили право на трудъ крестьянъ, и въ то же время, съ согласія царя, узурпировали право распоряжаться и ихъ личностью. Петръ III отмѣнилъ служебную повинность дворянъ государству, благодаря чему крѣпостное право превратилось въ аномалію, которая рано или поздно должна была исчезнуть. Прошло

100 лѣтъ, пока убѣжденіе въ необходимости отмѣны крѣпостной зависимости вполнѣ овладѣло русскимъ обществомъ и отмѣна эта, наконецъ, совершилась.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилось и вліяніе дворянъ, какъ общественнаго класса. Въ теченіе немногихъ лѣтъ большая часть ихъ растратила выкупныя деньги, полученныя отъ государства за отданную крестьянамъ землю, много имѣній перешло въ другія руки, умѣвшія извлекать изъ нихъ большіе доходы; дворянство, какъ таковое, сошло со сцены, и общественное развитіе вступило на неизбѣжный при подобныхъ условіяхъ путь демократизаціи.

Наиболѣе интеллигентные и энергичные представители дворянства были захвачены этимъ развитіемъ, опиравшимся на совершенно иные новые общественные элементы, на пробуждающійся въ сознаніи своей силы и своихъ правъ средній классъ, понимавшій, что будущность Россіи должна заключаться въ развитіи народныхъ массъ, низшихъ и самыхъ широкихъ слоевъ общества. Съ этого и начался конфликтъ. Самодержавіе содрогнулось передъ послѣдствіями этой эволюціи, начало которой положило оно само, и обратилось противъ ея руководителей. Конфликтъ все обострялся, и самодержавіе внезапно увидѣло себя обособленнымъ отъ всѣхъ общественныхъ классовъ всей націи. Оно не могло найти иного союзника, кромѣ бюрократіи, имъ же самимъ созданной и отъ него зависимой, которая уже по одному этому не могла быть дѣйствительной опорой.

Единственный логически-разумный выводъ изъ этого тотъ, что самодержавіе должно демократизироваться и считать своими собственными интересы большинства населенія. Для того, чтобы опереться на него и тѣмъ надолго обезпечить свое существованіе, Толстой рѣшился искусственнымъ путемъ оживить умирающій классъ, вернуть ему его прежнюю власть и вліяніе на государственныя дѣла, и, такимъ образомъ, найти царской власти ту поддержку, въ которой она нуждалась. Какъ онъ при этомъ дѣйствовалъ, превосходно описываетъ Степнякъ, и потому мы приведемъ его подлинныя слова [1]):

---

[1]) «King Stork und King Log.». Послѣдующее тоже заимствовано у

„Русское дворянство было разорено крестьянской реформой, вслѣдствіе крайней своей неспособности примѣниться къ новымъ условіямъ жизни. Поэтому, Толстой, желая вновь возвратить ему былое могущество, началъ заботиться о возстановленіи его экономическаго благосостоянія. Эта прекрасная, даже блестящая, идея вполнѣ соотвѣтствовала новѣйшимъ научнымъ теоріямъ.

„Наше время такъ глубоко проникнуто экономической философіей, основателемъ которой явился Карлъ Марксъ, что, какъ это ни смѣшно, даже люди, ненавидящіе самое имя этого мыслителя и навѣрняка не читавшіе его произведеній, подчасъ обнаруживаютъ дѣйствительное пониманіе его взглядовъ. Графъ Толстой былъ именно такимъ человѣкомъ. Будучи достаточно знакомъ съ современной соціальной наукой, онъ понималъ, что всѣ попытки вернуть дворянству его политическое вліяніе должны безнадежно разбиться, если не будетъ улучшено экономическое положеніе этого класса. Но если бы онъ глубже понималъ политическую экономію, то для него было бы ясно, что подобныя мѣропріятія равносильны хлестанію кнутомъ по мертвой лошади. Функціи общественныхъ классовъ на исторической сценѣ мѣняются столь органически, что вернуть къ жизни классъ, павшій въ борьбѣ за существованіе, такъ же невозможно, какъ и заселить снова землю допотопными животными. Но гр. Толстой былъ государственнымъ дѣятелемъ старой школы и находилъ, что для государства все возможно.

„Дворянство теряло землю и, какъ общественная сила крупнаго землевладѣнія, могло, вслѣдствіе обнищанія, вскорѣ совершенно исчезнуть. Поэтому онъ заключилъ, что государство должно только ссужать дворянство деньгами, чтобы оно снова пышно расцвѣло.

„Основанный для этого въ 1885 г. (3 іюня) особый банкъ открылъ періодъ, извѣстный въ Россіи подъ названіемъ „эры дворянства“.

Съ самаго начала своей дѣятельности дворянскій банкъ,

Степняка, пользовавшагося офиціальными данными, которыя всякій можетъ провѣрить. *Прим. автора.*

обнаружилъ необычайную щедрость. Желавшіе получить ссуду помѣщики-дворяне сами производили оцѣнку своихъ имѣній, а банкъ ограничивался лишь тѣмъ, что въ рѣдкихъ случаяхъ нѣсколько понижалъ оцѣнку. Дворяне, нуждавшіеся въ деньгахъ, буквально осаждали новый банкъ, распоряжавшійся государственными кредитами, т. е. денежными средствами народныхъ массъ. Такими ссудами и на основаніи указанныхъ расчетовъ банкъ выдалъ въ первый годъ своего существованія 68½ милліоновъ рублей; на слѣдующій годъ ссуды составляли уже 71 милліонъ.

Послѣдствія подобной системы веденія дѣла не заставили себя долго ждать. Уже къ первому сроку уплаты процентовъ на второй годъ операцій, почти всѣ должники прекратили взносъ проц. А послѣ того, какъ банкъ „проработалъ“ три года, недоимки по проц. дошли до 10½ милліоновъ рублей на общую сумму ожидавшихся проц. въ 12 милліоновъ. Но вмѣсто того, чтобы — какъ собственно слѣдовало сдѣлать — продать заложенныя имѣнія, или, оставивъ за собою, передать ихъ, въ качествѣ государственныхъ имѣній, для колонизаціи народу, деньги котораго были въ нихъ похоронены, правительство издало 12 октября 1889 г. указъ, предписавъ неуплаченные 10½ милліоновъ прибавить къ выданному уже въ ссуду капиталу; другими словами, заемщики получали еще подарокъ, въ видѣ этой значительной суммы. Затѣмъ стали слѣдовать другой системѣ, хотя отнюдь не въ томъ смыслѣ, чтобы отказывать въ дальнѣйшемъ кредитѣ несостоятельнымъ должникамъ. Изъ новыхъ ссудъ просто вычитали неуплаченные проценты и другіе причитавшіеся банку долги, а заемщикамъ выдавали лишь чистый остатокъ. Такія старыя „долговыя отчисленія“ составляли отъ 60 до 70 проц. годичныхъ залоговыхъ суммъ, выдаваемыхъ дворянскимъ банкомъ послѣ установленія этой „реформы“; но тѣмъ не менѣе, къ январю 1892 г., банкъ ссудилъ безденежнымъ дворянамъ до 340 милліоновъ рублей. У насъ не имѣется точныхъ данныхъ о теперешнемъ размѣрѣ выданныхъ имъ ссудъ, но едва ли мы ошибемся, предположивъ, что съ января 1892 г. онѣ значительно увеличились.

Попытка эта—грандіозный политическій и экономическій

планъ Толстого—совершенно не удалась. Еслибъ онъ, въ тотъ же промежутокъ времени, издержалъ такую же большую сумму на поддержку крестьянъ, нуждавшихся въ землѣ и желавшихъ ее обрабатывать, или еслибъ онъ просто предоставилъ народное развитіе самому себѣ, причемъ расточительное и недоступное прогрессу дворянство оказалось бы вынужденнымъ продавать свои имѣнія настоящимъ сельскимъ хозяевамъ, то экономическое состояніе современной Россіи, вѣроятно, было бы совершенно инымъ, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Но, по отношенію къ огромному большинству населенія и дѣйствительнымъ плательщикамъ налоговъ—крестьянамъ, изъ труда которыхъ государство извлекало огромную часть своихъ доходовъ,—Толстой и правительство проявили скаредность, представлявшую рѣзкій контрастъ съ ихъ щедростью по отношенію къ дворянству.

Вскорѣ по восшествіи на престолъ Александра III, для улучшенія благосостоянія крестьянъ былъ учрежденъ банкъ, имѣвшій задачей, посредствомъ выдачи крестьянамъ ссудъ, облегчать имъ пріобрѣтеніе земли. Банкъ этотъ былъ основанъ въ 1882 г. (уставъ высоч. утвержденъ 18 мая) и началъ свою дѣятельность съ капиталомъ, образовавшимся отъ выпуска $5^1/_2$% облигаціоннаго займа, проценты на который правительство гарантировало ежегодно на сумму не свыше 5 милліоновъ рублей. Кромѣ того, банкъ открывалъ кредитъ въ 500.000 рублей.

Въ первый годъ своего существованія банкъ выдалъ крестьянамъ ссудъ на $9^1/_2$ мил. рублей, на эти деньги они купили 210.000 десятинъ земли, стоимостью въ 11 милліоновъ. Такимъ образомъ, крестьяне приплатили изъ собственныхъ средствъ почти $1^1/_2$ милліона. На слѣдующій годъ банкъ выдалъ 14 мил. на покупку 318.000 десятинъ, стоимостью въ $16^1/_2$ мил. руб. Но это была высшая, достигнутая имъ цифра. Затѣмъ она стала безостановочно уменьшаться. Черезъ 6 лѣтъ сумма выданныхъ ссудъ равнялась уже $5^1/_2$ милліонамъ, а площадь купленной крестьянами земли составляла—161.000 десятинъ. Въ то же время сумма, приплачиваемая самими крестьянами, повысилась съ 12 до 25%. А вскорѣ послѣ этого банку было предоставлено право тре-

бовать, какъ условія для выдачи ссуды, чтобы цѣна покупаемой земли была понижена настолько, сколько признаетъ нужнымъ банкъ. Это значило, что банкъ претендовалъ на право требовать болѣе 25% капитальной суммы — высшая норма, допускаемая уставомъ банка—отъ самихъ мужиковъ, или, другими словами, послѣдніе были вынуждены въ большей, чѣмъ прежде, степени обращаться къ другимъ кредиторамъ. А для крестьянъ единственными кредиторами являлись ростовщики, которые въ деревняхъ брали обыкновенно 35 проц.

Учрежденный для облегченія крестьянамъ земельныхъ покупокъ банкъ вскорѣ утратилъ для бюрократіи прелесть новизны. Вмѣсто того, чтобы поддерживать банкъ, какъ этого требовало его спеціальное назначеніе, въ короткое время его обратили въ совершенно заурядное кредитное учрежденіе, причемъ правленіе главной цѣлью своей ставило—какъ можно меньше рисковать и какъ можно больше зарабатывать. Въ теченіе тѣхъ лѣтъ, когда его вели разумно, желая содѣйствовать крестьянскому благосостоянію, банкъ принесъ дѣйствительную пользу. Но его относительно ограниченныя средства—за 10 лѣтъ своего существованія онъ выдалъ ссудъ на 7 мил. руб. менѣе, чѣмъ дворянскій банкъ въ первый годъ своей дѣятельности!—помѣшали ему достигнуть значительныхъ успѣховъ. При 70 мил. крестьянъ, съ ежегоднымъ приростомъ населенія въ 1%, площадь крестьянской земли должна бы увеличиваться на 2 милліона десятинъ ежегодно, чтобы каждый крестьянинъ могъ сохранить свой прежній надѣлъ; иными словами они должны бы пріобрѣсти земли въ 6 съ лишнимъ разъ болѣе того количества, которое они купили съ помощью банка въ самый расцвѣтъ его дѣятельности. Безконтрольное хозяйничанье бюрократіи отразилось на этомъ предпріятіи столь же пагубно, какъ и на всѣхъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ улучшенію условій жизни и быта населенія.

Результаты отношенія правительства къ крестьянскому сословію сказались довольно скоро: въ одной губерніи за другой изъ года въ годъ начали расти недоимки. Уже въ 1871 г. назначенная правительствомъ коммиссія для собиранія статистическихъ матеріаловъ о податяхъ и налогахъ

цифрами доказала замѣчательный фактъ, что русскіе крестьяне платятъ 45% своего заработка государству въ видѣ налоговъ, т. е., что на это уходитъ почти половина ихъ работы. Но и это не навело правительство на мысль, что податное обложеніе необходимо реформировать, чтобы народъ не разорился совершенно. Оно не понимало, что огромная масса крестьянъ въ концѣ концовъ не выдержитъ положенія, при которомъ имъ приходится отдавать казнѣ почти половину своихъ болѣе чѣмъ скудныхъ доходовъ, что каждое незначительное пониженіе ихъ, всегда возможное при занятіяхъ земледѣліемъ, разоряетъ людей, у которыхъ, даже при нормальныхъ условіяхъ, остается чрезвычайно мало на жизнь.

Но никакихъ реформъ предпринято не было. Наоборотъ, неоднократными возвышеніями налоговъ всячески старались брать отъ народа еще больше, потому что предметы первой необходимости облагались такъ же значительно, какъ и предметы роскоши. И уже къ концу 80-хъ годовъ суммы недоимокъ по уплатѣ податей достигали тревожныхъ размѣровъ. Хуже всего обстояло дѣло въ самыхъ плодородныхъ мѣстностяхъ Россіи, т. е. въ тѣхъ частяхъ ея, гдѣ землевладѣльцы находили невыгоднымъ уступать крестьянамъ землю, и потому не отдавали имъ въ выкупъ даже минимальнаго надѣла, опредѣленнаго въ освободительномъ законѣ, пока, наконецъ, не были вынуждены къ этому новымъ указомъ. Въ 1889 г. въ Самарской губ. недоимки достигали милліона рублей. На слѣдующій годъ онѣ составляли уже два милліона. Въ Казанской губ. тоже былъ дефицитъ въ два милліона рублей, въ Нижегородской—почти въ милліонъ, въ Симбирской—свыше 500.000, и т. д. Всюду сказывались тѣ же результаты безумнаго хозяйничанья, тѣ же симптомы экономическаго потрясенія государства, приближающагося къ кризису.

Но правительство не желало внять этимъ предостереженіямъ. Вмѣсто того, чтобы побороть зло въ самомъ его корнѣ, путемъ реорганизаціи податной системы и условій землевладѣнія, оно съ неумолимой строгостью принуждало обнищавшихъ крестьянъ къ уплатѣ слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Конфискаціи и принудительныя продажи происходили въ такихъ размѣ-

рахъ, что лошадей и рогатый скотъ — почти единственное движимое имущество крестьянъ — скоро нельзя уже было продавать. Тѣлесныя наказанія тоже примѣнялись въ избыткѣ, чтобы принудить ихъ къ уплатѣ, но скоро и это средство перестало помогать. Тѣ, на которыхъ розги дѣйствовали, скоро остались безъ копейки, другіе же охотнѣе соглашались на порку,—вѣдь, боль преходяща,—чѣмъ лишиться своихъ послѣднихъ средствъ и обречь себя на голодъ.

Въ 1891 г. наступилъ крахъ. Неурожай захватилъ все Поволжье. Уже черезъ шесть недѣль послѣ уборки хлѣбовъ, населеніе Казанской, Самарской и др. губерній питалось суррогатомъ хлѣба изъ желудей, древесной коры и мякины. 34 милліона людей осталось безъ хлѣба, необходимаго для пропитанія на зиму. Уже въ іюлѣ 1890 г., когда былъ очевидный недородъ, земскія собранія Саратова, Самары, Нижняго-Новгорода и Казани представили министру вн. дѣлъ подробные о томъ доклады, вмѣстѣ съ просьбой исходатайствовать субсидію для спасенія населенія отъ страшныхъ послѣдствій неурожая. Въ отвѣтъ на это ходатайство, правительство послало генерала Вишнякова, который долженъ былъ провѣрить основательность данныхъ земскихъ управъ. Генералъ оправдалъ ожиданія начальства, сообщивъ, что никакого голода нѣтъ, и, слѣдовательно, пособіе излишне.

Дальнѣйшія усилія правительства сводились затѣмъ къ тому, чтобы заставить молчать всѣхъ, желавшихъ обратить вниманіе общества на положеніе населенія въ застигнутыхъ неурожаемъ мѣстностяхъ. Газетамъ было запрещено сообщать данныя о возрастающей нуждѣ въ Поволжьѣ; правительственные органы, съ побѣдоносцевскими „Московскими Вѣдомостями“ во главѣ, объявили голодъ выдумкой либераловъ, желающихъ возбудить недовѣріе къ правительству, а офиціальныя газеты опубликовали успокоительный отчетъ о состояніи пострадавшихъ губерній. Дѣйствительно, нѣкоторое время казалось, что голодъ удастся скрыть, похоронивъ съ нимъ вмѣстѣ и многіе милліоны людей, если ничего не будетъ сдѣлано для спасенія ихъ отъ голодной смерти. Печать не смѣла сообщать объ этомъ обществу ни одного слова.

Но былъ, однако, въ Россіи одинъ человѣкъ, котораго

нельзя было заставить замолчать, потому что власти не рѣшались тронуть его; и онъ заговорилъ въ то время, какъ всѣ другіе молчали. Въ статьѣ, взволновавшей все общество, Левъ Толстой описалъ дѣйствительное положеніе дѣлъ, разсказалъ, что болѣе 20 милліоновъ людей не знаютъ, откуда взять хлѣба, чтобы прокормиться до слѣдующаго урожая, и предлагалъ правительству немедленно объявить во всеобщее свѣдѣніе, имѣется ли въ государствѣ достаточный запасъ хлѣба, чтобы прокормить населеніе до будущаго года, а въ случаѣ если его нѣтъ, принять мѣры, чтобы покрыть недостатокъ его изъ другого источника [1]).

Правительство принуждено было отвѣтить. Появился указъ, воспрещавшій вывозъ хлѣба изъ Россіи и было обнародовано заявленіе о томъ, что наличныхъ запасовъ государства хватитъ на прокормленіе населенія до слѣдующаго урожая.

Правительство, т. е. авторъ этого заявленія министръ финансовъ Вышнеградскій, однако, совершенно не коснулось вопроса о томъ, что хлѣбные запасы находятся не въ распоряженіи пострадавшаго отъ неурожая населенія, а въ рукахъ хлѣбныхъ торговцевъ, и что, для перемѣщенія этихъ запасовъ изъ магазиновъ послѣднихъ въ амбары крестьянъ потребуется круглая сумма въ 400 милліоновъ рублей. Сперва правительство отпустило 12 милліоновъ изъ государственнаго фонда на непредвидѣнные расходы и заявило, что это наибольшая сумма, которая можетъ быть ассигнована. Принимая въ расчетъ способъ расходованія денегъ, эта сумма была до смѣшного незначительна, особенно благодаря чиновникамъ различныхъ ранговъ и положеній, но съ одинаково широкими аппетитами,—конечно, лишь часть этого пособія попала въ руки нуждающихся. 34 милліона голодающихъ могли просуществовать всего нѣсколько дней на остатки, пришедшіеся на ихъ долю. Подобно другимъ, правительство прекрасно сознавало, что эти 34 милліона людей, которымъ уже совершенно нечего было терять, представляли серьезную опасность. Поэтому, несмотря на свое категорическое заявленіе, оно вмѣсто 12 милліоновъ выдало 120.

---

[1]) «Страшный вопросъ». «Русскія вѣдомости», 1892 г. № 306.
Прим. издателя.

Но и этого, по словамъ Степняка, хватило лишь на то, чтобы изъ трехъ голодныхъ накормить одного. Была настоятельно необходима частная благотворительность. Общество стремилось протянуть голодающимъ руку помощи, но правительство отнюдь не желало общенія интеллигентовъ съ потерпѣвшими; послѣднимъ могла придти въ голову мысль, что другіе могутъ сдѣлать для нихъ больше, чѣмъ царское правительство; опасалось оно и возможности прямой политической пропаганды со стороны какого нибудь благотворителя. Поэтому потребовали, чтобы собранныя частнымъ образомъ средства были переданы въ распоряженіе офиціальнаго „Комитета по доставленіи помощи населенію губерній, пострадавшихъ отъ неурожая", состоящаго изъ министровъ и другихъ высшихъ сановниковъ, подъ предсѣдательствомъ наслѣдника цесаревича, нынѣшняго императора Николая.

Полагали, что составленный такимъ образомъ комитетъ сумѣетъ внушить къ себѣ настолько довѣрія, чтобы парализовать стремленія частныхъ лицъ и кружковъ самимъ распредѣлять между голодающими деньги. Но этотъ расчетъ былъ ошибоченъ. Чрезвычайно характерно для той степени довѣрія, которымъ пользуется въ Россіи правительство и все отъ него зависящее, что даже придворныя лица совѣтовали представителямъ пенсильванскихъ квакеровъ, приславшимъ крупную сумму для раздачи пострадавшимъ отъ неурожая, не передавать этихъ денегъ комитету наслѣдника. А московскій союзъ взаимопомощи, имѣвшій въ своемъ распоряженіи нѣсколько милліоновъ, послалъ депутацію къ министру финансовъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи самостоятельно распредѣлять свои средства помимо комитета наслѣдника и правительственныхъ чиновниковъ. Вышнеградскій не только категорически отказалъ ему въ этомъ, но пригрозилъ, что всякій, кто вздумаетъ, безъ надлежащаго разрѣшенія, заниматься въ деревнѣ благотворительной дѣятельностью, будетъ арестованъ.

Это было слишкомъ, даже и для ко всему привыкшаго русскаго общества. Безъ всякаго соглашенія, движимые исключительно однороднымъ чувствомъ возмущенія противъ правительства и его безразсудныхъ, даже преступныхъ запрещеній помогать тѣмъ, кому оно само не могло помочь, граждане

всѣхъ общественныхъ классовъ Россіи просто пренебрегли запретомъ и отправились въ пострадавшія отъ неурожая мѣстности, чтобы, по мѣрѣ силъ своихъ, помочь бѣдѣ. И правительство принуждено было уступить; но не имѣло достаточно такта, чтобы сдѣлать это молча. 12 декабря 1890 г. чиновникамъ различныхъ вѣдомствъ и ранговъ былъ разосланъ циркуляръ съ приказаніемъ „не ставить препятствій частной благотворительности". Трудно представить себѣ что либо чудовищнѣе этой признаваемой правительствомъ необходимости подобнаго распоряженія.

Съ того времени голодъ сдѣлался въ Россіи почти хроническимъ явленіемъ: каждый годъ онъ появляется въ какой нибудь области имперіи. Это ненормальное положеніе вещей не мало способствовало тому, чтобы заставить мыслящихъ русскихъ различныхъ классовъ общества разслѣдовать причины подобнаго явленія. Эти изслѣдованія привели къ замѣчательнымъ выводамъ.

Прежде всего выяснилось, что ужасный голодъ 1890—91 гг. явился послѣдствіемъ не неурожая, а лишь уменьшенія обычнаго сбора хлѣбовъ на $^1/_5$ его часть; довольно обычный случай въ сельскохозяйственной практикѣ, который въ другихъ европейскихъ странахъ едва можетъ вызвать сильныя лишенія, но ни въ какомъ случаѣ не голодъ. Почему въ Россіи наступили такія тяжелыя послѣдствія,—понять не трудно. Произошло это отъ всеобщаго обѣдненія народа, у котораго, несмотря на весь его трудъ и лишенія, никогда не было возможности хоть сколько нибудь улучшить свое положеніе. Крестьяне не имѣли средствъ на пріобрѣтеніе хорошаго скота и сельскохозяйственныхъ орудій, чтобы какъ слѣдуетъ обрабатывать свою землю, продуктивность которой поэтому такъ была незначительна, что даже урожай самъ-четвертъ (3,9) не считался среднимъ, т. е. настолько малымъ, чтобы составлять крайній предѣлъ, при которомъ можно вести сельское хозяйство. Уменьшеніе подобной продуктивности даже на $^1/_5$ долю, разумѣется, должно было вызвать голодъ и серьезную нищету. Единственное, чѣмъ могутъ спастись отъ голода крестьяне въ случаѣ неурожая, это—продажа рабочаго скота и домашняго скарба. А на

слѣдующій годъ тѣмъ, которые не могли достать денегъ на покупку скота и лошади у деревенскихъ банкировъ-кулаковъ, или не имѣли силъ таскать на себѣ соху и борону,—ничего болѣе не оставалось, какъ бросать хозяйство на произволъ судьбы.

Кулаки сдѣлались язвой русской деревни. Находясь подъ покровительствомъ сельской полиціи, а часто и въ союзѣ съ нею, эти деревенскіе банкиры буквально грабятъ крестьянъ. Кто разъ попадетъ въ ихъ лапы, тому уже не легко изъ нихъ вырваться. Онъ долженъ быть доволенъ, если, выплачивая %, избѣжитъ увеличенія своего долга, иначе мало-по-малу не только его изба и поле, его скарбъ и скотина, но и самъ онъ съ семьей перейдутъ въ собственность кулака. Похоже на сказку, но тѣмъ не менѣе это дѣйствительно такъ: въ Россіи, еще и понынѣ, среди простого народа, родители, тѣснимые нуждой, закабаляютъ своихъ дѣтей и самихъ себя на большее или меньшее число лѣтъ. Относительно сыновей съ шинкарями и ремесленниками заключается контрактъ на время „ученія“, обыкновенно равнозначущій многолѣтней крѣпостной зависимости. Что касается дочерей, то въ городахъ и въ фабричныхъ мѣстахъ ихъ часто постигаетъ еще худшая участь. Родители же нанимаются къ кулаку на условіяхъ, дѣлающихъ ихъ фактически рабами, пока онъ не получитъ полнаго удовлетворенія. Статистикъ Слонимскій вычисляетъ, что крестьянинъ изъ шести дней четыре работаетъ на казну и на кулака, тогда какъ самъ онъ и его семья должны довольствоваться заработкомъ двухъ остальныхъ дней. Когда и какъ можетъ онъ при такихъ условіяхъ сдѣлать что нибудь для улучшенія своего хозяйства?

Кромѣ того, всякія попытки подобнаго рода крайне затруднялись покровительственной таможенной политикой, которую правительство вело все дальше и дальше. Россія должна была сдѣлаться промышленнымъ государствомъ. Разсчитывали, что различныхъ продуктовъ ея хватитъ на удовлетвореніе всѣхъ ея потребностей. Добываніе этихъ продуктовъ доставило бы заработокъ многимъ тысячамъ, которымъ не хватаетъ работы. Соединенные Штаты доказали, что покровительственная таможенная политика можетъ создать колос-

сальную индустрію тамъ, гдѣ прежде ея не было и въ поминѣ. Россія должна послѣдовать этому примѣру и открыть, такимъ образомъ, народу новые источники труда и обогащенія. Покровительственныя пошлины стали лозунгомъ дня.

Послѣдовали примѣру американцевъ, упустивъ, однако, изъ виду, что въ Соединенныхъ Штатахъ совершенно иныя общественныя условія и отношенія, слѣдствіемъ чего явилось ихъ экономическое развитіе. Ничѣмъ не ограничиваемая частная предпріимчивость вызвала тамъ усиленный ростъ источниковъ пріобрѣтенія, національнаго богатства и потребительной способности населенія; при такихъ условіяхъ даже протекціонизмъ не могъ дѣйствовать особенно задерживающимъ образомъ, и именно, благодаря тому, что народъ обогащался *несмотря* на него, послѣдній, дѣйствительно, способствовалъ образованію множества различныхъ отраслей промышленности. Въ Россіи, наоборотъ, покупательная способность населенія постоянно уменьшалась, тамъ сначала необходимы были реформы, которыя дали бы народной массѣ здоровую экономическую базу, чтобы она имѣла возможность выдерживать дальнѣйшія тяжелыя обложенія, вызываемыя вздорожаніемъ фабрикатовъ, благодаря высокимъ пошлинамъ.

Но тѣ, кто мечталъ о Россіи, какъ о промышленной странѣ, совершенно проглядѣли это. Въ короткое время была введена покровительственная система, еще болѣе полная и строгая, чѣмъ американская, кучка предпринимателей съ баснословной быстротой составила себѣ состояніе, а народныя массы почти съ такою же быстротою впали въ крайнюю бѣдность. Объ экспортѣ продуктовъ новой индустріи не могло быть, конечно, и рѣчи; такъ же мало, разумѣется, можно было говорить и о конкуренціи со старыми промышленными государствами Европы. Русскіе потребители были единственными, кого можно было заставить содѣйствовать быстрому росту промышленности, и они дѣлали это на свои послѣдніе гроши, такъ какъ не могли обходиться безъ фабричныхъ продуктовъ. Даже производство свѣчей, мыла и простыхъ бумажныхъ тканей пользовалось такимъ основательнымъ „покровительствомъ“, что цѣна ихъ удвоилась. Въ то же время цѣны на косы, плуги, рабочіе инструменты—предметы первой

необходимости въ крестьянскомъ быту, поднялись втрое противъ прежняго.

Тѣмъ не менѣе вывозъ русскаго хлѣба нисколько не уменьшился. Крестьяне должны были продавать его, чтобы имѣть возможность платить подати. Правительство не знало жалости и приказывало усиленно пороть тѣхъ, которые, желая спастись отъ нищеты, оставляли себѣ часть хлѣба, на который изъявляло претензію правительство. Офиціальная статистика показывала даже, что вывозъ хлѣба увеличился. Но она не отмѣчала, что потребленіе людьми, какъ пищи, соломы, древесной коры и желудей увеличивалось даже въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ вывозъ хлѣба изъ страны „мужицкаго царя“.

Правительство не разрѣшало опубликовать и другихъ статистическихъ отчетовъ, которые съ такой же неумолимой ясностью, какъ и статистика мякиннаго хлѣба, доказали бы всякому мыслящему человѣку, что обнищаніе крестьянства достигло устрашающихъ размѣровъ еще задолго до того времени, когда оно перешло въ постоянно возрастающую голодовку. Яснѣе всего иллюстрируетъ эту нищету смертность, которая, измѣняясь въ разныхъ губерніяхъ, достигла, наконецъ, къ началу 90-хъ г.г. кульминаціоннаго пункта, и которой не знаетъ ни одна европейская страна—37,3 чел. на тысячу. Въ отдѣльныхъ губерніяхъ, однако, смертность была значительно больше, напр., въ Орлѣ—46,7 чел. на тысячу, или въ два съ лишнимъ раза больше, чѣмъ средняя цифра смертности въ Лондонѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ—46,5, въ Самарѣ—44,6.

Эти сухія цифры представляютъ ужасающій букетъ изъ нищеты, голода, нужды, грязи и болѣзней. Въ то же время являются непреложнымъ доказательствомъ неспособности русской правительственной системы, какою она была при Александрѣ III, удовлетворять даже самымъ элементарнымъ требованіямъ населенія. Но власти не понимали и не хотѣли понять своей ошибки, хотя у нихъ былъ превосходный матеріалъ для сужденія о состояніи дѣлъ. Дѣло въ томъ, что сумма недоимокъ увеличивалась съ каждымъ годомъ въ тѣхъ именно губерніяхъ, гдѣ земля была всего плодороднѣе,—въ

такъ называемой черноземной полосѣ. Едва ли можно себѣ представить лучшее мѣрило для оцѣнки экономическаго состоянія крестьянъ, у которыхъ сборщики чуть не палками и кнутами выколачиваютъ подати. Потому что какъ разъ въ этой мѣстности населеніе съ незапамятныхъ временъ всецѣло отдалось земледѣлію, не занимаясь кустарнымъ или отхожими промыслами, какъ во многихъ другихъ областяхъ Россіи, гдѣ крестьяне имѣютъ отъ нихъ больше выгоды, чѣмъ отъ земледѣлія, и потому менѣе зависимы отъ послѣдняго.

Къ концу царствованія Александра III всѣ губерніи богатѣйшей земледѣльческой полосы Россіи безнадежно запутались въ недоимкахъ. Въ Самарской губ. онѣ составляли 11,5 милліона, въ Казанской—7,9, въ Нижегородской и Саратовской до 2-хъ, въ Симбирской, Воронежской и Тамбовской—свыше милліона въ каждой. Съ тѣхъ поръ прибавилось еще много губерній къ длинному перечню тѣхъ, недоимки которыхъ превышаютъ милліонъ рублей. Онѣ образовались и безостановочно увеличивались въ теченіе всего царствованія Александра III, причемъ ни онъ, ни его министры не подумали даже о перемѣнѣ режима, при которомъ возникли и развились всѣ эти бѣдствія. Они расточали сотни милліоновъ на поддержку сравнительно ничтожной кучки — дворянскаго сословія, и оставляли многія и многія тысячи гибнуть отъ голода и его спутниковъ — болѣзней. Они закрывали глаза на взяточничество, воровство и грабежъ безчисленныхъ чиновниковъ, и въ то же время препятствовали гражданамъ всѣхъ классовъ и степеней образованія самимъ устраивать свои дѣла. Они преслѣдовали во имя религіи христіанскаго милосердія всѣхъ, кто не хотѣлъ подчиняться установленнымъ ими внѣшнимъ обрядамъ этой религіи. Они сильно затруднили доступъ къ образованію огромному большинству населенія [1]) и довели до полнаго угнетенія

---

[1]) 5 іюня 1887 г. государь утвердилъ докладъ мин. н. просв. «о сокращеніи числа учениковъ въ гимназ. и прогимназ.», изъ котораго мы приведемъ слѣдующее:

«Независимо отъ возвышенія платы за ученіе, было бы, по крайней мѣрѣ, нужно разъяснить начальствамъ гимназій и прогимназій, чтобы они принимали въ эти учебныя заведенія только такихъ дѣтей, которыя находятся на попеченіи лицъ, представляющихъ достаточное ручатель-

инородцевъ, входившихъ въ составъ имперіи. Словомъ, предполагая утвердить верховную самодержавную власть и на будущее время, они сдѣлали все, чтобы подорвать бюрократическій деспотизмъ, въ который превратилось самодержавіе, и вселить въ народъ къ нему ненависть и отвращеніе.

Революціонное движеніе при Александрѣ III.

Къ концу 1879 г. въ революціонной партіи произошелъ расколъ; она распалась на двѣ группы: на соціалистовъ и революціонеровъ. Первые желали продолжать мирную пропаганду, чисто соціалистическую агитацію среди народа, несмотря на громадныя, несоразмѣрныя жертвы, которыхъ она уже стоила. Послѣдніе, напротивъ, утверждали, что достигнутые пропагандой результаты совершенно не соотвѣтствуютъ затраченнымъ жертвамъ, и требовали поэтому примѣненія насильственныхъ мѣръ, которыя начали уже примѣнять, террора, въ то время еще не настолько организованнаго, какъ впослѣдствіи. Изъ этой группы былъ избранъ Исполнительный Комитетъ, принявшій на себя руководство группой или скорѣе партіей, потому что, въ дѣйствительности, къ ней присоединилось революціонно настроенное большинство.

Однако, примѣненіе насильственныхъ средствъ было не единственнымъ, даже не важнѣйшимъ, пунктомъ, отличавшимъ эту партію отъ соціалистовъ. Главари и члены ея, въ борьбѣ съ правительственной властью, мало-по-малу пришли къ тому убѣжденію, что никакой успѣхъ невозможенъ, пока самодержавіе будетъ произвольно запрещать исповѣдывать всѣ взгляды, не согласные съ его собственными.

ство въ правильномъ надъ ними домашнемъ надзорѣ и въ предоставленіи имъ необходимаго для учебныхъ занятій удобства. Такимъ образомъ, при неуклонномъ соблюденіи этого правила, гимназіи и прогимназіи освободятся отъ поступленія въ нихъ дѣтей кучеровъ, лакеевъ, поваровъ, прачекъ, мелкихъ лавочниковъ и тому подобныхъ людей, дѣтямъ коихъ, за исключеніемъ развѣ одаренныхъ геніальными способностями, не слѣдуетъ стремиться къ среднему и высшему образованію».

Прим. изд.

Поэтому, не отказываясь отъ своихъ соціалистическихъ идей, она настаивала на томъ, чтобы ближайшей цѣлью въ борьбѣ съ абсолютизмомъ было поставлено достиженіе политической свободы. Только по достиженіи этой цѣли настанетъ время подумать о соціалистической пропагандѣ, которую тогда уже нельзя будетъ запретить [1]). Органомъ этой партіи была газета „Народная Воля“ [2]), въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ печатавшаяся въ тайныхъ типографіяхъ въ Россіи, и эта именно партія, подъ руководствомъ Исполнительнаго Комитета, устраивала всѣ покушенія и заговоры. Относительно этой эволюціи въ партіи умѣстно будетъ привести слова Степняка, мнѣніе котораго быть можетъ авторитетнѣе, чѣмъ чье либо другое:

„Провозглашая политическую революцію своей непосредственной цѣлью, партія „Народной Воли“ не отказывалась отъ соціализма. Но она принуждена была освободиться отъ послѣдняго налета анархизма, который, пожалуй, еще оставался въ ней. Когда была признана необходимость борьбы за политическую свободу, то естественнымъ слѣдствіемъ этого было разсмотрѣніе вопроса о томъ, какимъ образомъ извлечь наибольшую выгоду изъ представительныхъ учрежденій, то-есть, чтобы воспользоваться ими, какъ средствомъ для достиженія реформъ, и въ то же время какъ защитой для подготовительной пропаганды. Такимъ образомъ, русскіе анархисты, аналогично съ положеніемъ, которое они занимали, превратились сами собой въ соціалъ-демократовъ. Программа Исполнительнаго Комитета, напечатанная въ „Народной Волѣ“ въ 1880 г. [3])—значитъ, всего черезъ годъ послѣ распаденія—показываетъ быстроту и основательность этого превращенія. Прежде всего, это программа политическихъ реформъ, главные пункты которой слѣдующіе:

1. „Постоянное народное представительство, составленное, какъ выше сказано [4]), и имѣющее полную власть во всѣхъ общегосударственныхъ вопросахъ.

---

[1]) Вопросъ о разрывѣ былъ рѣшенъ окончательно на конгрессѣ представителей обѣихъ группъ партіи «Земля и Воля» 15 августа 1879 г.

[2]) № 1 вышелъ 1 октября 1879 г.

[3]) № 3 отъ 1 января. *Прим. изд.*

[4]) «Мы полагаемъ, что *народная воля* была бы достаточно хорошо

2. „Широкое областное самоуправленіе, обезпеченное выборностью всѣхъ должностей, самостоятельностью міра и экономическою независимостью народа.

3. „Самостоятельность міра, какъ экономической и административной единицы.

4. „Принадлежность земли народу.

5. „Система мѣръ, имѣющихъ передать въ руки рабочихъ всѣ заводы и фабрики.

6. „Полная свобода совѣсти, слова, печати, сходокъ, ассоціацій и избирательной агитаціи.

7. „Всеобщее избирательное право, безъ сословныхъ и имущественныхъ ограниченій.

8. „Замѣна постоянной арміи территоріальной".

1, 2, 3, 6, 7 и 8 пункты составляютъ политическую программу партіи; 4 и 5 — экономическую; это достаточно ясно показываетъ, что авторы ея были соціалъ-демократами, придерживавшимися во всемъ существенномъ тѣхъ же взглядовъ, что и соціалъ-демократы другихъ странъ, съ тою только разницей, что русскіе, какъ народъ земледѣльческій, придавали больше значенія земельному вопросу. Въ то же время составители программы признавали, однако, что русскіе рабочіе еще не столь значительно подвинулись въ своемъ развитіи, чтобы немедленно сдѣлаться коллективными владѣльцами фабрикъ и промышленныхъ заведеній. Но за то они рѣшительно утверждали, что крестьяне отлично смогутъ провести „національзацію земельной собственности" — въ чемъ, весьма возможно, они не ошибались. Русскихъ крестьянъ, съ незапамятныхъ временъ, пріучали къ коммунизму въ вопросѣ о правѣ на земельную собственность.

Однако, въ ближайшее время революціонеры не имѣли возможности работать надъ проведеніемъ этой программы мирнымъ путемъ. Исполнительный Комитетъ употреблялъ всѣ силы и средства партіи для достиженія ближайшей намѣченной цѣли, именно, на устраненіе царя, который считался самымъ крупнымъ и главнымъ препятствіемъ при завоеваніи

высказана и проведена Учредительнымъ Собраніемъ, избраннымъ свободно, всеобщей подачею голосовъ, при инструкціяхъ отъ избирателей». *Прим. изд.*

политической свободы. Свободу эту революціонеры признавали теперь основнымъ условіемъ всякаго дальнѣйшаго развитія. Здѣсь мы наталкиваемся на своеобразное явленіе, не встрѣчаемое въ политической исторіи другихъ странъ: партія политическая программа которой можетъ быть названа только либеральною, тогда какъ экономическая представляетъ мирную соціалъ-демократію, принуждена была поддерживать свои относительно скромныя требованія самыми кровавыми революціонными средствами, какія только можно себѣ представить. При всякой другой правительственной системѣ обстоятельство это осталось бы необъяснимымъ, но при системѣ, господствующей въ Россіи, оно представляло неопровержимое доказательство несоединимости опирающагося на самодержавіе бюрократическаго деспотизма съ развитіемъ элементарнѣйшихъ человѣческихъ и гражданскихъ правъ.

Удачное покушеніе на Александра II, какъ уже упомянуто, было поворотнымъ пунктомъ въ ходѣ революціоннаго движенія. До тѣхъ поръ и въ ближайшее послѣ этого время, Исполнительный Комитетъ имѣлъ нѣкоторыя основанія надѣяться, что революція вскорѣ разрѣшится взрывомъ. Терроръ, дѣйствительно, привелъ русское общество въ такое сильное возбужденіе, что отъ него можно было ожидать пожалуй всего. Либералы старались извлечь изъ этого движенія какъ можно больше пользы для націи; не только въ революціонныхъ кружкахъ, — всѣ надѣялись на возвращеніе того либерализма, которымъ ознаменовался преобразовательный періодъ начала царствованія Александра II. Изданный его сыномъ подъ редакціей Побѣдоносцева манифестъ положилъ конецъ подобнымъ надеждамъ и создалъ для революціонной оппозиціи необходимость вести свою дальнѣйшую дѣятельность на совершенно новыхъ основаніяхъ.

Наиболѣе передовая, ближе стоявшая къ Исполнительному Комитету группа, разумѣется, не могла тотчасъ же убѣдиться въ невозможности вызвать революціонный взрывъ, тѣмъ болѣе, что Исполнительный Комитетъ, незадолго до того, отнюдь не ограничивался подготовкой покушеній противъ государя, но въ то же время работалъ и надъ организаціей возстанія. Работу эту стали теперь продолжать, и

главной цѣлью ея сдѣлалось пріобрѣтеніе сторонниковъ и участниковъ возстанія въ арміи. Относительно этой стороны революціоннаго движенія и дѣятельности передовой группы, лучше всего привести подлинныя слова Степняка, весьма освѣдомленнаго въ этой области. Въ книгѣ своей „King Stork and Kind Log“ онъ говоритъ слѣдующее:

„Созидательная работа нигилистовъ“ (въ противоположность террористической, разрушительной дѣятельности) „состояла въ стремленіи ихъ воспользоваться періодомъ всеобщей смуты, чтобы образовать общество заговорщиковъ, достаточно сильное для попытки поднять открытое военное возстаніе. Дѣятельность нигилистовъ въ этомъ отношеніи мало извѣстна и оцѣнена, потому что имъ не удалось достигнуть практическаго результата; однако, они съ замѣчательнымъ искусствомъ боролись здѣсь съ серьезными затрудненіями. Въ 1881—82 гг. русская революція была ближе всего къ настоящему возстанію, подобному возстанію декабристовъ. Съ 1880 г. революціонныя идеи начали быстро распространяться въ арміи, особенно среди петербургскаго гарнизона и кронштадскихъ моряковъ. Подъ руководствомъ нѣкоторыхъ патріотически настроенныхъ офицеровъ, какъ лейтенантъ Пуфановъ и баронъ Штромбергъ въ Кронштадтѣ, капитаны Похитоновъ и Рогачевъ въ Петербургѣ, образовалась весьма значительная тайная организація. Около двадцати офицеровъ разныхъ ранговъ и всѣхъ родовъ оружія примкнули къ заговору, который вскорѣ покрылъ имперію своими развѣтвленіями. Въ немъ принимали участіе весьма серьезные, съ блестящей карьерой, люди, вродѣ полковника М. Ю. Ашенбреннера, упомянутаго капитана Похитонова, барона Штромберга и другихъ; нѣкоторые изъ нихъ командовали самостоятельными частями войскъ. Въ то же время солдаты подвергались воздѣйствію соціалистически настроенныхъ рабочихъ, ведшихъ среди нихъ пропаганду. Въ одной крупной войсковой части, имѣвшей въ своемъ распоряженіи пушки, я не хочу ее назвать, обѣ соперничающія революціонныя организаціи, „Народная Воля“ и „Черный Передѣлъ“ [1]) (чисто соціалисти-

[1]) Первый № газеты того же имени вышелъ 15 января 1880 г.

ческая группа) столкнулись въ своей работѣ, сами того не подозрѣвая; первая агитировала среди офицеровъ, вторая среди солдатъ. Они дѣйствовали настолько успѣшно, что оба теченія черезъ нѣкоторое время встрѣтились. Разъ утромъ, одинъ изъ офицеровъ, войдя неожиданно въ казарму, увидѣлъ, что солдаты читаютъ газету, которую, при появленіи его, поспѣшно спрятали подъ столомъ. Офицеръ поинтересовался узнать, что это такое, и велѣлъ показать газету. То былъ только что вышедшій номеръ „Чернаго Передѣла". Онъ не сказалъ ничего, но взялъ газету съ собой, чтобъ сообщить товарищамъ о своемъ открытіи. Солдаты считали себя окончательно погибшими. Велика же была ихъ радость, когда, нѣсколько дней спустя, они узнали отъ черно-передѣльцевъ, что имъ нечего бояться, такъ какъ офицеры заодно съ своими братьями-солдатами. Въ тотъ же день они отправили депутацію къ своимъ офицерамъ съ поклономъ и заявленіемъ, что „если въ Петербургѣ что нибудь начнется и имъ прикажутъ плыть туда" (это были кронштадтскіе матросы) „и палить по Аничкову дворцу, то они рады слушаться. Наведутъ прицѣлы въ наилучшемъ видѣ и въ десять минутъ превратятъ дворецъ въ кучу мусора" [1]).

„Во многихъ другихъ самостоятельныхъ войсковыхъ частяхъ революціонное настроеніе было настолько сильно, что едва ли можно сомнѣваться, что весь отрядъ поднимется въ рѣшительный моментъ. Военная организація имѣла собственный центральный комитетъ, самостоятельный во всѣхъ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, но военные заговорщики обязались торжественной присягой возстать по приказанію Исполнительнаго Комитета и явиться на опредѣленный пунктъ со всѣми своими людьми, которыхъ имъ удастся собрать.

„Достаточно было бы одного слова, чтобы произвести настоящее военное возстаніе. Но это слово не было произнесено, и никакого возстанія не произошло.

„Революціонное настроеніе распространялось въ арміи такъ быстро, что центральный комитетъ надѣялся, что возстаніе будетъ побѣдоноснымъ и нанесетъ рѣшительный ударъ.

---

[1]) См. Степнякъ: «Подпольная Россія», Спб., 1905 г. стр. 237—238.

Его откладывали съ недѣли на недѣлю, съ мѣсяца на мѣсяцъ, пока правительство не пронюхало объ этомъ планѣ, арестовало главарей военнаго заговора въ Петербургѣ, захватило многія развѣтвленія въ провинціи и такимъ образомъ сдѣлало всякія активныя дѣйствія невозможными.

„Нельзя никого упрекать за это пагубное промедленіе. Такая страшная отвѣтственность—назначить преждевременное возстаніе, которое, правда, можетъ служить хорошимъ примѣромъ, но заранѣе осуждено на неудачу, тогда какъ небольшая отсрочка представляетъ болѣе вѣрныя надежды на успѣхъ. Заговоры похожи на азартную игру, при которой самые хитроумные расчеты ничего не значатъ въ сравненіи съ капризными случайностями, которыя называютъ счастьемъ.

„1882—83 гг. показываютъ рядъ попытокъ снова связать порванныя нити заговора. Но неудачи быстро слѣдовали одна за другой. Около 250—300 офицеровъ всѣхъ родовъ оружія были арестованы по всей имперіи, третъ ихъ принадлежала петербургскому и кронштадтскому гарнизонамъ. Большинство были молодые люди низшихъ трехъ чиновъ. Но среди нихъ были и два полковника, два майора и двадцать капитановъ и штабсъ-капитановъ.

„Военная организація была такъ основательно разгромлена, что комитетъ не могъ собрать достаточныхъ силъ даже на серьезную демонстрацію.

„Въ 1884 и послѣдующихъ годахъ боевой нигилизмъ пережилъ самый критическій періодъ своего существованія. Заговоры слѣдуютъ одинъ за другимъ, но настолько слабые, что рѣдко заканчиваются настоящимъ покушеніемъ. Только однажды, въ мартѣ 1887 г., заговорщики могли съ бомбами выйти на улицу. Революція, дѣйствительно, вступила въ новую фазу“.

Похоже было на то, что террористическое движеніе, послѣ того какъ крупнѣйшіе члены организаціи, были повѣшены или сосланы, велось уже не такъ искусно и осторожно, какъ прежде. Террористы встрѣтились съ серьезными затрудненіями, достаточными для того, чтобы сломить надежды и энергію даже самыхъ энергичныхъ революціонеровъ. Осенью 1884 г. въ Луганскѣ, въ области Войска Донского, была открыта

основанная террористами динамитная мастерская, въ 1886— другая, въ той же мѣстности. На слѣдующій годъ была сдѣлана попытка убить бомбами Александра III въ годовщину смерти его отца. Въ этотъ день царь всегда бывалъ на панихидѣ въ Петропавловскомъ соборѣ, гдѣ похоронены всѣ русскіе императоры.

Изготовленныя въ видѣ книгъ бомбы легко помѣщались подъ мышкой, но при изготовленіи ихъ была сдѣлана какая то ошибка, и въ рѣшительную минуту онѣ не разорвались.

Чтобы спокойно работать и имѣть всегда подъ рукой необходимый матеріалъ, террористы-химики поселились въ Цюрихѣ и достигли дѣйствительно въ изготовленіи бомбъ почти идеальнаго совершенства, Они свели объемъ ихъ до величины карманныхъ часовъ, не уменьшивъ при этомъ ихъ разрушительной силы. Но при опытахъ съ этими идеальными бомбами произошелъ взрывъ (22 окт. 1889 г.), смертельно ранившій самого изобрѣтателя Бринштейна (Дембо) и тяжело его ближайшаго помощника. Многія лица, принимавшія участіе въ работѣ, были арестованы и находились подъ такимъ строгимъ надзоромъ, что остальныя рѣшили перенести фабрикацію въ Парижъ. Самое изобрѣтеніе не пропало, изготовлены были новыя бомбы и черезъ одну молодую дѣвушку, Софью Гинсбургъ [1]), посланы въ Россію; она должна была передать ихъ террористамъ, взявшимъ на себя организацію покушенія. Но на границѣ, вѣроятно по доносу французской полиціи (въ точности неизвѣстно), ее арестовали, и, чтобы доказать русскому правительству свою преданность, во Франціи были схвачены всѣ заговорщики, которыхъ только могли найти [2]).

---

[1]) Была осуждена на вѣчную каторгу и заточена въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ въ 1891 г. лишила себя жизни, вскрывъ осколкомъ стакана сонную артерію. *Прим. изд.*

[2]) Ту же предупредительность проявилъ и французскій судъ, судившій обвиняемыхъ. Многіе изъ нихъ не имѣли никакого отношенія къ фабрикаціи бомбъ, но тѣмъ не менѣе были приговорены къ многолѣтнему тюремному заключенію за участіе въ заговорѣ противъ царя. Но объ этомъ не было и рѣчи ни въ обвинительныхъ актахъ, ни въ процессѣ, ни въ приговорѣ. Русскій полицейскій агентъ игралъ роль режиссера въ этой комедіи, и французскія власти слѣдовали его указаніямъ.

Трудность провоза динамита и бомбъ черезъ границу заставила террористовъ снова перенести фабрикацію ихъ въ Россію. Въ 1891 г. одинъ изъ нихъ, Манцевичъ, основалъ новую мастерскую, но ее постигла обычная судьба многихъ другихъ. Она была открыта и арестована. Манцевича арестовали и административнымъ путемъ пожизненно заточили въ Шлиссельбургѣ.

„Но сѣмя динамита, видимо, пало на благопріятную почву и пустило корни", говоритъ Степнякъ, „потому что смертоносный плодъ постоянно снова появляется на поверхности". Динамитныхъ фабрикъ нельзя уже искоренить, и полиція безпрестанно нападаетъ на новыя попытки использовать доставляемый ими матеріалъ. Попытка 1893 г. взорвать царя на воздухъ во время военныхъ маневровъ подъ Смоленскомъ, повидимому, была гораздо серьезнѣе, чѣмъ покушеніе 1 марта 1887 г. Новый № „Народной Воли", вышедшій въ 1893 г., выразилъ этотъ вновь пробуждавшійся духъ мщенія и расплаты; въ немъ снова встаетъ призракъ террора.

Однако, не всѣ террористическія покушенія въ царствованіе Александра III были неудачны, хотя самому царю удавалось избѣгнуть ихъ. Многіе агенты тайной полиціи были убиты революціонерами,—напр., шпіонъ Преймъ [1]) въ 1882 г. на Смоленскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ — равно и множество чиновниковъ, обнаружившихъ особенную жестокость и звѣрство въ обращеніи съ политическими заключенными. Самой замѣчательной была „казнь" генерала Стрѣльникова въ Одессѣ 18 марта 1882 г. Осенью 1881 г. высочайшей властью Стрѣльниковъ былъ назначенъ производить дознаніе по политическимъ преступленіямъ съ чрезвычайными полномочіями, на всемъ югѣ Россіи. Онъ выполнилъ свое порученіе по совершенно новой методѣ. Онъ приказалъ во многихъ южно-русскихъ городахъ арестовать сразу нѣсколько сотъ человѣкъ, по преимуществу учащейся молодежи, принадлежащей къ „неблагонадежнымъ" семьямъ. Послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго строгаго одиночнаго заключенія,

---

[1]) Преймъ убитъ рабочимъ Евсеевымъ 29 іюня 1881 г. Дѣло о немъ разсматривалось въ военно-окружномъ судѣ 14 сентября 1882 г. См. «Либ. п. нар. воли», стр. 602. *Прим. изд.*

ихъ допрашивалъ самъ генералъ, начинавшій всегда съ заявленія, что они обвиняются въ преступленіи и преступныхъ сношеніяхъ, за которыя имъ грозитъ ссылка въ Сибирь, если они чистосердечнымъ сознаніемъ не заслужатъ снисхожденія правительства. Затѣмъ имъ предлагалось множество вопросовъ о знакомыхъ ихъ и ихъ семей, о выраженіяхъ, которыя они слышали, о книгахъ и листкахъ, которые они видѣли у себя дома или у другихъ и т. п. Часто молодые люди, подавленные строгимъ одиночнымъ заключеніемъ, поддавались этимъ запугиваніямъ и разсказывали много, по ихъ мнѣнію, совершенно невинныхъ случаевъ. А генералъ и его агенты на основаніи этого матеріала и агентскихъ донесеній составляли обвиненія противъ лицъ, въ большинствѣ случаевъ даже совершенно незнакомыхъ съ „неблагонадежными". Тѣмъ не менѣе, основываясь на такихъ показаніяхъ, ихъ сажали въ тюрьмы и административнымъ порядкомъ высылали въ сѣверныя русскія губерніи или въ Сибирь.

Въ одной Одессѣ, въ теченіе трехъ дней, Стрѣльниковъ арестовалъ 118 лицъ, противъ которыхъ не было и не могло быть возбуждено никакого обвиненія. Въ Кіевѣ было схвачено 89 человѣкъ, въ Харьковѣ, Николаевѣ, Полтавѣ, Курскѣ и т. д., сотни, большей частью, безъ всякихъ основаній. Это дѣлалось для того, чтобы, насколько возможно, нагнать страху на все общество и чтобы тѣмъ легче захватить тѣхъ, которые болѣе другихъ занимались политикой. И въ данномъ случаѣ пріемъ этотъ имѣлъ противоположное дѣйствіе. Онъ такъ озлобилъ революціонеровъ, что Исполнительный Комитетъ приговорилъ Стрѣльникова къ смерти. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе 18 марта 1882 г. Желваковымъ, который ожидалъ генерала на бульварѣ во время его послѣобѣденной прогулки и застрѣлилъ его. Чтобы облегчить Желвакову бѣгство, въ условленномъ мѣстѣ его ожидалъ съ дрожками тотъ самый Халтуринъ, который произвелъ взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ. Но Желвакова преслѣдовали и онъ не могъ бѣжать по направленію къ дрожкамъ, а принужденъ былъ свернуть въ сторону. Тогда Халтуринъ бросилъ свой экипажъ и поспѣшилъ на помощь къ товарищу. Обоихъ ихъ арестовали, предали военному суду и повѣсили

22 марта 1882 г. Другая, надѣлавшая большого шума, казнь была произведена террористами въ 1883 г. надъ жандармскимъ полковникомъ Судейкинымъ, тоже по приговору Исполнительнаго Комитета.

Но, разумѣется, въ этомъ и слѣдующихъ годахъ, потери человѣческими жизнями со стороны революціонеровъ были значительно больше. Число сосланныхъ въ Сибирь и томившихся въ тюрьмахъ превышало тысячу человѣкъ, тогда какъ десятки были казнены или покончили съ собой сами, чтобы избавиться отъ физическихъ и нравственныхъ страданій въ тюрьмахъ и мѣстахъ ссылки. Правительственный „бѣлый терроръ“ въ царствованіе Александра III уносилъ гораздо больше жертвъ, чѣмъ „черный терроръ“ нигилистовъ. Система устрашенія была единственнымъ средствомъ, въ которое вѣрило правительство; она примѣнялась съ одинаковой безпощадностью, какъ противъ нигилистовъ, такъ и противъ всѣхъ, взгляды которыхъ противорѣчили видамъ правительства, безразлично, выражались ли они въ дѣйствіяхъ, или только словами.

Безпощаднѣе всего эта система примѣнялась правительствомъ, разумѣется, по отношенію къ политическимъ противникамъ, безъ малѣйшаго состраданія, даже когда дѣло касалось самыхъ незначительныхъ проступковъ. Такъ, напримѣръ, въ 1882 г. былъ разстрѣлянъ въ Иркутскѣ сосланный туда учитель, Неустроевъ, за пощечину, данную имъ мѣстному губернатору. Та же участь постигла два года спустя заключеннаго въ Шлиссельбургѣ Минакова, тоже за пощечину, данную имъ коменданту [1]). Въ январѣ 1886 г. были повѣшены четыре польскихъ рабочихъ [2]), какъ главари рабочей партіи „Пролетаріатъ“, не виновныхъ ни въ революціонныхъ актахъ, ни въ заговорѣ. Какъ члены революціонной партіи и участники различныхъ заговоровъ, въ этомъ и послѣдующихъ годахъ были повѣшены еще до десяти че-

---

[1]) 6 сент. 1884 г. Такимъ же образомъ погибъ Мышкинъ—въ началѣ января 1885 г. См. Люд. Волкенштейнъ «13 лѣтъ въ Шлис. крѣпости», Спб., 1905 г., стр. 3. *Прим. изд.*

[2]) Куницкій, Бардовскій, Оссовскій и Петрусинскій. Бурцевъ: «За сто лѣтъ», Лондонъ, 1897 г., стр. 219. *Прим. изд.*

ловѣкъ, среди нихъ вышепомянутые офицеры, баронъ Штромбергъ и его ближайшій товарищъ по военному заговору Дмитрій Рогачевъ. Остальные участники этого заговора частью были заключены въ Шлиссельбургъ, частью сосланы въ Сибирь, наравнѣ съ другими политическими „преступниками", потому что преступниками считались всѣ тѣ, кого охранное отдѣленіе подозрѣвало въ противодѣйствіи правительству или даже только въ намѣреніи противодѣйствовать ему; со всѣми ими и обращались какъ съ преступниками.

Мало-по-малу и революціонеры сознали, что заговорами и покушеніями они ничего не достигнутъ, что народъ еще не созрѣлъ для переворота, что переворотъ долженъ быть подготовленъ гораздо тщательнѣе, чѣмъ это дѣлалось раньше, и что потому вся оппозиціонная организація должна быть построена на совершенно иныхъ основаніяхъ и центръ тяжести ея необходимо перенести въ другую область.

Слѣдствіемъ новаго взгляда явилось упорное и значительное распространеніе различными революціонными группами сочиненій, брошюръ и листковъ соціально-революціоннаго и политическаго содержанія. Трудно болѣе ярко охарактеризовать этотъ періодъ развитія революціоннаго движенія, чѣмъ это дѣлаетъ Степнякъ. Благодаря своей литературной дѣятельности, онъ сталъ, по крайней мѣрѣ, косвенно, руководителемъ въ этой сферѣ. Въ книгѣ своей „King Stork and King Log." онъ говоритъ:

„Тайныя типографіи въ Россіи никогда не прекращали своей дѣятельности. За періодъ съ 1883 по 1890 гг. ихъ было открыто болѣе 20, и всѣ работавшіе въ нихъ были сосланы въ рудники или въ сѣв.-восточную Сибирь. Но эта убыль работниковъ не препятствовала новому возрожденію. Зачастую находили въ ходу двѣ или три типографіи въ какомъ нибудь углу столицы или въ большомъ провинціальномъ городѣ. Въ 1883—84 г.г. такихъ типографій было 6: двѣ въ столицѣ, четыре въ провинціи. Каждая изъ нихъ являлась центромъ какой нибудь независимой организаціи, иногда мѣстной, иногда общей, печатныя произведенія которой даютъ ясное представленіе о цѣляхъ революціонной партіи.

„Разсматривая эти различныя изданія, мы видимъ, что

причиной ихъ является проходящее красной нитью желаніе расширить почву для движенія, и что они взываютъ ко всей недовольной образованной Руси. Такъ, открытая въ Петербургѣ въ 1883 г. типографія напечатала рѣчь извѣстнаго адвоката Плевако, запрещенную правительствомъ вслѣдствіе высказанныхъ въ ней конституціонныхъ требованій, не заключавшую въ себѣ ничего революціоннаго. Въ декабрѣ того же года нѣсколько умѣренныхъ либераловъ составили заявленіе о своихъ взглядахъ и требованіяхъ, сводившихся къ палатѣ представителей съ совѣщательной только функціей. Одна революціонная типографія напечатала это произведеніе разведеннаго водой либерализма, и въ слѣдующемъ № „Народной Воли“ редакція, высказывая свое несогласіе съ приведенными въ этой прокламаціи взглядами, тѣмъ не менѣе привѣтствовала ее, какъ знаменіе времени.

„Въ 1884 г. другая типографія, основанная Софьей Сладковой, напечатала манифестъ „Лиги Молодежи“, которая, будучи соціалистической по своимъ цѣлямъ, заявляла, что стоитъ за конституціонную реформу и работу по распространенію образованія, какъ средства для достиженія своихъ идеаловъ. Въ такомъ же смыслѣ высказывается и другая брошюра, выпущенная типографіей харьковскихъ аграрныхъ соціалистовъ (группы, стоявшей за раздѣлъ земли). Она была открыта вслѣдствіе измѣны рабочаго Ѳедора Шкрябы, который непосредственно вслѣдъ за тѣмъ былъ казненъ революціонерами [1]). Но идея мирной соціалистической пропаганды была подхвачена типографіей въ Москвѣ, которая издавала органъ „Единеніе“, а также много летучихъ соціалистическихъ листковъ. Двѣ типографіи, основанныя остаткомъ партіи „Народной Воли“ въ двухъ противоположныхъ концахъ имперіи—въ Дерптѣ [2]) и въ Ростовѣ-на-Дону,—еще сильнѣе подчеркиваютъ этотъ поворотъ въ политикѣ революціонной партіи. Въ слѣдующемъ 1885 г. движеніе обозначилось еще рѣзче, что видно изъ „Рабочей Газеты“, изда-

---

[1]) 8 янв. 1884 г., по распоряженію Исп. Комитета, агентами южнорусской боевой дружины. «Лит. п. Нар. Воли», стр. 706.

Прим. изд.

[2]) Нынѣшній Юрьевъ.

вавшейся въ новой тайной типографіи въ Петербургѣ, и изъ листковъ „Народной Воли“, печатавшихся въ Таганрогѣ.

„Вотъ еще примѣръ для иллюстраціи того, какимъ образомъ революціонеры популяризировали свои идеи. Въ 1887 г. они задумали издавать газету, которая редактировалась бы въ Петербургѣ, но печаталась въ Швейцаріи, чтобы устранить опасность отъ открытія типографіи полиціей. Предпріятіе не имѣло успѣха, потому что такая отдаленность редакціи отъ типографіи для газеты крайне неудобна. Въ Женевѣ появились только два № этой газеты, носившей характерное заглавіе „Самоуправленіе“. Въ первомъ была помѣщена программа газеты и нѣсколько писемъ политическихъ эмигрантовъ, представлявшихъ почти всѣ фракціи и подраздѣленія этой довольно разрозненной корпораціи. Въ немъ помѣщено письмо Дебагорія-Мокріевича, одного изъ наиболѣе даровитыхъ и энергичныхъ революціонеровъ на югѣ, письмо бывшаго земскаго врача Добровольскаго, принесшаго въ жертву соціалистической пропагандѣ свое положеніе и обезпеченную будущность. Оправданный судомъ, онъ долженъ былъ бѣжать за границу, чтобы избавиться отъ ссылки въ Сибирь. Письма извѣстной Вѣры Засуличъ, Аксельрода и весьма образованнаго и выдающагося Плеханова,—представителей русской соціалъ-демократіи; профессора Драгоманова, вожака южнорусскаго націоналистическаго и соціалистическаго движенія, и многихъ другихъ, въ томъ числѣ и автора этой книги. Всѣ они вмѣстѣ представляютъ пестрое смѣшеніе мнѣній, но не для тѣхъ, кто читаетъ ихъ мысли; всѣ они сходятся на томъ, что умѣренная политическая реформа—необходимый шагъ, который долженъ быть сдѣланъ для того, чтобы русскій народъ могъ мирно развиваться въ наиболѣе благопріятномъ для него направленіи“.

Вотъ до какой степени достигло революціонное развитіе. Разнообразные группы и кружки, согласно своимъ противорѣчивымъ теоріямъ работавшіе для его усиленія, зачастую расходились между собой по многимъ вопросамъ и тѣмъ значительно облегчали правительству борьбу съ оппозиціей; они были вынуждены теперь признать, что необходимо соединиться для завоеванія извѣстной степени политической сво-

боды, прежде чѣмъ они будутъ въ состояніи вести пропаганду своихъ ученій. И обстоятельства вынудили ихъ ограничить свои требованія политической свободы до такихъ размѣровъ, что, въ дѣйствительности, эти „революціонеры“ шли не дальше умѣренныхъ либераловъ. Въ этомъ колебаніи вправо революціонныхъ группъ лежала возможность и гарантія будущей совмѣстной дѣятельности всѣхъ свободомыслящихъ элементовъ Россіи для образованія объединенной и планомѣрной оппозиціи.

Но пока не было и почти не могло быть рѣчи о какой нибудь организаціи ея. Различныя группы попрежнему продолжали вести пропаганду своихъ идей. Но на ряду съ этимъ, всѣ онѣ подчеркивали необходимость чисто политическихъ реформъ, какъ перваго и непремѣннаго условія для общаго прогресса, и подготавливали этимъ оппозицію, которая изъ году въ годъ увеличивалась, все глубже проникая въ различные слои русскаго общества. Въ то же время, въ значительной степени измѣнилось и общее представленіе о революціонномъ движеніи. Его можно было считать уже не изолированнымъ, построеннымъ на вывезенныхъ извнѣ взглядахъ и по заграничнымъ образцамъ, а логическимъ и естественнымъ результатомъ слѣпо-реакціоннаго режима; объ эксцессахъ этого движенія можно и должно было сожалѣть, не осуждая, однако, его сущности и цѣлей.

Особенно благодарный и пластическій матеріалъ для воздѣйствія на него въ оппозиціонномъ духѣ революціонеры получили въ лицѣ постоянно увеличивавшагося класса промышленныхъ рабочихъ, вербовавшихся, разумѣется, изъ крестьянъ. Высокія покровительственныя пошлины привлекли русскіе и иностранные капиталы къ устройству промышленныхъ предпріятій, легко находившихъ рабочую силу среди обѣднѣвшаго народа за любую плату и на любыхъ условіяхъ. Среди этихъ рабочихъ, вынужденныхъ обстоятельствами къ пониманію того, что лишь объединившись, могутъ они отстаивать свои общіе интересы, революціонеры безъ особаго труда вербовали приверженцевъ, особенно соціалистическихъ ученій. И здѣсь, какъ всегда и вездѣ, реакція представила доказательство невозможности какихъ бы то ни

было успѣховъ при самодержавной бюрократіи. Совершенно мирныя по характеру стачки противъ работодателей считались мятежомъ. Союзы рабочихъ съ чисто практическими и экономическими цѣлями признавались нарушеніемъ запрещенія союзовъ и собраній безъ разрѣшенія властей. Организаторы такихъ союзовъ и ораторы на собраніяхъ подвергались той же участи, какъ и „политическіе преступники", т. е.. ихъ сажали въ тюрьму, безъ всякаго суда и слѣдствія, ссылали и даже вѣшали, если ихъ дѣятельность въ глазахъ охраннаго отдѣленія была очень „опасна", какъ то случилось, напримѣръ, съ вышеупомянутыми вожаками польской рабочей партіи „Пролетаріатъ".

Правительственная политика подобнаго рода оказывала значительное содѣйствіе подготовительной революціонной пропагандѣ среди рабочихъ массъ въ непрерывно возникавшихъ промышленныхъ центрахъ. Послѣдніе находились большею частью въ западныхъ и югозападныхъ губерніяхъ, гдѣ населеніе—поляки, малороссы и евреи—было крайне недовольно положеніемъ вещей и противоправительственная пропаганда нашла прекрасную почву для своего распространенія и не только въ рабочихъ кругахъ. Изъ этихъ промышленныхъ центровъ оппозиціонный духъ проникалъ и въ деревню, гдѣ наиболѣе развитые въ революціонномъ отношеніи мѣста, въ свою очередь становились очагами недовольства и броженія среди крестьянства. Отнюдь не случайность, что губерніи Харьковская, Полтавская и другія сдѣлались ареной происходившихъ въ недавнее время серьезныхъ крестьянскихъ волненій: населеніе этихъ мѣстностей соприкасалось съ затронутыми революціонной пропагандой рабочими кругами.

Слѣдуетъ также отмѣтить настроеніе умѣренно либеральныхъ круговъ при Александрѣ III, выразившееся уже тогда открытой критикой и оппозиціей правительству. Оппозиція эта не имѣла ни малѣйшей революціонной окраски, если не считать таковою требованіе предоставить народу право принять участіе въ управленіи страной, черезъ посредство избранныхъ представителей, хотя бы съ совѣщательнымъ голосомъ. Однимъ изъ замѣчательныхъ симптомовъ этого пробужденія является письмо г-жи Цебриковой, уже пожилой

женщины, занимавшейся литературой, совершенно далекой политикѣ и всегда бывшей противъ всѣхъ революціонныхъ средствъ,—письмо, которое она въ 1890 г. написала Александру III. Чтобы быть увѣренной, что слова ея дойдутъ до царя, г-жа Цебрикова поѣхала за границу и оттуда его отправила, передавъ въ то же время копію европейской прессѣ для обнародованія. Приведемъ слѣдующіе характерные отрывки изъ этого письма:

„Земство хотѣло свободы слова, уничтоженія административной ссылки, хотѣло гласности суда, неприкосновенности личности, права съѣзжаться для совѣщанія объ общихъ нуждахъ земствъ. Если въ настоящую минуту земство безмолвно подчиняется новымъ мѣрамъ, еще болѣе урѣзывающимъ права его, то это не ручательство въ рабскомъ подчиненіи будущихъ поколѣній, вскормленныхъ затаеннымъ недовольствомъ отцовъ... Сила отпора копится медленно въ ряду поколѣній и, наконецъ, скажется...

„...Мнѣ кровь противна съ какой бы стороны ни лили ее, но когда за одну кровь даютъ ордена, за другую веревку на шею, то понятно, какая кровь имѣетъ для молодежи обаяніе геройства.

„Рядомъ съ карами по приговору суда у насъ существуютъ еще полицейски-административныя: послѣдними правительство отдѣлывается отъ враговъ своихъ, когда нѣтъ достаточныхъ уликъ для первыхъ. Но что же это, какъ не беззаконный произволъ?..

„Политическіе преступники беззащитныя жертвы произвола, доходящаго до звѣрства... Свобода слова, неприкосновенность личности, свобода собраній, полная гласность суда, образованіе, широко открытое для всѣхъ способностей, отмѣна административнаго произвола, созваніе земскаго собора, въ которомъ всѣ сословія призвали бы своихъ выборныхъ,—вотъ въ чемъ спасеніе“...

По прочтеніи длиннаго письма, изъ котораго здѣсь приведенъ лишь небольшой отрывокъ, Александръ III, говорятъ, сказалъ: „Все это очень хорошо, но ей то какое дѣло?“ Ему казалось совершенно непонятнымъ, чтобы кто нибудь, не имѣвшій отношенія къ государственнымъ дѣламъ по

службѣ, могъ выступать ходатаемъ за благо Россіи и русскаго народа. Поэтому онъ не задумался сослать г-жу Цебрикову въ одну изъ отдаленныхъ губерній, когда она вернулась въ Россію; ее арестовали и изъ ссылки она возвратилась только черезъ нѣсколько лѣтъ.

Письмо ея выражало заурядные чувства и взгляды просвѣщенныхъ круговъ русскаго общества; скорѣе благодаря этому, чѣмъ своей смѣлости, оно произвело большое впечатлѣніе и заслужило общее одобреніе во всемъ государствѣ. Господствующая реакція, не имѣвшая никакой программы и не позволявшая выставлять ее никому другому, тормазившая всѣ общественныя силы, въ трепетномъ опасеніи за бюрократическій деспотизмъ и опору его, самодержца, уже стала невыносимымъ бременемъ для всѣхъ образованныхъ людей, не бывшихъ въ ея рядахъ. Недовольство становилось все замѣтнѣе, хотя и не обнаруживалось открыто, но не могло быть истолковано иначе. Вопросъ о желательности и необходимости конституціи обсуждался во всѣхъ просвѣщенныхъ кругахъ иногда такъ открыто, что власти находили нужнымъ вмѣшиваться. Аресты сдѣлались такъ многочисленны, что въ тюрьмахъ едва хватало мѣста, особенно въ сѣв. Россіи, куда отправлялись всѣ политическіе преступники, противъ которыхъ должно было производиться слѣдствіе въ Петербургѣ. Въ послѣдній годъ царствованія Александра III директоръ департамента полиціи рѣшилъ поэтому раздѣлить Россію на двѣ половины, чтобы хотя отчасти справиться съ наплывомъ политическихъ заключенныхъ. Всѣ, арестованные въ Польшѣ, Южной Россіи и на Кавказѣ, находились отнынѣ въ вѣдѣніи начальника Кіевскаго жандармскаго управленія,—въ то время генерала Новицкаго,—который, разумѣется, могъ поступать съ ними по собственному усмотрѣнію. Остальные попрежнему зависѣли отъ высшей полицейской власти, м-ра вн. дѣлъ и его подчиненыхъ.

Несмотря на всю эту систему и всѣ мѣры къ подавленію выраженій недовольства, самъ императоръ никогда не чувствовалъ себя спокойнымъ. Онъ стремился къ благу своего народа, думалъ, что дѣлалъ для этого все доступное человѣческой власти, но видѣлъ, что старанія его не имѣли

успѣха, что среди различныхъ классовъ общества царила большая, чѣмъ когда либо, нужда, что недовольство имъ и его управленіемъ было всеобщее и достаточно только благопріятнаго случая, чтобы проявленіе этого недовольства направилось на его собственную особу. Даже дома, въ своемъ собственномъ дворцѣ, онъ не считалъ себя безопаснымъ отъ покушеній; когда онъ путешествовалъ, то принимались такія мѣры охраны, которыя были бы немыслимы нигдѣ, и во всякомъ случаѣ уничтожили бы всякое уваженіе къ правителю и его авторитетъ. Курьерскіе, почтовые и обыкновенные пассажирскіе и товарные поѣзда отводились на запасные пути линій, по которымъ проѣзжалъ царь и цѣлые часы ждали, пока пройдутъ оба императорскихъ поѣзда, между разставленной по обѣимъ сторонамъ полотна охраной. Въ послѣдніе годы царствованія, Александръ не жилъ въ Зимнемъ дворцѣ, и даже вообще въ Петербургѣ, но—въ Гатчинѣ, гдѣ охрана была строже и онъ чувствовалъ себя въ большей безопасности. Даже его немногія и короткія путешествія до послѣдней минуты составляли тайну, хотя желѣзныя дороги охранялись такъ строго, что немыслимо было никакое покушеніе. Императорскій поѣздъ съ топившимся паровозомъ стоялъ постоянно наготовѣ, такъ что не требовалось никакихъ приготовленій, которыя могли бы навести непосвященныхъ на мысль о путешествіи царя.

Только въ Финляндіи, единственной области своего огромнаго государства, гдѣ не царилъ еще реакціонный произволъ, Александръ III, повидимому, чувствовалъ себя спокойно. Много лѣтъ главнымъ его отдыхомъ были поѣздки, которыя онъ каждое лѣто предпринималъ въ финляндскія шхеры. Свободный отъ всякаго принужденія и страха онъ былъ счастливъ тамъ, чувствуя себя человѣкомъ, среди людей, не стремившихся отнять у него жизнь. Всѣ, видѣвшіе его во время этихъ поѣздокъ, замѣчали какъ вліяло на него избавленіе отъ постояннаго страха смерти; онъ чувствовалъ себя совершенно иначе, лишь только освобождался отъ невыносимаго бремени, которое налагало на него самодержавіе.

Но вмѣсто того, чтобы особенно оберегать и охранять тѣ учрежденія, подъ защитой которыхъ онъ самъ чувство-

валъ себя свободнымъ, онъ поддался и въ отношеніи къ Финляндіи навѣтамъ реакціонной камарильи, согласившись на цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы уничтожить самостоятельное положеніе Финляндіи и подчинить ее имперіи, подобно другимъ русскимъ провинціямъ. Вся пресса, во главѣ съ „Московскими Вѣдомостями", слѣдовавшими указаніямъ побѣдоносцевскаго кабинета, уже нѣсколько лѣтъ вела ожесточенный походъ противъ финляндской независимости, которая, какъ онѣ утверждали, основывалась на коварныхъ и послѣдовательныхъ искаженіяхъ и ложномъ толкованіи документовъ и государственныхъ актовъ, но отнюдь не на реальномъ соглашеніи, дававшемъ Финляндіи право на автономію. И Александръ III подпалъ подъ вліяніе этого теченія финнофобской литературы, появлявшейся изъ года въ годъ, и склонился къ проведенію обрусительной политики, грозившей Финляндіи участью Польши и остзейскихъ провинцій.

Но когда ему указали, что подобное отношеніе къ Финляндіи есть нарушеніе обѣщанія сохранить конституцію и особыя права финскаго народа, обѣщанія, даннаго имъ при вступленіи на престолъ, то Александръ III отказался продолжать начатую было политику. Въ послѣдніе годы его царствованія проведеніе дальнѣйшихъ „реформъ", намѣченныхъ русской реакціей въ Финляндіи, было пріостановлено. Но въ Россіи не наступило ни малѣйшей перемѣны; Побѣдоносцевъ продолжалъ управлять съ еще большей безпощадностью, чѣмъ прежде, если только это было возможно, до самой смерти царя, 20 октября 1904 г. Даже его громадныя физическія силы не могли справиться съ состояніемъ постояннаго нравственнаго угнетенія и чрезмѣрной работой, которую онъ на себя налагалъ. Его разстроенная нервная система отказалась, наконецъ, служить, и онъ не смогъ побороть болѣзнь, съ которою при другихъ условіяхъ легко справился бы его организмъ, но которая теперь стоила ему жизни.

Въ послѣдніе мѣсяцы или недѣли царствованія Александра III мы находимъ доказательство того, насколько всеобще стало убѣжденіе, что только законное ограниченіе

самодержавія конституціей можетъ упрочить будущее культурное развитіе Россіи. Подтвержденіемъ этому можетъ служить проектъ конституціи, распространявшійся въ спискахъ передъ смертью царя. Авторъ его остался невыясненнымъ, и, насколько извѣстно, проектъ былъ опубликованъ только въ ноябрьскомъ номерѣ журнала „Free Russia“ за 1894 г., съ комментаріями Волховского. Интересный самъ по себѣ и какъ выраженіе взглядовъ и надеждъ, господствовавшихъ въ передовыхъ кругахъ, проектъ этотъ, заслуживаетъ по возможности полной передачи.

„Мы получили документъ весьма большого значенія. Это ни болѣе ни менѣе, какъ проектъ конституціи Россіи, копіи котораго во множествѣ циркулируютъ въ этой странѣ, и который, вѣроятно, соединитъ въ стремленіи къ общей цѣли многихъ патріотовъ и друзей свободы. Онъ составленъ зрѣлымъ умомъ, человѣкомъ съ большими знаніями, практическимъ политикомъ; быть можетъ, нѣсколькими лицами. Авторъ или авторы его имѣютъ въ виду созданіе не только хорошо функціонирующей правительственной машины, они стремятся сохранить всѣ нынѣшнія государственныя учрежденія—совѣтъ минстровъ, государственный совѣтъ и сенатъ, чтобы прежнихъ чиновниковъ привлечь на свою сторону, благодаря отводимой имъ большей самостоятельности. Какъ говорится во введеніи къ проекту конституціи, „она не отрицаетъ, а воспринимаетъ тѣ основныя политическія понятія о Царѣ и Народѣ, которыя господствуютъ въ массахъ русскаго населенія; исходя изъ этихъ началъ, она гарантируетъ всѣ блага гражданской и политической свободы; она безусловно демократична; она даетъ громадный просторъ героическимъ усиліямъ личности, которая въ Россіи постоянно являлась и является двигателемъ прогресса, замѣняя работу чуждыхъ русской жизни корпорацій и ассоціацій; болѣе того, она ограждаетъ личность отъ произвольнаго насилія самихъ представительныхъ учрежденій, какого можно у насъ ожидать, судя по нравамъ существующихъ общественныхъ собраній“. Твердыня, на которой зиждется наша конституція, это—суды: всѣ судьи, отъ мирового до сенатора, не только несмѣняемы, но и не могутъ быть повышаемы въ чинѣ безъ ихъ собственнаго

согласія. Назначеніе судьи зависитъ отъ окружныхъ судовъ (п. 80), за исключеніемъ сенаторовъ, которыхъ назначаетъ императоръ „изъ лицъ судейскаго званія, представляемыхъ общимъ собраніемъ сената въ числѣ трехъ кандидатовъ на каждую вакансію“ (п. 23).

Контроль выборовъ производится особыми контрольными комиссіями, командированными окружными судами (п. 30). Коммиссія общаго собранія департаментовъ сената завѣдуетъ производствомъ выборовъ и статистикой населенія. Обнародованіе законовъ всецѣло находится въ его рукахъ (п. 24). Генералъ-прокуроръ и государственный контролеръ зависятъ отъ Сената (п. 79).

„Во главѣ государства стоитъ наслѣдственный монархъ, управляющій подъ отвѣтственностью совѣта (п. 62). Монархъ назначаетъ имперскаго канцлера, и по соглашенію съ нимъ, его коллегъ. Онъ назначаетъ пожизненно членовъ государственнаго Совѣта. Онъ является начальникомъ арміи и флота. „Императору принадлежитъ право утвердить или отклонить представленный ему“ палатою народныхъ представителей „законопроектъ не иначе, какъ въ цѣломъ составѣ“ (п. 59), равно какъ и въ отношеніи государственной росписи (п. 73).

„Постоянныя представительныя учрежденія двухъ родовъ: областные сеймы и палата народныхъ представителей; области, образованныя съ этой цѣлью, состоятъ изъ нѣсколькихъ губерній; въ царствѣ Польскомъ учреждается особый сеймъ на правахъ областного (п. 14).

„Областной сеймъ составляется изъ выбранныхъ постояннымъ населеніемъ области, посредствомъ всеобщаго голосованія, лицъ, по одному на 75.000 населенія“ (п. 16).

„Каждый членъ палаты народныхъ представителей приходится на 300.000 жителей (п. 11). Функціи сеймовъ и палаты соотвѣтствуютъ въ главныхъ чертахъ функціямъ англійской Нижней Палаты; областные сеймы разсматриваютъ дѣла, исключительно касающіяся губерній, входящихъ въ составъ ихъ области. На сеймѣ присутствуетъ членъ совѣта министровъ, по уполномочію совѣта. Проектъ государственной росписи составляется совѣтомъ министровъ (п. 71), но не можетъ быть принятъ безъ одобренія палаты, которая имѣетъ

право сокращать расходы, но не увеличивать ихъ (п. 72). Министерство обязано представлять бюджетъ къ назначенному сроку, чтобы дать возможность для всесторонняго его обсужденія.

„Каждый гражданинъ, какъ самолично, такъ и въ союзѣ съ другими, имѣетъ право предлагать палатѣ народ. представителей и сеймамъ проекты законовъ“... (п. 50).

На случай разногласія между высшими правительственными органами или между палатой народ. представителей и монархомъ, создается новое учрежденіе, составляющее отличительную черту этой конституціи. Оно называется Земскимъ Соборомъ. Это просто плебесцитъ, организованный какъ національная корпорація. Соборъ созывается манифестомъ царя и только съ тѣмъ, чтобы отвѣтить „да“ или „нѣтъ“ на извѣстные вопросы, поставленные въ самомъ манифестѣ, вмѣстѣ съ подробнымъ объясненіемъ рѣшеній, при которыхъ остались несогласныя между собою партіи (разд. III, пп. 6—10). Всякій утвержденный императоромъ законъ не можетъ быть обнародованъ никѣмъ, кромѣ сената, который, если находитъ, что законъ противорѣчитъ конституціи, возвращаетъ его императору съ тѣмъ, чтобы онъ или отказался его признать, или передалъ дѣло на разрѣшеніе Земскаго Собора (п. 60). Ни одинъ законъ, налагающій на гражданъ новыя повинности, ограниченія и наказанія, распространяемыя на время, предшествующее его изданію, не можетъ имѣть силы безъ утвержденія его Земскимъ Соборомъ (п. 61).

„Каждый членъ Собора обязанъ подать голосъ согласно тому, что высказывалъ въ своемъ обращеніи къ избирателямъ; экземпляръ сего обращенія, засвидѣтельствованный мѣстнымъ окружнымъ судомъ, онъ долженъ приложить къ бланку, на которомъ голосовалъ. Подлинное производство Земскаго Собора передается въ сенатъ, которымъ провѣряется до обнародованія протокола (п. 8).

„Голосованіе—прямое и всеобщее. Каждый гражданинъ м. п. имѣетъ право голоса; единственное ограниченіе — возрастъ. Нужно имѣть 25 лѣтъ отъ роду, чтобы получить право выбора въ одно изъ представительныхъ учрежденій. Habeas corpus, свобода слова, печати, совѣсти, вмѣстѣ съ

правомъ свободнаго выбора профессіи и образа жизни, передвиженія и національности предоставляются каждому.

„Здѣсь мы находимъ два серьезныхъ и значительныхъ нововведенія для Россіи; первое заключается въ правѣ гражданъ возбуждать дѣла противъ чиновниковъ за преступленія по должности; второе — въ запрещеніи чиновнику объявлять себя „невиновнымъ“, ссылаясь на то, что онъ дѣйствовалъ по приказанію начальства (п. 65). Если къ этому прибавить, что на независимость представительныхъ собраній, и на неприкосновенность гражданъ обращено большое вниманіе, то должно признать, что проектъ, хотя и не свободный отъ нѣкоторыхъ слабыхъ мѣстъ, тѣмъ не менѣе подробно и серьезно разработанъ. Какъ на примѣръ такихъ слабыхъ мѣстъ можно указать на Государственный Совѣтъ, которому, въ сущности, нечего дѣлать, кромѣ формулированія законовъ, рѣшенныхъ въ принципѣ Земскимъ Соборомъ,—дѣятельность, которая столь же легко могла бы выполняться министерствами или комитетомъ, образованнымъ однимъ изъ представительныхъ собраній. Однако, въ виду желанія составителя проекта сохранить всѣ высшія госуд. учрежденія, это было неизбѣжно. Всѣ, знакомые съ прежними попытками организовать въ Россіи представительное правленіе, видятъ, что идея о Земскомъ Соборѣ снова выдвигаетъ планы Кошелева и другихъ славянофиловъ. Но ихъ безпочвенная, сентиментальная и въ практическомъ отношеніи нелѣпая идея о „непосредственной связи царя съ народомъ“ получаетъ въ новомъ проектѣ реальный и дѣйствительно демократическій смыслъ, обезпечивая ему симпатіи различныхъ слоевъ русскаго общества.

„Проекту предшествуетъ краткое изложеніе нынѣшняго политическаго состоянія Россіи, и вѣскія слова его, въ сравненіи съ тѣмъ, что мы знаемъ объ этомъ положеніи изъ другихъ источниковъ, убѣждаютъ насъ въ томъ, что освѣщеніе его правильно. Чтобы дать нашимъ читателямъ представленіе объ этомъ, мы лучше всего приведемъ слѣдующую выдержку:

„Два вопроса стоятъ передъ русскимъ народомъ: нужна ли Россіи конституція? возможна ли въ Россіи конституція?

„Первый вопросъ только по формѣ вопросъ: онъ рѣшенъ

и для царя, которому ежедневный опытъ напоминаетъ давно признанную имъ необходимость конституціи для правильнаго хода государственнаго управленія; онъ рѣшенъ для подавляющаго большинства сановниковъ, стоящихъ у кормила правленія,—и только привычка бюрократической лжи сковываетъ ихъ уста; рѣшенъ для русскаго общества и всѣхъ его представителей: прессы, земскихъ и городскихъ гласныхъ, за самыми незначительными исключеніями; рѣшенъ даже для необразованныхъ слоевъ народа, для его массы, такъ какъ у всѣхъ сильно недовольство существующимъ беззаконіемъ и произволомъ, у всѣхъ растетъ жажда свободы и справедливости; рѣшенъ, наконецъ, и для революціонныхъ элементовъ, не придававшихъ ранѣе конституціи подобающаго ей значенія въ дѣлѣ достиженія народнаго блага".

„Правда, для разныхъ слоевъ общества конституція рисуется различно, — но тутъ уже возникаетъ вопросъ о возможности конституціи въ Россіи, потому что возможна въ данное время, въ данной странѣ только одна конституція,— та, которая соотвѣтствуетъ условіямъ ея соціальной и политической жизни. Очень, очень скоро о конституціи заговорятъ всѣ, потому что всѣ о ней уже теперь думаютъ, а приближается время, когда камни заговорятъ: князь Мещерскій будетъ предлагать свою конституцію, Витте и Ермоловъ—свою, а Побѣдоносцевъ — свою. Но въ нашемъ отечествѣ невозможна ни дворянская, ни буржуазная, ни клерикальная конституція, потому что средніе вѣка не оставили въ Россіи такихъ элементовъ, которыми на Западѣ могли держаться дворянскія и клерикальныя конституціи, а капитализмъ еще не успѣлъ закабалить народъ подъ владычество буржуазіи. Интеллигенція, какъ безкорыстная служительница народа, должна выдвинуть проектъ конституціи, основанный не на классовыхъ вожделѣніяхъ, а на чистыхъ идеалахъ народнаго блага, на справедливомъ сочетаніи разнообразныхъ интересовъ, существующихъ въ государствѣ, и потребностей самого государства, какъ цѣлаго" [1]).

---

[1]) См. «Проектъ русской конституціи» (составл. въ Россіи), со статьей Стяпняка. Лондонъ, 1895 г. Изд. фонта вольн. русской прессы. *Прим. изд.*

„Какіе бы недостатки въ немъ ни были, все же, въ существенныхъ чертахъ, проектъ соотвѣтствуетъ этому идеалу, и появленіе его, несомнѣнно, представляетъ событіе огромнаго политическаго значенія“, заключаетъ Волховской свою статью.

Мнѣніе Волховского о приведенномъ проектѣ конституціи особенно интересно, именно потому, что онъ является виднымъ представителемъ той революціонной группы, которая стремилась прямо къ соціализму, не признавая переходныхъ политическихъ формъ. Оно доказываетъ, что онъ и вся радикальная группа, стоявшая за журналомъ „Free Russia“, измѣнила свою точку зрѣнія, отказавшись отъ мысли о соціалистическихъ измѣненіяхъ государственнаго устройства, и честно присоединилась къ тому мнѣнію, что ни соціалистическія, ни какія бы то не было другія реформы не мыслимы до введенія свободной конституціонной формы правленія.

Это была точка зрѣнія, уже ранѣе провозглашенная группой народовольцевъ и террористами съ Исполнительнымъ Комитетомъ во главѣ. Они врядъ ли пошли бы въ своихъ требованіяхъ такъ далеко, какъ теперешніе либералы, платформа которыхъ, *вѣроятно*, привлекла бы къ себѣ всѣхъ недовольныхъ, еслибы они могли надѣяться на успѣхъ конституціоннаго движенія. Желаніе перемѣны было такъ же сильно и популярно, какъ и желаніе освобожденія крестьянъ къ концу царствованія Николая I. Лучшіе люди Россіи были твердо убѣждены въ необходимости новой, великой реформы, которая обсуждалась всюду и всѣми, желавшими отдать свои силы преобразовательной работѣ. Смерть Александра III освободила правительство отъ оковъ, которыми связывала его предшествовавшая политика. У сына и наслѣдника въ отношеніи внутренней политики руки были свободны. Всѣ мыслящіе элементы населенія ожидали и надѣялись, что онъ положитъ конецъ реакціонному режиму и съ бо́льшимъ воодушевленіемъ привѣтствовали бы исполненіе своихъ надеждъ, чѣмъ первые шаги его отца въ духѣ реформъ. Во власти Николая II всецѣло лежало однимъ ударомъ сдѣлать свое царствованіе самымъ популярнымъ, благодатнымъ и плодотворнымъ для народа.

Новѣйшее время.

Первые годы царствованія Николая II.

Все русское общество съ поистиннѣ трогательной настойчивостью надѣялось, что съ воцареніемъ Николая II наступятъ лучшія времена. Хотѣлось вѣрить, что молодой царь положитъ конецъ ужасной реакціи, продолжавшейся столь долго, и потому всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ тревожно наблюдали за каждымъ его шагомъ и взвѣшивали каждое его слово. Обыкновенно составляютъ нѣкоторое представленіе о характерѣ новаго монарха по тому или иному его мнѣнію или поступку въ бытность его наслѣдникомъ престола, но о Николаѣ II никто ничего не зналъ. Правда, онъ предсѣдательствовалъ въ двухъ комитетахъ (по доставленію помощи населенію губерній, пострадавшихъ отъ неурожая, и Сибирской жел. дороги), но все высказанное и написанное имъ при исполненіи этихъ обязанностей было весьма незначительно. Съ другой стороны, въ придворныхъ кругахъ увѣряли, что наслѣдникъ умышленно держится въ тѣни, зная, что не сможетъ провести своихъ взглядовъ. Наслѣдникъ самодержавнаго монарха долженъ, разумѣется, вести себя очень сдержанно, чтобы не возбудить мысли о томъ, что онъ стоитъ въ оппозиціи къ находящемуся у власти государю. Многіе придавали значеніе подобному объясненію той незамѣтной роли, которую игралъ наслѣдникъ, когда ему случалось выступать публично, и не теряли надежды, что онъ будетъ значительно либеральнѣе своего отца.

Въ началѣ эти надежды какъ будто оправдывались.

Многіе мелкіе факты указывали на то, что новый царь не склоненъ проявлять особенной снисходительности по отношенію къ чрезмѣрно своевольной бюрократіи. Такъ, напр., въ первые дни царствованія онъ сдѣлалъ весьма строгій выговоръ петербургскому градоначальнику фонъ-Валю за то, что тотъ приказалъ полиціи сорвать траурные флаги съ дома Строгановой, которые она велѣла вывѣсить, получивъ, какъ родственница императорской фамиліи, частное извѣстіе о кончинѣ царя, не дождавшись офиціальнаго увѣдомленія. Объ этомъ было доложено императору, который, получивъ еще нѣсколько жалобъ отъ иностранныхъ газетныхъ корреспондентовъ на притѣсненія градоначальника, посадилъ его на три дня подъ арестъ. Затѣмъ Николай II тотчасъ же уничтожилъ систему охраны, которая существовала при его отцѣ и доведена была до чрезвычайной крайности. Во время бракосочетанія новаго государя всякому внимательному наблюдателю бросалось въ глаза, какъ все въ этомъ отношеніи измѣнилось. То, что Николай II придавалъ меньше значенія придворному этикету, чѣмъ его предшественники, встрѣчено было съ удовольствіемъ. Онъ далъ рескриптъ на имя московскаго генералъ-губернатора вел. кн. Сергѣя Александровича и подписался: „любящій васъ племянникъ!“ Подобные факты считались многообѣщающими признаками и усердно комментировались, хотя всѣ понимали, что они касались только личнаго характера царя, а не его политическихъ взглядовъ.

Но и по отношенію къ послѣднимъ отмѣчались тоже благопріятные признаки. Польскій епископъ Попель получилъ приказаніе принимать присягу новому царю на русскомъ языкѣ и передалъ этотъ приказъ подчиненному ему духовенству. Многія духовныя лица, съ епископами Сандомірскимъ и Люблинскимъ во главѣ, прочитали, однако, присягу въ польскомъ переводѣ, на что генералъ-губернаторъ Гурко отвѣтилъ репрессіями, арестами и штрафами. Но одинъ изъ членовъ высшей польской аристократіи обратился къ невѣстѣ царя принцессѣ Алисѣ Гессенъ-Дармштадтской съ просьбой о заступничествѣ, результатомъ чего была личная телеграмма Николая II къ Гурко, съ приказаніемъ разрѣшить полякамъ приносить присягу на ихъ родномъ языкѣ. Незадолго до

этого, депутація выдающихся поляковъ съ епископомъ Попелемъ во главѣ представлялась ген.-губернатору и просила его передать государю выраженіе ихъ соболѣзнованія по поводу кончины Александра III и увѣренія въ ихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ. Генералъ отвѣтилъ, что сомнѣвается въ искренности ихъ чувствъ и надѣется, что новый государь будетъ продолжать обрусительную политику покойнаго. Депутація удалилась, выразивъ желаніе присутствовать при погребеніи Александра III въ Петербургѣ и принести поздравленіе новому государю. 10 дней тщетно ждала депутація отвѣта на свою телеграмму; тогда члены ея снова обратились къ Гурко, такъ какъ предполагали, что телеграмма ихъ не была отправлена. Въ то же время они желали узнать, когда имъ слѣдуетъ прибыть въ Петербургъ. Генералъ-губернаторъ принялъ ихъ еще суровѣе, чѣмъ въ первый разъ, и заявилъ, что они уже принесли присягу въ вѣрности, почему дальнѣйшія увѣренія излишни, что онъ не понимаетъ, представителями кого они, собственно, являются, что присутствовать на погребеніи разрѣшается только лицамъ придворнаго званія. Послѣ краткаго разговора, Гурко, не простившись, вышелъ изъ пріемной. Депутація рѣшила тогда отправиться въ Петербургъ самостоятельно, безъ разрѣшенія генералъ-губернатора, и царь отнесся къ ней съ исключительнымъ вниманіемъ и привѣтливостью.

Но больше всего поражало его отношеніе къ Финляндіи. Финляндцы воздержались отъ принесенія присяги и поздравленій до тѣхъ поръ, пока царь, какъ вел. князь финляндскій, конституціонный монархъ страны, не обнародовалъ своего манифеста къ ней. То, что царь, не взирая на это, не отказался отъ такого манифеста—шагъ, который ему весьма совѣтовали—разсматривалось въ Россіи, какъ доказательство либеральныхъ его взглядовъ, и у всѣхъ, напряженно слѣдившихъ за ходомъ событій, надежды вспыхнули еще ярче.

Даже иностранная пресса, повидимому, раздѣляла эти надежды. Во всѣхъ странахъ Европы газеты говорили о предстоящихъ въ Россіи реформахъ, какъ о совершившемся фактѣ. А въ самой Россіи и въ Польшѣ газеты переполнены были хвалебными гимнами царю и его намѣреніямъ, увѣре-

ніями въ вѣрноподданическихъ чувствахъ, изъявленіями народной любви и многими другими того же характера. Подобнымъ отношеніемъ, вѣроятно, разсчитывали возбудить въ молодомъ монархѣ такое стремленіе къ популярности, которое побудило бы его поступать такимъ образомъ, чтобы еще болѣе насладиться ею.

Однако, весьма скоро въ освѣдомленныхъ, соприкасавшихся съ дворомъ, кругахъ начали сильно сомнѣваться въ либеральныхъ вѣяніяхъ новаго царствованія. По возвращеніи царя изъ Крыма ожидаемыхъ перемѣнъ въ высшихъ кругахъ администраціи не произошло. Отношенія между царемъ и министрами его отца оставались наилучшими, за исключеніемъ только м-ра путей сообщенія, Кривошеина, который, по упорно ходившимъ въ Петербургѣ слухамъ, такъ неловко попался въ воровствѣ казенныхъ денегъ, что камарилья рѣшилась пожертвовать имъ. Повидимому, все оставалось по старому. М-ръ вн. дѣлъ, Дурново, зашелъ даже такъ далеко, что въ „частной“ бесѣдѣ съ издателемъ „Новаго Времени“, Суворинымъ, прямо заявилъ, что во внутренней политикѣ никакой перемѣны не произойдетъ и все останется по старому. Слухи объ этомъ разговорѣ распространились въ обществѣ, но послѣднее все еще надѣялось. Самъ царь пока не высказывался опредѣленно. Ожидали манифеста, который онъ долженъ былъ обнародовать при бракосочетаніи своемъ съ принцессой Алисой, и въ которомъ, думали, должны же быть какіе нибудь намеки на его намѣренія.

Манифестъ появился 16 ноября 1894 года, и русская рептильная печать привѣтствовала его льстивыми выраженіями обычнаго подхалимства. Другія газеты напечатали его безъ комментаріевъ, которые, впрочемъ, цензура, во всякомъ случаѣ, не пропустила бы. А заграничная печать послѣдовала обычному въ такихъ случаяхъ обману, восхваляя царскій манифестъ и считая его проявленіемъ чрезвычайной милости и благожелательности. Но въ Россіи не ограничились тѣмъ, чтобы такъ просто проглотить цвѣтистыя фразы этого документа. Смыслъ и содержаніе манифеста подробно разобрали, вовсе не почувствовавъ себя облагодѣтельствованными.

Крестьянамъ прощались, какъ всегда, недоимки, кото-

рыхъ податные инспектора все равно не могли съ нихъ взыскать, даже при самомъ энергичномъ примѣненіи розогъ; такъ что „милость“ заключалась главнымъ образомъ въ подаркѣ порки, которой, можетъ быть, лишній разъ подвергли бы этихъ обнищавшихъ должниковъ государства.

Немногимъ изъ сосланныхъ въ Сибирь за участіе въ мятежѣ 1863 г. полякамъ, отбывшимъ срокъ своего наказанія, было „милостиво даровано“ право вернуться изъ ссылки и поселиться въ Россіи, *за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ пребываніе ихъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ будетъ признано опаснымъ для общественнаго порядка.* Это значитъ, что послѣ 32-хъ лѣтней ссылки имъ разрѣшалось перемѣнить одно мѣсто ссылки на другое, такъ какъ указанная оговорка о правѣ м—ра вн. дѣлъ не обозначала ничего иного. По прежнему они оставались внѣ закона, подъ надзоромъ высшей полицейской власти.

Что касается политическихъ преступниковъ, то царская милость простиралась только на тѣхъ, которые были обвинены по ст. 246 уложенія о наказаніяхъ, т. е. на лицъ, совершившихъ „преступленіе“ противъ „портретовъ, статуй, бюстовъ или иныхъ изображеній“ государя, или „дозволившихъ себѣ... дерзкія слова и поступки заочно, безъ прямого намѣренія возбудить неуваженіе къ священной особѣ государя императора“... Они получали полное прощеніе за свои преступленія, которыя въ дѣйствительно цивилизованной странѣ показались бы смѣшными [1]). По отношенію же къ настоящимъ политическимъ преступникамъ — „настоящимъ“ по офиціальному русскому представленію—всѣ облегченія и смягченія ихъ участи, перечисленныя въ манифестѣ, предоставлялись совершенно на усмотрѣніе администраціи, и всѣ облегченія только распространялись на лицъ, заслужившихъ это „своимъ хорошимъ поведеніемъ“. Другими словами, царская милость въ этомъ отношеніи сводилась къ тому, что царь предоставлялъ администраціи миловать тѣхъ, которыхъ признаютъ достойными различные чиновники. А такъ какъ подъ „хорошимъ поведеніемъ“ считалось лишь отреченіе отъ

---

[1]) За исключеніемъ, впрочемъ, Германіи. *Прим. автора.*

своихъ взглядовъ и принциповъ, за которые терпѣли „преступники“, то легко понять, что „милость“ могла коснуться лишь революціонныхъ ренегатовъ и перебѣжчиковъ. Для этихъ послѣднихъ особой „милости“ и не требовалось, такъ какъ правительство и безъ того неоднократно миловало „раскаявшихся“ политическихъ преступниковъ. Александръ III даже совершенно простилъ Льва Тихомирова, который отрекся отъ всѣхъ своихъ прежнихъ взглядовъ и ходатайствовалъ о помилованіи, несмотря на то, что Тихомировъ былъ членомъ Исполнительнаго Комитета, приговорившаго къ смерти Александра II.

Наконецъ, по отношенію къ политическимъ эмигрантамъ, въ безопасности пребывавшимъ за предѣлами святой Руси, манифестъ разрѣшалъ м-ру вн. дѣлъ представлять ходатайства эмигрантовъ о правѣ свободнаго возвращенія въ Россію, т. е. министръ могъ это дѣлать, если хотѣлъ, но не былъ къ тому обязанъ. Значитъ, и въ этомъ пунктѣ рѣшеніе всецѣло ставилось въ зависимость отъ бюрократіи. Только тѣ ходатайства, которыя министръ, разумѣется, на основаніи отзывовъ департамента полиціи и охраннаго отдѣленія, признавалъ достойными вниманія, достигали до царя. Исключенія изъ этого права м-ра вн. дѣлъ составляли лишь ходатайства такихъ эмигрантовъ, которые обвинялись по 249 ст. уложенія о наказаніяхъ, которая, собственно, могла быть примѣнена ко всѣмъ русскимъ политическимъ эмигрантамъ, безъ исключенія. Вотъ она:

„За бунтъ противъ Власти Верховной, то есть возстаніе скопомъ и заговоромъ противъ Государя и государства, а равно и за умыселъ ниспровергнуть правительство во всемъ государствѣ или въ нѣкоторой онаго части, или же перемѣнить образъ правленія... виновные въ томъ всѣ, какъ главные, такъ и сообщники ихъ, подговорщики, подстрекатели, пособники, попустители и укрыватели, подвергаются:

„лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни.

„Тѣ, которые, знавъ о такомъ злоумышленіи и приготовленіи къ приведенію онаго въ дѣйство и имѣвъ возможность довести о томъ до свѣдѣнія правительства, не исполнили сей обязанности приговариваются:

„къ тому же наказанію“.

Статья составлена такъ, что при желаніи всякая попытка оппозиціи противъ существующаго правительства могла быть истолкована, какъ нарушеніе ея. Опредѣленіе манифеста, что ходатайства лицъ, обвиняемыхъ по этой статьѣ и эмигрировавшихъ, не должны приниматься во вниманіе м-ромъ вн. дѣлъ, дѣлало такимъ образомъ и право представлять политическихъ эмигрантовъ къ помилованію почти обманомъ. Эмигрантовъ же той категоріи, которыхъ реабилитировалъ манифестъ, почти не было.

Преслѣдуемыхъ по религіознымъ мотивамъ сектантовъ не считали достойными даже видимаго помилованія. О сотняхъ и тысячахъ штундистовъ, духоборовъ, старовѣровъ и другихъ жертвахъ побѣдоносцевскаго фанатизма манифестъ совершенно не упоминалъ. Ихъ мрачная судьба не озарялась ни единымъ лучемъ надежды. Милости манифеста столь же мало распространялись на тѣхъ, которые были наказаны за нарушеніе постановленій цензуры,—„преступники", которые обыкновенно принимались въ расчетъ при изданіи подобныхъ милостивыхъ актовъ. Но зато въ манифестѣ много говорилось о системѣ административныхъ наказаній, какъ о незыблемомъ государственномъ установленіи, и не обѣщалось того, что администрація будетъ поставлена въ нормальныя, закономъ опредѣленныя рамки.

Какъ ни мало было утѣшительнаго въ манифестѣ, но въ обществѣ все еще сохранялась надежда на возможность вырвать власть изъ рукъ реакціонной камарильи, заставившей царя подписать цвѣтистый, но безсодержательный манифестъ. Не хотѣлось разставаться съ надеждами на болѣе свѣтлыя времена, пока была еще хоть какая нибудь возможность удержать ихъ.

Но вскорѣ упованія русскихъ оптимистовъ окончательно разрушились. Вслѣдствіе вступленія государя на престолъ и его бракосочетанія, многія губерніи отправили депутаціи съ поздравленіями, причемъ нѣкоторыя земства воспользовались этимъ случаемъ, чтобы представить молодому монарху выраженіе дѣйствительныхъ чувствъ и желаній народа. Такъ, напр., тверское земство поднесло ему адресъ, наиболѣе радикальный изъ всѣхъ, содержаніе котораго, мы приводимъ цѣликомъ:

„Ваше Императорское Величество! Въ знаменательные дни начала служенія Вашего русскому народу, земство Тверской губерніи привѣтствуетъ Васъ привѣтомъ вѣрноподданныхъ. Раздѣляя Вашу скорбь, Государь, мы надѣемся, что въ народной любви, въ силѣ надеждъ и вѣры народа, обращенныхъ къ Вамъ, Вы почерпнете успокоеніе въ горѣ, столь неожиданно постигшемъ Васъ и страну Вашу, и въ нихъ найдете твердую опору въ томъ трудномъ подвигѣ, который возложенъ на Васъ провидѣніемъ. Съ благодарностью выслушалъ народъ русскій тѣ знаменательныя слова, которыми Ваше Величество возвѣстили о вступленіи своемъ на Всероссійскій престолъ. Мы вмѣстѣ со всѣмъ народомъ русскимъ проникаемся благодарностью и уповаемъ на успѣхъ трудовъ Вашихъ въ достиженіи великой цѣли, Вами поставленной— устроять счастье Вашихъ вѣрноподданныхъ. Мы питаемъ надежду, что съ высоты престола всегда будетъ услышанъ голосъ нужды народной. Мы уповаемъ, что счастье наше будетъ расти и крѣпнуть при неуклонномъ исполненіи закона, какъ со стороны народа, такъ и представителей власти,— ибо законъ, представляющій въ Россіи выраженіе Монаршей воли, долженъ стать выше случайныхъ видовъ отдѣльныхъ представителей этой власти. Мы горячо вѣруемъ, что права отдѣльныхъ лицъ и права общественныхъ учрежденій будутъ незыблимо охраняемы. Мы ждемъ, Государь, возможности и права для общественныхъ учрежденій выражать свое мнѣніе по вопросамъ ихъ касающимся, дабы до высоты престола могло дистигать выраженіе потребностей и мысли не только представителей администраціи, но и народа русскаго. Мы ждемъ, Государь, что въ Ваше царствованіе Россія двинется впередъ по пути мира и правды со всѣмъ развитіемъ новыхъ общественныхъ силъ. Мы вѣримъ, что въ общеніи съ представителями всѣхъ сословій русскаго народа, равно преданныхъ престолу и отечеству, власть Вашего Величества найдетъ новый источникъ силы и залогъ успѣха въ исполненіи великодушныхъ предначертаній Вашего Императорскаго Величества“.

Тульское земство выступило съ адресомъ, который, послѣ смиренныхъ заявленій вѣрноподданническихъ чувствъ, лояльности и преданности, заканчивался слѣдующими словами:

„Связанные съ лицомъ народа, сознавая себя живою частью великаго единаго цѣлаго и призванные къ мѣстной общественной дѣятельности, мы, люди земскіе, глубоко вѣримъ, что мѣстныя потребности могутъ быть удовлетворены лишь при посредствѣ мѣстныхъ людей и просимъ довѣрія своего Царя, которое необходимо для плодотворнаго служенія родинѣ, *просимъ открытаго доступа голоса земства къ престолу* [1]). Мы вѣримъ, что только освященное живымъ общеніемъ Царя совокупное единство работы возбудитъ новыя живыя силы".

Ни одинъ изъ другихъ земскихъ адресовъ не былъ составленъ въ такихъ ясныхъ выраженіяхъ, какъ только что приведенные, но многіе были проникнуты тѣмъ же смысломъ и духомъ, и потому сочтены нелояльными. Всѣ адресы, прежде чѣмъ достичь государя, направлялись въ м-во внутреннихъ дѣлъ, которое рѣшало, достойны ли они быть представленными его величеству или нѣтъ. Либеральные адресы были признаны м-вомъ непригодными, а члены тверской депутаціи, какъ перешедшей всѣ границы дозволеннаго, лишены министромъ права лично принести поздравленіе царю [2]). Государю было, разумѣется, доложено о такомъ нарушеніи вѣрноподданническаго долга нѣкоторыми земскими депутаціями, и онъ не счелъ возможнымъ обойти молчаніемъ ихъ неподобающее поведеніе. На пожеланія, которыя осмѣлились высказать нѣкоторыя земства, царь отвѣтилъ имъ на торжественномъ пріемѣ всѣхъ депутатовъ. Отвѣтъ этотъ является политической програмной рѣчью Николая II. Даже у самыхъ ярыхъ сангвиниковъ исчезла теперь надежда на то, что личная иниціатива государя внесетъ либеральныя измѣненія въ правительственную систему. Такъ поняли эту рѣчь всѣ — и поняли правильно, что вполнѣ доказала реакціонная послѣдовательность, съ какою и до сихъ поръ преслѣдуется

---

[1]) Курсивъ подлинника. *Пр. Изд.*

[2]) «Адресъ Тверского земства не былъ даже принятъ государемъ и на докладѣ о немъ м-ра вн. дѣлъ послѣдовала высочайшая резолюція: «Я чрезвычайно удивленъ и недоволенъ этой неумѣстной выходкой 35 гласныхъ губернскаго земскаго собранія».

С. Г. Сватиковъ: «Общественное движеніе въ Россіи», Спб. 1905, стр. 190—191. *Примѣч. издателя.*

политика, возвѣщенная тогда. Вотъ, что государь сказалъ депутатамъ:

„Я радъ видѣть представителей всѣхъ сословій, съѣхавшихся для заявленія вѣрноподданническихъ чувствъ. Вѣрю искренности этихъ чувствъ, искони присущихъ каждому русскому. Но мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтаніями объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія. Пусть всѣ знаютъ, что я, посвящая всѣ свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его мой незабвенный покойный родитель“.

На неопредѣленность этой рѣчи пожаловаться уже было нельзя.

Какъ она была принята и какое впечатлѣніе произвела на земскія депутаціи, лучше всего видно изъ того, что на слѣдующій день на благодарственный молебенъ явилось всего 30 депутатовъ изъ 600. Всѣ спеціальные корреспонденты европейскихъ газетъ сообщали, что эта рѣчь вызвала всеобщее недовольство и ропотъ.

„Съ политической точки зрѣнія“, говоритъ Степнякъ,— „рѣчь 20-го декабря обозначаетъ поворотный пунктъ въ исторіи нашего оппозиціоннаго движенія. До сихъ поръ правительство заявляло, что только лица, стоящія внѣ закона, безумные революціонеры, соціалисты и другіе невмѣняемые субъекты требовали реформы нашей политической системы. Николай II первый открыто призналъ, что страна, черезъ своихъ уполномоченныхъ представителей, просила его о конституціонной реформѣ; но онъ, царь, отказался исполнить эту просьбу и рѣшилъ, насколько возможно, упорствовать въ этомъ отказѣ“.

Реакціоннымъ совѣтчикамъ Александра III удалось окончательно подчинить своему вліянію и Николая II. Побѣдоносцевскій режимъ былъ надолго обезпеченъ, царь поддался убѣжденіямъ камарильи и реакція продолжалась въ ея худшей формѣ. И революціонной и либеральной оппозиціи не оставалось ничего иного, какъ попытаться вызвать сильное

движеніе, такую всеобщую и глубокую смуту, чтобы заставить правительство изъ чувства самосохраненія приняться за реформы.

Стремленія эти поддерживались и до сихъ поръ поддерживаются дѣйствительнѣе всего самой реакціей. Въ царствованіе Николая II она всѣми, имѣвшимися въ ея распоряженіи, средствами увеличивала недовольство и смуту, доводя ихъ до все болѣе рѣзкихъ и всеобщихъ проявленій. Она все еще не понимала, что и ея угнетательныя способности имѣютъ предѣлъ, и что карательныя мѣры, вслѣдствіе слишкомъ частаго и широкаго примѣненія, теряютъ свою силу.

Реакція при Николаѣ II.

Практическое примѣненіе политическихъ принциповъ, провозглашенныхъ въ приведенномъ выше отвѣтѣ депутаціямъ, не заставило себя долго ждать. Первой жертвой былъ одинъ изъ тверскихъ депутатовъ, 70-лѣтній старикъ, извѣстный землевладѣлецъ, Головачевъ, авторъ сочиненія „Десять лѣтъ реформъ". Ему запретили земскую дѣятельность и приказали удалиться въ свое имѣніе—смягченная форма ссылки. Это было въ то же время закрѣпленіемъ приговора, произнесеннаго надъ смѣлостью земствъ, высказавшихъ пожеланіе реформъ.

Но на этомъ не остановились. Наоборотъ, реакціонные правители, послѣ короткаго промежутка неопредѣленности, какъ бы почерпнули новыя силы и энергію, особенно м-ръ вн. дѣлъ Дурново и оберъ-прокуроръ св. синода. Они совмѣстно склонили государя, въ самомъ началѣ его царствованія, утвердить новую мѣру преслѣдованія штундистовъ. Имъ было окончательно запрещено совершать свои богослуженія, причемъ изготовленнымъ по этому поводу циркуляромъ м-ра вн. дѣлъ они объявлялись одной изъ самыхъ опасныхъ сектъ для церкви и государства.

Цензура дѣйствовала съ бо́льшей строгостью, чѣмъ когда либо. Въ списокъ запретныхъ сочиненій было включено не менѣе 250 книгъ, до тѣхъ поръ свободно продававшихся и

обращавшихся въ Россіи,—между ними много произведеній Толстого, разсказовъ Короленко, сочиненій Г. Спенсера и т. д.. Эти книги безъ политической тенденціи были все таки опасны для правительства, поскольку онѣ давали читателямъ матеріалъ для размышленія и сравненій. Вслѣдъ затѣмъ были окончательно запрещены 72 сочиненія на малороссійскомъ языкѣ, исключительно поэтическія и беллетристическія. Правительство изъяло ихъ только потому, что они были написаны на этомъ языкѣ, такъ какъ оно давно уже объявило войну малорусской національности и всѣми силами старалось ее подавить. Гоненіе это продолжалось при новомъ царствованіи съ удвоенной энергіей и силой. Приблизительно одновременно съ вышеупомянутымъ цензурнымъ циркуляромъ произошелъ другой замѣчательный случай: одной молодой дѣвушкѣ, выдержавшей всѣ установленныя испытанія, запретили завѣдывать начальной школой, на томъ основаніи, что она говорила съ малорусскимъ акцентомъ. По той же причинѣ въ Черниговской губерніи были уволены 2 сельскихъ учителя, а въ Полтавской не менѣе 11.

По совсѣмъ другимъ, но не менѣе ничтожнымъ мотивамъ уволили двухъ профессоровъ московскаго университета, П. Н. Милюкова и Безобразова. Къ первому администрація не могла придраться, и онъ былъ удаленъ министромъ народнаго просвѣщенія за „вообще вредное направленіе“. Второй же совершилъ тяжкое преступленіе, выпустивъ свою книгу о правахъ женщинъ, и вслѣдствіе этого былъ исключенъ со службы.

Стремленія властей препятствовать просвѣщенію и прогрессу особенно ярко выражаются въ одномъ документѣ того времени, составленномъ и подписанномъ м-ромъ вн. дѣлъ и обращенномъ къ м-ру народнаго просвѣщенія. Документъ, помѣченный 17 февраля 1895 г., къ сожалѣнію, слишкомъ длиненъ, чтобы мы могли привести его цѣликомъ, но нѣсколькихъ выдержекъ изъ него будетъ достаточно для сужденія о его духѣ и цѣляхъ.

„Среди соціальныхъ явленій, обнаружившихся за послѣднее время“,—начинаетъ Дурново свой докладъ,—„нужно особенно отмѣтить тенденцію къ поднятію уровня народ-

наго образованія, путемъ организаціи популярныхъ лекцій, устройства библіотекъ и читаленъ для свободнаго пользованія научными нравоучительными и литературными сочиненіями фабричнымъ рабочимъ и сельскимъ населеніемъ". Г. Дурново считаетъ подобныя стремленія „принципіально почтенными и цѣнными", но въ то же время обезпокоенъ дѣятельностью въ этой сферѣ Комитета грамотности, составлявшаго отдѣленіе петербургскаго Вольно-экономическаго общества. Причины этого безпокойства, по свидѣтельству министра внутреннихъ дѣлъ, таковы: что тѣ, которые исполняютъ работу указаннаго общества (молодые врачи, учителя, статистики, учащіеся въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ) принадлежатъ къ, такъ называемой, интеллигенціи; что ведущееся такимъ образомъ просвѣтительное движеніе сильно возрастаетъ; что оно, повидимому, систематически организовано; что лучшіе либеральные писатели работаютъ для народной литературы, и что общество управляется „опытными и умѣлыми руководителями". Всѣ эти обстоятельства заключаютъ въ себѣ, по мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, извѣстную степень опасности для государства, и поэтому онъ заявляетъ, что участіе частныхъ лицъ и обществъ въ работѣ по народному образованію „полезно и можетъ быть разрѣшаемо только при томъ условіи, когда это участіе согласуется съ утвержденной правительствомъ системой, которая представляется министерствомъ народнаго просвѣщенія". На основаніи этихъ опасеній и желаній, которыя онъ излагаетъ съ такой высокопарностью и безсознательнымъ цинизмомъ, министръ внутреннихъ дѣлъ предлагаетъ своему коллегѣ по народному просвѣщенію ходатайствовать о томъ, чтобы упомянутый Комитетъ грамотности, состоящій, въ качествѣ отдѣленія Вольно-экономическаго общества, въ вѣдѣніи министерства земледѣлія, впредь былъ бы подчиненъ м-ву народнаго просвѣщенія, „которое одно съ достаточной компетентностью и безъ стѣсненія по отношенію къ точнымъ границамъ цензуры можетъ опредѣлить тѣ книги среди печатающихся для народа, которыя могутъ имѣть вредное вліяніе".

Министръ внутреннихъ дѣлъ самъ заявилъ, что цензура

связана „закономъ“ [1]), т. е.—циркулярами м-ва вн. дѣлъ и св. синода—и желалъ поэтому, чтобы даже и такая пародія на законность не являлась препятствіемъ къ подавленію народнаго образованія, чтобы министерство, поставившее своей задачей не содѣйствіе народному образованію, а подавленіе его, всю власть въ этой области получило въ свои руки. И желаніе Дурново было исполнено. Названное общество подчинили м-ву народнаго просвѣщенія, а съ этихъ поръ прекратилась, въ главныхъ чертахъ, и его дѣятельность.

Поводомъ къ этому чрезвычайно грубому проявленію репрессіи по отношенію всякихъ просвѣтительныхъ стремленій послужило, вѣроятно, то, что Комитетъ грамотности предпринялъ собираніе статистическаго матеріала относительно народныхъ школъ, желая обработать его и представить на предстоявшей Всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ Новгородѣ наглядную картину начальнаго обученія въ Россіи. Съ этой цѣлью Комитетъ грамотности обратился къ священникамъ и сельскимъ учителямъ имперіи съ просьбою сообщить необходимыя свѣдѣнія. Но въ то же время Побѣдоносцевъ и Деляновъ разослали „секретные“ циркуляры, въ которыхъ первый сообщалъ епископамъ, что духовенство не обязано доставлять требуемыхъ данныхъ, а второй просто приказывалъ школьнымъ учителямъ не заполнять опросныхъ листовъ.

Неудивительно, что при такомъ настроеніи властей евреямъ жилось не легче, чѣмъ при покойномъ государѣ. Для иллюстраціи того, какъ относилось къ нимъ правительство, достаточно привести циркуляръ, касающійся поѣздокъ евреевъ по государству, изданный военнымъ министромъ Ванновскимъ и опубликованный въ „Правит. Вѣстникѣ“ 18 марта 1895 г. Вотъ онъ:

„На основаніи ст. 13 уст. пасп., по прод. 1893 г., евреямъ воспрещается водвореніе и постоянное жительство

---

[1]) Между прочимъ, онъ указываетъ на то, что цензура, ограничиваемая по закону извѣстными рамками, не всегда можетъ бороться съ искусно ведомой пропагандой нѣкоторыхъ идей и не имѣетъ формальныхъ причинъ запрещать нѣкоторыя книги, содержаніе которыхъ не всегда совпадаетъ съ общепринятыми воззрѣніями, съ духомъ православія и государственной жизни. *Прим. авт.*

въ областяхъ Донской, Кубанской и Терской. Вслѣдствіе сего въ эти области евреи могутъ пріѣзжать только для временного пребыванія, на опредѣленные сроки, въ случаяхъ, указанныхъ въ статьяхъ 157, 159 и 161 уст. пасп. Но въ этихъ статьяхъ не содержится никакого указанія о томъ, что евреи имѣютъ право пріѣзда для леченія изъ мѣстностей ихъ осѣдлости въ прочія мѣстности имперіи. По дѣйствующимъ законоположеніямъ о евреяхъ (уст. пасп. ст. 158, п. I, ж) для леченія минеральными водами и въ клиникахъ евреи могутъ пріѣзжать только въ Кіевъ.

Между тѣмъ, евреи, по донесенію кавказскаго начальства, продолжаютъ прибывать на кавказскія минеральныя воды для леченія.

„Въ виду сего и принимая во вниманіе, что кромѣ группы кавказскихъ минеральныхъ водъ (пятигорскія, желѣзноводскія, ессентукскія и кисловодскія) въ Терской области, въ разныхъ пунктахъ ея, находится много другихъ источниковъ минеральныхъ водъ, что лечебныя минеральныя воды имѣются также въ областяхъ Кубанской и Донской, признаю необходимымъ, во избѣжаніе недоразумѣній по вопросу о правѣ евреевъ пріѣзжать въ названныя области для леченія, указать начальству кавказскихъ казачьихъ войскъ и войска донского, для руководства, что, по закону, евреямъ долженъ быть воспрещенъ пріѣздъ въ Донскую, Кубанскую и Терскую области, какъ для пользованія минеральными водами, такъ и вообще для леченія отъ болѣзней“.

Этимъ можно заключить отдѣлъ объ отношеніи къ евреямъ, добавивъ, что съ 1895 года правительство ни въ чемъ не измѣнило своей политики. Тотъ фактъ, что министръ приказываетъ своимъ подчиненнымъ закрыть цѣлой категоріи гражданъ доступъ къ лечебнымъ учрежденіямъ, исключительно изъ за національности этихъ гражданъ, настолько характеренъ для крайняго презрѣнія властей ко всѣмъ требованіямъ гуманности и справедливости, что не требуетъ дальнѣйшихъ поясненій. Что это презрѣніе отразилось на низшихъ чиновникахъ и на различныхъ слояхъ населенія, доказывается часто сообщаемыми извѣстіями о „волненіяхъ“ въ различныхъ мѣстностяхъ черты осѣдлости.

Эти волненія не что иное, какъ взрывы расовой ненависти, для подавленія которыхъ правительство ничего не предпринимаетъ. Какіе плоды принесла подобная политика, всего лучше видно изъ того обстоятельства, что за послѣдніе годы русскіе евреи, все въ большемъ количествѣ и со все большей стойкостью, объединяются для отпора самодержавію. У нихъ нѣтъ надеждъ на лучшее будущее, пока существуетъ самодержавіе, и поэтому они, несмотря на свое врожденное отвращеніе ко всему похожему на борьбу, образовали нѣсколько крупныхъ революціонныхъ организацій и готовы идти рука объ руку со всѣми борцами противъ самодержавной власти.

Столь же безтактно, съ гуманной и политической точекъ зрѣнія, поступало правительство и съ учащейся молодежью высшихъ учебныхъ заведеній. Первые безпорядки по вступленіи на престолъ новаго царя произошли въ Петербургѣ въ мартѣ 1895 г. Поводомъ къ нимъ послужило рѣшеніе студентовъ петербургскаго университета подать петицію о введеніи университетскаго устава 1863 г., а вмѣстѣ съ тѣмъ и о допущеніи нѣсколько большей степени свободы. Власти запретили собирать подписи подъ петиціей, а такъ какъ градоначальникъ фонъ-Валь боялся, что студенты могутъ воспользоваться празднованіемъ годовщины основанія университета (8 февраля) и обойти его запретъ, то онъ приказалъ полиціи не допускать въ этотъ день студентовъ въ увеселительныя заведенія и рестораны. Передъ однимъ изъ послѣднихъ (ресторанъ Палкина, на углу Невскаго и Владимірскаго пр.), вслѣдствіе грубости, съ которой полиція исполняла приказъ, произошло столкновеніе, при которомъ нѣсколько студентовъ было избито полицейскими и ихъ обычными сотрудниками—дворниками изъ сосѣднихъ домовъ. Такимъ же образомъ и по столь же ничтожнымъ мотивамъ возникало большинство столкновеній студентовъ съ властями, пока мало по малу и учащейся молодежи не стало совершенно ясно, гдѣ коренятся причины всѣхъ этихъ ужасныхъ условій.

Для установившагося режима и его духа весьма характерны случаи, вродѣ происшедшаго въ Сарапулѣ, Вятской гу-

берніи. Два ученика мѣстнаго реальнаго училища, одинъ 17 лѣтъ, а другой еще моложе, были исключены за то, что въ день причастія не воздержались отъ всякой пищи, но утромъ, по обыкновенію, напились чаю. Въ Томскѣ 10-лѣтняго школьника исключили за то, что, когда товарищъ выругалъ его „жидомъ", тотъ крикнулъ: „твой Христосъ тоже былъ жидъ!" Это было признано кощунствомъ. Въ Одессѣ, съ учащимися дѣтьми обращались еще лучше. Нѣсколько мальчиковъ-подростковъ были приговорены къ тюремному заключенію и ссылкѣ за распространеніе запрещенной литературы среди рабочихъ, а двѣ ученицы 14 и 15 лѣтъ, сестры Штейнрейхъ, были арестованы и заключены на нѣкоторое время въ тюрьму— за то, что брали уроки у лица политически-неблагонадежнаго!

Изъ событій перваго года царствованія новаго императора заслуживаютъ упоминанія новыя преслѣдованія духоборовъ. Члены этой секты, отбывавшіе воинскую повинность въ крѣпости Карсъ, узнавъ о жостокомъ обращеніи съ ихъ единовѣрцами въ Елизаветпольской губерніи, сдали свое оружіе,— вѣроятно, чтобы не впасть въ искушеніе употребить его въ дѣло. Начальство попыталось запугать ихъ предстоящей имъ будто бы казнью, приказало поставить висѣлицы и подвести къ нимъ преступниковъ. Но это не подѣйствовало. Начальству пришлось уступить и удовольствоваться наложеніемъ простого дисциплинарнаго взысканія. Но духоборы не покорились. Въ одной изъ ихъ общинъ, запасные собрали свое оружіе, вынесли его, въ сопровожденіи всей общины вонъ за село, сложили въ кучу, облили керосиномъ и сожгли при пѣніи псалмовъ. Мѣстный губернаторъ приказалъ высѣчь за это 63 запасныхъ и выслалъ цѣлыхъ 35 семей въ неизвѣстное мѣсто, не позволивъ имъ взять съ собою никакого имущества.

Можно бы наполнить цѣлые тома примѣрами, характеризующими направленіе воцарившееся съ перваго дня вступленія на престолъ нынѣшняго государя—примѣрами, о которыхъ онъ самъ, вѣроятно, ничего не зналъ. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ, однако, слишкомъ вдаваться въ подробности, поэтому мы приведемъ лишь нѣсколько случаевъ.

Они съ очевидностью показываютъ, что реакція никогда не прекращалась и не ослабѣвала, но, наоборотъ, непрерывно усиливалась, и скоро настанетъ день, когда она уже *не сможетъ* болѣе продолжаться.

27 октября 1895 года министръ внутреннихъ дѣлъ Дурново былъ уволенъ въ отставку. Положеніе его было уже давно поколеблено вмѣшательствомъ его въ скандальную исторію съ Кривошеинымъ, уволеннымъ министромъ путей сообщенія. Кривошеинъ дѣйствовалъ такъ беззастѣнчиво и неумѣло, что пришлось назначить коммиссію изъ трехъ лицъ для разслѣдованія его дѣлъ. Нѣкоторое время Дурново, „занимавшему“ у него значительныя суммы, удавалось выгораживать пріятеля. Было приказано даже, чтобы о разслѣдованіи ничего не сообщалось въ газетахъ. Однако сношенія Дурново съ его бывшимъ коллегой все-таки обнаружились въ столь некрасивомъ свѣтѣ, что ему предложили подать въ отставку [1]). Преемникомъ Дурново былъ Горемыкинъ, показавшій себя великолѣпнымъ представителемъ русской бюрократіи и въ то же время фанатическимъ ненавистникомъ евреевъ. Мы, вѣроятно, не ошибемся, если предположимъ, что эта послѣдняя его черта, болѣе чѣмъ какая либо другая, снискала ему расположеніе Побѣдоносцева. А оберъ-прокуроръ сдѣлался тогда почти что самодержцемъ.

Но были все-таки въ Россіи люди, которые надѣялись, что новый министръ вн. дѣлъ до нѣкоторой степени измѣнитъ курсъ. Извѣстно было, что онъ когда-то высказывался противъ введенія института земскихъ начальниковъ, совершенно лишившаго крестьянъ какихъ бы то ни было правъ, но при этомъ не принималось во вниманіе, что его покровитель Побѣдоносцевъ, тогда тоже возставалъ противъ этой мѣры [2]), и противодѣйствіе Горемыкина могло объясняться

---

[1]) За мѣсяцъ до отставки Дурново, корреспондентъ «New-Jork Tribune» сообщалъ, что Дурново получилъ приказаніе подать въ отставку и что преемникомъ его будетъ Сипягинъ. Причина его увольненія была извѣстна всѣмъ въ городѣ, потому что протоколъ слѣдственной коммиссіи былъ сообщенъ публикѣ и даже напечатанъ «Free Russia». *Прим. авт.*

[2]) Почему Побѣдоносцевъ противился реакціонной мѣрѣ, до сихъ поръ не выяснено. Предполагаютъ, что оппозиція его основывалась на личныхъ мотивахъ, касавшихся или автора предложенія, гр. Толстого, или Дурново, его конечнаго исполнителя. *Прим. авт.*

желаніемъ подслужиться своему могущественному благодѣтелю. Что это противодѣйствіе вытекало не изъ либерализма новаго министра, вскорѣ обнаружилось съ достаточной ясностью. 28 декабря 1895 года тверское дворянство (240 голосами противъ 20) рѣшило принести царю жалобу на тверского губернатора за то, что послѣдній самовольно запретилъ 66 лицимъ участвовать въ завѣдываніи школами, которыя они сами основали и открыли. Ходатайство было, между прочимъ, подписано новымъ министромъ путей сообщенія, княземъ Хилковымъ, и нижегородскимъ губернаторомъ, какъ дворянами тверской губерніи, и вручено министру внутреннихъ дѣлъ Горемыкину для передачи царю. Послѣ доклада Горемыкина ходатайство и жалоба были отклонены съ замѣчаніемъ, что не дѣло дворянства ходатайствовать о подобныхъ вопросахъ.

Важнѣйшими событіями 1896 года были коронація въ Москвѣ и большая стачка въ Петербургѣ, гдѣ рабочіе совершенно неожиданно впервые проявили энергію и солидарность. О коронаціи мы не будемъ особенно распространяться. Тѣ, которые, несмотря на прошлогоднюю политику правительства, придерживались мнѣнія, что во всѣхъ реакціонныхъ мѣропріятіяхъ, виноваты совѣтчики царя, надѣялись, что обычный коронаціонный манифестъ возвѣститъ о намѣреніи правительства вступить на новый путь. И на этотъ разъ они обманулись. Ожидаемый манифестъ по существу походилъ на изданный по случаю бракосочетанія Николая II. Единственными счастливцами, получившими амнистію, были чиновники, находившіеся подъ судомъ за злоупотребленіе властью. Всѣ они освобождались отъ непріятныхъ послѣдствій своихъ преступленій, а тѣ, которые изъ-за нихъ пострадали, должны были утѣшиться и нести свои потери, какъ могли. На политическихъ преступниковъ, ссыльныхъ и эмигрантовъ манифестъ не распространялся. Участь ихъ зависѣла отъ министра вн. дѣлъ, той самой администраціи, которая ввергла ихъ въ бѣду. Коронаціонный манифестъ окончательно разбилъ всѣ надежды русскаго общества. Извѣстный американскій ораторъ и писатель, нынѣ умершій, Роб. Ингерсолль, высказываетъ впечатлѣнія всего

цивилизованнаго міра, по поводу коронаціонныхъ торжествъ въ Москвѣ. Слова его стоитъ привести: „Читая описанія царской коронаціи, процессій, празднествъ, парадовъ, варварской роскоши, золотыхъ тканей и сверкающихъ драгоцѣнныхъ камней, я не могъ не думать о бѣдныхъ мужикахъ, о выбивающихся изъ силъ, полуголодныхъ милліонахъ, о темныхъ, невѣжественныхъ массахъ, принадлежащихъ царю тѣломъ и душой. Я думалъ о спинахъ, истерзанныхъ кнутомъ, о тысячахъ заключенныхъ, томящихся по тюрьмамъ за то, что осмѣлились лепетать о свободѣ, о толпахъ людей, которыхъ, подобно скоту, гонятъ по ужаснымъ дорогамъ, ведущимъ въ сибирскій адъ. Московскія пушки грохотали не достаточно громко: ни звонъ колоколовъ, ни трубные звуки не могли заглушить стоновъ заключенныхъ... — Г. Ингерсолль написалъ это, однако, до ужаснаго несчастія послѣ коронаціи...

Петербургская стачка 1896 г. оказалась для правительства во всѣхъ отношеніяхъ крупной и непріятной неожиданностью. Впрочемъ, до послѣдняго времени въ Россіи не было сколько нибудь серьезнаго по своимъ размѣрамъ рабочаго движенія. 42,000 рабочихъ оставили свои фабрики. Съ этимъ нельзя было разсчитывать справиться при помощи одной только полиціи и жандармовъ, особенно въ виду того, что стачечники и другіе рабочіе видимо были прекрасно организованы и имѣли опытныхъ и твердыхъ вождей. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что 16,000 рабочихъ Путиловскаго завода и 12,000 Александровскаго продолжали еще нѣкоторое время работать, заявляя, что своимъ заработкомъ они хотятъ поддержать бастующихъ и затѣмъ предъявятъ капиталистамъ тѣ же требованія, что и ихъ товарищи, т. е. сокращеніе рабочаго дня до 11 или $10^1/_2$ часовъ и улучшеніе санитарныхъ условій на фабрикахъ.

Газетамъ, разумѣется, было запрещено сообщать какія бы то нибыло свѣдѣнія о забастовкѣ. Равнымъ образомъ были запрещены всякія собранія забастовщиковъ и сборъ денегъ для ихъ поддержки. Все, дѣлавшееся въ этомъ направленіи, должно было происходить чрезвычайно конспиративно, чтобы не дать правительству повода къ арестамъ и ссылкамъ. Од-

нако, несмотря на это, въ Россіи и во многихъ другихъ странахъ собирали деньги и передавали ихъ „Союзу борьбы за освобожденіе рабочаго класса“, т. е. тайной организаціи, руководившей какъ петербургской стачкой, такъ и всѣмъ рабочимъ движеніемъ въ Россіи.

Требованія забастовщиковъ отнюдь не были чрезмѣрны. Черезъ нѣсколько дней послѣ пріостановки работъ они заявили, что удовлетворятся, если число рабочихъ часовъ съ 14 будетъ уменьшено до 12, и если имъ заплатятъ за три дня коронаціи, за которые съ нихъ дѣлали вычеты. Многіе изъ предпринимателей соглашались исполнить, дѣйствительно, весьма умѣренныя требованія, но полиція строго запретила имъ это. Въ виду предстоящаго торжественнаго въѣзда царя въ Петербургъ, правительство не рѣшалось примѣнять противъ забастовщиковъ силу, тѣмъ болѣе, что движеніе грозило перейти и въ другіе города. Поэтому рѣшили взять ихъ голодомъ и ограничиться строгой охраной фабрикъ и заводовъ полиціей и жандармами. Аресты лицъ, подозрѣваемыхъ въ руководствѣ стачкой, происходили, разумѣется, во множествѣ, но когда рабочіе собирались потолковать на томъ или другомъ полѣ за городомъ, ихъ оставляли въ покоѣ. Ихъ было слишкомъ много, а волненіе слишкомъ сильно, чтобы его можно было подавить при помощи одной полиціи.

Но вскорѣ власти видимо пришли къ заключенію, что голодъ слишкомъ медленный способъ. Незадолго до 24 іюня въ рабочихъ кварталахъ были расклеены объявленія за подписью петербургскаго градоначальника. Въ нихъ объявлялось, что требованія рабочихъ будутъ оставлены безъ послѣдствій до тѣхъ поръ, пока они снова не станутъ на работу. Если же стачка прекратится, подлежащія власти тщательно разслѣдуютъ причины, вызвавшія стачку.

Правительство и его агенты впервые были вынуждены вступить въ переговоры съ подданными, воспротивившимися его волѣ и его приказаніямъ, впервые народъ получилъ неопровержимое доказательство той мощи, которую даетъ тѣсная сплоченность. Стачка мало по малу прекратилась, какъ всегда, вслѣдствіе недостатка средствъ у бастующихъ, безъ особой выгоды для рабочихъ, хотя часть ихъ требованій и

была удовлетворена. Послѣдствія забастовки были огромны въ другомъ отношеніи: разъ сознавъ свою силу, петербургскіе рабочіе, путемъ образованія кружковъ и союзовъ и тѣснаго объединенія ихъ между собою, не переставали вырабатывать все болѣе прочную и широкую организацію, для защиты своихъ интересовъ и правъ.

Правительство, повидимому, также поняло значеніе такого объединенія рабочихъ массъ и волненія въ рабочихъ кругахъ государства, вызывавшаго мѣстныя стачки. Полицейское вниманіе къ рабочему классу значительно усилилось. Всякій, по мнѣнію полиціи, пользовавшійся вліяніемъ въ рабочей средѣ, находился подъ надзоромъ полиціи или подвергался тюремному заключенію и административной ссылкѣ. Со стачечниками полиція и жандармерія расправлялись такъ сурово, что рабочіе въ короткое время стали весьма воспріимчивы не только къ близкимъ для ихъ интересовъ соціалистическимъ ученіямъ, но и вообще къ революціонной пропагандѣ. Такимъ образомъ, рабочій классъ, благодаря недальновидности правительства, сдѣлался прочнымъ фундаментомъ, на которомъ передовые люди, неправильно называемые „революціонерами“, прежде всего основываютъ свои надежды. Правительство расправлялось съ бастующими рабочими, какъ съ мятежниками, и этимъ довело ихъ до сознанія, что ихъ экономическое положеніе не можетъ быть улучшено до тѣхъ поръ, пока они не завоюютъ себѣ политическихъ правъ; въ то же время оно выпустило особый манифестъ, обращенный къ рабочимъ. Имъ обѣщали различныя облегченія и въ то же время совѣтовали жить въ согласіи съ Божьей правдой — разумѣется, по офиціальному правительственному пониманію ея. Но все-таки и этотъ манифестъ обозначалъ крупный прогрессъ въ развитіи: имъ офиціально признавалось существованіе новаго общественнаго класса — рабочихъ.

Знаменательнымъ фактомъ является и назначеніе кн. Лобанова-Ростовскаго министромъ иностранныхъ дѣлъ. Правительство показывало этимъ, что князь, въ качествѣ турецкаго посланника, преслѣдовалъ политику правительства, противодѣйствуя попыткамъ европейскихъ державъ прекратить

турецкія звѣрства въ Арменіи. Россія „не желала имѣть армянской Болгаріи“, т. е. самостоятельной Арменіи, которая явилась бы препятствіемъ для проведенія ея дальнѣйшихъ плановъ въ Малой Азіи. Курды и другіе правовѣрные подданные султана сотнями убивали и самымъ жестокимъ образомъ истязали армянъ; но это ничего не значило для христіанскаго правительства Россіи, по сравненію съ его политическими планами на будущее.

Изъ событій 1896 года слѣдуетъ упомянуть еще, что броженіе, возникшее среди петербургской учащейся молодежи, вслѣдствіе запрещенія студентамъ праздновать годовой университетскій праздникъ, перекинулось въ Москву и достигло высокой степени напряженія. Въ московскомъ университетѣ запрещенные правительствомъ кружки, такъ называемыя „землячества“, объединились въ одну большую, конечно, тайную организацію, которая, состояла изъ депутатовъ отъ землячествъ, завѣдывала всѣми студенческими дѣлами и руководила движеніемъ. Послѣ петербургскихъ событій эта организація рѣшила выразить протестъ противъ реакціонной политики правительства и устроить большую студенческую демонстрацію въ видѣ панихиды по погибшимъ на Ходынскомъ полѣ въ полугодовой день ужаснаго событія. Но полиція узнала объ этомъ планѣ и вмѣшалась обычнымъ порядкомъ, когда собравшіеся студенты направлялись къ Ваганькову кладбищу, гдѣ похоронены жертвы того достопамятнаго дня. Съ помощью казаковъ, она оттѣснила студентовъ назадъ къ университету, и послѣ того, какъ они отказались разойтись, ихъ загнали въ находившійся по близости большой военный манежъ. Тамъ всѣхъ переписали, а 36 человѣкъ, по произвольному указанію полиціи, отвели, какъ зачинщиковъ, въ тюрьму. На слѣдующій день въ университетѣ снова собралась сходка; была отправлена депутація къ ректору съ просьбой содѣйствовать освобожденію арестованныхъ наканунѣ. Ректоръ отказался, а студенты, съ своей стороны, не послушались его совѣта разойтись. Тогда 403 человѣка были арестованы; впослѣдствіи 105 изъ нихъ административнымъ порядкомъ сослали въ Сибирь, въ университетъ же были приняты обратно только 26. Нѣсколькими днями позже появился

указъ, грозившій студентамъ, которые впредь будутъ принимать участіе въ кружкахъ и землячествахъ, не только исключеніемъ изъ университетовъ, но и административной высылкой изъ Москвы.

Этимъ пріемомъ правительство рѣшительно начало борьбу съ учащейся молодежью, которая продолжалась съ тѣхъ поръ, усиливаясь и ожесточаясь съ каждымъ мѣсяцемъ, пока студенты всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній открыто не присоединились къ революціонерамъ, видѣвшимъ въ политической свободѣ спасеніе отъ общественнаго недуга, терзающаго русскій народъ.

Съ еще большей жестокостью поступило правительство въ томъ же году съ духоборами за ихъ отказъ отъ военной службы. Болѣе 4000 духоборовъ были отправлены изъ Кавказскаго горнаго округа, куда ихъ выслали ранѣе, вглубь Тифлисской губерніи и тамъ разселены по грузинскимъ деревнямъ—не болѣе 5 семействъ на деревню. Несчастные духоборы, брошенные тамъ безъ всякихъ средствъ, не могли даже объясняться со своими новыми сосѣдями. Въ горахъ они уже успѣли освоиться, пріобрѣли нѣкоторый достатокъ и желали только, чтобы ихъ оставили въ покоѣ. Теперь же, послѣ сравнительно прохладнаго и здороваго горнаго климата, ихъ заставили дышать знойнымъ, нездоровымъ воздухомъ равнины, не позволили взять съ собой свое имущество, селиться большими группами, чтобы лишить ихъ взаимной поддержки, запретили выѣзжать изъ ауловъ, насильно поселивъ ихъ тамъ, гдѣ единственнымъ источникомъ ихъ существованія была работа на населеніе и безъ того бѣдное. Результатомъ всего этого явились вопіющая нужда, болѣзни, высокая смертность среди 4000 несчастныхъ духоборовъ, особенно среди дѣтей, которыя умирали буквально сотнями. Цивилизованный міръ узналъ объ этомъ новомъ доказательствѣ грубаго попранія человѣческихъ правъ со стороны русскаго правительства: Левъ Толстой и три его единомышленника написали воззваніе ко всѣмъ христіанамъ Россіи и другихъ странъ, въ которомъ правдиво описали незаслуженныя бѣдствія духоборовъ. Воззваніе это вызвало притокъ пожертвованій въ пользу притѣсняемыхъ, и они переселились въ

Канаду. Но изъ трехъ лицъ, подписавшихъ вмѣстѣ съ Толстымъ воззваніе, двое были арестованы и сосланы, третьему же, Черткову, удалось бѣжать въ Англію.

Въ началѣ 1897 г. „Free Russia“ сообщила о своеобразномъ и неожиданномъ, хотя и довольно пріятномъ для правительства результатѣ недавно введенной въ нѣсколькихъ губерніяхъ винной монополіи. Въ губерніяхъ этихъ учителя народныхъ школъ, получавшіе чрезвычайно ничтожное жалованье бросали свои мѣста и поступали сидѣльцами въ казенныя винныя лавки, гдѣ вознагражденіе было гораздо значительнѣе. Пагубное вліяніе винной монополіи начало быстро сказываться,—потребленіе спирта сильно увеличилось. Винныя лавки открывались отъ имени правительства всюду, гдѣ ихъ не было ранѣе, и пьянство среди крестьянъ возрастало, разумѣется, наравнѣ съ бѣдностью и болѣзнями. Лишивъ крестьянъ возможности, благодаря непомѣрно высокимъ таможеннымъ ставкамъ, пріобрѣтать необходимыя орудія для улучшенія хозяйства, реакціонный режимъ поставилъ себѣ задачей выманить у нихъ послѣдніе гроши, остающіеся отъ уплаты налоговъ, податей и процентовъ ростовщикамъ.

Сообщеніе о томъ, что учителя мѣняютъ свои каѳедры на прилавки сидѣльцевъ, появилось даже и въ русской періодической печати, безъ всякихъ, однако, комментаріевъ, которые могли бы освѣтить значеніе этого факта. Цензура стала чрезвычайно сурова; не пропускалось ни одного слова, которое могло быть истолковано въ смыслѣ порицанія правительства или его чиновниковъ. Но, несмотря на это, въ повременной печати проскальзывали иногда факты, которые—часто, быть можетъ, даже помимо воли писателей,—бросали яркій свѣтъ на положеніе вещей. Такъ, напр., въ 1897 г. „Юридическая Газета“ напечатала статью сенатора Таганцева о томъ, что правительство передавало дѣла изъ обычныхъ гражданскихъ судовъ въ военные въ тѣхъ случаяхъ, когда кому либо изъ властей желателенъ былъ смертный приговоръ (это практикуется и по настоящее время). Сенаторъ, разумѣется, не могъ позволить себѣ прямого порицанія такой мѣры, но отмѣчалъ только, что всякій генералъ-губернаторъ имѣетъ право передавать подобныя дѣла военнымъ

судамъ и приводилъ слѣдующія статистическія данныя: за 15-лѣтній періодъ (съ 1876 по 1891 гг.) по приговорамъ этихъ судовъ казнено ни болѣе ни менѣе, какъ 292 человѣка, изъ которыхъ 120 военныхъ, преимущественно солдатъ, и 172 штатскихъ. А, вѣдь, обыкновенный судъ даже по русскимъ законамъ не могъ бы приговорить къ смерти почти никого изъ казненныхъ [1]); они подвергли сь ожесточенному преслѣдованію властей исключительно за свои стремленія будить сознаніе невѣжественной массы, напомнить ей о правахъ, принадлежащихъ каждому въ силу его человѣческаго достоинства; они отвѣчали иногда на насиліе насиліемъ, лишь вынужденные защищаться. Зная все это и сопоставивъ административное правосудіе съ комедіей военнаго суда, можно даже въ статьѣ сен. Таганцева найти достаточно матеріала не для одной книги о звѣрствахъ господствовавшаго тогда и держащагося по сіе время россійскаго режима.

Такой же яркой иллюстраціей, но изъ другой области, была появившаяся приблизительно въ то же время и также прошедшая цензуру статья въ „Вѣстникѣ Финансовъ", посвященная покровительственной политикѣ русскаго м-ва финансовъ. Статья совершенно не носила характера критики. Въ ней говорилось только, что правительство „для поощренія отечественной промышленности" передавало всѣ казенные заказы на желѣзныя и стальныя издѣлія русскимъ заводчикамъ, разумѣется, по цѣнамъ, которыя они назначали, основываясь на чрезвычайно высокихъ покровительственныхъ пошлинахъ. Дѣла съ казной были особенно выгодны для промышленниковъ, такъ какъ русское правительство, строющее желѣзныя дороги, военныя и другія суда, само является, конечно, самымъ крупнымъ потребителемъ желѣза во всемъ государствѣ. Поэтому крупные фабриканты обращали мало вниманія на частные заказы, и при исполненіи ихъ не возникало сколько нибудь серьезной конкуренціи, которая могла бы повліять на покровительственныя пошлины; они подняли

[1]) За исключеніемъ прямыхъ или косвенныхъ участниковъ покушеній на жизнь государя, число которыхъ за указанный періодъ не превышаетъ 20. *Прим. авт.*

цѣны на произведенія металлургической промышленности непомѣрно высоко; напр., чугунъ стоилъ на 300% болѣе, чѣмъ въ Германіи и Англіи, тогда какъ цѣны на чугунные фабрикаты русскаго издѣлія,—орудія, инструменты и другія вещи,—разумѣется, поднялись еще выше. Вмѣсто того, чтобы расти, соотвѣтственно распространенію культуры, какъ мы это видимъ въ другихъ странахъ, потребленіе желѣза въ Россіи уменьшилось по расчету на каждаго жителя. Указанная выше статья, правда, отмѣчала, что за 15 лѣтъ потребленіе желѣза возросло съ 302 до 461 милліоновъ пудовъ, но не упоминала о томъ, что это увеличеніе почти соотвѣтствовало приросту населенія. Она совершенно не объяснила понятную причину этого увеличенія, которое въ теченіе многихъ лѣтъ объяснялось постройкой великаго сибирскаго пути, требовавшей огромнаго количества желѣза. За вычетомъ потребностей строившейся дороги изъ общей суммы потребляемаго желѣза, оказывалось, что народъ расходуетъ относительно малое количество желѣза, другими словами—потребительныя силы постоянно уменьшаются, бѣдность же неуклонно возрастаетъ. Чтобы вполнѣ понять значеніе пропущенныхъ цензурой статистическихъ открытій, нужно было умѣть читать между строкъ [1]).

Другое, въ высшей степени знаменательное, статистическое указаніе опубликовано русской прессой осенью 1897 г. относительно числа учениковъ, принятыхъ и желающихъ поступить въ различныя высшія учебныя заведенія государства. Въ Кіевскомъ университетѣ было принято 450 молодыхъ людей православнаго вѣроисповѣданія, т. е. почти всѣ, подавшіе прошеніе; но всего лишь 45 евреевъ изъ 80, желавшихъ поступить. Технологическій институтъ въ Харьковѣ принялъ всего 125 изъ 365, въ томъ числѣ всего 7 евреевъ изъ 60 выдержавшихъ экзаменъ. Въ Рижскій политехникумъ по-

---

[1]) Автору было бы легко набрать изъ имѣвшагося въ его распоряженіи матеріала 2—3 тома фактовъ для иллюстраціи развитія реакціоннаго режима въ послѣднее время и его результатовъ. Но для того, чтобы избѣжать замѣчанія, что эти факты «не удостовѣрены», лучше приводить только такіе, которые пропущены даже офиціальной русской цензурой, преимущественно выдержки изъ офиціальной статистики. *Прим. авт.*

ступило лишь $7^1/_2$% явившихся студентовъ евреевъ. Стремленіе лишить евреевъ возможности получать образованіе проводилось все съ большимъ рвеніемъ и съ циничной безпощадностью. Очень интересенъ отвѣтъ, полученный нѣсколькими богатыми евреями г. Бердичева, населеніе котораго на $^4/_5$ состоитъ изъ евреевъ. Они подали м-ру народнаго просвѣщенія ходатайство объ отпускѣ крупной суммы на устройство въ означенномъ городѣ высшаго учебнаго заведенія, которое просители обѣщали затѣмъ содержать сами. Министръ офиціально отвѣтилъ имъ, что готовъ принять щедрое предложеніе, но лишь при томъ условіи, чтобы еврейскіе ученики въ этомъ заведеніи составляли $^1/_{20}$ часть всего числа учащихся, т. е. 5%, въ то время, какъ евреи въ городѣ составляли 80%. Предложеніе было взято обратно.

Въ области религіи мы также находимъ достаточно доказательствъ тому, что духъ Побѣдоносцева царилъ въ той же мѣрѣ, какъ и раньше. Въ августѣ 1897 г., по почину святѣйшаго синода, въ Казани происходилъ миссіонерскій съѣздъ [1]) изъ 200 священниковъ, учителей духовныхъ семинарій и церковно-приходскихъ школъ, для обсужденія средствъ и и путей борьбы съ распространеніемъ сектанства. Изъ офиціальныхъ сообщеній о дебатахъ и рѣшеніяхъ съѣзда вытекаетъ, съ одной стороны, что штунда и другія родственныя ей лжеученія, несмотря на примѣняемыя властями мѣры насилія, распространяются все шире, и съ другой—что православное духовенство въ преслѣдованіи иновѣрцевъ склонно идти еще дальше, чѣмъ побѣдоносцевское правительство.

Штундисты, съ тѣхъ поръ какъ запретили ихъ молитвенныя собранія, начали посѣщать лютеранскія кирки, и лютеранское духовенство, идя на встрѣчу ихъ желаніямъ, стало употреблять при совершеніи богослуженія русскій языкъ. Вслѣдствіе этого, съѣздъ рѣшилъ издать постановленіе, запрещающее лютеранскому духовенству отправлять богослуженіе на русскомъ языкѣ. Затѣмъ онъ постановилъ ходатайствовать передъ правительствомъ объ объявленіи послѣдо-

---

[1]) 3-й миссіонерскій противораскольническій и противосектантскій съѣздъ засѣдалъ въ Казани съ 22 іюля по 6 августа 1897 г.

Прим. изд.

вателей ученія Льва Толстого—такъ называемыхъ толстовцевъ—„особенно опасной для государства и церкви“ сектой, дабы имѣть право возможно строже преслѣдовать ее, подобно всѣмъ другимъ, принадлежащимъ къ той же категоріи. Относительно старовѣровъ и другихъ сектантовъ менѣе опаснаго характера, съѣздъ рѣшилъ принять мѣры къ тому, чтобы отклоненія въ ихъ религіозныхъ взглядахъ были объявлены „пороками“, дабы сельскія общества могли примѣнять къ нимъ право высылать своихъ „порочныхъ“ членовъ въ Сибирь. Затѣмъ, печатаніе лютеранскихъ богослужебныхъ книгъ должно было быть признано „опаснымъ“, т. е. быть запрещено; сектантамъ запрещалось брать въ услуженіе или на работы несовершеннолѣтнихъ православныхъ, а взрослые сектанты отдавались подъ особое наблюденіе православныхъ священниковъ. Въ заключеніе, съѣздъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы законъ, каравшій публичное отстаиваніе сектантскихъ вѣроученій, былъ измѣненъ въ такомъ смыслѣ, чтобы слово „публичное“ было выпущено, дабы онъ получилъ болѣе широкое примѣненіе. Всѣ эти рѣшенія были приняты единогласно. Излишне, пожалуй, прибавлять, что оберъ-прокуроръ синода позаботился осуществить ходатайства съѣзда, благодаря чему многочисленные русскіе сектанты всѣхъ религіозныхъ оттѣнковъ очутились въ еще худшемъ положеніи, чѣмъ ранѣе.

Въ концѣ 1897 г. въ Россіи вновь обнаружился голодъ, если возможно, даже болѣе значительный, чѣмъ 1891 — 1892 гг., но прежняя политика правительства по отношенію къ голодающему населенію осталась безъ измѣненія и теперь. Уже осенью министру земледѣлія было извѣстно, что бѣдствіемъ застигнуто 16 губерній, вслѣдствіе полнаго неурожая; въ числѣ ихъ 14 губерній болѣе всего пострадавшихъ и до сихъ поръ еще не оправившихся отъ голода 1891—92 г.г. Разумѣется, онѣ болѣе всего нуждались въ помощи, но правительство разсуждало иначе. Воронежская земская управа представила точное разслѣдованіе мѣстныхъ условій и, на основаніи выводовъ изъ него, ходатайствовала о значительной ссудѣ изъ общественныхъ средствъ для закупки необходимыхъ припасовъ, корма для скота и

т. п.. Но правительство отказало земской управѣ, во первыхъ, потому, что она не приняла въ расчетъ стоимость крестьянскаго имущества (домашній скарбъ, рабочій скотъ, инструменты), которое они во всякомъ случаѣ могли еще продать, и во вторыхъ, потому, что изъ ссуды, выданной населенію этой губерніи во время перваго голода, была возвращена всего $^1/_9$ часть. То, что урожаи за эти промежуточные годы были слишкомъ плохи, чтобы можно было изъ нихъ уплатить ссуду, не принималось въ соображеніе. Единственной „льготой", сдѣланной вначалѣ властями, было приказаніе податнымъ инспекторамъ не прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ (тѣлесному наказанію) въ мѣстностяхъ, застигнутыхъ неурожаемъ, для того, чтобы заставить крестьянъ платить.

Къ событіямъ 1897 г. слѣдуетъ отнести письмо Льва Толстого, относительно обращенія съ сектантами, напечатанное въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" [1]), издатель которыхъ, князь Ухтомскій, благодаря своему личному знакомству съ государемъ, счастливо избѣжалъ цензурныхъ каръ. Вотъ это письмо:

„Въ концѣ апрѣля нынѣшняго года ко мнѣ пріѣхали самарскіе молокане съ просьбою помочь ихъ горю: у нихъ въ трехъ семьяхъ Бузулукскаго уѣзда, Алексѣевской волости, въ деревняхъ Землянкѣ и Антоновкѣ отобрали отъ родителей 5-хъ дѣтей, возрастомъ отъ 11 до 2 лѣтъ.

„Дѣти отобраны у нихъ на основаніи 39 ст. уст. о пред. и прес. пр.. Молокане эти подавали прошеніе во всѣ инстанціи; я тоже сдѣлалъ, что сумѣлъ, но всѣ наши ходатайства остались безуспѣшными. И вотъ, въ половинѣ сентября эти люди опять пріѣхали ко мнѣ, умоляя какъ нибудь помочь имъ выручить своихъ дѣтей.

„Въ это самое время въ газетахъ шла оживленная полемика о томъ, дѣйствительно ли было предложено на миссіонерскомъ съѣздѣ въ Казани ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, чтобы можно было отбирать дѣтей у раскольниковъ и сектантовъ: однѣ газеты доказывали, что такое предложеніе было сдѣлано, и съ негодованіемъ осуждали

---

[1]) № 282 отъ 15 октября. *Прим. изд.*

его, другія горячо оправдывали членовъ съѣзда, отрицая возможность такого предложднія.

„Изъ этой полемики русское общество, да и иностранцы, интересующіеся вопросомъ отношенія русскаго правительства къ сектантамъ, должны понять, что хотя мы и не можемъ похвастаться полной вѣротерпимостью, всетаки такія мѣры, какъ отнятіе дѣтей у родителей, немыслимы въ русскомъ обществѣ, въ которомъ одно предположеніе возможности ходатайства о такой мѣрѣ вызвало всеобщее негодованіе, какъ либеральныхъ, такъ и самыхъ консервативныхъ и православныхъ органовъ печати. А между тѣмъ дѣти и не однихъ этихъ молоканъ, а, какъ мнѣ извѣстно, многихъ и многихъ сектантовъ и раскольниковъ отбираются отъ нихъ. И дѣлается это по закону, на основаніи 39 ст., такъ что членамъ съѣзда совсѣмъ не о чемъ ходатайствовать. Возмущаться же, что люди ходатайствуютъ о томъ, что уже существуетъ и практикуется, по меньшей мѣрѣ неумѣстно“.

Слѣдуетъ прибавить, что эта форма преслѣдованія, оправдывающаяся „необходимостью“ удаленія дѣтей отъ вреднаго вліянія родителей сектантовъ, примѣняется, на основаніи циркуляра м-ра внутр. дѣлъ Горемыкина, который рекомендовалъ эту мѣру, ссылаясь на упомянутую статью закона.

Въ началѣ 1898 г. произошла смѣна двухъ министровъ. Министръ народнаго просвѣщенія Деляновъ умеръ [1]), и былъ замѣненъ Боголѣповымъ, одной изъ послушнѣйшихъ креатуръ Побѣдоносцева. А мѣсто военнаго министра Ванновскаго занялъ генералъ Куропаткинъ [2]), необразованный выскочка, обязанный этимъ назначеніемъ гораздо больше своему умѣнью прислуживаться реакціоннымъ правителямъ, чѣмъ своимъ знаніямъ и заслугамъ. Эти новыя назначенія не вызвали никакой перемѣны въ режимѣ, кромѣ обостренія реакціи.

Къ началу того же года относится другое письмо графа Толстого,—призывъ къ помощи пострадавшимъ отъ голода крестьянамъ, которыхъ правительство оставило совершенно на произволъ судьбы.

---

[1]) 29 декабря 1897 г.
[2]) 1 іюля 1898 г.

Въ письмѣ этомъ Толстой, между прочимъ, говоритъ:

„Въ Воронежской губерніи нужда ужасная. Весь хлѣбъ почти съѣденъ, запасовъ капусты и картофеля хватитъ еще на нѣкоторое время. Открыты склады, чтобы народъ могъ запасаться по дешевымъ цѣнамъ необходимымъ, но нельзя достать жизненныхъ припасовъ, а у покупателей нѣтъ денегъ, чтобы покупать ихъ даже по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Благодаря плохому урожаю минувшей осени, они получали лишь самую низкую заработную плату. Они были принуждены пожертвовать всѣмъ своимъ домашнимъ скарбомъ, и теперь несчастные могутъ предложить взамѣнъ пищи только своихъ дѣтей. Въ то время, какъ корову можно купить за десять рублей, ржаная мука, смѣшанная по большей части съ отбросами, продается по запрещенной цѣнѣ. Въ мѣстностяхъ вблизи отъ желѣзныхъ дорогъ деньги могутъ спасти много жизней, но населенію отдаленныхъ уѣздовъ даже и самыя щедрыя пожертвованія принесутъ мало пользы. Тысячи должны погибнуть, безъ всякой возможности спасенія“.

Большое впечатлѣніе произвело „сообщеніе“ русскаго правительства „о всеобщемъ разоруженіи“ [1]), въ которомъ государь предлагалъ, чтобы державы согласились между собою относительно ограниченія вооруженія, увеличивавшагося съ каждымъ годомъ. Въ разныхъ странахъ міра, дѣйствительно, нашлось много людей, повѣрившихъ, что русскій царь имѣетъ намѣреніе стать во главѣ великаго, исходящаго отъ правительствъ, а не отъ народовъ, мирнаго движенія. Иллюзіи этихъ легковѣрныхъ, однако, скоро были разсѣяны манифестомъ, которымъ созывались финскія сословія на чрезвычайный сеймъ для обсужденія проекта о значительномъ увеличеніи финской арміи. Обстоятельство это весьма сильно поразило другія государства своимъ рѣзкимъ противорѣчіемъ съ манифестомъ о всеобщемъ разоруженіи.

Какъ только въ Финляндіи стало извѣстно содержаніе императорскаго законопроекта, тамъ никто не усомнился относительно скрытаго въ немъ намѣренія серьезно приступить къ руссификаціи вел. княжества. Послѣдовавшее вслѣдъ за

---

[1]) 12 августа 1898 г.

тѣмъ назначеніе финляндскимъ генералъ-губернаторомъ безстыднаго авантюриста Бобрикова, не имѣвшаго въ дѣйствительности ни малѣйшаго представленія о военной службѣ, подтвердило опасенія, вызванныя созывомъ чрезвычайнаго сейма.

Большое волненіе въ цивилизованномъ мірѣ произвело также массовое переселеніе духоборовъ въ 1898 г. За короткое время ихъ вынужденной жизни въ Тифлисской губерніи, изъ общаго ихъ числа въ $4^1/_2$ тысячи, вслѣдствіе болѣзней и лишеній, умерло 1200 человѣкъ, преимущественно дѣтей. Остальные, доведенные до крайнихъ предѣловъ отчаянія, были готовы на все, лишь бы избавиться отъ гоненій; на все,— за исключеніемъ отреченія отъ своей вѣры. Въ этомъ отношеніи правительственныя агенты ничего не могли съ ними подѣлать, хотя во всемъ остальномъ они были крайне миролюбивы и уступчивы. Были испытаны всевозможные способы насилія, но безуспѣшно; въ концѣ концовъ, правительство было вынуждено уступить и разрѣшило духоборамъ выселиться. Около 8.000 ихъ партіями переправились въ Канаду, гдѣ они получили землю отъ американскаго правительства. Въ настоящее время многія духоборческія колоніи тамъ процвѣтаютъ и достигли такого благоденствія, о какомъ не могли и мечтать у себя дома. Однако, выселиться было разрѣшено не всѣмъ. Достигшіе призывного возраста и отказавшіеся отбывать воинскую повинность были сосланы въ вост. Сибирь на все время ихъ пребыванія на дѣйствительной службѣ и въ запасѣ, т. е. въ общемъ на 18 лѣтъ!

Духоборы, подлежавшіе воинской повинности, считались врагами правительства, сообразно съ этимъ съ ними и поступали. Въ этомъ вопросѣ правительство такъ же мало было склонно измѣнить свою политику, какъ и во всѣхъ другихъ. Роволюціонныхъ актовъ насилія, или хотя бы попытокъ заговоровъ не было въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ. Правда, полиція время отъ времени открывала будто бы предполагавшіяся покушенія, но донесенія ея не находили ни въ комъ вѣры; и политика насилія правительственной камарильи не одобрялась бы, вѣроятно, еслибы государь зналъ, что массами арестуемые „революціонеры“ вовсе не замышляли

покушеній на его священную особу, а, въ большинствѣ случаевъ, были мирными студентами, протестующими противъ невыносимыхъ университетскихъ правилъ, или рабочими, старавшимися сплотить своихъ товарищей и устроить организаціи для защиты общихъ интересовъ.

Въ 1898 г. можно наблюдать замѣтное усиленіе дѣятельности полиціи и жандармеріи. За 10 мѣсяцевъ было арестовано болѣе 1000 лицъ обоего пола, частью подростковъ, „по политическимъ причинамъ". Въ январѣ были предприняты домашніе обыски и массовые аресты въ Саратовской губерніи; въ февралѣ—въ гг. Николаевѣ и Иваново-Вознесенскѣ, гдѣ арестовано 70 рабочихъ, въ мартѣ—въ Петербургѣ, Кіевѣ (77 арестовъ), Москвѣ (30 чел.) и въ Саратовѣ; въ апрѣлѣ — опять въ Петербургѣ и въ Одессѣ, гдѣ арестовано сразу 32 лица. Въ слѣдующіе мѣсяцы—въ Витебскѣ, Вильнѣ (отъ 30 до 40 арестованныхъ), въ Калугѣ, Варшавѣ и Лодзи, гдѣ схвачено не менѣе 200 рабочихъ сразу, и т. д.. Тюрьмы Воронежа, Кіева, Одессы и другихъ городовъ наполнились политическими „преступниками", которые карались въ административномъ порядкѣ или содержались въ одиночномъ заключеніи, въ ожиданіи слѣдствія, тогда какъ остальныхъ отправляли въ Сибирь. Все это совершалось по приказу директора департамента полиціи и министра внутреннихъ дѣлъ, изъ Петербурга. О какихъ либо политическихъ процессахъ не было уже и рѣчи, административный судъ былъ и до сихъ поръ остается единственнымъ правосудіемъ для этихъ несчастныхъ. Въ однѣхъ только петербургскихъ тюрьмахъ въ сентябрѣ 1898 г. томилось 117 мужчинъ и 33 женщины (изъ первыхъ 15 въ Петропавловской крѣпости), которые никогда не подвергались слѣдствію и не были приговорены, но, несмотря на это, считались уличенными опасными преступниками.

Большую часть этихъ заключенныхъ составляли рабочіе, виновные лишь въ организаціи профессіональныхъ союзовъ, чтобы добиться улучшенія ужасныхъ условій, въ которыхъ имъ приходилось работать и жить. Условія эти, впрочемъ, находили невозможными даже высшіе правительственные чиновники, офиціально докладывавшіе объ этомъ самому государю.

Особенно характернымъ для результатовъ правительственной политики и интереснымъ по своей неприкрашенной откровенности является секретное донесеніе царю генералъ-губернатора Царства польскаго, кн. Имеретинскаго. Мы не будемъ разсказывать, какимъ образомъ копія этого, столь непріятнаго для правительственной камарильи, документа попала въ „ненадлежащія“ руки; но подлинность ея несомнѣнна, равно какъ и то, что кн. Имеретинскій описалъ существующія въ Польшѣ условія слишкомъ мрачными красками. Онъ начинаетъ съ утвержденія, что революціонный духъ, несмотря на всѣ мѣры, предпринятыя со времени возстанія 1863 г. для его подавленія, до сихъ поръ не ослабѣваетъ, и что правительство *не можетъ* его вытравить. Далѣе князь заявлялъ, что русскіе чиновники въ Польшѣ—поляки на казенную службу не принимались — „полуобразованы, не особенно интеллигентны, неумѣлы, равнодушны, лѣнивы, невѣжливы и грубы въ обращеніи“; они должны получать лучшее образованіе и больше жалованья для того, чтобы поляки могли уважать русское правительство. Затѣмъ, онъ отмѣчалъ необходимость вести преподаваніе во всѣхъ школахъ на польскомъ языкѣ, требовалъ разрѣшенія римско-католическимъ священникамъ учить закону Божьему и устройства польскихъ библіотекъ во всей странѣ. Только такими мѣрами, заявлялъ князь, русское правительство сможетъ возбудить въ полякахъ чувства лояльности и уваженія.

Еще болѣе рѣзкими штрихами обрисовывалъ докладъ положеніе въ Польшѣ самихъ поляковъ. У крестьянъ было слишкомъ мало земли, правительство не располагало ею для ихъ надѣленія, а помѣщики не желали продавать свою. Слѣдствіемъ этого являлось всеобщее недовольство и распространеніе революціоннаго движенія въ народѣ, ранѣе чуждаго политикѣ. Въ то же время среди фабричныхъ рабочихъ развивалось стремленіе къ образованію профессіональныхъ союзовъ, такъ что устарѣвшіе законы, стѣснявшіе рабочее населеніе и, можетъ быть, пригодные еще для Россіи, въ Польшѣ являлись уже недостаточными.

Отсюда само собою явствуетъ, — хотя это и не высказано прямо словами,—что кн. Имеретинскій считаетъ поли-

тику правительства въ Царствѣ польскомъ не удавшейся во всѣхъ отношеніяхъ. Документъ этотъ, въ свое время напечатанный въ „Times'ѣ", весьма цѣненъ, какъ матеріалъ для характеристики реакціоннаго режима вообще, такъ какъ изъ вышеизложеннаго съ достаточною ясностью вытекаетъ, что условія въ самой Россіи отнюдь были не лучше, а въ экономической сферѣ даже гораздо хуже, чѣмъ въ Польшѣ.

Поведеніе русскаго правительства и дѣйствія его чиновниковъ со времени воцаренія Николая II постепенно убѣдили весь міръ въ томъ, что всѣми дѣлами руководитъ камарилья, направляемая и вдохновляемая Побѣдоносцевымъ. Всѣ скоро поняли, что такъ восторженно принятое вначалѣ предложеніе разоружиться не болѣе, какъ игра, которую гг. министры въ свое время пустили въ ходъ, преслѣдуя свои реакціонныя цѣли. Нѣкоторые еще, впрочемъ, продолжали надѣяться, что Николай II введетъ новый режимъ, который мало по малу и утвердится въ Россіи, но надежда эта съ каждымъ годомъ все болѣе падала. И самые ярые оптимисты поняли, наконецъ, что́ происходитъ, когда появился знаменитый манифестъ отъ $^{3}/_{15}$ февраля 1899 г. по поводу Финляндіи, которымъ нарушались права и привилегіи финскаго народа. Во всемъ цивилизованномъ мірѣ не нашлось ни одного честнаго и незаинтересованнаго органа печати, который не освѣтилъ бы надлежащимъ образомъ этого набора словъ, — почти ни одного, который не высказалъ бы открыто, что этимъ актомъ уничтожаются всѣ надежды на мирную конференцію, такъ какъ всѣ видѣли, что довѣрять русскому правительству уже нельзя.

Въ довершеніе всего, непосредственно вслѣдъ за манифестомъ въ Петербургѣ было произведено заранѣе подготовленное, массовое избіеніе студентовъ полиціей, спеціально вооруженной для этого нагайками. Вся интеллигентная Россія и образованные круги всего міра были возмущены этимъ звѣрствомъ, но русское правительство осталось глухо къ общественному мнѣнію; наоборотъ, петербургскій градоначальникъ, руководившій избіеніемъ, былъ награжденъ за усердную службу.

Студенты устраивали многолюдныя сходки для протеста

и обсужденія способовъ получить удовлетвореніе. На одной изъ такихъ сходокъ присутствовалъ ректоръ университета; онъ произнесъ рѣчь, въ которой призналъ дѣйствія полиціи незаконными и жестокими, заявивъ въ то же время, что оградить студентовъ отъ этого онъ не можетъ; хотя онъ и подалъ жалобу на полицейскихъ министру вн. дѣлъ, но онъ не ручается, что виновные, вмѣсто того, чтобы понести наказаніе, не получатъ награды! Въ виду этого онъ просилъ студентовъ успокоиться и ничего не предпринимать. Но этого не случилось. Они рѣшили прекратить посѣщеніе лекцій; къ рѣшенію этому присоединились студенты другихъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній, такъ что число забастовщиковъ обоего пола въ короткое время достигло 13.000 человѣкъ.

Забастовка эта взволновала все русское общество, расколовъ его на нѣсколько лагерей, при чемъ отчасти выяснилось, почему петербургскія власти задумали и привели въ исполненіе избіеніе студентовъ. Не задолго до этого былъ возбужденъ вопросъ о снятіи въ столицѣ усиленной охраны, что встревожило многихъ чиновниковъ различныхъ ранговъ: нѣкоторые изъ нихъ потеряли бы благодаря этому службу, другіе—часть своихъ доходовъ. Студенческіе безпорядки были бы для нихъ весьма кстати, потому что послужили бы поводомъ къ продолженію усиленной охраны. Но студенты не поддавались на удочку. Даже на своихъ сходкахъ они не позволяли себѣ ничего кромѣ свистковъ по адресу ректора. Когда онъ удалился, заявивъ, что всѣ студенты, принимавшіе участіе *въ этой* сходкѣ будутъ преданы военному суду, они ограничились тѣмъ, что сорвали объявленіе ректора. Большинство жившихъ на той сторонѣ Невы, гдѣ расположенъ университетъ, благополучно добрались до дому; другіе же, которые желали перейти черезъ рѣку, увидѣли, что ледъ вскрылся, а ближайшій мостъ (Дворцовый) занятъ сильнымъ отрядомъ полиціи. Въ сопровожденіи толпы любопытныхъ они направились къ другому мосту (Николаевскому), но по дорогѣ на нихъ буквально напала, слѣдовавшая за ними, полиція. Большинство потерпѣвшихъ принадлежало къ состоятельному классу — между прочимъ 5 человѣкъ были сыновьями

сенаторовъ,—и это обстоятельство, наряду съ широкими размѣрами забастовки, сдѣлало то, что о происшествіи узналъ государь. Онъ поручилъ ген. Ванновскому разслѣдовать эту исторію; до этого она обсуждалась въ совѣтѣ министровъ, гдѣ Витте, поддерживаемый многими, высказался за разслѣдованіе, тогда какъ Побѣдоносцевъ, Горемыкинъ и Боголѣповъ были противъ него.

Пока коммиссія Ванновскаго готовилась приступить къ своей задачѣ, директоръ департамента полиціи арестовалъ и выслалъ администр. порядкомъ тѣхъ студентовъ, которые могли бы дать непріятныя для полиціи показанія, а также лицъ, стоявшихъ во главѣ общей студенческой организаціи. Однако, для всѣхъ членовъ организаціоннаго комитета были заранѣе выбраны замѣстители, благодаря чему онъ могъ продолжать свою дѣятельность, несмотря на аресты. Въ одной гектографированной прокламаціи этого комитета говорится, между прочимъ, слѣдующее: „Мы признаемъ, что настоящій случай является результатомъ господствующей въ Россіи системы, опирающейся на произволъ и насиліе, на подавленіе свободы слова и попраніе самыхъ элементарныхъ, священныхъ правъ личности. Нашъ протестъ направленъ поэтому противъ режима насилія и злоупотребленія властью, отъ котораго никто не можетъ спасти, кромѣ закона и его неприкосновенности“. Въ другомъ мѣстѣ прокламаціи мы читаемъ: „Отвергая всякія узко-партійныя точки зрѣнія, мы придаемъ этому движенію общій соціальный и политическій характеръ“.

Въ первый разъ студенты открыто выступили противъ самодержавія, но отнюдь и не въ послѣдній. За исключеніемъ бюрократіи симпатіи общества были всецѣло на ихъ сторонѣ, возрастая по мѣрѣ того, какъ забастовка охватывала высшія учебныя заведенія.

Несмотря на первое стремленіе проявить справедливость по отношенію къ студентамъ и на результаты работъ коммиссіи Ванновскаго, которая нашла необходимымъ предоставить студентамъ большую самостоятельность и расширить ихъ права, снова восторжествовали реакціонные взгляды Побѣдоносцева и министровъ вн. дѣлъ и нар. просвѣщенія.

Былъ изданъ указъ, коротко и ясно объявлявшій, что студентовъ, которые впредь будутъ участвовать въ забастовкахъ, возьмутъ въ солдаты, чтобы научить ихъ послушанію и дисциплинѣ. Извѣстно, что указъ оказался не пустой угрозой, но извѣстно также, что эта новая, единственная въ своемъ родѣ жестокость, вмѣсто того, чтобы „успокоить" учащуюся молодежь, обратила большинство ея въ революціонеровъ.

Эта „реформа" университетскаго устава вызвала сильное негодованіе всѣхъ образованныхъ людей Россіи, особенно въ виду того, что ей предшествовали репрессіи по отношенію ко многимъ выдающимся профессорамъ, извѣстнымъ своими либеральными взглядами. Въ Москвѣ было уволено 10 профессоровъ, та же участь постигла 4 въ петербургскомъ университетѣ и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Подобныя мѣропріятія правительства показали всему русскому обществу, что надѣяться на правящія сферы нечего, что тамъ ни на минуту не могутъ возвыситься надъ точкой зрѣнія деспотической бюрократіи, и во всемъ исполняютъ ея волю.

Новымъ доказательствомъ этого послужилъ секретный докладъ кавказскаго намѣстника, кн. Голицына, опубликованый въ лондонскомъ „Times'ѣ". Кн. Голицынъ, пробывшій на своемъ посту цѣлый годъ, въ докладѣ своемъ говоритъ объ условіяхъ на Кавказѣ, приводитъ принятыя имъ для „исправленія" этихъ условій мѣры и предлагаетъ новыя реформы въ томъ же духѣ. Прежде всего онъ обращаетъ вниманіе на рѣзко выраженный націонализмъ, которымъ проникнуты живущіе тамъ армяне; по мнѣнію князя, онъ представляетъ серьезную опасность для русскаго господства. Доказательства стремленія къ такому сепаратизму намѣстникъ находилъ въ благотворительныхъ учрежденіяхъ и школахъ, которыя армяне основывали и содержали на собственныя средства. Лучшій способъ борьбы съ этимъ зломъ, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобы подчинить эти учрежденія непосредственному контролю русскаго правительства. Поэтому онъ въ яркихъ краскахъ описывалъ дѣйствіе императорскаго указа отъ 2-го іюня 1897 г. относительно подчиненія армянскихъ церковно-приходскихъ школъ м-ву народнаго про-

свѣщенія, и докладывалъ, что, согласно этому указу, 320 училищъ были закрыты, вслѣдствіе отказа духовенства подчиниться постановленіямъ указа, 31 же продолжали свою дѣятельность.

„Но“,—продолжаетъ намѣстникъ,—„нѣкоторыя изъ нихъ всетаки затѣмъ были закрыты, или вслѣдствіе непригодности учителей, или вслѣдствіе отказа духовенства, по предписанію патріарха, отпускать средства на ихъ содержаніе. Въ указѣ отъ 2-го іюня 1897 г., правда, ничего не говорится о передачѣ имущества армянскихъ церковныхъ школъ, но считалось, что это само собой разумѣется, такъ какъ школы, безъ средствъ на ихъ содержаніе, были бы безполезны. Имѣю честь поэтому ходатайствовать у Вашего Величества о разрѣшеніи на передачу имущества закрытыхъ армянскихъ школъ м-ву народнаго просвѣщенія, ожидая дальнѣйшихъ распоряженій“.

Такимъ образомъ, у несчастнаго армянскаго населенія были отняты просвѣтительныя учрежденія, имъ же самимъ основанныя и содержимыя, и все имущество послѣднихъ,—самый циничный произволъ, какой только можно себѣ представить. Предложеніе князя уничтожить часть армянскихъ благотворительныхъ обществъ, потому что „они распространяютъ просвѣщеніе въ узко-національномъ духѣ“, въ принципѣ было одобрено.

Усилившаяся реакція, не была уже неожиданностью для цивилизованнаго міра. Отказъ въ мартѣ 1899 г. принять адресъ, подписанный полумилліономъ гражданъ Финляндіи и привезенный въ Петербургъ финской депутаціей, состоявшей изъ 500 чел., неудачный отвѣтъ этой депутаціи, невѣжливое отношеніе къ ней и представителямъ высшей культуры цивилизованнаго міра, ходатайствовавшихъ лѣтомъ объ аудіенціи для заступничества, въ самой вѣжливой формѣ, за Финляндію, убѣдили всякаго мыслящаго человѣка въ томъ, что значеніе самодержавія опустилось ниже нуля.

Въ ноябрѣ 1899 г. былъ уволенъ министръ вн. дѣлъ Горемыкинъ, положеніе котораго уже нѣсколько времени было непрочно, вслѣдствіе его безтактнаго отношенія къ студентамъ и попытки ввести въ обманъ государя относительно размѣровъ

голода. Впослѣдствіи еще обнаружилось, что авторомъ рѣзкихъ нападокъ на м-ра финансовъ, Витте, появившихся въ журналѣ „Русскій Трудъ“, былъ одинъ изъ высшихъ чиновниковъ цензурнаго вѣдомства, подчиненнаго Горемыкину; поэтому полагали, что нападки эти велись съ полнаго согласія министра вн. дѣлъ. Витте воспользовался этимъ съ такимъ успѣхомъ, что Горемыкинъ былъ уволенъ въ отставку и замѣненъ Сипягинымъ.

„Русскій Трудъ“ былъ закрытъ, но издатель его, С. Шараповъ, написалъ государственному контролеру Филиппову письмо, открыто обвиняя его въ крупномъ мошенничествѣ, обнаружившемся незадолго до того, и въ небрежной финансовой политикѣ. Изъ длиннаго посланія стоитъ привести слѣдующую выдержку, заимствованную изъ «Free Russia».

„Изъ прилагаемаго экземпляра „Русскаго Труда“ ваше превосходительство можете видѣть: 1) что страна наша стоитъ непосредственно передъ весьма серьезнымъ экономическимъ и финансовымъ кризисомъ, вызваннымъ намѣренно ложной политикой министра финансовъ, приведшей уже насъ къ недостатку въ деньгахъ. Политика эта не только не способна справиться со зломъ... но содѣйствуетъ его увеличенію, развиваясь въ томъ же направленіи, и благодаря ложнымъ объясненіямъ, представляемымъ офиціальными отчетами. Мы стоимъ фактически передъ настоящимъ государственнымъ банкротствомъ... 2) что министръ финансовъ для того, чтобы имѣть возможность продолжать свою политику и вводить въ заблужденіе общественное мнѣніе и правительственные круги, прибѣгаетъ къ прямому подкупу, въ видѣ несоразмѣрно высоко оплачиваемыхъ казенныхъ объявленій... 3) что мошенничества Максимова и К° производились съ вѣдѣнія министра финансовъ, а, можетъ быть, даже и подъ его руководствомъ.

„Ваше превосходительство, въ качествѣ государственнаго контролера, назначены на занимаемый вами высокій постъ закономъ и довѣріемъ двухъ императоровъ, для наблюденія за государственной жизнью... Однако, я опасаюсь, что вашему превосходительству неизвѣстны точно дѣйствительные размѣры настоящаго зла... Уже бѣглое разсмотрѣніе отчетовъ и цифръ показываетъ, что дѣятельность государственнаго банка и каз-

начейства преступна, и что руководитель ея отнюдь не служитъ Россіи. Ваше превосходительство, бываютъ времена, когда молчаніе невозможно. Такое время мы переживаемъ теперь. Пора связать имя Витте съ именами Мамонтова и Максимова[1]). Общественное мнѣніе и общественная совѣсть это уже сдѣлали. Пора и вамъ послѣдовать ихъ примѣру".

Шараповъ не былъ сосланъ въ Сибирь за свое обвинительное посланіе; поэтому содержаніе его можно считать довольно правдоподобнымъ. Но Витте тоже не былъ уволенъ. Его считали незамѣнимымъ на посту м-ра финансовъ, который онъ продолжалъ занимать еще нѣсколько лѣтъ.

Въ 1899 г. въ Петербургѣ было нѣсколько случаевъ насилія полиціи надъ студентами, вродѣ описанныхъ выше. Губернаторы и градоначальники все чаще заставляли казаковъ бить людей, по тѣмъ или другимъ поводамъ, — чаще же всего просто, чтобы показать, какъ энергично поддерживается порядокъ, и какъ необходимы чиновники на своихъ мѣстахъ.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ событій 1900 г. было обнародованіе св. синодомъ указа относительно Льва Толстого, которымъ предписывалось не хоронить его по православному обряду, если онъ умретъ безъ покаянія. Въ сравненіи съ этимъ, всѣ другія доказательства продолженія реакціи утратили значительную долю своего значенія. Избіенія народа становились все обычнѣе, нищета среди народныхъ массъ все распространеннѣе, а также и бѣдность среди промышленныхъ рабочихъ, постепенно впадавшихъ въ нужду, вслѣдствіе безумной финансовой и таможенной политики.

Несправедливыя покровительственныя пошлины, дѣйствительно, вызвали значительное развитіе промышленности, которое всегда приводится въ доказательство экономическаго процвѣтанія Россіи. Но процвѣтаніе это фиктивно. Въ русскую промышленность вложены крупные иностранные капиталы; капиталы эти привлечены въ Россію исключительно высокими

---

[1]) Мамонтовъ—извѣстный дѣлецъ, пойманный въ крупныхъ мошенничествахъ; Максимовъ бывшій начальникъ желѣзнодорожнаго департамента, принужденъ былъ оставить свой постъ вслѣдствіе участія въ операціяхъ Мамонтова. *Прим. автора.*

покровительственными пошлинами, уплачиваемыми, въ конечномъ счетѣ, мелкимъ потребителемъ—народомъ. Вначалѣ почти всѣ промышленныя предпріятія выдавали огромные дивиденды, привлекавшіе все большее число обществъ и частныхъ лицъ къ промышленной дѣятельности. Но такъ какъ не было возможности вывозить избытокъ,—всего мѣстный рынокъ не могъ осилить,—и такъ какъ въ то же время, вслѣдствіе безумной экономической политики по отношенію къ крестьянству, потребительныя силы населенія постоянно уменьшались, то, разумѣется, долженъ былъ настать день, когда большинство фабрикъ ограничатъ временно свою производительность. Необходимость этого настала для русской промышленности уже въ концѣ 90-хъ гг., и массы рабочихъ новой индустріи очутились въ крайне бѣдственномъ положеніи. Обыкновенно плохо оплачиваемые, подчиненные невозможнымъ условіямъ,—чрезвычайно продолжительный рабочій день и полная невозможность отстаивать свои интересы,—рабочіе ничего не могли сдѣлать, чтобы обезпечить себя отъ несчастныхъ случайностей. Они впали поэтому въ крайнюю нужду, а когда пытались дѣйствовать сообща, чтобы добиться облегченія, власти расправлялись съ ними, какъ съ бунтовщиками. Послѣ 1898 г. столкновенія съ полиціей сдѣлались почти обычнымъ явленіемъ, и каждый разъ кончались массовыми избіеніями, арестами, ссылками и даже висѣлицами.

Въ іюлѣ и сентябрѣ 1900 г. 9 соціалистовъ, главарей польскаго рабочаго движенія, по приказанію генералъ-губернатора, были преданы военному суду и приговорены къ смертной казни. Ихъ не могли приговорить къ этому даже по крайне растяжимой, приведенной выше, 249 ст. русскаго уложенія о наказаніяхъ. Поэтому такія дѣла передавались въ военный судъ, по приказанію того же генералъ-губернатора, кн. Имеретинскаго, ранѣе предлагавшаго, въ секретномъ донесеніи государю, вести въ Польшѣ болѣе либеральную политику. Предложеніе его не встрѣтило сочувствія, поэтому онъ самъ перемѣнилъ фронтъ и сталъ дѣйствовать такъ же безчеловѣчно, какъ и любой изъ его предшественниковъ.

Вмѣшательство Россіи въ китайскую войну окончательно доказало неспособность системы бюрократической централиза-

ціи обезпечить хотя бы видимый порядка, какъ только къ органамъ ея предъявляли требованія, нѣсколько превышавшія обыкновенныя. Мобилизація войскъ, сосредоточенныхъ, на случай войны на Дальнемъ Востокѣ, въ пограничныхъ съ Китаемъ областяхъ, дала такіе печальные результаты, что участвовавшія въ войнѣ войска поспѣшно были пополнены солдатами, набранными изъ различныхъ корпусовъ, стоявшихъ въ Европейской Россіи. Чтобы не обнаружить передъ державами печальнаго состоянія русской военной организаціи, войска не рѣшались посылать на Востокъ цѣлыми отрядами. Ограничились тѣмъ, что набрали офицеровъ и солдатъ изъ разныхъ батальоновъ и полковъ, составивъ такимъ образомъ внушительную силу; тогда какъ на бумагѣ войска мобилизовались не только въ восточныхъ губерніяхъ, но и въ большей части Сибири.

Финансовое вѣдомство также не могло справиться съ предъявленными къ нему чрезвычайными требованіями. Война продолжалась всего нѣсколько недѣль, а министръ финансовъ былъ вынужденъ не только повысить акцизъ на табакъ, спиртъ и пр., но и отчислять извѣстный % изъ жалованья чиновниковъ на нужды войны, пріостановить большую часть общественныхъ работъ и уменьшить суммы ассигнованныя на народное образованіе. Невольно спрашиваешь себя, какія послѣдствія будетъ имѣть настоящая война для русскихъ финансовъ, если незначительная стычка въ Китаѣ вызвала уже такія затрудненія? [1]).

Въ концѣ 1900 г. въ Петербургѣ и Кіевѣ снова произошли крупныя столкновенія между учащейся молодежью и властями. Причиной кіевскихъ безпорядковъ было то, что студенты собрали сходку для суда надъ двумя товарищами, обвиняемыми въ воровствѣ, и для разслѣдованія, какимъ образомъ могла проникнуть въ студенческіе круги подобная мерзость. Всѣ ораторы были того мнѣнія, что реакціонная политика правительства и отношеніе его къ университетамъ довели составъ учащихся до такого низкаго уровня, что стали

---

[1]) Авторъ поистинѣ оказался пророкомъ. Настоящая война съ Японіей повела къ ломкѣ всего государственнаго строя.

Прим. изд.

возможны никогда прежде не встрѣчавшіяся преступленія. Подобныя рѣчи, разумѣется, считались мятежными, и 37 студентовъ, бывшихъ на сходкѣ, были присуждены къ различнымъ дисциплинарнымъ наказаніямъ.

Студенты рѣшили протестовать и устроили другую неразрѣшенную сходку, на которой присутствовало 500 человѣкъ. Сходка постановила пригласить ректора, для выслушанія ихъ жалобъ, но онъ отказался придти и вызвалъ жандармовъ, начальникъ которыхъ, вышеупомянутый ген. Новицкій, явился въ сопровожденіи губернатора, полиціймейстера, толпы сыщиковъ и сотни казаковъ. Студенты приняли его совершенно спокойно и своимъ корректнымъ поведеніемъ заставили генерала вызвать ректора, который отказался, однако, принять ихъ жалобы. Представитель студентовъ заявилъ, что послѣ рождественскихъ каникулъ начнется новая студенческая забастовка, которая распространится, вѣроятно, на другія высшія учебныя заведенія. Онъ убѣждалъ товарищей не отступать отъ своихъ требованій и поддерживать движеніе даже и въ случаѣ его ареста.

На слѣдующій день 500 участниковъ сходки были преданы суду особой коммиссіи, созданной для такихъ случаевъ, и 183 студента были приговорены къ отдачѣ въ солдаты, остальные же исключены изъ университета. Вскорѣ послѣ этого изъ Петербургскаго университета исключены были 82 студента, а 28 [1]) отданы въ солдаты. Правительство Побѣдоносцева окончательно принизило армію до степени карательнаго учрежденія. Униженіе для арміи было тѣмъ значительнѣе, что „наказанные“ провинились въ такомъ преступленіи, за которое по русскимъ законамъ могли быть приговорены самое большее къ 10 руб. штрафа. Теперь же начальство налагало на офицеровъ арміи нѣчто вродѣ обязанности профосовъ, для выполненія произвольной кары.

Самое замѣчательное въ этомъ случаѣ было то, что даже начальникъ жандармовъ, ген. Новицкій, и представитель воен-

---

[1]) Петербургскій корреспондентъ «Times'a» приводитъ цифру 203, но авторъ предпочитаетъ придерживаться меньшей цифры. Данныя относительно числа студентовъ, отданныхъ въ солдаты въ Кіевѣ, заимствованы изъ «Прав. Вѣстн.». *Прим. автора.*

наго министра противились отдачѣ 183 студентовъ въ солдаты, тогда какъ ректоръ университета и попечитель учебнаго округа стояли за это наказаніе, и министръ народнаго просвѣщенія Боголѣповъ былъ согласенъ съ ними.

Предсказаніе, что студенческое движеніе изъ Кіева распространится и на другіе университеты, вскорѣ сбылось. Въ Москвѣ, Харьковѣ и Петербургѣ въ февралѣ и мартѣ 1901 г. произошли демонстраціи учащихся, при чемъ выставлено было требованіе отмѣны „временныхъ правилъ“ (указа относительно отдачи студентовъ въ солдаты). Въ Москвѣ демонстранты съ частью посторонней публики были загнаны въ манежъ и такъ избиты полиціей и казаками, что многихъ пришлось выносить оттуда на носилкахъ. Нѣкоторые раненые вскорѣ умерли. Поводомъ къ неистовству полиціи и казаковъ послужило то, что толпа рабочихъ поспѣшила на помощь къ запертымъ [1]) и разбила окна и двери, чтобы проникнуть къ нимъ. Даже полиція поняла, что это значило. Прошло то время, когда можно было натравливать простой народъ на образованную молодежь подъ тѣмъ предлогомъ, что это враги царя.

Въ Харьковѣ студенты произвели демонстрацію, протестуя противъ „временныхъ правилъ“, въ годовщину освобожденія крестьянъ. Большое число ихъ присутствовали совершенно спокойно на обѣднѣ въ Николаевскомъ соборѣ, но когда долженъ былъ начаться молебенъ за императорскую фамилію, всѣ студенты вышли, собрались на площади передъ соборомъ и отправились къ университету съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Тамъ на нихъ напалъ отрядъ казаковъ, которые избили ихъ нагайками и арестовали 70 демонстрантовъ. Днемъ демонстрація продолжалась на одной изъ главныхъ улицъ города, причемъ къ студентамъ толпами присоединялись рабочіе и ходили съ ними по городу, въ сопровожденіи тысячъ зрителей. Казаки и полиція снова дѣйствовали нагайками и шашками, но рабочіе оказали сильное сопротивленіе, такъ что пришлось призвать регулярныя войска, чтобы разсѣять толпу. Арестовано было свыше 100 чел.

Однако хуже всего дѣло обстояло въ Петербургѣ, гдѣ

---

[1]) Ихъ продержали въ манежѣ 18 часовъ безъ пищи и питья.

4-го марта студенты устроили демонстрацію передъ Казанскимъ соборомъ. Полиція знала объ ихъ намѣреніи и хладнокровно приняла свои мѣры, такъ что могла тотчасъ же оцѣпить демонстрантовъ. Градоначальникъ Клейгельсъ самъ командовалъ полиціей и казаками, и студенты и публика подверглись жестокому избіенію сначала на площади передъ соборомъ, потомъ въ самомъ соборѣ, куда полиціи удалось загнать многихъ учащихся. Въ свалкѣ погибли по крайней мѣрѣ 6 студентовъ и одна курсистка [1]), и были тяжело ранены 58 студентовъ одного только Лѣсного института. Какъ велико было число раненыхъ вообще, повидимому, точно не установлено.

Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ этого, министръ нар. пр. Боголѣповъ былъ убитъ бывшимъ студентомъ Карповичемъ, уволеннымъ въ 1896 г. при началѣ броженія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ былъ такъ возмущенъ правительственными репрессіями, послѣ событій въ Москвѣ, Харьковѣ и Петербургѣ, что рѣшился отмстить за совершенныя насилія.

Нѣсколько недѣль спустя, правительству, въ свою очередь, представился случай отмстить. Одинъ изъ студентовъ, отданныхъ въ Кіевѣ въ солдаты, нѣкто Пиратовъ, въ отвѣтъ на грубыя оскорбленія офицера, ударилъ его по лицу. Пиратова судили военнымъ судомъ и разстрѣляли. Та же участь постигла другого солдата изъ студентовъ, Подгорѣцкаго, тогда какъ нѣсколько другихъ сами лишили себя жизни.

Офиціальнаго сообщенія о томъ, сколько арестованныхъ студентовъ было сослано, сколько отдано въ солдаты или оставлено въ тюрьмахъ, никогда не появлялось. Достовѣрно извѣстно, что въ каждой изъ этихъ категорій было значительное число лицъ, и всѣ они подвергались безчеловѣчному обращенію, какое проявляютъ русское правительство и его агенты по отношенію къ политическимъ заключеннымъ. Почти что офиціальныя данныя объ этомъ можно найти въ нѣко-

---

[1]) Доновъ, Бокій, Могилевскій—студ. лѣсн. инст., Петерсонъ—технологическаго, Башкотовъ и Тимоѳеевичъ — в.-мед. акад., и Дубяга — слуш. в. ж. курсовъ, были задавлены городовыми на тротуарахъ Невскаго пр.. *Прим. автора.*

торыхъ органахъ печати за послѣднее время; статьи, посвященныя этимъ событіямъ, прошли черезъ цензуру и, стало быть, ни коимъ образомъ не могутъ заключать преувеличеній во вредъ правительству. Одно изъ такихъ разоблаченій было напечатано въ медицинскомъ журналѣ „Врачъ“ въ отвѣтѣ на критику одного врача описаній тюремной жизни Толстымъ въ его романѣ „Воскресеніе“; критикъ назвалъ ихъ преувеличенными и невѣрными. Возраженіе было подписано „врачъ съ Сахалина“; авторъ его категорически заявлялъ, что Толстой не только не преувеличивалъ, но, наоборотъ, описалъ условія далеко не такими мрачными красками, каковы они есть въ дѣйствительности. Въ доказательство этого, сахалинскій врачъ приводилъ, между прочимъ то, что заключенные, и „политическіе и другіе, еще въ 1901 г. принуждены были спать въ одной комнатѣ, даже на полу рядомъ съ парашей“. Далѣе онъ сообщалъ изъ своихъ личныхъ наблюденій на Сахалинѣ, что тѣлесному наказанію была подвергнута однажды беременная женщина и что другихъ женщинъ въ такомъ же положеніи отправляли въ ссылку въ отдаленныя части острова, гдѣ онѣ ни въ какомъ случаѣ не могли получить никакой помощи, не говоря уже о медицинской.

Другая статья объ обращеніи съ заключенными появилась въ томъ же году въ юридической газетѣ „Право“ и разбирала случай, когда арестованный по подозрѣнію въ кражѣ призналъ себя виновнымъ, хотя впослѣдствіи, послѣ поимки настоящаго вора, выяснилось, что онъ не совершилъ преступленія. На вопросъ суда, почему онъ сознался въ преступленіи, котораго не совершалъ, человѣкъ этотъ объяснилъ, что послѣ ареста сыскная полиція продержала его безъ пищи *пять сутокъ* и при этомъ такъ истязала его, что онъ рѣшился ложнымъ признаніемъ избавиться отъ пытки и попасть въ тюрьму. Но онъ ошибся. Пытки тотчасъ же возобновились, чтобы вынудить его къ дальнѣйшимъ признаніямъ, куда онъ спряталъ украденныя имъ деньги, и прекратились лишь послѣ того, какъ поймали настоящаго вора. Однако несчастнаго продержали въ тюрьмѣ еще цѣлыхъ три мѣсяца.

Если власти позволяли себѣ поступать такъ въ столицѣ, то не подлежитъ сомнѣнію, что въ отдаленныхъ губерніяхъ

онѣ дѣйствовали по меньшей мѣрѣ такъ же безпощадно. Благодаря трудности контроля надъ безчисленными чиновниками, а также и тому, что публика и газеты не смѣли ничего говорить, эти агенты правительственной бюрократіи имѣли полную свободу безнаказанно злоупотреблять своею властью. Это заключается въ самой сущности системы и не можетъ быть измѣнено, пока послѣдняя существуетъ, особенно же, если стоящіе во главѣ ея слушаютъ только тѣхъ, которые заинтересованы въ ея сохраненіи.

Однако, недостатка въ другихъ голосахъ не было. Говоря о русскихъ сектантахъ, студентахъ и о политикѣ противъ Финляндіи, печать всего цивилизованнаго міра ясными словами выражала то, что люди съ обыкновенными человѣческими чувствами думали о русскомъ правительствѣ. И въ самой Россіи неоднократно раздавались предостерегающіе голоса, особенно голосъ Льва Толстого, которому не могли помѣшать обратиться и къ самому государю. Но ихъ не слушали. Наоборотъ, правительство формальнымъ отлученіемъ отъ церкви Толстого показывало, что не потерпитъ критики своихъ мѣропріятій.

Въ дѣйствительности, русское общество едва ли чувствовало себя когда либо возмущеннымъ болѣе, чѣмъ избіеніемъ у Казанскаго собора; никогда не раздавалось болѣе смѣлыхъ выраженій единодушнаго общественнаго негодованія. Отдѣльныя высокопоставленныя лица обращались съ протестующими заявленіями къ градоначальнику и къ другимъ властямъ. Нѣсколько „русскихъ матерей“ обратились съ краснорѣчивымъ воззваніемъ къ публикѣ, союзъ писателей протестовалъ противъ „временныхъ правилъ“ и грубостей властей, многія почтенныя лица,—академики, врачи, адвокаты, высшіе чиновники и пр.—въ общемъ 96 человѣкъ подали м-ру вн. дѣлъ протестъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось:

„Вѣсти о событіяхъ 4 марта несомнѣнно вызовутъ глубокое возмущеніе во всемъ русскомъ обществѣ, какъ вызвали его уже въ Петербургѣ. Въ чьихъ интересахъ было нужно произвести это безцѣльное избіеніе людей на улицахъ столицы? Возмущенная общественная совѣсть ожидаетъ отвѣта на этотъ вопросъ. Люди, сознающіе свои гражданскія обя-

занности, не могутъ молчать. Мы сознаемъ эти обязанности и заявляемъ, что только отмѣна временныхъ правилъ можетъ устранить непосредственный поводъ къ студенческимъ волненіямъ. Только преданіе суду тѣхъ, на комъ лежитъ отвѣтственность за бойню 4 марта, кто бы они ни были, можетъ успокоить возмущенную общественную совѣсть".

Одновременно съ этими протестами произошли во многихъ городахъ демонстраціи съ участіемъ рабочихъ; открыто и единодушно былъ провозглашенъ лозунгъ, никогда не раздававшійся въ Россіи съ этой стороны: „Долой самодержавіе!" Аресты, избіенія и ссылки болѣе уже не пугали. Демонстраціи повторялись въ одномъ городѣ за другимъ; въ большинствѣ случаевъ демонстранты оказывали полиціи сильное сопротивленіе.

Правительство было озабочено. „Временныя правила" были молча оставлены, но не отмѣнены, и бывшій военный министръ Ванновскій назначенъ м-ромъ нар. просвѣщенія. Въ качествѣ предсѣдателя комиссіи для разслѣдованія студенческихъ безпорядковъ, онъ вошелъ въ положеніе молодежи, чѣмъ пріобрѣлъ извѣстную популярность и репутацію либерала; назначеніемъ его надѣялись возстановить спокойствіе.

Средство это на нѣкоторое время подѣйствовало. Полагали, что власти хотятъ уступить, и было заключено молчаливое перемиріе. Но тактика эта оказалась неправильной; правительство было увѣрено, что „мятежное" настроеніе кончилось, что нужно только достаточно репрессивныя мѣры, для его полнаго подавленія. Такія мѣры и стали примѣнять въ широкомъ масштабѣ.

Въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Варшавѣ, Вильнѣ, Николаевѣ, Гомелѣ, Двинскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Ростовѣ и многихъ другихъ, менѣе значительныхъ городахъ предприняты были жандармско-полицейскія разслѣдованія и аресты. Въ одномъ только Петербургѣ въ теченіе сутокъ было сдѣлано 600 обысковъ и на ихъ основаніи до 300 арестовъ. Среди арестованныхъ находились весь составъ редакцій двухъ прогрессивныхъ журналовъ [1]), нѣсколько профессоровъ [2]), пи-

---

[1]) «Жизнь» и «Міръ Божій».

[2]) Среди нихъ 64-лѣтній проф. анатоміи П. Ф. Лесгафтъ.

Прим. автора.

сателей, множество студентовъ и даже гимназисты и гимназистки. Въ Кіевѣ число обысковъ и арестовъ достигло 120, въ Нижнемъ-Новгородѣ было арестовано 14 лицъ, принадлежащихъ къ редакціи газеты „Нижегородскій Листокъ", между ними писатель Максимъ Горькій. Новый министръ вн. дѣлъ Сипягинъ положительно ожесточился противъ той части общества, которую подозрѣвалъ въ оппозиціонномъ отношеніи къ правительству. Оппозиція должна была быть подавлена совершенно, чего бы это ни стоило. И г.г. министрамъ, какъ всегда, было предоставлено править, какія бы безумныя распоряженія они не отдавали, какъ, напр., приказъ Сипягина не принимать телеграммъ для Льва Толстого.

Сипягинъ продолжалъ дѣйствовать въ томъ же духѣ, пока пуля Балмашева не положила конецъ. Никогда еще реакція не заходила такъ далеко, а произволъ и безчеловѣчность не проявлялись такъ ужасно, какъ въ бытность его м-ромъ вн. дѣлъ. Печать была совершенно стѣснена, особенно въ вопросахъ, которые власти находили нужнымъ замалчивать. Согласно изданнымъ Сипягиномъ циркулярамъ, цензура запретила касаться не менѣе 1896 темъ, не считая прежнихъ запрещеній. Столь же безпощадно преслѣдовали частную оппозицію, проявлялась ли она открыто или нѣтъ. Подозрѣнія въ оппозиціонныхъ взглядахъ было достаточнымъ поводомъ для обысковъ, арестовъ и высылокъ. Правительство поступало одинаково со всѣми противниками самодержавнаго режима: съ религіозными сектантами, евреями, соціалистически настроенными рабочими, выдающимися писателями и учеными страны, учащейся молодежью... ни одинъ общественный классъ не могъ уже быть спокоенъ.

Послѣдователей Толстого, съ тѣхъ поръ какъ глава ихъ подвергся отлученію, преслѣдовали самымъ жестокимъ образомъ. Евреи допускались въ университеты въ количествѣ не превышающемъ 3% всего числа учащихся, за исключеніемъ Москвы, гдѣ имъ вовсе не позволяли учиться. Рабочихъ арестовывали и высылали массами, какъ только они задумывали стачку или демонстрацію. Максима Горькаго выслали изъ Нижняго-Новгорода, Петра Струве и М. И. Туганъ-Барановскаго—изъ Петербурга. Студентовъ сотнями отправляли

въ Архангельскую, Вятскую и другія отдаленныя губерніи. Въ общемъ, по даннымъ, полученнымъ отъ революціонеровъ, число арестованныхъ по „политическимъ причинамъ“ за 30 мѣсяцевъ министерства Сипягина достигло 60.000!

И все же ему не удалось подавить духа сопротивленія. Наоборотъ, въ эти годы онъ выражался все сильнѣе и принималъ невиданныя дотолѣ формы. Преемникъ Сипягина, истинный глава Россіи, фонъ-Плеве, не признававшій никого, кромѣ Побѣдоносцева, съ перваго дня вступленія въ должность замѣтилъ, что оппозиція отнюдь не побѣждена и дѣйствуетъ энергичнѣе и послѣдовательнѣе, чѣмъ когда либо. Новыхъ способовъ для борьбы съ нею не могъ придумать и онъ, но за то въ реакціонной жестокости онъ пошелъ еще дальше, чѣмъ его предшественникъ. Истязанія и висѣлицы никогда не примѣнялись такъ часто, какъ въ послѣдніе годы. Плеве и его сотрудники, усиливая реакцію, надѣялись, вѣроятно, вернуть абсолютизму утраченное спокойствіе и исчезнувшее уваженіе. Они не видѣли, что дошли до предѣла, котораго въ наше время не могутъ преступить ни реакція, ни насилія, потому что всякая власть, даже царская, имѣетъ границы, потому что насильственныя мѣры могутъ только задержать, но не остановить совсѣмъ естественное и необходимое развитіе, которому подчинены всѣ народы и правительства.

Развитіе революціоннаго движенія при Николаѣ II.

Уже при Александрѣ III оппозиціонные элементы различныхъ общественныхъ группъ убѣдились въ томъ, что стремленія къ реформамъ не будутъ имѣть никакого результата, пока не получатъ прочной базы въ видѣ признанія закономъ человѣческихъ и гражданскихъ правъ населенія. Они понимали, что сторонники реформы должны вступить на этотъ путь, и что стремленіе къ признанію основныхъ свободъ должно быть ближайшей и важнѣйшей цѣлью.

Вопросъ заключался теперь, главнымъ образомъ, въ томъ, какъ дѣйствовать, какія употреблять средства и тактику, чтобы сдѣлать цѣль достижимой; и на него, хотя и косвенно,

но тѣмъ не менѣе вполнѣ ясно отвѣчало само реакціонное правительство. Тактика его, заключавшаяся тогда въ томъ, чтобы немедленно силой подавлять всякую попытку общества дѣйствовать самостоятельно въ той или иной области, не могла не возбуждать неудовольствія въ широкихъ общественныхъ кругахъ. Дѣло сводилось къ тому, что сторонники реформы должны были слѣдить за реакціонной политикой правительства и освѣщать дѣйствительное содержаніе ея въ тѣхъ областяхъ, гдѣ правительство препятствовало естественному и самостоятельному ходу развитія, и указывать на то, что бюрократическій деспотизмъ, замѣнившій самодержавіе, *долженъ* подавлять всякое движеніе, чтобы самому оставаться у власти. Такимъ образомъ, ропотъ возраставшей массы недовольныхъ тѣмъ или инымъ проявленіемъ реакціи долженъ былъ постепенно создать убѣжденіе въ непригодности всей правительственной системы, которую реакція поддерживала и благодаря которой держалась сама. Таковой именно сдѣлалась тактика революціонеровъ и, благодаря слѣпотѣ правительства, она привела къ положенію, которое еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ казалось совершенно немыслимымъ въ теченіе неопредѣленно долгаго времени.

Выше было указано, какъ легко могъ бы Николай II задержать революціонное движеніе въ указанномъ здѣсь направленіи, что пытались уже сдѣлать въ царствованіе его отца. Онъ совершенно не былъ связанъ съ реакціонной политикой, печальные результаты которой были очевидны всякому. Немного нужно было имѣть опытности, чтобы убѣдиться въ томъ, что самодержавная власть, которую его совѣтники настойчиво убѣждали сохранить, превратилась въ самую прозрачную маску безграничнаго произвола чиновниковъ, во владычество бюрократіи, которая во всѣхъ отношеніяхъ была независима отъ царя-„самодержца“. Опредѣленное закономъ, умѣренное участіе народа въ государственной жизни въ дѣйствительности не ограничило, а расширило бы *личное* вліяніе царя на народъ, потому что проявленія его власти регулировались бы закономъ, а не узурпировались бы слугами государства, такъ какъ законы, созданные и охраняемые всѣмъ

народомъ, представляли бы непреодолимое препятствіе для злоупотребленій.

Это должны были бы понимать всѣ совѣтники царя, взявшіе на себя отстаиваніе принципа самодержавія и защиту его отъ законныхъ требованій общества. Многіе изъ нихъ были когда-то мелкими чиновниками и должны бы поэтому знать, что бюрократія сдѣлалась государствомъ въ государствѣ и фактически обладаетъ полною властью, не контролируемой никѣмъ; поэтому утвержденіе, что участіе народа умалитъ власть правительства,—одни пустыя слова.

Но вверху не понимали этого; тамъ повѣрили безсодержательнымъ фразамъ и одобрили режимъ, который неминуемо долженъ былъ толкать все дальше и дальше въ принятомъ направленіи.. Находясь въ постоянномъ соприкосновеніи съ западно-европейскими странами, Россія не могла избѣгнуть ихъ вліянія. Само реакціонное правительство, которое безпрестанно должно было искать новыхъ вспомогательныхъ источниковъ для удовлетворенія умножившихся потребностей государства, ничего не имѣло противъ введенія въ Россіи матеріальной европейской культуры и по своему старалось содѣйствовать этому. Но оно не понимало или не хотѣло признать, что матеріальное и духовное развитіе необходимо идутъ рука объ руку, и поэтому принуждено было, ускоряя прогрессъ искусственными средствами съ одной стороны, также искусственными средствами задерживать его съ другой. Это была та же самая коллизія между реакціоннымъ консерватизмомъ и естественнымъ демократическимъ развитіемъ, начавшаяся уже со времени великихъ реформъ Александра II, но перенесенная въ другія общественныя условія и ставшая болѣе сложной, сообразно съ новыми формами и законами государства. Въ другихъ странахъ споръ этотъ изстари вели привилегированные классы, вліяніе которыхъ основывалось на ихъ положеніи и традиціяхъ, тогда какъ интересы ихъ, по крайней мѣрѣ отчасти, совпадали съ интересами народныхъ массъ, и потому они могли разсчитывать на поддержку части послѣднихъ. Въ Россіи же, со времени отмѣны крѣпостного права, нѣтъ такого привилегированнаго общественнаго класса; государство и его власть, т. е. власть

чиновниковъ, противопоставлены въ ней всему народу, интересы котораго никогда не совпадаютъ съ интересами самодержавной бюрократіи. Согласованіе этихъ противоположныхъ интересовъ совершенно невозможно, потому что интересы народа не могутъ быть удовлетворены, пока онъ не получитъ правъ, тогда какъ для бюрократіи единственная возможность существованія, какъ властвующаго государственнаго слоя, заключается въ народномъ безправіи.

Отсюда вытекаетъ, что бюрократія,—которая отъ имени самодержавія представляетъ реакцію и съ нею тождественна,—въ той же мѣрѣ, въ какой матеріальное развитіе открывало новыя области гражданской дѣятельности, расширяла свою власть, подчиняя себѣ эти новыя области. А такъ какъ матеріальное развитіе немыслимо безъ соотвѣтствующаго ему умственнаго, то реакція должна идти все дальше, становиться все самовластнѣе, по мѣрѣ того, какъ умственное развитіе будетъ глубже и шире распространяться въ народѣ, находить все болѣе разнообразную поддержку и усиливаться.

Ходъ событій въ Россіи въ царствованіе нынѣшняго императора представляетъ единственный примѣръ вышеприведеннаго теоретическаго построенія. Политика правительства, за которую менѣе всего отвѣтственъ императоръ, состояла изъ непрерывнаго ряда попытокъ бюрократіи упрочить свою власть путемъ распространенія своего вліянія на всѣ области государственной и гражданской дѣятельности. А стремленія оппозиціи, революціонеровъ, естественно заключались въ томъ, чтобы во всѣхъ направленіяхъ и всѣми средствами поддерживать недовольство политикой самодержавной бюрократіи. Такимъ образомъ, правительство само указывало оппозиціи единственный и вѣрный путь къ политическому перевороту, который нынѣ считается всѣми основнымъ условіемъ для дѣйствительнаго прогресса.

Политикой преслѣдованія евреевъ, начавшейся при Александрѣ III и продолжаемой послѣ него, царизмъ толкнулъ всю еврейскую націю въ ряды революціонеровъ. Пока евреевъ молча терпѣли, и они могли до нѣкоторой степени свободно жить въ странѣ и воспитывать своихъ дѣтей, у нихъ не было единодушнаго стремленія къ достиженію поли-

тическихъ правъ. Но благодаря стѣсненіямъ ихъ въ юго-и сѣверо-западныхъ пограничныхъ губерніяхъ, стремленія эти начали проявляться, безпрерывно разростаясь съ тѣхъ поръ и проникаясь сознательностью. Всѣ старанія властей сузить права евреевъ — запрещеніе выѣзжать за черту осѣдлости, учить дѣтей въ русскихъ правительственныхъ школахъ и т. д.—сдѣлали только то, что преслѣдуемые озлоблялись; они вступали въ различныя революціонныя организаціи, образовавшіяся въ западной Россіи и находившіяся подъ вліяніемъ наиболѣе дѣятельныхъ и энергичныхъ революціонныхъ партій. Еврейскій рабочій союзъ „Бундъ", охватывающій Польшу, Литву и Малороссію, чрезвычайно жизненная организація, которая уже нѣсколько лѣтъ издаетъ свои собственныя газеты и множество листковъ, брошюръ, прокламацій, печатаемыхъ въ собственныхъ тайныхъ типографіяхъ, которыя полиція, несмотря на чрезвычайныя усилія, такъ и не можетъ розыскать. Благодаря энергіи „Бунда" по своему основному характеру соціалистическаго, но вполнѣ признающаго необходимость достиженія прежде всего политической свободы, преобладающее большинство многочисленнаго рабочаго класса западной Россіи и Польши было захвачено революціоннымъ движеніемъ.

Тѣсная связь между членами „Бунда" и общность ихъ интересовъ съ другими рабочими развивалась, подкрѣпляясь стачками и демонстраціями, повторяющимися изъ года въ годъ, увеличивающимися въ размѣрѣ, и въ то же время все яснѣе показывающими даже профану политическое положеніе рабочихъ. Попытки правительства разгромить организацію „Бунда" привели лишь къ тому, что симпатіи къ нему населенія все усиливались. Такъ, напр., когда въ ноябрѣ 1901 г. въ гор. Сморгони (Виленской губ.) арестовали 41 рабочаго, то населеніе пыталось силой освободить ихъ. Правда, казакамъ удалось разогнать толпу нагайками, но тогда въ видѣ протеста противъ арестовъ забастовало 1000 чел.

Нѣсколько недѣль спустя, въ послѣднихъ числахъ декабря, другая тоже весьма сильная организація „Россійская соціалъ-демократическая рабочая партія" устроила большую политическую демонстрацію въ Екатеринославѣ. По обыкно-

венію, послѣдовали массовыя избіенія демонстрантовъ и рабочихъ, 104 рабочихъ и 17 студентовъ были арестованы, но, несмотря на это, демонстрація возобновилась на слѣдующій день при крикахъ; „Да здравствуетъ свобода“, „Долой самодержавіе!“ Въ Харьковѣ студенты и рабочіе тоже демонстрировали вмѣстѣ и съ такой энергіей, что полиція и казаки только черезъ четыре дня смогли возстановить порядокъ. Красные флаги, крики „да здравствуетъ свобода“ и „долой самодержавіе“ раздавались здѣсь, какъ и вездѣ; по меньшей мѣрѣ 250 чел. было выслано изъ города, и около 100 арестовано, тогда какъ число раненыхъ при столкновеніи составляло нѣсколько сотъ. Но все это произвело такъ мало впечатлѣнія, что именно Харьковъ въ первой половинѣ 1902 г. сдѣлался очагомъ новыхъ безпорядковъ въ южной Россіи.

И въ другихъ мѣстахъ, жестокости правительства имѣли результатомъ то, что демонстраціи противъ существующаго строя становились многочисленнѣе и энергичнѣе. Въ февралѣ того же года, какъ извѣстно, во всей Россіи произошли демонстраціи въ годовщину освобожденія крестьянъ для пробужденія въ народѣ стремленій къ свободѣ и политическимъ правамъ. Всюду рабочіе выступали на ряду съ интеллигенціей, во многихъ мѣстахъ они всецѣло принимали на себя руководство этими демонстраціями. Только тамъ, гдѣ были приняты мѣры, какъ въ Москвѣ, военной силой помѣшать рабочимъ соединиться со студентами, правительство могло воспрепятствовать скопленіямъ массъ. Въ Петербургѣ, для предупрежденія демонстраціи, были арестованы всѣ лица, внушавшія подозрѣніе полиціи. Въ ночь на 19 февраля произведено было 900 арестовъ, а на слѣдующій день, въ Народномъ Домѣ часть публики, состоявшей преимущественно изъ студентовъ и рабочихъ, подверглась избіенію, а часть была арестована. Несмотря на это, на слѣдующій день число демонстрантовъ передъ Казанскимъ соборомъ, выкинувшихъ красные флаги съ надписями „Долой самодержавіе“, составляло 40.000, т. е. значительно больше, чѣмъ когда-либо ранѣе.

Въ Москвѣ, какъ мы уже говорили, властямъ почти съ 25.000 войска удалось помѣшать рабочимъ войти въ самый

городъ, при чемъ полиціи было предоставлено поступать съ манифестантами по своему усмотрѣнію. Арестовано было 1200 человѣкъ, среди которыхъ былъ 21 офицеръ; ихъ продержали болѣе или менѣе продолжительное время въ тюрьмѣ; высылки производились сотнями.

Подобные случаи происходили всюду, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ. Теперь рабочіе во всей Россіи прониклись убѣжденіемъ, что главный ихъ врагъ—самодержавіе, что всѣ усилія должны быть направлены къ тому, чтобы свергнуть абсолютизмъ, потому что ни рабочіе, ни другіе классы не могутъ разсчитывать на лучшее будущее, пока существуетъ этотъ врагъ. Реакціонная политика имѣла по отношенію къ рабочимъ и другимъ классамъ населенія тѣ послѣдствія, которыя съ естественной необходимостью должны были изъ нея вытекать.

Тѣ же самые плоды пожинаетъ правительство и благодаря своему отношенію къ учащейся молодежи. Почти всѣ волненія среди студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній возникали вначалѣ благодаря условіямъ, которымъ были подчинены эти послѣдніе. Но когда всѣ самыя мирныя и лояльныя попытки добиться какихъ-либо реформъ раздувались властями въ проявленія „мятежнаго духа“ и подавлялись самыми суровыми мѣрами, то результатъ могъ быть только одинъ: учащаяся молодежь, подобно другимъ слоямъ общества, неминуемо должна была убѣдиться, что корень всего зла—сама система, бюрократическій деспотизмъ, называемый самодержавіемъ. А это имѣло естественнымъ слѣдствіемъ то, что студенты, интересовавшіеся эволюціей общества, примкнули почти безъ исключенія къ революціоннымъ организаціямъ. Тотъ, кто хотя поверхностно слѣдилъ за событіями послѣднихъ лѣтъ въ Россіи, знаетъ, что революціонное движеніе имѣетъ самыхъ самоотверженныхъ, воодушевленныхъ и энергичныхъ работниковъ среди учащейся молодежи во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ государства. Даже духовныя семинаріи не остались въ сторонѣ отъ этого революціоннаго увлеченія, какъ это доказала открытая въ одной изъ нихъ въ началѣ 1902 г. тайная организація.

Преслѣдованіе различныхъ національностей въ имперіи

дало тѣ же результаты. Всѣмъ извѣстно, что поляки душой и тѣломъ на сторонѣ революціи. У нихъ имѣется нѣсколько революціонныхъ организацій, которыя все рѣшительнѣе стремятся къ общей работѣ и пока откладываютъ чисто націоналистическія, соціалистическія и другія стремленія, чтобы соединиться съ тѣми, кто видитъ главнѣйшую, для всѣхъ общую и ближайшую цѣль революціонной дѣятельности въ законномъ ограниченіи правительственной власти конституціей. Къ тому же выводу пришли и малороссы, благодаря многолѣтнему, безпощадному преслѣдованію ихъ языка и національныхъ особенностей. Среди нихъ также существуютъ организаціи, всѣми доступными имъ средствами работающія надъ сверженіемъ самодержавія, на что ясно указываютъ ихъ изданія.

Наконецъ, даже умѣренные либералы оказались вынужденными прибѣгнуть къ революціоннымъ пріемамъ и средствамъ. Закрытый правительствомъ журналъ „Жизнь", выходившій въ Петербургѣ, продолжалъ издаваться въ Лондонѣ, откуда тайно ввозился въ Россію. Въ то же время за границей началъ издаваться и другой журналъ „Освобожденіе", подъ редакціей Петра Струве. Журналы эти [1]) являются политическими органами, выражающими взгляды большинства прогрессивныхъ людей, и революціонны лишь постольку, поскольку добиваются измѣненія образа правленія и ограниченія самодержавія, уступившаго свою власть бюрократіи.

---

[1]) Изданіе «Жизнь», впрочемъ, вскорѣ прекратилось. Вышло всего 6 номеровъ.

ДОПОЛНЕНІЕ.

Режимъ Плеве.

Описаніе внутренняго развитія Россіи за три года со времени окончанія этой книги само по себѣ составило бы цѣлый томъ. Поэтому намъ придется ограничиться здѣсь бѣглымъ обзоромъ важнѣйшихъ событій и характерныхъ особенностей этого развитія. Читатели могутъ замѣтить, что сдѣланныя въ предыдущихъ главахъ заключенія и общіе выводы нашли несомнѣнное подтвержденіе въ событіяхъ послѣднихъ лѣтъ. Самодержавные правители не поняли, что единственный возможный мирный выходъ изъ созданнаго положенія заключался въ немедленномъ и искреннемъ проведеніи реформъ „сверху". Поэтому теперь Россіи грозитъ революція, уже начавшаяся и располагающая такими силами, что врядъ ли кто сможетъ подавить ее. Во всемъ огромномъ государствѣ теперь нѣтъ ни одного общественнаго класса, готоваго защищать правительственную систему, которую, однако по многократнымъ заявленіямъ правящихъ, во что бы то ни стало желаютъ сохранить.

Для развитія событій послѣднихъ лѣтъ характерно именно то, что нѣтъ уже рѣчи о революціонномъ движеніи, поддерживаемомъ и ведущемся одной или нѣсколькими партіями: теперь идетъ борьба цѣлаго народа или всѣхъ слоевъ общества противъ автократіи и ея представителей. Вся интеллигенція страны, независимо отъ партійныхъ взглядовъ и симпатій, отъ классовыхъ точекъ зрѣнія и классовыхъ интересовъ, сознательно стремится къ уничтоженію самодержавія и

введенію конституціи; широкіе же слои народа, благодаря войнѣ, ужаснымъ экономическимъ условіямъ и притѣсненіямъ бюрократіи, такъ недовольны господствующей системой, что готовы послѣдовать за всякимъ, кто обѣщаетъ имъ лучшее будущее. Недовольство это существуетъ въ равной мѣрѣ во всемъ государствѣ, проявляясь различно въ разныхъ направленіяхъ. Вездѣ народъ находитъ поддержку среди интеллигенціи, убѣжденной въ томъ, что основы существующаго зла заключаются въ самой системѣ, которая поэтому должна быть измѣнена кореннымъ образомъ.

Изъ того тупика, въ который завело Россію самодержавіе, ее можетъ спасти только конституція съ предоставленіемъ народу законодательной власти; въ этомъ были убѣждены ранѣе исключительно такъ называемые революціонные круги. Всѣ остальные еще вѣрили въ возможность выйти изъ затрудненій посредствомъ реформъ въ различныхъ областяхъ государственной жизни, сохранивъ автократическій принципъ въ государственной системѣ, въ которой законъ былъ бы объявленъ высшей властью и для всѣхъ имѣлъ бы равное значеніе. Они воздерживались отъ радикальной точки зрѣнія, которая считалась революціонной, потому что послѣдовательно выводила единственное логическое заключеніе изъ посылокъ, представляемыхъ русской дѣйствительностью. Нынѣ все это кореннымъ образомъ измѣнилось. Такъ называемые „либералы“, старавшіеся остаться вѣрными самодержавію, несмотря на все недовольство существующимъ порядкомъ вещей и сочувствіе къ реформамъ, за послѣдніе три года также поняли, что для того, чтобы могли наступить дѣйствительныя и прочныя перемѣны къ лучшему, власть монарха должна быть ограничена закономъ. Эти люди, т. е. всѣ тѣ, которые не имѣютъ прямого интереса въ сохраненіи строя, отдающаго всю власть въ руки неотвѣтственныхъ чиновниковъ, требуютъ теперь, подобно „революціонерамъ“, введенія конституціи. Но различіе между ними, однако, еще есть. Послѣдніе идутъ дальше первыхъ, открыто заявляя, что федерація— единственно возможная и справедливая форма государственнаго устройства для такой обширной страны, какъ Россія, съ столь различными климатическими и иными условіями,

столь несходными національностями и интересами; тогда какъ большинство „либераловъ“ и конституціоналистовъ стоятъ за единую конституціонную монархію, съ болѣе или менѣе широкой автономіей различныхъ ея областей. Всѣ они сходятся однако относительно необходимости предоставить народу право участія въ управленіи страной. Въ этомъ отношеніи, вся Россія—за исключеніемъ гражданской и военной бюрократіи—въ равной мѣрѣ революціонна, поскольку введеніе конституціи равнозначуще съ уничтоженіемъ самодержавія.

И это революціонизированіе прогрессивныхъ элементовъ, бывшихъ ранѣе на сторонѣ правительства, вызвано опять-таки имъ самимъ, частью войной съ Японіей, начатой изъ-за преступнаго, беззастѣнчиваго легкомыслія бюрократіи, частью безпощадной реакціей, проявлявшейся все сильнѣе. Уже Сипягинъ, какъ министръ вн. дѣлъ, своей реакціонной политикой насилія до того довелъ русское общество, что вѣсть объ убійствѣ его Балмашевымъ была принята всѣми съ неподдѣльной радостью. Но самое неопровержимое доказательство несовмѣстимости автократіи съ элементами права и прогресса далъ преемникъ Сипягина, Плеве, это воплощеніе всякаго зла, безсердечія и произвола, полнаго презрѣнія къ человѣческой жизни и праву — черты, присущія правительству безотвѣтственныхъ чиновниковъ.

Бывшій нѣкоторое время всемогущимъ, Плеве началъ свою карьеру съ гнуснѣйшаго предательства по отношенію къ одному польскому магнату, нѣкогда пріютившему и воспитавшему его. Онъ донесъ на него тогдашнему ген.-губ. Царства Польскаго, Муравьеву „Вѣшателю“, какъ на одного изъ главарей польскаго мятежа 1863 г. Благодаря этому, благодѣтель Плеве былъ приговоренъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе, а доносчикъ награжденъ должностью въ канцеляріи Муравьева. Послѣдующая его дѣятельность вполнѣ соотвѣтствовала своему началу, проявляясь преимущественно въ политической сыскной полиціи, сосредоточенной тогда въ знаменитомъ третьемъ отдѣленіи.

Здѣсь онъ сразу выдѣлился, проявивъ большую хитрость и столь же большую безсовѣстность. Въ высшихъ сферахъ на него обратили вниманіе, когда онъ, послѣ убійства Але-

ксанда II, будучи прокуроромъ, велъ слѣдствіе по дѣлу участниковъ покушенія. Назначенный затѣмъ статсъ-секретаремъ онъ сумѣлъ стать въ хорошія отношенія съ вліятельными лицами, особенно съ оберъ-прокуроромъ св. синода, всемогущимъ Побѣдоносцевымъ, и когда рѣшенъ былъ походъ противъ финляндской конституціи, они нашли въ немъ хорошаго помощника. Онъ принималъ участіе въ этомъ политическомъ походѣ, прежде всего, какъ членъ тайнаго комитета, составившаго планъ руссификаціи Великаго княжества и редактировавшаго упомянутый манифестъ 1899 года; затѣмъ, какъ министръ—статсъ-секретарь Финляндіи, онъ былъ вдохновителемъ и руководителемъ извѣстной политики репрессій вмѣстѣ съ тогдашнимъ ген.-губ. Бобриковымъ.

Назначенный министромъ вн. дѣлъ, Плеве не замедлилъ обнаружить себя. Онъ заявилъ, что всеобщее недовольство въ Россіи есть слѣдствіе козней и подстрекательства кучки злонамѣренныхъ лицъ, которыхъ легко сдѣлать безвредными, если только усилить полицію и расширить ея полномочія. Онъ поставилъ это своей главной задачей и увѣрялъ, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ порядокъ и спокойствіе въ странѣ будутъ возстановлены. Въ такомъ духѣ онъ и началъ послѣдовательно управлять страной, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ему удалось сосредоточить въ своихъ рукахъ власть, превышавшую полномочія всѣхъ остальныхъ министровъ, вмѣстѣ взятыхъ. Уже вскорѣ послѣ его назначенія у него произошло столкновеніе съ нѣкоторыми изъ его товарищей, особенно съ всемогущимъ до этого министромъ финансовъ, Витте, и министромъ юстиціи, Муравьевымъ. Борьба съ послѣднимъ велась относительно „политическихъ преступниковъ“, которыхъ Плеве желалъ судить особыми (военными) судами при закрытыхъ дверяхъ, тогда какъ министръ юстиціи требовалъ публичнаго разбирательства обыкновеннымъ судомъ [1]). Министръ юстиціи провелъ свой проектъ въ такомъ смыслѣ, чтобы важнѣйшіе политическіе процессы разбирались военнымъ судомъ подъ его руководствомъ, въ

---

[1]) Авторъ, повидимому, ошибается: Плеве не могъ требовать военнаго суда для всѣхъ категорій государств. преступниковъ, равно какъ и Муравьевъ—публичнаго разбирательства. *Прим. изд.*

частности процессъ Балмашева, приговореннаго, по приказанію, къ смерти, хотя русскій законъ за подобныя преступленія караетъ лишь вѣчной каторгой.

Было гораздо серьезнѣе и представляло для Плеве большія опасности столкновеніе его съ министромъ финансовъ. Не питавшій въ дѣйствительности никакихъ либеральныхъ намѣреній, но умный и прекрасно разбиравшійся во всѣхъ общественныхъ явленіяхъ, Витте—несомнѣнно одинъ изъ способнѣйшихъ людей современной Россіи—понялъ, что развитіе государства не можетъ продолжаться по старому пути и неминуемо приведетъ къ катастрофѣ. Своей покровительственной таможенной политикой онъ самъ искусственно развилъ промышленность, въ сравнительно короткое время привлекшую десятки тысячъ рабочихъ изъ деревень въ города, гдѣ они знакомились съ соціалистическими ученіями, увлекавшими большинство промышленныхъ рабочихъ. Онъ понималъ лучше всякаго другого, что кризисъ, послѣдовавшій за короткимъ періодомъ расцвѣта вновь созданной индустріи и грозившій серьезными опасностями экономическому развитію страны, могъ быть смягченъ лишь улучшеніемъ положенія земледѣльческаго класса, а съ нимъ и поднятіемъ его потребительныхъ силъ. Онъ зналъ, какъ опасенъ въ политическомъ отношеніи экономическій кризисъ, такъ какъ вслѣдствіе остановки промышленности массы голодныхъ, недовольныхъ и революціонно настроенныхъ рабочихъ будутъ принуждены возвратиться на родину, въ деревню, агитируя тамъ среди крестьянъ. Въ виду этого, Витте, съ разрѣшенія государя, образовалъ во многихъ губерніяхъ сельско-хозяйственные комитеты изъ крупныхъ землевладѣльцевъ и крестьянъ, которые должны были высказать свое мнѣніе о причинахъ упадка сельскаго хозяйства и найти мѣры для его улучшенія.

М-ръ финансовъ предоставилъ этимъ сельско-хозяйственнымъ комитетамъ свободно и откровенно обсуждать причины бѣдствія и средства для борьбы съ нимъ.

Но онъ, повидимому, не ожидалъ, что откровенность ихъ зайдетъ такъ далеко, какъ это оказалось въ дѣйствительности. Члены цѣлаго ряда комитетовъ были настолько проницательны, что завели рѣчь не только объ экономическомъ,

но и объ общемъ политическомъ положеніи, признавая вполнѣ основательно, что первое самымъ тѣснымъ образомъ связано съ послѣднимъ. Ледъ былъ разбитъ. Комитеты, одинъ за другимъ, съ изумительной смѣлостью критиковали существующій образъ правленія и, въ интересахъ улучшенія условій жизни и поднятія производства среди земледѣльческаго населенія и другихъ общественныхъ группъ, требовали его безусловнаго коренного измѣненія.

Вся страна съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивалась къ резолюціямъ комитетовъ. Давно уже не слыхали въ Россіи ничего подобнаго; казалось, точно въ реакціонный мракъ ворвался свѣжій порывъ вѣтра изъ внѣшняго міра, гдѣ свобода и человѣческія права не простыя теоретическія понятія. Главную роль въ сельскохозяйственныхъ комитетахъ играли представители земствъ, и потому всѣ начали болѣе или менѣе опредѣленно надѣяться, что права земства будутъ расширены, что послужитъ фундаментомъ для будущаго, основой всѣми желаемой конституціи.

Но пожеланія эти не нравились Плеве, новому министру внутр. дѣлъ. Всякія рѣчи о либеральныхъ реформахъ вызывали въ немъ содроганіе. Политика его основывалась не на реформахъ, а на стремленіяхъ и могуществѣ партій, которыми онъ могъ руководить. Онѣ и войско будутъ защищать и поддерживать самодержавіе, остальные общественные элементы должны довольствоваться тѣмъ, что дѣлало для нихъ правительство. Они не имѣли права требовать, а тѣмъ болѣе— требовать измѣненія образа правленія. Виновные въ этомъ совершали преступленіе противъ священной особы государя и должны были нести наказаніе, чтобы не заразить своимъ примѣромъ другихъ. Исходя изъ этого положенія, Плеве избралъ первымъ объектомъ кары комитетъ, въ которомъ высказывались всего откровеннѣе и рѣзче, именно уѣздный Воронежскій комитетъ. Предсѣдателю послѣдняго, уѣздному предводителю дворянства Алисову, по телеграфу было приказано отправиться въ Ливадію, гдѣ въ то время находился государь: онъ получилъ строгій выговоръ за свое поведеніе. Два члена комитета, извѣстный престарѣлый педагогъ Бунаковъ и врачъ Мартыновъ, послѣ обыска, были арестованы и вы-

сланы административнымъ порядкомъ; одинъ старый гражданскій чиновникъ, Вашкевичъ, былъ уволенъ, а воронежскому губернатору, Слѣпцову, приказано подать прошеніе объ отставкѣ за то, что онъ не сумѣлъ предупредить неумѣстныхъ предложеній и проектовъ.

Такимъ же образомъ, хотя и не столь сурово, министръ вн. дѣлъ расправился съ членами другихъ комитетовъ; наконецъ, они были окончательно распущены; плодами ихъ дѣятельности правительство не воспользовалось и послѣ нихъ ничего не осталось, кромѣ множества докладовъ, похороненныхъ затѣмъ въ разныхъ архивахъ. Плеве побѣдилъ министра финансовъ. Но побѣда эта была побѣдою Пирра. Многіе либеральные сторонники реформъ сразу превратились въ радикальныхъ приверженцевъ освободительнаго движенія; всѣ другіе, съ интересомъ и большими ожиданіями слѣдившіе за дѣятельностью сельскохозяйственныхъ комитетовъ, увидѣли, что режимъ, при которомъ воля или капризъ одного безотвѣтственнаго чиновника можетъ опрокинуть планы, имѣющіе цѣлью улучшеніе условій жизни многомилліоннаго населенія, никуда не годится.

Подобные же плоды политика Плеве принесла и во всѣхъ другихъ областяхъ, частью благодаря его вѣроломству, частью жестокости, съ которыми онъ дѣйствовалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда надѣялся съ ихъ помощью достигнуть желаемыхъ результатовъ. Напримѣръ, онъ понималъ, что все увеличивавшееся броженіе среди рабочихъ не могло быть подавлено силой и потому старался бороться съ нимъ хитростью. Полицейскимъ агентамъ, подъ руководствомъ довѣреннаго Плеве, Зубатова, приказано было сблизиться съ рабочими и образовать нѣсколько кружковъ и организацій безъ соціалистическихъ тенденцій. Начальство легко разрѣшало такіе союзы. Поставивъ ихъ подъ наблюденіе тайной полиціи, министръ вн. дѣлъ полагалъ, что ему удастся уничтожить соціалистическіе кружки и пресѣчь ихъ пропаганду. Прежде всего для завоеванія довѣрія рабочихъ полицейскимъ агентамъ было разрѣшено устраивать стачки и оказывать давленіе на фабрикантовъ, съ цѣлью заставить ихъ соглашаться на требованія рабочихъ и тѣмъ укрѣплять господство полиціи надъ по-

слѣдними. Однако, въ Москвѣ, гдѣ впервые былъ примѣненъ этотъ методъ, дѣло въ короткое время зашло такъ далеко, что фабриканты вынуждены были подать жалобу (дошедшую даже до государя), по поводу полицейской агитаціи среди рабочихъ, грозящей имъ разореніемъ. Въ то же время обнаружилось, что члены соціалистическихъ организацій воспользовались основанными Плеве союзами для распространенія революціонныхъ ученій, такъ что послѣдніе, въ дѣйствительности, превратились въ главные очаги соціалистической агитаціи. Министръ вн. дѣлъ тотчасъ же измѣнилъ тактику: какъ только полицейскіе агитаторы были признаны агентами правительства, полиція получила приказаніе оставить руководство рабочими организаціями. Всѣхъ рабочихъ, соціалистически или оппозиціонно настроенныхъ, арестовали и выслали частью въ Сибирь, частью въ отдаленныя губерніи, гдѣ они не могли найти себѣ подходящаго заработка; стачки перестали разрѣшаться и съ забастовщиками расправлялись такъ же безпощадно, какъ и раньше. Но рабочіе получили наглядное доказательство вѣроломства правительства и невозможности добиться улучшенія своего положенія при господствующемъ режимѣ. Слѣдствіемъ этого было небывалое дотолѣ присоединеніе рабочихъ къ революціоннымъ соціалистамъ, которые имѣли всѣ причины быть благодарными правительству за эту косвенную помощь.

Но еще большее предательство Плеве проявилъ по отношенію къ евреямъ, которые, при всякихъ внутреннихъ осложненіяхъ и безъ того всегда служили клапаномъ для проявленія недовольства правительства и народа. Нельзя предположить, что юдофобство Плеве вытекало изъ его приверженности къ православію, потому что онъ самъ однажды, если не два раза, мѣнялъ религію. То, что онъ проявлялъ на евреяхъ свою жестокость, отчасти объясняется его смѣшаннымъ съ ненавистью страхомъ передъ вліяніемъ еврейскихъ революціонеровъ во всеобщемъ оппозиціонномъ движеніи, отчасти же стремленіемъ сблизиться съ вліятельнымъ кружкомъ Побѣдоносцева, такой дешевой цѣною — путемъ гоненія беззащитныхъ людей. И въ этомъ отношеніи онъ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ и современниковъ въ

Россіи, даже бывшаго московскаго ген.-губернатора, особенно ненавидѣвшаго евреевъ. Послѣдній, ограничивался тѣмъ, что съ неумолимой жестокостью изгонялъ ихъ изъ предѣловъ Москвы; министръ же вн. дѣлъ пошелъ дальше: при помощи полиціи онъ устроилъ погромы и избіенія евреевъ въ Кишиневѣ, Гомелѣ, не говоря уже о другихъ городахъ, гдѣ гоненія тоже практиковались, пока взрывъ негодованія, возбужденнаго этими звѣрствами во всемъ мірѣ, не заставилъ, наконецъ, Плеве отмѣнить свое распоряженіе и прекратить это возмутительное злодѣйство. Что подчиненная Плеве полиція, дѣйствительно, сама устраивала эти избіенія, вполнѣ выяснилось на процессахъ противъ обвиняемыхъ въ кровавыхъ преступленіяхъ; внушенная свыше пристрастность суда достигла такихъ скандальныхъ размѣровъ, что защитники потерпѣвшихъ (въ Гомелѣ) отказались отъ дальнѣйшаго веденія дѣла, въ виду намѣренія предсѣдателя недопущеніемъ свидѣтельскихъ показаній препятствовать выясненію настоящихъ виновниковъ и привлеченію ихъ къ законной отвѣтственности. Во время судебнаго разбирательства обнаружилось также, что редакція газеты, главнымъ образомъ подстрекавшей къ погромамъ евреевъ, находилась въ непосредственной близости съ м-ромъ внутр. дѣлъ. Но благопріятныхъ результатовъ не удалось добиться и здѣсь, такъ же, какъ и при разслѣдованіи грабежей и убійствъ въ Гомелѣ и Кишиневѣ, гдѣ войска и полиція смотрѣли на насилія, не препятствуя имъ. Дальнѣйшимъ доказательствомъ причастности Плеве къ этимъ событіямъ является тотъ фактъ, что кишеневскій губернаторъ въ самомъ началѣ безпорядковъ по телеграфу просилъ у министра вн. дѣлъ разрѣшенія употребить для подавленія безпорядковъ войска, но три дня не получалъ отвѣта. Только послѣ того уже, какъ насилія продолжались столько времени, пришелъ утвердительный отвѣтъ. Вызванныя войска очень быстро прекратили безпорядки. Можно себѣ представить, насколько эта рѣзня и не менѣе ужасныя событія въ Одессѣ и другихъ городахъ озлобили евреевъ противъ правительства, не только попустившаго, но и организовавшаго подобныя злодѣйства надъ мирными и беззащитными жителями. Нагнать на евреевъ страху за участіе ихъ въ революціонномъ движеніи тоже совершенно

не удалось; наоборотъ, многіе, хотя и сочувствовавшіе ему, но державшіеся отъ него въ сторонѣ, стали теперь активными революціонными работниками. Плеве убѣдилъ евреевъ, подобно многимъ другимъ, въ томъ, что имъ нечего надѣяться получить человѣческія и гражданскія права, пока самодержавіе не будетъ свергнуто и замѣнено правовымъ строемъ.

По отношенію къ инородцамъ, входящимъ въ составъ Россійской имперіи, Плеве примѣнялъ ту же близорукую политику, стараясь насильно руссифицировать ихъ; въ результатѣ—среди нихъ развилась враждебная царизму оппозиція, склонявшаяся къ болѣе или менѣе открытому возстанію. Въ Финляндіи обрусительная политика велась съ такимъ ожесточеніемъ, что даже самый видный представитель ея, жестокій ген. Бобриковъ, неоднократно совѣтовалъ большую осторожность и большее терпѣніе по отношенію къ оппозиціоннымъ элементамъ страны. Однако, это не могло удержать Плеве отъ проведенія его плановъ. Несмотря на очевидное нарушеніе закона, судьи и административные чиновники увольнялись десятками. Суды и учрежденія были поставлены въ полную зависимость отъ генералъ-губернатора; даже сенатъ—мѣстное правительство великаго княжества—превратился не болѣе, не менѣе, какъ въ исполнительный органъ при русскомъ ген.-губернаторѣ. Въ заключеніе особымъ императорскимъ указомъ послѣднему были даны совершенно диктаторскія полномочія, которыми онъ тотчасъ же воспользовался, арестовавъ и выславъ всѣхъ, возбудившихъ неудовольствіе его самого или его подчиненныхъ. Но политика эта не осталась безъ вліянія и въ Финляндіи. Финны все лучше и лучше начали разбираться въ положеніи, стали сочувствовать русскимъ революціонерамъ и пропагандистамъ, сторонникамъ террора, какъ единственнаго средства борьбы съ беззаконіемъ и произволомъ правительства. Въ широкихъ кругахъ финскаго общества все чаще начали высказывать надежду, что надо вооруженной рукой положить конецъ деспотизму ген.-губернатора. И вотъ 3-го іюня совершилось давно ожидаемое событіе: Евгеній Шауманъ застрѣлилъ Бобрикова при выходѣ его изъ сената и тутъ же самъ лишилъ себя жизни. Происходя изъ высокообразованной семьи, не придерживав-

шейся ни революціонныхъ, ни анархическихъ взглядовъ, Шауманъ совершилъ этотъ актъ, придя къ убѣжденію, что онъ является единственнымъ средствомъ для спасенія Финляндіи отъ грозившей ей участи. Политика насилія привела къ обычному и неизбѣжному результату. Насиліе породило насиліе, и терроръ появился въ той части имперіи, гдѣ никогда до тѣхъ поръ онъ не находилъ почвы, и гдѣ первое проявленіе его было встрѣчено съ всеобщей и нескрываемой радостью.

Политика русскаго правительства за послѣдніе годы содѣйствовала развитію террора и среди другой національности, въ которой еще онъ не прививался—среди армянъ. Начатая кн. Голицынымъ политика притѣсненія армянъ продолжалась при Плеве съ небывалой безпощадностью и завершилась конфискаціей имуществъ армянско-грегоріанской церкви, въ общей сложности болѣе 100 милліоновъ рублей. Жестокость этой мѣры станетъ особенно очевидной, если вспомнить, что средства на содержаніе превосходныхъ армянскихъ школъ, больницъ, благотворительныхъ учрежденій и т. п., равно какъ на церкви и духовенство, по большей части черпались изъ этого фонда. А если принять во вниманіе, что не только европейскіе армяне, но и малоазіатскіе, персидскіе и другіе, уже болѣе ста лѣтъ дѣлали взносы на основаніе этого фонда, то станетъ понятнымъ, какъ велико было раздраженіе этой національности противъ русскаго самодержавія и его преступныхъ посягательствъ. Во многихъ мѣстахъ населеніе силой старалось помѣшать захвату, иногда священники лично препятствовали этому; въ то же время престарѣлый патріархъ армянской церкви дѣлалъ все возможное для того, чтобы убѣдить правительство измѣнить свое безчеловѣчное и непонятное рѣшеніе. Но все было напрасно. Полиція и войска подавляли всякое сопротивленіе оружіемъ, при чемъ не щадили даже духовенства. Совѣтники государя внушили ему, что руссификація армянъ полезна и необходима для государства. Поэтому ихъ нужно лишить средствъ и возможности содержать какія-либо національныя учрежденія. Но ни царь, ни его совѣтники не ожидали, что армяне осмѣлятся возстать противъ абсолютизма, что случилось непосредственно

вслѣдъ за тѣмъ. Обширная армянская организація, основанная для поддержки турецкихъ армянъ въ ихъ борьбѣ съ кровавымъ и дикимъ турецкимъ владычествомъ, включила теперь въ свою программу и борьбу съ самодержавіемъ. А такъ какъ подобная борьба, разумѣется, не могла вестись открыто, то армяне естественно обратились къ террору. За три съ небольшимъ года, прошедшіе съ перваго покушенія, на Кавказѣ было совершено около 30 террористическихъ актовъ, большинство съ удачнымъ исходомъ, при чемъ виновные обыкновенно скрывались. Однимъ изъ немногихъ, спасшихся отъ присужденнаго ему наказанія, былъ намѣстникъ Кавказа, кн. Голицынъ, котораго лишь легко ранили. Но во всякомъ случаѣ, онъ былъ до того напуганъ, что поспѣшно покинулъ свой постъ и съ тѣхъ поръ не рѣшался болѣе вернуться на Кавказъ.

Ближайшіе сосѣди армянъ, грузины, за время правленія Плеве, подвергались сильнымъ преслѣдованіямъ и также убѣдились, что имъ ничего хорошаго нельзя ожидать отъ царскаго правительства, и что они сами должны добиваться своихъ правъ. За послѣднее время грузинская революціонная организація работала особенно успѣшно, агитируя въ неприступныхъ горныхъ мѣстностяхъ Кавказа, и, съ тѣхъ поръ, какъ русско-японская война обнаружила полную несостоятельность русской бюрократіи, достигла уже того, что, судя по послѣднимъ извѣстіямъ, въ недалекомъ будущемъ можно ожидать всеобщаго возстанія. А что это значитъ при нынѣшнихъ условіяхъ, понятно всякому, кто вспомнитъ, что Россіи потребовалось 30 лѣтъ для покоренія кавказскихъ горныхъ племенъ.

Съ началомъ восточно-азіатской кампаніи, долго подавляемое ожесточеніе поляковъ стало проявляться въ формѣ, весьма близкой къ открытому мятежу. Уже въ началѣ войны здѣсь замѣчались несомнѣнные признаки революціоннаго настроенія, но русское правительство, вмѣсто того, чтобы серьезно отнестись къ этому, устроило въ Польшѣ настоящее кровопусканіе: запасные и рекруты массами призывались въ войска. Министръ вн. дѣлъ слишкомъ мало былъ знакомъ съ условіями жизни въ этой части имперіи, какъ, впрочемъ, и въ

другихъ ея областяхъ, чтобы предотвратить политику, могущую привести въ отчаяніе поляковъ. Здѣсь, какъ и повсюду, Плеве—государственный дѣятель, проявилъ почти невѣроятную близорукость, полагаясь исключительно на репрессіи и поручая осуществленіе ихъ полиціи и войскамъ. Какіе результаты принесла эта система, знаетъ всякій, слѣдившій за извѣстіями о революціонныхъ вспышкахъ въ Польшѣ за послѣдніе мѣсяцы.

И по отношенію къ общественному мнѣнію Европы Плеве проявилъ ту же непонятную близорукость и недостатокъ пониманія, какъ и во внутренней политикѣ. Онъ неоднократно публично заявлялъ, что Россія нисколько не интересуется мнѣніемъ остального міра, но втайнѣ дѣлалъ все, чтобы настроить это мнѣніе болѣе благопріятно. Подкупы газетъ въ различныхъ государствахъ никогда не были столь значительны и никогда газетные столбцы для благопріятныхъ отзывовъ о Россіи не покупались такъ дорого, какъ агентами Плеве. Будучи статсъ-секретаремъ Финляндіи, онъ проявлялъ чувствительность къ суровымъ нападкамъ, весьма часто появлявшимся въ иностранной печати, на русскую политику въ вел. княжествѣ. Благодаря своимъ безчисленнымъ агентамъ, разсѣяннымъ по всей Европѣ, онъ зналъ, что о всѣхъ репрессивныхъ мѣропріятіяхъ русскаго правительства въ Финляндіи немедленно и подробно извѣщалась всемірная пресса; что насильственная руссификація вел. княжества возбудила всеобщее возмущеніе и обратила въ то же время вниманіе всего міра на внутреннія условія Россія. Отсюда онъ вывелъ ложное заключеніе, что, если ему удастся замаскировать или опровергнуть жестокость и вѣроломство принятой политики въ Финляндіи, то смягчится и мнѣніе о внутреннемъ положеніи правительства. Поэтому онъ еще чаще сталъ печатать, всегда, впрочемъ, съ одинаково слабымъ успѣхомъ — собственныя разъясненія по финляндскому вопросу въ подкупленныхъ русскимъ золотомъ французскихъ газетахъ. За подобными статьями тотчасъ же слѣдовали многочисленныя опроверженія, уничтожавшія всякій ихъ смыслъ. Наконецъ, онъ рѣшилъ открыть свой анонимъ—вѣроятно, надѣясь, что имя его, столь грозное въ Россіи, сможетъ импонировать и Европѣ, и отвѣтилъ

на обращенное къ нему открытое письмо издателя лондонскаго журнала „Review of Reviews“ относительно руссификаторской политики въ Финляндіи и вреда, приносимаго ею (по мнѣнію иностранцевъ) царской власти. Въ своемъ крайне неудачномъ отвѣтѣ онъ исходилъ изъ того положенія, что самодержецъ уже не есть самодержецъ, если стѣсненъ чѣмъ-либо, хотя бы собственными словами и обѣщаніями, въ пользованіи своею властью; это подало лишь поводъ англійскимъ газетамъ къ уничтожающему возраженію, которое рѣзче цѣлыхъ томовъ охарактеризовало и политику самодержавія, и оправдывающіе ее аргументы. Такимъ образомъ, политическая безтактность Плеве и отсутствіе въ немъ государственной дальновидности сильно принизили въ глазахъ западной Европы порядокъ, защиту и укрѣпленіе котораго онъ объявилъ своей священной задачей.

Рѣзкую противоположность тактикѣ Плеве въ иностранной прессѣ представляло отношеніе его къ русскимъ гражданамъ, которымъ совершенно не разрѣшалось обсуждать государственныя дѣла. Если кто-нибудь осмѣливался высказать въ печати неугодные министру взгляды, то онъ долженъ былъ приготовиться къ обыску, аресту, ссылкѣ или, въ лучшемъ случаѣ, къ высылкѣ изъ города, въ которомъ было совершено „преступленіе“. Такимъ путемъ цѣль, правда, достигалась: общественное мнѣніе въ лицѣ прессы не могло высказываться, но тѣмъ лучше подготовлялась почва для нелегальной печати, такъ называемой „подпольной литературы“. Соціал-демократическая партія и соціалисты-революціонеры долгое время издавали правильно выходившіе журналы; примѣру ихъ послѣдовали и либералы, которые, подъ руководствомъ эмигрировавшаго журналиста Петра Струве, стали издавать за границей двухнедѣльный журналъ „Освобожденіе“, въ короткое время обратившій на себя вниманіе и пріобрѣвшій извѣстное вліяніе на русское общественное мнѣніе. Журналы эти, множество листковъ, брошюръ, памфлетовъ и книгъ массами ввозились тайкомъ въ Россію и съ жадностью читались населеніемъ, положительно жаждавшимъ такой литературы. Правительство всѣми силами препятствовало ввозу и распространенію подобныхъ сочиненій. Всякаго, способство-

вавшаго ввозу запрещенныхъ изданій, сажали въ тюрьму; впослѣдствіе же, когда тюрьмы оказались переполненными, полиція довольствовалась преслѣдованіемъ тѣхъ, которые ввозили эту ненавистную литературу въ страну, распространяли ее тамъ, продавали и читали. Сколько народу на этомъ основаніи было арестовано во времена Плеве неизвѣстно, но число это должно быть значительнымъ: на одной только финляндской границѣ въ руки полиціи попало болѣе 10 мужчинъ и женщинъ, занимавшихся контрабандным ввозомъ произведеній печати. Однако, эти мѣры приносили столь же мало пользы, какъ и фанатическое рвеніе, съ которымъ министръ вн. дѣлъ преслѣдовалъ всѣхъ сочувствовавшихъ освободительному движенію. И въ этомъ, конечно, Плеве превзошелъ всѣхъ прежнихъ рыцарей реакціи. Даже въ концѣ царствованія Александра II и въ началѣ царствованія Александра III, когда за членами партіи „Народной Воли" охотились по всей Россіи, какъ за дикими звѣрями, не было такихъ жестокихъ гоненій противъ всѣхъ заподозрѣнныхъ въ принадлежности къ оппозиціи или даже сочувствіи ей. Никогда полиція не была такъ многочисленна и полномочія ея такими широкими, какъ при Плеве; никогда не требовалось менѣе значительныхъ поводовъ, чтобы лишать людей свободы, подвергать ихъ жестокимъ истязаніямъ и отправлять въ ссылку. Но никогда эти мѣры не оказывались болѣе безсильными. Всѣ репрессіи и средства устрашенія лишь укрѣпляли оппозиціонный духъ и въ широкихъ народныхъ кругахъ и среди интеллигенціи; особенно это было замѣтно въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, издавна бывшихъ въ Россіи главными очагами освободительнаго движенія. Во времена Плеве, въ университетахъ и другихъ высшихъ школахъ никогда не было вполнѣ спокойно. Аресты и высылки студентовъ и профессоровъ постоянно вызывали новые протесты и демонстраціи. А слѣдуемое за ними закрытіе учебныхъ заведеній на болѣе или менѣе продолжительный срокъ давало лишь учащейся молодежи возможность съ большимъ рвеніемъ и новой энергіей заняться на родинѣ распространеніемъ революціонныхъ идей. За это время совершено было столько покушеній на высшихъ и низшихъ чиновъ администраціи, что

описаніе ихъ заполнило бы цѣлые томы. Та же „боевая организація“, казнившая Сипягина, приговорила къ смерти уфимскаго губернатора Богдановича; онъ былъ убитъ за то, что приказалъ, во время забастовки въ Златоустѣ, стрѣлять въ безоружныхъ рабочихъ безъ всякаго повода къ этому съ ихъ стороны. Нѣсколько другихъ покушеній, произведенныхъ упомянутой организаціей, правда, были неудачны, такъ какъ раненыя жертвы выздоравливали; однако, тѣмъ сильнѣе содѣйствовали они увеличенію растерянности и страха среди агентовъ правительства. Конечно, полиція часто схватывала революціонеровъ, но на мѣста выведенныхъ изъ строя выступали все новые борцы. Мученичество скорѣе привлекало, чѣмъ пугало ихъ. Никто уже не обращалъ вниманія на личную опасность, всѣ были готовы пожертвовать свободой и жизнью за народное дѣло. Если когда-нибудь это время будетъ подробно описано, то исторія человѣчества обогатится многими прекрасными страницами.

Наконецъ и Плеве получилъ свое воздаяніе. 15-го іюля 1904 г. членъ боевой организаціи, Сазоновъ, бросилъ бомбу въ карету министра, когда послѣдній ѣхалъ на Варшавскій вокзалъ, отправляясь въ Петергофъ съ докладомъ государю. Плеве былъ убитъ на мѣстѣ, а Сазоновъ и соучастникъ его, Сикорскій, схвачены и приговорены: первый къ 20, второй къ 14 годамъ каторги.

Ихъ судили обыкновеннымъ судомъ и приговорили по обычному уголовному закону. Уже самъ по себѣ этотъ фактъ ясно показывалъ, какое настроеніе возникло послѣ убійства министра. Чувство удовлетворенія было, дѣйствительно, сильнѣе и шире, чѣмъ послѣ смерти Сипягина, и проявлялось почти открыто во всей Россіи, какъ среди привилегированныхъ классовъ, такъ и среди простого народа. Смерть Плеве повсюду принималась, какъ освобожденіе, и всѣ инстинктивно чувствовали, что реакція лишилась своего самаго крупнаго вождя. Идти далѣе своей системы онъ не могъ, хотя его нѣкоторые проекты казались болѣе жестокими и кровавыми, чѣмъ самыя худшія изъ его дѣлъ. Извѣстно, что онъ лично не былъ вдохновителемъ всѣхъ подвиговъ реакціи, совершенныхъ за время его министерства, но вліяніе его было

такъ велико, что если бы онъ захотѣлъ, то могъ бы значительно ослабить худшія послѣдствія системы. Поэтому за ужасное состояніе, воцарившееся во всей Россіи, справедливо винили главнымъ образомъ его.

Винили, повторяемъ мы, справедливо, потому что никогда глава правительства крупной державы, какимъ Плеве безспорно былъ послѣ того, какъ ему удалось свалить Витте, не обнаруживалъ такого полнаго отсутствія такта, какъ онъ. Нельзя назвать ни одного правительственнаго акта за его время, который былъ бы достоинъ настоящаго государственнаго дѣятеля; болѣе того, нельзя привести ни одного, который не содѣйствовалъ бы подрыву той самой власти, которую онъ яко бы защищалъ и поддерживалъ. Преслѣдованія либеральной буржуазіи, желавшей въ началѣ его министерства лишь либеральныхъ реформъ подъ эгидой царской власти, сдѣлали большинство ея представителей открытыми противниками абсолютизма. Многократныя попытки его пустыми лицемѣрными фразами и неопредѣленными обѣщаніями внушить отъ имени царя народу, что правительство имѣетъ въ виду дѣйствительныя улучшенія, убили въ широкихъ массахъ довѣріе и преданность царю и его правительству. Преслѣдованіе евреевъ массами толкнуло ихъ въ ряды революціонеровъ. Репрессіи по отношенію къ учащейся молодежи и профессорамъ сдѣлали изъ университетовъ и высшихъ школъ оплотъ освободительныхъ стремленій; вѣроломное обращеніе съ рабочими обратило большинство ихъ въ убѣжденныхъ приверженцевъ революціи. Насилія противъ армянъ вооружили этотъ культурный и энергичный народъ противъ царской власти. Политика въ Грузіи, Финляндіи, Польшѣ, Литвѣ и Малороссіи, въ которыхъ царилъ невыносимый гнетъ и произволъ, мало-по-малу вызвала настоящую революцію.

Это сознавалось въ Россіи, хотя и не съ одинаковой ясностью, всѣми классами общества, и потому всѣ съ радостными надеждами привѣтствовали новыя вѣянія, наступленія которыхъ ожидали послѣ смерти ненавистнаго и грознаго министра.

Время послѣ смерти Плеве.

Начатая вопреки желанію народа война съ Японіей въ значительной мѣрѣ содѣйствовала быстрому развитію всеобщаго недовольства, обнаружившагося за послѣдніе мѣсяцы правленія Плеве. Частыя тяжелыя пораженія и необходимость, благодаря этому, мобилизовать большое количество запасныхъ, вызвали повсюду сильное броженіе, которымъ не замедлили воспользоваться различныя оппозиціонныя и революціонныя организаціи. Колебанія правительства послѣ смерти Плеве тоже весьма помогли людямъ, старавшимся убѣдить народъ въ необходимости коренного измѣненія русскаго режима. Знали, что царь находился подъ разными вліяніями, при чемъ одни энергично уговаривали его дѣйствовать въ томъ же реакціонномъ духѣ, какъ и въ послѣдніе годы, а другіе— вступить на путь реформъ и примиренія при содѣйствіи либераловъ. Однако, даже партія реформъ требовала не настоящей конституціи, а только нѣкоторыхъ уступокъ, чтобы обезпечить положеніе династіи; послѣдней, по ея мнѣнію, грозила серьезная опасность, если ничего не будетъ сдѣлано для локализаціи революціонныхъ теченій, усиливавшихся съ каждымъ днемъ. Колебанія по обыкновенію, не прекращались. Реакціонеры ссылались на Алексадра III и на „счастливые“ результаты послѣдовательной реакціонной политики. Уступчивость неминуемо ободрила бы революціонеровъ и привела бы къ величайшимъ ужасамъ, тогда какъ строгость, подобно доброму старому времени, безусловно положила бы конецъ притязаніямъ оппозиціи. Только рѣшительное утвержденіе самодержавія можетъ истребить мятежный духъ, развившійся въ части русскаго общества, и потому не должно проявлять ни слабости, ни уступчивости.

Нѣкоторое время казалось, что государь склоняется послѣдовать этимъ совѣтамъ; такъ бы, вѣроятно, и случилось, если бы дальнѣйшія неудачи на театрѣ военныхъ дѣйствій не благопріятствовали тѣмъ, которые старались вліять на него въ либеральномъ духѣ, настраивая его въ пользу реформъ. Мобилизаціи, захватывавшія все новыя возрастныя группы,

создали волненіе, проявлявшееся все чаще въ видѣ открытаго сопротивленія властямъ, въ то время какъ дезертирство усиливалось и въ цѣлыхъ уѣздахъ къ набору являлось нѣсколько человѣкъ. Все чаще и громче съ Дальняго Востока раздавались требованія подкрѣпленій; мобилизація шла все хуже, а дѣйствующія войска нужны были дома для обузданія безпокойнаго народа. Революціонныя и соціалистическія организаціи усиленно агитировали, побуждая населеніе къ протесту противъ войны; изъ лагеря либераловъ все громче раздавались голоса, возстававшіе противъ внѣшней и внутренней политики самодержавія.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, состоялось, наконецъ, назначеніе министромъ вн. дѣлъ кн. Святополка-Мирскаго, который былъ открытымъ противникомъ Плеве и отъ котораго поэтому ожидали значительной уступчивости преобразовательнымъ стремленіямъ. Ожиданія эти, повидимому, были основательны. Новый министръ съ самаго начала выказалъ склонность къ другимъ совѣтамъ и мнѣніямъ, чѣмъ тѣ, которые до сихъ поръ пользовались исключительнымъ вниманіемъ монарха. Первымъ его распоряженіемъ было такое смягченіе цензуры, что нѣкоторое время свобода печати казалась почти дѣйствительно осуществившейся. Святополкъ-Мирскій хотѣлъ дать обществу возможность открыто высказать свои желанія и взгляды, чтобы, при поддержкѣ общественнаго мнѣнія, составить и провести свою политическую программу. И общество не замедлило воспользоваться предоставленными ему льготами.

Либеральныя газеты, не имѣвшія ранѣе возможности открыто высказываться, стали теперь громко заявлять, что изъ положенія, въ которомъ находится государство, нѣтъ другого выхода, кромѣ проведенія серьезныхъ реформъ; однако, осуществленіе этого нельзя предоставить бюрократіи, такъ какъ она всегда противилась всякому прогрессу и теперь, изъ чувства самосохраненія, постарается всячески тормазить реформы. Сущность всѣхъ этихъ предложеній — требованіе участія народа въ управленіи страной и контроля надъ чиновниками, т. е. представительнаго образа правленія—подчеркивали совершенно открыто и старые свободные теперь либеральные органы и особенно нѣкоторыя возникшія вновь

радикальныя газеты, а также и вся „подпольная“ пресса. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ фактъ, что и многія реакціонныя газеты, напр., извѣстное своей угодливостью „Новое Время“—тоже вторили этому требованію реформъ и даже указывали, что участіе народа въ дѣлѣ преобразованій должно быть разрѣшено тѣмъ или инымъ образомъ! Параллельно съ этими требованіями реформъ шли заявленія, заключавшія въ себѣ такую критику правительства и веденія имъ войны, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ авторы ихъ безусловно попали бы въ Сибирь, если не на висѣлицу. Въ результатѣ всего этого образовалось грандіозное народное движеніе, которое продолжается и развивается до сихъ поръ съ все возрастающей силой, предвѣщая гибель абсолютизму и успѣхъ освободительному движенію.

Приближался рѣшительный моментъ борьбы за свободу. Это убѣжденіе революціонныхъ и оппозиціонныхъ организацій ясно сказалось во взаимномъ сближеніи ихъ лѣтомъ 1904 г. До этого времени различныя теченія русской оппозиціи никогда не дѣйствовали совмѣстно, враждуя между собой, или, въ лучшемъ случаѣ, относясь другъ къ другу съ глубокимъ недовѣріемъ. Общее положеніе дѣлъ указало теперь главарямъ различныхъ партій, что настало время для соглашенія; трудность объединенія разрозненныхъ организацій значительно облегчилась тѣмъ, что на немъ настаивали особенно финляндцы, благодаря положенію, создавшемуся въ ихъ странѣ. Финская оппозиція представляла нейтральный элементъ, къ которому всѣ относились съ довѣріемъ. Она оказала уже немалыя услуги освободительному движенію въ Россіи тѣмъ, что завоевала симпатіи честной либеральной печати во всемъ мірѣ своимъ противодѣйствіемъ царскому деспотизму. Такъ какъ финскіе оппозиціонеры являлись нейтральнымъ центромъ, вокругъ котораго могли группироваться остальные элементы оппозиціи, то явилась возможность убѣдить либераловъ и революціонеровъ, соціалистовъ и антисоціалистовъ, русскихъ и поляковъ, армянъ и грузинъ, евреевъ, латышей и другихъ, въ необходимости организовать одну сплоченную партію для борьбы съ самодержавіемъ и бюрократіей.

Первая конференція представителей различныхъ оппози-

ціонныхъ теченій нѣсколькихъ національностей состоялась въ половинѣ сентября мѣсяца въ Парижѣ; прежде всего необходимо было выяснить, въ какой мѣрѣ и въ какихъ пунктахъ совпадали программы и требованія различныхъ партій, чтобы знать, какъ далеко можно идти въ общихъ согласованныхъ дѣйствіяхъ. Нагляднымъ результатомъ этихъ совѣщаній явилась слѣдующая, подписанная всѣми участниками съѣзда резолюція:

1) Уничтоженіе самодержавія и отмѣна всѣхъ узаконеній, направленныхъ противъ конституціонныхъ правъ Финляндіи.

2) Замѣна самодержавія демократическимъ образомъ правленія, со всеобщей подачей голосовъ.

3) Право на самоопредѣленіе для каждой національности, охрана закономъ національнаго развитія противъ всякихъ притязаній русскаго правительства.

Всѣ представленныя на съѣздѣ партіи обязались работать надъ скорѣйшимъ осуществленіемъ этихъ принциповъ.

Эта основная программа, требовавшая демократическаго режима и основаннаго на всеобщей подачѣ голосовъ народнаго представительства, разумѣется, должна была показаться самодержавію совершенно революціонной. Но ходъ событій не замедлилъ доказать, что требованіе участниковъ парижскаго съѣзда раздѣляло все населеніе Россіи. Еще до напечатанія упомянутой резолюціи, опубликованіе которой замедлилось по разнымъ причинамъ, было ясно, насколько повысилось возбужденіе умовъ и до какой степени общество было убѣждено въ необходимости полнаго измѣненія правительственной системы.

Святополкъ-Мирскій разрѣшилъ земскимъ собраніямъ послать своихъ делегатовъ на обще-земскій съѣздъ (ноябрскій) въ Петербургѣ, для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся этого единственнаго самоуправляющагося учрежденія въ странѣ. Но „офиціальное“ разрѣшеніе было тотчасъ же отмѣнено: съѣздъ долженъ былъ носить лишь „частный“ характеръ. Святополкъ-Мирскій не могъ или не хотѣлъ окончательно отнять уже данное разрѣшеніе,—и съѣздъ состоялся, привѣтствуемый всей прогрессивной и свободомыслящей Россіей.

Земскій съѣздъ обозначаетъ поворотный пунктъ въ историческомъ развитіи Россіи. Правда, земскія учрежденія введены всего въ 34 губерніяхъ государства, такъ что делегаты являлись представителями лишь части огромной имперіи, инородцы же совсѣмъ не были представлены; но съѣздъ этотъ былъ первымъ, состоявшимъ изъ представителей различныхъ общественныхъ классовъ, которые, черезъ ихъ посредство, заявляли о своихъ желаніяхъ и требованіяхъ монарху-самодержцу и всему народу. Всѣ требованія сводились къ коренному преобразованію государственнаго строя, которое не могло быть проведено иначе, какъ путемъ установленія вмѣсто самодержавія представительнаго правленія. Мужественныя и рѣшительныя заявленія земцевъ были встрѣчены съ ликованіемъ во всей странѣ. Нѣкоторые даже надѣялись, что царь услышитъ теперь голоса сторонниковъ реформъ и пойдетъ навстрѣчу высказаннымъ пожеланіямъ. Но серьезность положенія не была понята и русскому народу пришлось еще разъ убѣдиться, что надѣяться ему не на кого, и что онъ долженъ добывать себѣ права силой и всѣ надежды возложить на революцію.

Нѣкоторое время послѣ съѣзда придерживались выжидательнаго образа дѣйствій. Общественныя группы одна за другой открыто одобряли требованіе земцевъ и присоединялись къ нимъ. Всѣ русскія газеты, кромѣ наиболѣе реакціонныхъ, энергично поддерживали „либераловъ“, игравшихъ въ это время руководящую роль; провинціальныя земства, дворянскія собранія многихъ губерній, студенты и профессора высшихъ учебныхъ заведеній, а равно и представители разныхъ свободныхъ профессій—врачи, инженеры, писатели, адвокаты, художники и т. д.—всѣ высказывались въ томъ же смыслѣ.

Но все это не имѣло прямого результата. Въ правящихъ сферахъ колебались, но не могли рѣшиться на ограниченіе самодержавной власти. Тамъ больше прислушивались къ совѣтамъ реакціонеровъ: Побѣдоносцевъ внушалъ, что прямая обязанность царя, возложенная на него самимъ Богомъ, сохранить самодержавіе такимъ же неприкосновеннымъ, какимъ онъ унаслѣдовалъ его отъ своихъ предковъ; а придворная кама-

рилья, получившая послѣ смерти Плеве большое вліяніе на государя, убѣждала его быть несокрушимо твердымъ по отношенію къ требованіямъ либераловъ, говоря, что это долгъ его къ самому себѣ, своей семьѣ, династіи и народу, который можетъ быть счастливъ только подъ отеческимъ скипетромъ самодержца. Но наибольшимъ вліяніемъ пользовался, въ этотъ періодъ интригъ и совѣщаній, вел. кн. Сергѣй Александровичъ, почти самодержавно управлявшій Москвой, гдѣ онъ былъ генералъ-губернаторомъ, и гдѣ установился безпощадно жестокій и грубый режимъ, вызывавшій глубокое недовольство всего общества. Главнымъ образомъ, благодаря этимъ интригамъ, Святополкъ Мирскій вынужденъ былъ оставаться пассивнымъ, несмотря на всѣ преобразовательныя стремленія; когда же онъ не согласился на возобновленіе реакціонной политики, то ему предложили подать въ отставку, назначивъ на его мѣсто креатуру Сергѣя Александровича, статсъ-секретаря Булыгина.

Между тѣмъ, соціалистическія и революціонныя организаціи не дремали. Въ Польшѣ, Арменіи и Грузіи революціонеры вели весьма усердную пропаганду, устраивали противуправительственныя демонстраціи, препятствовали мобилизаціямъ запасныхъ; броженіе въ массахъ становилось съ каждымъ днемъ все сильнѣе, и его уже съ трудомъ могли подавлять органы правительства. Даже во многихъ мѣстахъ самой Россіи наблюдались такія же явленія среди городскихъ рабочихъ; кое гдѣ и среди сельскаго населенія стали замѣчаться симптомы, указывавшіе, что революціонная пропаганда сдѣлала успѣхи, и что скоро общее недовольство найдетъ себѣ выходъ. Правительство признавало, что положеніе опасно, что малѣйшая искра воспламенитъ накопившійся горючій матеріалъ, но для устраненія опасности не могло придумать ничего лучшаго, какъ выступленіе противъ нея съ вооруженной силой.

Надвигавшаяся гроза разразилась, однако, совершенно неожиданно въ самой столицѣ. Среди мѣстныхъ рабочихъ давно уже дѣйствовалъ человѣкъ, имя котораго извѣстно теперь всему міру, скромный, идеально настроенный и восторженно преданный рабочему дѣлу, священникъ Георгій

Гапонъ, развитіе взглядовъ котораго довольно интересно. Вначалѣ онъ тоже поддавался на удочку „расположенія къ рабочимъ“, заброшенную Плеве, и сблизился съ упомянутымъ выше полицейскимъ агентомъ Зубатовымъ, которому Плеве поручилъ руководство „офиціальной“ пропагандой. Но вскорѣ Гапонъ вполнѣ понялъ цѣли и пріемы Зубатова и разстался съ нимъ, послѣ того, какъ организованные имъ рабочіе распались, а руководитель ихъ былъ поïманъ на самыхъ гнусныхъ продѣлкахъ. Тогда Гапонъ сталъ продолжать свою дѣятельность среди рабочихъ на собственный страхъ, принялъ участіе въ ихъ попыткахъ организоваться, старался склонить ихъ добиваться мирнымъ путемъ улучшенія своего положенія, употреблялъ все свое время и силы на смягченіе нищеты среди фабрично-заводскаго населенія Петербурга и, мало-по-малу, пріобрѣлъ на нихъ огромное вліяніе.

Никто лучше Гапона не могъ поэтому понять всей опасности положенія, когда рабочіе начали склоняться на сторону тѣхъ, кто убѣждалъ ихъ въ томъ, что только насильственная революція можетъ улучшить ихъ положеніе, и когда они, повидимому, рѣшили принять участіе въ революціонныхъ дѣйствіяхъ. Онъ задумалъ разъ навсегда предупредить такія вспышки и сдѣлать попытку добиться желанныхъ реформъ мирнымъ путемъ. Подобно многимъ другимъ, Гапонъ думалъ, что государь, благодаря проискамъ камариліи, не знаетъ дѣйствительныхъ чувствъ и желаній населенія, что лично онъ готовъ сдѣлать все для своего народа, но ему мѣшаетъ бюрократія, что онъ не понимаетъ, какой могучей поддержкой для него можетъ быть и будетъ народъ, если только онъ прогонитъ своекорыстыхъ совѣтниковъ и перейдетъ на его сторону. Если бы удалось убѣдить въ этомъ монарха, то онъ, навѣрное, согласился бы на реформы, и прежде всего на реформы въ пользу трудящагося населенія; поэтому, нужно было показать государю, какъ, въ дѣйствительности, думаетъ народъ. Съ этой то цѣлью Гапонъ организовалъ всемірно-извѣстную рабочую манифестацію 9-го января 1905 г., которая должна была предотвратить революцію, привести царя къ непосредственному общенію съ народомъ, чтобы, поддерживаемый послѣднимъ, онъ могъ содѣйствовать благу

Россіи и своихъ подданныхъ. Поэтому Гапонъ отнюдь не скрывалъ предполагавшагося шествія рабочихъ ко дворцу и совѣтовалъ своимъ приверженцамъ идти безъ всякаго оружія; онъ и его друзья обѣщались гарантировать жизнь и безопасность государя, если онъ позволитъ народу почтительно вручить ему петицію, которую составили рабочіе, и на которую они твердо надѣялись.

Но цѣли и намѣренія наивнаго священника-идеалиста не были оцѣнены надлежащимъ образомъ, и мирная рабочая манифестація была обречена на кровавую расправу, посредствомъ которой хотѣли показать рабочимъ могущество самодержавія и безнадежность ихъ усилій ограничить волю монарха. У всѣхъ свѣже еще воспоминаніе, какимъ образомъ это было доказано имъ, такъ что здѣсь мы не будемъ вдаваться въ подробности. Почти 3,000 убитыхъ и раненыхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей пало на улицахъ и площадяхъ Петербурга. Желаніе довести непосредственно до свѣдѣнія царя о своихъ нуждахъ было уничтожено навсегда. Была устроена гигантская ловушка, за которую довѣрчивый народъ заплатилъ рѣками собственной крови. Народу показали, что самодержавіе сильнѣе беззащитныхъ, хотя и слабѣе вооруженнаго противника. Но доказали также и то, что совершенно уже не входило въ намѣренія—безусловную необходимость революціи. Стачки, возникшія всюду непосредственно послѣ 9-го января и продолжающіяся до сихъ поръ, ясно показываютъ, что революція идетъ успѣшно, а ужасная смерть вел. кн. Сергѣя Александровича—что революціонеры въ борьбѣ съ самодержаніемъ не отступаютъ ни передъ какими средствами. Кровавое воскресенье въ Петербургѣ—прологъ къ революціи, главное дѣйствіе которой разыграется въ близкомъ будущемъ. Будетъ ли она кровавою, или нѣтъ, пока зависитъ еще отъ государя, а можетъ быть, даже и здѣсь рѣшать придется уже не ему.

Революціонныя силы.—Перспективы освободительнаго движенія.

Иностранцы зачастую высказываютъ мнѣніе, что русское освободительное движеніе, поддерживаемое численно незначительной частью населенія имперіи, въ близкомъ будущемъ едва ли можетъ разсчитывать побѣдить тѣ силы, которыми располагаетъ самодержавіе. Въ Россіи многіе думаютъ такъ же, особенно въ бюрократическихъ и высшихъ слояхъ общества, которыя совершенно не знакомы съ дѣйствительнымъ настроеніемъ интеллигенціи и массъ населенія. Разумѣется, если бы разговоръ шелъ о томъ, чтобы силѣ противопоставить силу, то самодержавіе могло бы разсчитывать на довольно продолжительное существованіе. Но, къ счастью, дѣло обстоитъ иначе. Другія, болѣе могучія силы защищаютъ освободительное движеніе, силы, съ которыми самодержавіе совершенно не можетъ бороться и которыя во всякомъ случаѣ одержатъ побѣду, какъ бы долго ее ни пришлось ожидать. Насилія правительства лишь организуютъ эти силы, сплачиваютъ ихъ и вызываютъ къ дѣятельности. Освободительное движеніе побѣдитъ во что бы то ни стало: залить кровью страну или уступить—это зависитъ отъ тѣхъ, которые стоятъ теперь у кормила правленія...

Быстрое развитіе Россіи за послѣдніе годы ясно показываетъ, что самодержавіе, несмотря на все свое видимое могущество, мало по малу отступаетъ. Послѣ каждаго періода реакціи, оппозиціонное движеніе какъ бы возрождалось вновь, значительно усиливаясь съ каждымъ разомъ. Несмотря на всѣ усилія самодержавія подавить движеніе, русское общество неуклонно развивалось. За послѣднее время правительство принуждено даже до извѣстной степени считаться съ общественнымъ мнѣніемъ. Новые факторы общественнаго развитія создали новыя условія жизни общества. Развитіе торговли и промышленности заставило правительство измѣнить свою политику въ экономическомъ отношеніи, благодаря чему стало ясно, что Россія, превращаясь матеріально въ западно-европейское государство, не можетъ уже

оставаться восточной деспотіей. Экономическое развитіе знакомило отчасти интеллигенцію, а главнымъ образомъ все возрастающія массы рабочихъ съ современными идеями соціализма, заставляя ихъ размышлять о ненормальномъ состояніи ихъ собственной страны. Отсюда былъ одинъ шагъ до активнаго стремленія измѣнить это состояніе къ лучшему, и чѣмъ безпощаднѣе существующій режимъ старался подавить оппозицію, тѣмъ вѣрнѣе становилась она все болѣе враждебной правительству и революціонной.

Въ рабочихъ кругахъ эволюція эта шла чрезвычайно быстро, такъ какъ рабочіе быстро дѣлаются сторонниками соціализма, сулящаго имъ новую жизнь, всѣ блага которой будутъ достигнуты въ равной мѣрѣ для всѣхъ трудящихся. Преслѣдованія соціалистовъ въ Россіи имѣли такіе же результаты, какіе во всемъ мірѣ имѣли всегда гоненія противъ идеальныхъ стремленій. Если правительство произволомъ и насиліемъ выдаетъ свой страхъ передъ новыми идеями, поборники такихъ идей, конечно, лишь укрѣпляются въ убѣжденіи ихъ справедливости. Но русское правительство, подобно всѣмъ другимъ, не желало понять этой психологической аксіомы. Благодаря этому, массы, оппозиціонно настроенныя, но совершенно не понимавшія вначалѣ значенія политическихъ реформъ, должны были согласиться, что безъ политической свободы имъ никогда не улучшить своего экономическаго положенія. Поворотъ совершился, и рабочіе дружно стали на сторону политическаго движенія. Двѣ соціалистическія партіи оспариваютъ теперь другъ у друга вліяніе на рабочія арміи. Но такъ какъ онѣ не согласны между собою въ томъ, доводить ли развитіе до открытой революціи, или нѣтъ, то не имѣетъ большого значенія, кто управляетъ массами, соціалъ-демократы или соціалисты-революціонеры. Самое главное, чтобы матеріальныя и идейныя силы, пробудившія политическое сознаніе русскихъ рабочихъ и подготовившія ихъ къ революціи, вмѣшались, когда наступитъ надлежащій моментъ.

Значительно медленнѣе развивалось революціонное движеніе среди образованныхъ классовъ,—за исключеніемъ учащейся молодежи, большая часть которой всегда была рево-

люціонна; оно не можетъ еще считаться завершившимся. Либеральные круги еще не отдѣлались отъ мысли объ осуществленіи реформъ подъ эгидой самодержавія, хотя большая часть либераловъ подвинулась уже настолько влѣво, что требуетъ настоящей конституціи, и потому называется „конституціонной партіей". Наиболѣе прогрессивные либералы сорганизовались въ настоящую политическую партію, извѣстную подъ названіемъ „Союза освобожденія" и въ органѣ своемъ, пользовавшемся большимъ вліяніемъ, журналѣ „Освобожденіе", дали понять, что считаютъ теперь революцію единственнымъ выходомъ для разрѣшенія конфликта, созданнаго отношеніемъ самодержавія къ народу 9-го января 1905 г. Однако, изъ этого отнюдь не слѣдуетъ заключать, что партія эта готова прямо поддерживать революціонеровъ; но поддержка можетъ быть оказана и другими путями, помимо непосредственнаго участія въ самой борьбѣ, тѣмъ болѣе, что конституціонная партія располагаетъ значительными денежными средствами. Во всякомъ случаѣ самодержавіе не можетъ надѣяться на поддержку со стороны этой партіи, что уже само по себѣ значительно увеличиваетъ шансы революціонеровъ.

Подавляющее большинство населенія имперіи состоитъ изъ крестьянъ, которые пока весьма мало развиты въ политическомъ отношеніи,—ихъ врядъ ли возможно поднять на борьбу за гражданскія права. Но у революціонеровъ имѣется могучее средство, которымъ сельское населеніе имперіи можетъ быть вовлечено въ движеніе,—это *аграрный вопросъ*. Уже со времени неудачной эмансипаціи крестьянъ при Александрѣ II, недовольство, возбужденное тогда раздѣломъ земли, возрастало постоянно; въ настоящее время оно достигло чрезвычайныхъ размѣровъ, вслѣдствіе невѣроятнаго истощенія крестьянъ прямыми и особенно косвенными налогами. Русскіе крестьяне твердо убѣждены, что земля по праву принадлежитъ имъ, но отнята у нихъ помѣщиками, поддерживаемыми правительствомъ. Естественно, что сельское населеніе таитъ глубокое недовольство, нуждающееся лишь во внѣшнемъ поводѣ для того, чтобы обрушиться на всѣхъ владѣющихъ землей, которую крестьяне считаютъ своей законной соб-

ственностью. Соціалисты-революціонеры, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе проницательные и дальновидные, чѣмъ другія оппозиціонныя партіи, давно пришли къ заключенію, что аграрный вопросъ, одинъ изъ самыхъ жгучихъ въ Россіи, не можетъ быть разрѣшенъ обычнымъ образомъ, и потому приняли въ своей программѣ пунктъ о превращеніи земли въ національное достояніе. Нетрудно понять, какимъ успѣхомъ пользуется партія благодаря пропагандѣ этого требованія среди крестьянскаго населенія; движеніе разъ начавшись въ этомъ направленіи, должно распространяться съ чрезвычайной быстротой, если только остальныя условія будутъ благопріятны. И врядъ ли настанетъ когда-нибудь моментъ еще болѣе подходящій, чѣмъ въ настоящее время, когда война и всѣ прямыя и косвенныя тяготы довели народъ до настроенія, граничащаго съ отчаяніемъ. Аграрная революція въ Россіи положительно не будетъ имѣть себѣ подобной по возможнымъ жестокостямъ, и революціонеры и прочіе граждане содрогаются передъ ея возможностью. Но если самодержавія не удастся сломить, то, вѣроятно, весь народъ двинется, чтобы добиться земли и воли.

Итакъ, среди кореннаго русскаго населенія революція можетъ разсчитывать на слѣдующіе слои: на городскихъ рабочихъ, почти повсюду готовыхъ возстать въ любую минуту; на лѣвое крыло конституціонной партіи, болѣе или менѣе прямо поддерживающее революціонеровъ, въ то время какъ остальная ея часть остается пассивной, и на сельское населеніе, крестьянъ, составляющихъ своего рода послѣдній, страшный резервъ.

Затѣмъ, сюда слѣдуетъ прибавить подвластныя царскому скипетру другія народности. Самая многочисленная изъ нихъ—украинская, русинская или малорусская—насчитываетъ болѣе 20 милліоновъ человѣкъ. Они большею частью еще не затронуты политическими и революціонными теченіями, хотя многіе изъ прежнихъ и теперешнихъ революціонеровъ малорусскаго происхожденія. Но зато эта народность чрезвычайно возбуждена противъ самодержавія, благодаря тому, что царское правительство преслѣдуетъ малороссійскій языкъ. Революція, которая предоставитъ малороссамъ

свободное національное развитіе, будетъ, конечно, радостно встрѣчена сознательною частью народа, тогда какъ крестьяне ни въ какомъ случаѣ не окажутъ самодержавію поддержки.

Съ поляками дѣло обстоитъ иначе; большинство ихъ несомнѣнно готовы активно содѣйствовать революціи противъ самодержавія; они проявили уже такую стойкость и энергію, что правительство не только должно было воздержаться отъ дальнѣйшихъ мобилизацій въ Польшѣ, но даже было вынуждено послать военныя подкрѣпленія въ нѣкоторые польскіе города. Революція можетъ, стало быть, разсчитывать въ Польшѣ на сильную поддержку, правительственныя войска въ этой мѣстности будутъ очень заняты.

То же самое происходитъ и на Кавказѣ. И армяне, и грузины давно уже поняли, что пришло время освобожденія. Націоналистическіе и соціалъ-революціонные комитеты, дѣйствовавшіе среди этихъ народностей, такъ успѣшно воспитали духъ протеста у своихъ соотечественниковъ, что весь Кавказъ теперь уже охваченъ мятежемъ. Революціонный взрывъ въ Россіи былъ бы и здѣсь сигналомъ для всеобщаго возстанія.

Нѣсколько иначе обстоятъ дѣла въ Финляндіи, гдѣ большая часть оппозиціи еще не хочетъ оставить путь мирнаго противодѣйствія и надѣется, что настанетъ день, когда русское правительство увидитъ себя вынужденнымъ вернуть Великому княжеству его права. Однако, здѣсь есть и другая партія, всѣми силами стремящаяся къ соединенію съ русскими революціонерами, чтобы помочь имъ свергнуть самодержавіе, добиться для финскаго народа автономіи и способствовать своему національному развитію. Глубокое и всеобщее недовольство самодержавнымъ режимомъ позволяетъ предполагать, что во время русской революціи и въ Финляндіи произойдутъ такія сильныя волненія, что расположенныя въ странѣ русскія войска нельзя будетъ тронуть.

Главныя партіи и организаціи, которыя особенно преслѣдуютъ самодержавіе, слѣдующія:

Союзъ Освобожденія, требующій установленія народнаго правительства, основаннаго на всеобщей подачѣ голосовъ. Партія эта не заняла еще опредѣленной позиціи по отно-

шенію къ революціонерамъ, но, вѣроятно, будетъ косвенно ихъ поддерживать.

Партія соціалистовъ-революціонеровъ, требующая основаннаго на всеобщей подачѣ голосовъ народнаго представительства, чтобы проводить затѣмъ свою аграрно-соціалистическую программу. Въ качествѣ самой сознательной, самой сплоченной и энергичной партіи, соціалисты-революціонеры въ значительной мѣрѣ подготовили революцію посредствомъ своей боевой организаціи и будутъ, безъ сомнѣнія, играть въ ней выдающуюся роль.

Россійская *соціалъ-демократическая рабочая партія*, отличающаяся отъ с.-р. отрицаніемъ ихъ аграрной программы; она отрицаетъ также нѣкоторыя ихъ террористическія средства. Партія поддерживаетъ предстоящую революцію всѣми находящимися въ ея распоряженіи силами и средствами и принимаетъ въ ней самое дѣятельное участіе. А такъ какъ огромная часть промышленныхъ рабочихъ Россіи слѣдуетъ лозунгамъ этой партіи, то участіе ея будетъ весьма цѣнно.

Еврейскій рабочій союзъ *„Бундъ“* стремится, главнымъ образомъ, къ улучшенію положенія еврейскаго пролетаріата. Партія эта, насчитывающая до 30,000, если не болѣе, сознательныхъ членовъ, можетъ разсчитывать на поддержку почти каждаго еврея въ Россіи; она ясно сознаетъ, что только революція, мирная или насильственная, можетъ дать полное уравненіе въ правахъ всѣмъ національностямъ въ имперіи, и потому готова въ любую минуту присоединиться къ возставшимъ.

Кромѣ этихъ крупныхъ партій, есть еще соціалистическія и революціонныя организаціи въ Литвѣ, Бѣлоруссіи, Малороссіи и Курляндіи, готовыя по мѣрѣ силъ и средствъ вмѣшаться въ рѣшительный моментъ.

Армянскія и грузинскія организаціи *Дрошакъ* и *Сахартвело*—открыто революціонны, подобно соціалистическимъ и націоналистскимъ. Изъ сказаннаго ранѣе объ ихъ дѣятельности ясно видно, какъ онѣ относятся къ революціи, наступленія которой съ нетерпѣніемъ ожидаютъ и которую всѣми доступными средствами стараются ускорить.

То же слѣдуетъ сказать и о *Польской соціалистической партіи*, которая съ необычайной энергіей вела пропаганду, организовала и руководила большинствомъ демонстрацій, стачекъ и столкновеній съ властями, довела Польшу почти до всеобщаго мятежа; теперь, въ случаѣ наступленія болѣе рѣзкихъ взрывовъ революціи въ Россіи, едва ли можно будетъ избѣжать возстанія самаго серьезнаго характера.

Болѣе осторожную и выжидательную позицію занимаетъ *Польская національная лига*, которая, въ противоположность польскимъ соціалистамъ съ промышленными рабочими во главѣ, имѣетъ приверженцевъ главнымъ образомъ среди сельскаго населенія и среднихъ классовъ. Партія эта, подобно только что упомянутой, то же ставитъ своей главной цѣлью автономію Польши, но хочетъ достигнуть этого постепенно, и она не проявляетъ склонности къ всеобщему возстанію, пока обстоятельства не будутъ благопріятны во всѣхъ отношеніяхъ. Партія эта, обладающая значительными средствами, не высказывается опредѣленно относительно участія своего въ революціи, но, принимая во вниманіе ея общую программу и конечныя цѣли, слѣдуетъ признать, что и Національная лига, въ случаѣ общей революціи, примкнетъ къ революціонному ядру.

Наконецъ, въ Финляндіи тоже имѣются двѣ крупныя организаціи: *Конституціоналисты* и *Партія активнаго сопротивленія*. Первые признаютъ только одну форму протеста—пассивное противодѣйствіе, отказъ подчиняться незаконнымъ требованіямъ, предоставляя будущему показать, чего добьется революціонное движеніе въ Россіи, чтобы затѣмъ дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами. *Партія активнаго сопротивленія*, напротивъ, чисто революціонная; по мѣрѣ силъ она будетъ помогать русскому движенію, дабы внести свою долю въ борьбѣ съ самодержавіемъ и тѣмъ подготовить прочное основаніе для будущаго развитія Финляндіи.

Этимъ партіямъ и совмѣстно дѣйствующимъ организаціямъ самодержавіе можетъ противопоставить только войска, т. е. исключительно грубую силу. На моральную поддержку самодержавіе не можетъ разсчитывать ни у какого общественнаго

слоя во всемъ государствѣ. Значитъ теперь все сводится только къ тому, достаточно ли военной силы, чтобы подавить движеніе, возстановившее противъ существующаго порядка большую половину имперіи.

При обыкновенныхъ обстоятельствахъ пришлось бы отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. А если подумать о численности войскъ—теоретически болѣе милліона солдатъ, фактически же во всякомъ случаѣ $^3/_4$ милліона, поскольку они не отправлены въ Азію,—то невольно возникаетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы безоружные, или, въ лучшемъ случаѣ, плохо вооруженные революціонеры могли одержать верхъ. Но при обсужденіи положенія не слѣдуетъ забывать теперешней войны и ея послѣдствій. Война способствовала тому, что освободительное движеніе развилось такъ широко, война разрушила военный престижъ самодержавія и привела правительство къ такому положенію, что ему остается лишь выборъ между унизительнымъ миромъ или внутренней, имъ самимъ вызванной, революціей.

Мы уже указывали, что правительство не можетъ болѣе посылать регулярныхъ войскъ на театръ войны. Въ Петербургскомъ военномъ округѣ—считая крѣпостные гарнизоны и Финляндію—оно имѣетъ 200,000 человѣкъ, главнымъ образомъ гвардіи. Изъ этихъ войскъ могла бы быть взята лишь небольшая часть безъ особой опасности для самодержавія. Вдоль западной и юго-западной границы, отъ Балтійскаго до Чернаго морей, т. е. въ самой революціонной въ настоящее время части имперіи расположены 400,000 солдатъ. Здѣсь войска, разумѣется, нужнѣе всего для предупрежденія общаго возстанія, такъ какъ большія пространства требуютъ раздѣленія войскъ и раздробленія ихъ. Военные отряды на Кавказѣ тоже должны оставаться въ странѣ, чтобы воспрепятствовать открытому возстанію въ этой мѣстами неприступной горной области. Нельзя двинуть войскъ и изъ Средней Азіи, гдѣ извѣстія о страшныхъ пораженіяхъ русской арміи и предстоящемъ паденіи абсолютизма вызвали такое сильное броженіе, что, въ случаѣ значительнаго ослабленія гарнизона, въ краѣ немедленно вспыхнетъ мятежъ. То же самое относится и ко многимъ крупнымъ го-

родамъ имперіи, гарнизоны которыхъ не могутъ быть уменьшены безъ того, чтобы глухое броженіе не превратилось въ возстаніе и не заразило бы собою другіе города. Для продолженія войны правительство необходимо должно прибѣгнуть къ новымъ мобилизаціямъ почти во всей имперіи. Но это будетъ лишь усиливать революціонныя вспышки, что достаточно доказалъ уже опытъ послѣднихъ мобилизацій. А если будетъ заключенъ такой миръ, къ которому, повидимому, будетъ вынуждена Россія, то пораженіе и слабость правительства окажутся настолько очевидными, что гнѣвъ народа нельзя уже будетъ смягчить никакими мѣрами. Это заколдованный кругъ, изъ котораго имѣется только одинъ выходъ: созывъ учредительнаго собранія, которому передано будетъ рѣшеніе вопроса относительно мира или войны и будущей формы правленія. Другими словами, безкровная революція.

Не выдавая опасной тайны, мы можемъ сообщить, что революціонныя партіи единогласно высказались на парижскомъ съѣздѣ слѣдующимъ образомъ: руководить движеніемъ и далѣе въ прежнемъ направленіи, стремясь къ той цѣли, которой оно, вопреки даже ожиданіямъ, уже отчасти достигло, т. е. къ созданію такого положенія для самодержавія, что оно должно будетъ или заключить позорный миръ, или служить цѣлямъ революціи, возбуждая народъ къ возмущенію новыми мобилизаціями. Многія обстоятельства способствовали въ этомъ отношеніи работѣ революціонеровъ и создали гораздо болѣе благопріятное положеніе, чѣмъ то, на которое можно было надѣяться нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. И успѣхи эти возложили на революціонныя организаціи обязательство работать дружнѣе и энергичнѣе, чѣмъ когда либо, чтобы ускорить процессъ, добиться въ возможно короткое время рѣшительнаго результата и положить конецъ невыносимой тяжести теперешняго положенія.

Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать ходъ этого развитія. Послѣ событій 9 января 1905 года, революціонерамъ, разумѣется, остается лишь возбуждать рабочія мыссы во всей Россіи, которыя ждутъ только случая, чтобы отмстить за позорно-трусливыя и безчеловѣчныя насилія этого памятнаго дня. Будетъ ли вынуждено тогда связан-

ное съ этимъ кровопролитіемъ самодержавіе къ уступкѣ,— невозможно сказать заранѣе, но несомнѣнно, что если этого не произойдетъ, то крестьянское возстаніе, первые признаки котораго уже замѣчаются, присоединится къ сильнымъ рабочимъ волненіямъ, которыя составятъ, вѣроятно, первый актъ революціи, какъ прямое слѣдствіе кроваваго пролога въ Петербургѣ.

Еще можно, какъ мы уже указывали, предотвратить насилія и кровопролитіе, если немедленно же передать рѣшеніе будущей судьбы Россіи въ руки самого народа. Но не должно медлить...